КНУТЪ ГАМСУНЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ВЪ 12 ТОМАХЪ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ

К. БАЛЬМОНТА, Ю. БАЛТРУШАЙТИСА
и С. ПОЛЯКОВА

Т. III.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.
1909

801-15
2543
9 123
15

КНУТЪ ГАМСУНЪ

МИСТЕРІИ

Пер. А. ОСТРОГОРСКОЙ

ТОМЪ ТРЕТІИ

ПУБЛ. БИБЛ. имени Д. И. ЖВОНИА С. С. С. Р.
ф.31-9840

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.
1909

2010387514

О 118
БИБЛИОТЕКА
[illegible]
БАЛЛЬ

Типографія „Т-ва Андерсона и Лойцянскаго“, СПБ., Вознесенскій пр., 53.

МИСТЕРІИ

Пер. А. ОСТРОГОРСКОЙ.

I.

Около середины прошлаго лѣта въ одномъ изъ небольшихъ приморскихъ городовъ Норвегіи разыгрались совершенно необыкновенныя происшествія. Въ городѣ появилось незнакомое лицо, нѣкій Нагель, въ высшей степени странный шарлатанъ, обратившій на себя всеобщее вниманіе своими поступками и исчезнувшій такъ же внезапно, какъ и явился. Этотъ человѣкъ разъ даже принималъ у себя молодую, таинственную даму, пріѣхавшую Богъ вѣсть зачѣмъ и уже черезъ нѣсколько часовъ снова покинувшую городъ. Но все это еще не начало...

Начало было вотъ какъ: когда около шести часовъ вечера пароходъ причалилъ къ пристани, на палубѣ показались два-три пассажира; среди нихъ человѣкъ въ ярко-желтомъ, бросающемся въ глаза костюмѣ и бѣлой бархатной шапочкѣ. Это было вечеромъ 12 іюня; въ этотъ день какъ разъ многіе дома въ городѣ были украшены флагами въ честь помолвки фрэкенъ Кьелландъ, обручившейся именно 12 іюня.

Слуга изъ Центральной гостинницы сейчасъ же поднялся на пароходъ, и человѣкъ въ желтомъ костюмѣ передалъ ему свои вещи; одновременно онъ отдалъ одному изъ лоцмановъ свой билетъ; но вслѣдъ затѣмъ онъ, не сходя на берегъ, принялся шагать взадъ и впередъ по палубѣ. Онъ былъ, повидимому, въ большомъ волненіи. Когда раздался третій звонокъ, онъ даже еще не успѣлъ расплатиться съ рестораторомъ.

Онъ только что собирался это сдѣлать, какъ вдругъ замѣтилъ, что пароходъ отчаливаетъ. Съ минуту онъ стоялъ на мѣ-

стѣ въ нерѣшительности, но затѣмъ махнулъ рукой ожидавшему его на берегу слугѣ изъ гостинницы и крикнулъ:

— Ну, все равно, снесите мои вещи и распорядитесь, чтобы мнѣ на всякій случай приготовили комнату.

Черезъ нѣсколько минутъ пароходъ исчезъ изъ глазъ вмѣстѣ съ пассажиромъ.

Этотъ человѣкъ былъ Іоганнъ Нильсенъ Нагель.

Слуга изъ гостинницы увезъ на телѣжкѣ его вещи; два небольшихъ чемодана и шубу — да, и шубу, хотя на дворѣ стояло лѣто—кромѣ того, ручной саквояжъ и футляръ со скрипкой. Ни на одной изъ этихъ вещей не было имени.

На слѣдующій день около полудня Іоганнъ Нагель подъѣхалъ къ гостинницѣ въ коляскѣ, запряженной парой лошадей. Онъ могъ бы съ такимъ же, даже съ большимъ удобствомъ, пріѣхать и моремъ; однако, онъ сдѣлалъ это путешествіе на лошадяхъ. Онъ привезъ съ собой еще кой-какія вещи: на переднемъ сидѣніи стоялъ чемоданъ, а рядомъ съ нимъ лежали дорожная сумка, пальто и перетянутый ремнями дорожный мѣшокъ, на которомъ были вышиты бисеромъ буквы: I. H. H.

Не успѣвъ еще выйти изъ коляски, онъ первымъ дѣломъ спросилъ хозяина о своей комнатѣ, а когда его вслѣдъ затѣмъ проводили во второй этажъ, онъ принялся изслѣдовать толщину стѣнъ, чтобы убѣдиться, пропускаютъ ли онѣ звуки изъ сосѣднихъ комнатъ. Потомъ онъ вдругъ обратился къ горничной:

— Какъ васъ зовутъ?

— Сара.

— Сара?—Вслѣдъ затѣмъ онъ спросилъ: — не могу ли я достать чего-нибудь поѣсть? Такъ васъ зовутъ Сара? Скажите, пожалуйста,—началъ онъ снова,—не было ли въ этомъ домѣ когда-нибудь аптеки?

Сара отвѣтила удивленно:

— Да. Но съ тѣхъ поръ прошло уже много лѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Много лѣтъ? Гмъ, мнѣ пришло это въ

голову сразу, какъ только я вошелъ въ корридоръ. Здѣсь не слышно никакого запаха, но я все-таки это почувствовалъ. Да, да.

Сойдя внизъ къ обѣду, онъ за все время обѣда ни разу не открылъ рта. Оба сидѣвшіе на верхнемъ концѣ стола господина, пріѣхавшіе съ нимъ на пароходѣ наканунѣ вечеромъ, сдѣлали другъ другу знакъ при его появленіи и принялись довольно откровенно потѣшаться надъ постигшей его наканунѣ неудачей; но онъ не показывалъ виду, что слышитъ это. Онъ ѣлъ торопливо, движеніемъ головы отказался отъ дессерта и, быстро и неожиданно поднявшись со своего мѣста, закурилъ сигару и исчезъ.

Онъ пропадалъ до поздней ночи и вернулся только около трехъ. Гдѣ онъ былъ? Потомъ оказалось, что онъ отправился обратно въ сосѣдній городокъ, пройдя пѣшкомъ туда и назадъ весь длинный путь, который онъ утромъ сдѣлалъ на лошадяхъ. Должно быть, у него было неотложное дѣло. Когда Сара открыла ему дверь, онъ былъ весь въ поту; несмотря на это, онъ нѣсколько разъ усмѣхнулся ей и былъ вообще въ самомъ прекрасномъ настроеніи.

— Боже, что у васъ за великолѣпная шея, женщина — сказалъ онъ. — Почта ничего не приносила для меня въ мое отсутствіе? Для Нагеля, Іоганна Нагеля? Ухъ! Цѣлыхъ три телеграммы! Ахъ, сдѣлайте мнѣ одолженіе и уберите тамъ со стѣны эту картину, чтобы она у меня не торчала вѣчно передъ глазами. Такъ противно лежать въ постели и быть вынужденнымъ все время смотрѣть на нее. Дѣло въ томъ, что у Наполеона III не было такой зеленой бороды.—Благодарю васъ!

Когда Сара ушла, Нагель остановился посреди комнаты. Онъ стоялъ совершенно спокойно. Въ глубокой задумчивости онъ уставился въ одну точку на стѣнѣ, не дѣлая ни малѣйшаго движенія, только голова его все больше и больше склонялась на сторону. Это продолжалось довольно долго.

Онъ былъ ниже средняго роста; у него было смуглое лицо съ странно-темнымъ взглядомъ и тонкимъ женственнымъ ртомъ. На

одномъ изъ пальцевъ онъ носилъ простое кольцо изъ свинца или желѣза. У него были необыкновенно широкія плечи; на видъ ему можно было дать двадцать восемь, тридцать лѣтъ, во всякомъ случаѣ не больше тридцати. Волосы его на вискахъ начинали сѣдѣть.

Рѣзкимъ движеніемъ онъ очнулся отъ своей задумчивости, до такой степени рѣзкимъ, что оно почти производило впечатлѣніе дѣланнаго; казалось, будто онъ долго стоялъ и обдумывалъ это движеніе, хотя онъ былъ одинъ въ комнатѣ. Потомъ онъ вытащилъ изъ кармана брюкъ нѣсколько ключей, немного мелочи и какую-то медаль за спасеніе на потертой и обтрепанной ленточкѣ; всѣ эти вещи онъ положилъ на столикъ у кровати. Затѣмъ онъ сунулъ свой бумажникъ подъ подушку и вынулъ изъ кармана жилета часы и стекляночку, маленькій аптекарскій пузырекъ, наполненный, судя по надписи, ядовитой жидкостью. Часы онъ съ минуту подержалъ въ рукѣ раньше, чѣмъ положилъ ихъ на столикъ, пузырекъ же сейчасъ же сунулъ обратно въ карманъ. Послѣ этого онъ снялъ съ руки кольцо и умылся; волосы онъ пригладилъ пальцами, причемъ ни разу не взглянулъ въ зеркало.

Онъ лежалъ уже въ постели, какъ вдругъ вспомнилъ о своемъ кольцѣ, забытомъ на умывальникѣ, и, какъ будто онъ не могъ существовать безъ этого жалкаго желѣзнаго кольца, онъ всталъ и надѣлъ его. Наконецъ, онъ распечаталъ лежавшія на столѣ три телеграммы, но, не успѣвъ еще даже прочитать первой, коротко и тихо разсмѣялся. Онъ лежалъ и смѣялся самъ съ собой; у него были необыкновенно красивые зубы. Потомъ его лицо снова приняло серьезное выраженіе и вслѣдъ затѣмъ онъ съ величайшимъ равнодушіемъ отбросилъ въ сторону телеграммы. А между тѣмъ онѣ, повидимому, касались большого и важнаго дѣла; въ нихъ шла рѣчь о шестидесяти двухъ тысячахъ кронъ за имѣніе; было даже предложеніе выплатить всю сумму наличными въ случаѣ, если дѣло сладится. Это были сухія, сжатыя телеграммы, и въ нихъ не было ровно ничего смѣшного; но онѣ были безъ подписи.

Нѣсколько минутъ спустя Нагель спалъ. Двѣ горѣвшія на столѣ свѣчи, которыя онъ забылъ погасить, освѣщали его гладко выбритое лицо и грудь и бросали слабый отблескъ на лежавшія на столѣ распечатанныя телеграммы...

На слѣдующее утро Іоганнъ Нагель отправилъ на почту посыльнаго, который принесъ ему нѣсколько газетъ, въ томъ числѣ и двѣ заграничныя, писемъ же никакихъ не было. Свой футляръ со скрипкой онъ поставилъ на стулъ посреди комнаты, точно желая выставить его на виду; но онъ не открывалъ его и оставилъ инструментъ нетронутымъ.

За все время до обѣда онъ успѣлъ написать только пару писемъ и затѣмъ читалъ, расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ. Кромѣ того, онъ купилъ въ лавкѣ пару перчатокъ и, нѣсколько позже, попавъ на базаръ, заплатилъ десять кронъ за маленькую рыжую собаченку, которую сейчасъ же подарилъ хозяину гостинницы. Маленькую собаченку онъ назвалъ къ потѣхѣ всѣхъ присутствовавшихъ Якобсенъ, хотя это въ довершеніе всего была самка.

Итакъ, въ теченіе цѣлаго дня онъ не предпринималъ ничего. У него не было въ городѣ никакихъ дѣлъ; онъ не дѣлалъ визитовъ не зная ни одной души, и никуда не уходилъ. Въ гостинницѣ немного удивлялись его странному равнодушію ко всему рѣшительно, даже къ собственнымъ дѣламъ. Такъ, телеграммы до сихъ поръ продолжали лежать въ его комнатѣ открытыми для всѣхъ; онъ до нихъ больше не дотрагивался. Онъ оставлялъ также безъ отвѣта прямые вопросы. Хозяинъ два раза пытался узнать отъ него, чѣмъ онъ занимается и для чего пріѣхалъ къ нимъ въ городъ, но онъ оба раза сдѣлалъ видъ, что это его совершенно не касается. Въ теченіе дня въ немъ обнаружилась еще одна странность: несмотря на то, что онъ не зналъ абсолютно никого въ городѣ и ни съ кѣмъ не говорилъ, онъ у входа на кладбище остановился, однако, передъ одной изъ молодыхъ дѣвицъ, посмотрѣлъ ей прямо въ лицо и вслѣдъ затѣмъ, не говоря ни слова,

отвѣсилъ ей очень глубокій поклонъ. Молодая дѣвушка покраснѣла до корней волосъ. Сдѣлавъ это, дерзкій незнакомецъ преспокойно продолжалъ свой путь по большой дорогѣ по направленію къ пасторскому дому и еще дальше; эту прогулку онъ повторилъ впрочемъ и въ послѣдующіе дни. Онъ такъ поздно возвращался со своихъ странствованій, что изъ-за него постоянно приходилось снова отпирать двери гостинницы послѣ того, какъ онѣ запирались на ночь.

На третье утро, когда онъ только что вышелъ изъ своей комнаты, къ нему подошелъ хозяинъ гостинницы, поздоровался съ нимъ и сказалъ ему нѣсколько любезныхъ словъ. Они вышли на веранду и усѣлись; здѣсь хозяинъ нашелъ случай обратиться къ нему съ вопросомъ относительно пересылки свѣжей рыбы.

— Не можете ли вы мнѣ сказать, какъ мнѣ отправить этотъ ящикъ?

Нагель бросилъ взглядъ на ящикъ, улыбнулся и покачалъ головой.

— Нѣтъ, я въ этихъ вещахъ ничего не смыслю,—отвѣтилъ онъ.

— Нѣтъ? А я думалъ, что вы, можетъ быть, много путешествовали и видѣли, какъ это дѣлается въ другихъ мѣстахъ.

— О, да, я путешествовалъ довольно много, но...

Пауза.

— Такъ. Но въ такомъ случаѣ вы, должно быть, занимались больше другими вещами, можетъ быть... Вы не коммерсантъ ли?

— Я? Нѣтъ, я не коммерсантъ.

— Такъ значитъ, вы не по дѣламъ пріѣхали въ нашъ городъ?

На это Нагель больше ничего не отвѣтилъ. Онъ закурилъ сигару и медленно сталъ выпускать дымъ, устремивъ глаза въ даль. Хозяинъ наблюдалъ его сбоку.

— Не сыграете ли вы намъ при случаѣ чего-нибудь? Я видѣлъ, вы привезли съ собой скрипку?—началъ хозяинъ снова.

Нагель отвѣтилъ равнодушно:

— Ахъ, нѣтъ, это я давно бросилъ.

Вслѣдъ затѣмъ онъ безъ дальнихъ словъ поднялся и ушелъ. Минуту спустя онъ вернулся и сказалъ:

— Послушайте-ка, мнѣ пришло въ голову, вы можете мнѣ подать счетъ, когда хотите, мнѣ вѣдь все равно, когда платить.

— О, это не къ спѣху,—возразилъ хозяинъ.—Если вы останетесь здѣсь дольше, то вѣдь придется вамъ посчитать дешевле. Я не знаю, можетъ быть, вы намѣреваетесь остаться здѣсь продолжительное время.

Нагель вдругъ оживился и сейчасъ же отвѣтилъ, причемъ безъ всякаго повода краска бросилась ему въ лицо:

— Да, можетъ быть, это возможно, что я останусь здѣсь продолжительное время. Все зависитъ отъ обстоятельствъ. Кстати, я, можетъ быть, еще не говорилъ вамъ: я агрономъ, земледѣлецъ, я возвращаюсь изъ путешествія и весьма вѣроятно, что я поселюсь здѣсь на продолжительное время. Но я, можетъ быть, забылъ... Мое имя Нагель, Іоганнъ Нильсенъ Нагель.

Съ этими словами онъ подошелъ къ хозяину и сердечно пожалъ ему руку, извиняясь, что не представился ему раньше. Въ лицѣ его не было и слѣда иронiи.

— Мнѣ приходитъ въ голову, что мы могли бы, можетъ быть, предложить вамъ лучшую и болѣе покойную комнату,—сказалъ хозяинъ,—вы теперь живете у самой лѣстницы, а это не всегда пріятно.

— Нѣтъ, благодарю васъ, это совершенно не нужно. У меня отличная комната, я вполнѣ доволенъ ею. Кромѣ того, изъ моей комнаты мнѣ видна вся базарная площадь, а я очень цѣню хорошій видъ.

Вслѣдъ затѣмъ хозяинъ сказалъ:

— Такъ вы, значитъ, устроили себѣ временныя каникулы? Во всякомъ случаѣ, лѣто вы, должно быть, проведете здѣсь?

Нагель отвѣтилъ:

— Да, я останусь здѣсь два-три мѣсяца, можетъ быть, и дольше; я еще не знаю навѣрное. Все зависитъ отъ обстоятельствъ.

Въ это время мимо нихъ прошелъ человѣкъ и поклонился хозяину. Это былъ весьма невзрачный человѣкъ маленькаго роста, бѣдно одѣтый; онъ ходилъ съ такимъ трудомъ, что это бросалось въ глаза; но, несмотря на это, онъ подвигался впередъ довольно быстро. Хотя онъ поклонился очень низко, хозяинъ не снялъ шляпы; Нагель же, напротивъ, совершенно обнажилъ голову, снявъ свою бархатную шапочку.

Хозяинъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Это человѣкъ, котораго мы называемъ Минутта. Онъ слегка простоватъ, но внушаетъ состраданіе, онъ добрый малый, бѣдняга!

Это все, что было сказано про Минутту.

— Нѣсколько дней тому назадъ я прочелъ въ газетахъ объ одномъ человѣкѣ, котораго нашли мертвымъ въ лѣсу гдѣ-то здѣсь въ этихъ мѣстахъ, — сказалъ вдругъ Нагель, — кто былъ собственно этотъ человѣкъ? Нѣкто Карльсенъ, кажется. Онъ былъ здѣшній?

— Да, онъ былъ сынъ банщицы, мѣстной жительницы; вы можете отсюда видѣть ея домъ, вонъ тотъ, съ красной крышей. Онъ пріѣхалъ домой только на каникулы и вотъ какъ неожиданно распростился съ жизнью. Жалко его; это былъ способный юноша; въ скоромъ времени онъ долженъ былъ стать пасторомъ. Да, не знаешь, что и сказать на это; но дѣло тутъ не чисто; разъ, что обѣ артеріи у него были перерѣзаны, это едва ли могъ быть несчастный случай. Къ тому же и ножъ былъ найденъ; маленькій перочинный ножикъ въ бѣлой оправѣ; полиція нашла его вчера поздно вечеромъ. Да! по всей вѣроятности тутъ замѣшана какая-нибудь любовная исторія.

— Вотъ какъ? Но развѣ вообще еще можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что онъ самъ покончилъ съ собой?

— Хотѣлось бы вѣрить, что это не такъ; то есть, находятся люди, которые думаютъ, что онъ шелъ съ открытымъ ножемъ въ рукѣ и такъ несчастливо споткнулся, что порѣзалъ себѣ руки

одновременно въ двухъ мѣстахъ. Ну, мнѣ представляется, что это мало вѣроятно, весьма мало вѣроятно. Но его навѣрное похоронятъ въ освященной землѣ. Нѣтъ, къ сожалѣнію, онъ едва ли споткнулся!

— Вы говорите, что ножъ найденъ только вчера вечеромъ; развѣ онъ не лежалъ около его тѣла?

— Нѣтъ, онъ лежалъ на нѣкоторомъ разстояніи; онъ отбросилъ его далеко отъ себя, въ глубь лѣса. Его нашли совершенно случайно.

— Ахъ, вотъ какъ? Но какой смыслъ имѣло отбрасывать ножъ, когда онъ самъ остался тутъ же съ открытыми рѣзанными ранами? Вѣдь для каждаго должно было быть ясно, что онъ употребилъ въ дѣло ножъ.

— Да, Богъ его знаетъ, съ какой цѣлью онъ это сдѣлалъ; но, какъ я уже замѣтилъ, тутъ навѣрное замѣшана какая-нибудь любовная исторія. Мнѣ никогда ничего подобнаго не приходилось слыхать, и чѣмъ больше я думаю объ этомъ, тѣмъ болѣе страннымъ мнѣ представляется все это.

— Но почему вы думаете, что здѣсь замѣшана любовная исторія?

— По разнымъ причинамъ. Впрочемъ, трудно сказать что-нибудь опредѣленное по этому поводу.

— Но развѣ не могло случиться, что онъ упалъ? Нечаянно? Вѣдь онъ лежалъ въ такой странной позѣ; не лежалъ ли онъ на животѣ, уткнувшись лицомъ въ лужу?

— Да, и онъ страшно выпачкался; но это ничего не доказываетъ; у него могли быть и на это свои причины. Онъ могъ, напримѣръ, желать скрыть на своемъ лицѣ слѣды предсмертной борьбы. Какъ знать!

— Онъ не оставилъ никакой записки?

— Говорятъ, будто онъ шелъ и писалъ что-то на бумажкѣ; онъ, впрочемъ, очень часто писалъ на ходу. Полагаютъ, что онъ раскрылъ ножикъ для того, чтобы очинить карандашъ или что-

нибудь въ этомъ родѣ, и при этомъ упалъ и попалъ ножикомъ какъ разъ въ артерію на *одной* рукѣ и потомъ какъ разъ въ артерію на *другой* рукѣ. И все это при *одномъ* этомъ паденіи. Ха, ха, ха! Нѣтъ, *это* не можетъ быть! Но какъ бы то ни было, онъ оставилъ записку; въ рукѣ онъ держалъ клочекъ бумажки, и на этой бумажкѣ написано:

Пусть будетъ твоя сталь столь же остра, какъ твое послѣднее „нѣтъ"!

— Ой! какая аффектація! Ножъ былъ развѣ тупой?

— Да, онъ былъ тупой.

— Почему же онъ его не наточилъ предварительно?

— Это же былъ не его ножъ.

— Кому же онъ принадлежалъ?

Хозяинъ колеблется съ минуту и затѣмъ говоритъ:

— Онъ принадлежалъ фрэкенъ Кьелландъ.

— Фрэкенъ Кьелландъ? — повторилъ Нагель и сейчасъ же спросилъ дальше:—ну, а кто такая фрэкенъ Кьелландъ?

— Дагни Кьелландъ. Она дочь пастора.

— Такъ! Странно. Никогда не слыхалъ ничего подобнаго! Развѣ молодой человѣкъ былъ такъ влюбленъ въ нее?

— О, да, онъ былъ влюбленъ въ нее! Впрочемъ, всѣ они въ нее влюблены. Онъ былъ не единственный.

Нагель глубоко задумался и не произнесъ больше ни слова. Хозяинъ первый прервалъ молчаніе:

— Все, что я вамъ разсказалъ, это тайна, поэтому я васъ очень прошу...

— Ахъ, такъ, — отвѣтилъ Нагель.—Ну, да вы можете быть совершенно спокойны.

Когда Нагель послѣ этого спустился къ завтраку, хозяинъ уже стоялъ въ кухнѣ и разсказывалъ, что у него, наконецъ, былъ настоящій разговоръ съ желтымъ человѣкомъ изъ седьмого номера.

— Онъ агрономъ, — говорилъ хозяинъ, — и сейчасъ изъ-за

границы. Онъ говоритъ, что останется здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ. Богъ его знаетъ, что ему взбрело въ голову...

II.

Вечеромъ того же дня случилось такъ, что Нагель вдругъ встрѣтился съ Минуттой. Между ними завязался скучный и безконечный разговоръ, продолжавшійся добрыхъ три часа.

Все это съ начала и до конца произошло слѣдующимъ образомъ:

Іоганнъ Нагель сидѣлъ въ кафе гостинницы, когда вошелъ Минутта. За столиками сидѣли еще другіе посѣтители; среди прочихъ и толстая крестьянка съ вязаннымъ, въ черную и красную полоску, шерстянымъ платкомъ на плечахъ. Минутту, повидимому, всѣ знали; войдя въ комнату, онъ вѣжливо поклонился направо и налѣво, но былъ встрѣченъ громкими возгласами и смѣхомъ. Даже крестьянка поднялась со своего мѣста и хотѣла непремѣнно съ нимъ танцовать.

— Не сегодня, не сегодня,—отвѣтилъ онъ ей; онъ направился прямо къ хозяину и, держа шляпу въ рукѣ, обратился къ нему:

— Я занесъ уголь на кухню. Другого дѣла сегодня нѣтъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ хозяинъ,—какое же еще другое дѣло?

— Нѣтъ,—повторилъ Минутта и робко отошелъ назадъ.

Онъ былъ необыкновенно безобразенъ. У него были спокойные голубые глаза, но отвратительные, торчащіе впередъ зубы и совершенно издерганная вслѣдствіе физическаго недостатка походка. На головѣ у него было довольно много сѣдыхъ волосъ, борода была темнѣе, но такъ рѣдка, что сквозь нее всюду просвѣчивала кожа. Этотъ человѣкъ былъ когда-то морякомъ, теперь же онъ жилъ у родственника, имѣвшаго на берегу небольшую торговлю углемъ. Говоря съ кѣмъ-нибудь, онъ рѣдко или никогда не подымалъ глазъ.

Съ одного изъ столовъ его позвали; господинъ въ сѣромъ

лѣтнемъ костюмѣ настойчиво махалъ ему рукой, показывая бутылку съ пивомъ.

— Подите-ка сюда и выпейте стаканъ грудного молока! Кромѣ того, я хочу посмотрѣть, какъ вы выглядите безъ бороды,—говоритъ онъ.

Почтительно, все еще держа шляпу въ рукѣ, съ согнутой спиной, Минутта приближается къ столу. Проходя мимо Нагеля, онъ кланяется ему отдѣльно и слегка шевелитъ губами. Онъ останавливается передъ господиномъ въ сѣромъ костюмѣ и шепчетъ:

Не такъ громко, господинъ судья, прошу васъ. Вы видите, здѣсь есть посторонніе.

— Но, Боже мой,—говоритъ судья,—я хотѣлъ вамъ только предложить стаканъ пива. А вы приходите и бранитесь за то, что я громко говорю.

— Нѣтъ, вы меня не поняли, и я прошу прощенія. Но въ присутствіи чужихъ мнѣ бы не хотѣлось старыхъ шутокъ. Да я и не могу пить пива, не могу теперь.

— Вотъ какъ? Вы не можете? Вы не можете пить пива?

— Нѣтъ, благодарю васъ, не теперь.

— Какъ? Вы благодарите меня не теперь? Когда же вы меня благодарите? Ха, ха, ха! Вѣдь вы, кажется, сынъ пастора? Такъ будьте же внимательнѣе къ тому, какъ вы выражаетесь.

— Ахъ, вы не понимаете меня,—ну, да все равно!

— Ну, ну, безъ глупостей! Что съ вами такое?

Судья усаживаетъ Минутту на стулъ; Минутта сидитъ нѣсколько мгновеній, но сейчасъ же снова встаетъ.

— Нѣтъ, оставьте меня въ покоѣ,—говоритъ онъ,— я не могу пить; съ нѣкотораго времени я переношу это еще хуже, чѣмъ раньше. Богъ знаетъ, отчего это. Я не успѣваю оглянуться, какъ ужъ пьянъ, и тогда я говорю массу вздора.

Судья поднимается, смотритъ на Минутту въ упоръ, суетъ ему въ руку стаканъ и говоритъ:

— Ваше здоровье!

Пауза. Минутта подымаетъ глаза, откидываетъ рукой волосы со лба и молчитъ.

— Ну, чтобы угодить вамъ; но только нѣсколько капель,—говоритъ онъ затѣмъ.—Но только немного, ради чести чокнуться съ вами.

— Выпить все!—кричитъ судья и отворачивается, чтобы не расхохотаться громко.

— Нѣтъ, не все, не все. Почему я долженъ выпить все, когда мнѣ это противно? Не обижайтесь на меня и не дѣлайте изъ-за этого сердитаго лица; ужъ лучше я на этотъ разъ еще сдѣлаю это, если вамъ непремѣнно хочется. Я надѣюсь, что оно мнѣ не ударитъ въ голову; это смѣшно, но я такъ мало переношу.

— За ваше здоровье!

— Выпить! Выпить!—кричитъ судья снова.—Все до дна! Такъ — это хорошо. Ну-съ, теперь мы сядемъ и будемъ строить рожи. Сначала вы будете скрежетать зубами, а потомъ я вамъ отрѣжу бороду, чтобы сдѣлать васъ на десять лѣтъ моложе. Сначала, значитъ, поскрежещите-ка зубами.

— Нѣтъ, этого я не стану дѣлать здѣсь, въ присутствіи всѣхъ этихъ чужихъ людей. Не требуйте этого отъ меня, я этого въ самомъ дѣлѣ не сдѣлаю,—возражаетъ Минутта и хочетъ уйти.— У меня къ тому же и нѣтъ времени,—говоритъ онъ.

— Къ тому же и нѣтъ времени? это печально. Ха, ха, право печально! Даже времени нѣтъ, а?

— Нѣтъ, теперь нѣтъ!

— Ну, послушайте: если я вамъ скажу, что уже давно собираюсь вамъ дать другой сюртукъ вмѣсто того, который сейчасъ на васъ... Позвольте-ка, впрочемъ, взглянуть! Да, вѣдь онъ совершенно никуда больше не годится! Посмотрите-ка! Вѣдь онъ не выдерживаетъ больше даже давленія пальца!

Судья находитъ маленькую дырочку въ сюртукѣ, въ которую онъ засовываетъ палецъ.

— Вотъ видите, сукно поддается, оно больше совершенно не въ состояніи выдержать! Вы видите?

— Оставьте меня въ покоѣ! Ради Бога, что я вамъ сдѣлалъ? И оставьте мой сюртукъ въ покоѣ!

— Но, Боже мой, вѣдь я же вамъ обѣщаю другой завтра днемъ; я обѣщаю вамъ его въ—позвольте-ка: разъ, два, четыре, семь—въ присутствіи семи человѣкъ. Что съ вами сегодня такое? Вы вспыхиваете и сердитесь и готовы всѣхъ насъ растоптать ногами. Да, это такъ. Только потому, что дотронулся до вашего сюртука.

— Извините, но я не хотѣлъ сердиться; вы знаете, я охотно оказываю вамъ всякое одолженіе, но...

— Ну, тогда сдѣлайте мнѣ одолженіе и садитесь.

Минутта откидываетъ со лба сѣдые волосы и садится.

— Такъ; теперь сдѣлайте мнѣ одолженіе и поскрежещите зубами.

— Нѣтъ, этого я не сдѣлаю.

— Вотъ какъ? Такъ вы этого не сдѣлаете? Да или нѣтъ!

— Нѣтъ, Боже милосердый, что я вамъ сдѣлалъ? Неужели вы не можете оставить меня въ покоѣ? Почему именно *я* долженъ валять дурака передъ каждымъ? Тотъ чужой господинъ смотритъ сюда; я замѣтилъ это, онъ наблюдаетъ за нами и навѣрное тоже смѣется. Такъ ужъ всегда бываетъ: въ первый же день, какъ вы пріѣхали, докторъ Стенерсенъ поймалъ меня и научилъ васъ потѣшаться надо мною, а теперь вы учите тому же того господина. Одинъ всегда беретъ примѣръ съ другого.

— Ну, ладно, ладно! Да или нѣтъ?!

— Нѣтъ! Вѣдь слышите!—кричитъ Минутта и вскакиваетъ со стула. Но, точно испугавшись своей рѣзкости, онъ снова садится и прибавляетъ:

— Я даже не *умѣю* скрежетать зубами, повѣрьте же мнѣ!

— Вы не *умѣете*? Ха, ха! Еще *какъ* умѣете! Вы великолѣпно скрежещете зубами!

— Помилуй меня, Господи, я не могу!

— Ха, ха, ха! Вѣдь вы же разъ это уже сдѣлали!

— Да, но тогда я былъ пьянъ; я даже ничего не помню, что тогда было; у меня тогда все передъ глазами шло кругомъ. Я послѣ этого еще два дня былъ боленъ.

— Совершенно вѣрно,—говоритъ судья.—Вы тогда были пьяны; это я допускаю. Къ чему вы, впрочемъ, болтаете объ этомъ въ присутствіи всѣхъ этихъ людей? Этого я бы не сталъ дѣлать; но у васъ нѣтъ никакого чувства такта, могу вамъ сказать, хотя во всемъ прочемъ вы превосходный человѣкъ.

Въ эту минуту хозяинъ вышелъ изъ комнаты. Минутта молчитъ; судья смотритъ на него и говоритъ:

— Ну, что же будетъ? Вспомните о сюртукѣ.

— Я помню о немъ,—отвѣчаетъ Минутта,—но я не могу и не хочу больше пить. Такъ и знайте.

— Вы *хотите* и вы *можете*! Вы слышали, что я сказалъ? Я сказалъ, *хотите* и *можете*. И хотя бы мнѣ пришлось насильно влить вамъ въ глотку, я...

Съ этими словами судья подымается и со стаканомъ въ рукѣ приближается къ Минуттѣ.

— Такъ, и теперь—откройте ротъ!

— Нѣтъ, клянусь Господомъ Богомъ, я не хочу больше пива!—восклицаетъ Минутта, блѣдный отъ волненія.—И никакія силы земныя меня не заставятъ. Да, вы должны меня извинить, мнѣ дѣлается скверно послѣ этого; вы не знаете, какъ скверно мнѣ послѣ этого. Не заставляйте меня, прошу васъ. Лучше ужъ я—лучше я буду скрежетать зубами, но только *безъ* пива!

— Ну, это другое дѣло, видите ли; чортъ возьми, это *совсѣмъ* другое дѣло, если вы хотите это сдѣлать безъ пива.

— Да, лучше я сдѣлаю это безъ пива.

И при адскомъ хохотѣ присутствующихъ Минутта скрежещетъ своими ужасными зубами. Нагель, повидимому, все еще занятъ

своей газетой; онъ сидитъ неподвижно въ отдаленномъ концѣ комнаты у окна.

— Громче! громче! — кричитъ судья; — скрежещите громче, иначе не слышно!

Минутта сидитъ на своемъ стулѣ прямо и неподвижно, крѣпко держась обѣими руками, точно боясь упасть; при этомъ онъ скрежещетъ зубами такъ, что голова у него трясется. Всѣ смѣются; крестьянка тоже хохочетъ такъ, что слезы текутъ у нея по щекамъ; она не знаетъ, куда дѣваться отъ смѣха, и отъ восторга дважды плюетъ на полъ.

— Помилуй меня, Боже!—реветъ она внѣ себя.

— Вотъ! Громче я не могу,—говоритъ Минутта,—я право не могу, Богъ свидѣтель; повѣрьте мнѣ, я право больше не могу.

— Ну, въ такомъ случаѣ отдохните и затѣмъ вы снова начнете съ начала. Но вы должны непремѣнно еще скрежетать зубами. А потомъ мы вамъ отрѣжемъ бороду. Попробуйте-ка немного пива; да, это вы должны, вотъ оно стоитъ передъ вами!

Минутта молчитъ и только трясетъ головой. Судья вытаскиваетъ свой кошелекъ и кладетъ на столъ монету въ двадцать пять эре. При этомъ онъ говоритъ:

— Обыкновенно вы это дѣлаете за десять эре, но я охотно даю вамъ двадцать пять; я повышаю вашу плату. Вотъ!

— Не мучайте меня, я этого не сдѣлаю.

— Вы этого не сдѣлаете? Вы отказываетесь?

— Боже милосердный, перестаньте же, наконецъ, и оставьте меня въ покоѣ! Я больше ничего не сдѣлаю для того, чтобы получить сюртукъ, я вѣдь тоже человѣкъ. Чего вы хотите отъ меня?

— Ну, я вамъ скажу только *одно*: какъ вы видите, я стряхиваю эту маленькую кучку пепла отъ сигары въ вашъ стаканъ, вы видите? Теперь я беру эту крохотную спичку и еще вотъ эту ничтожную спичку и опускаю обѣ эти спички передъ вашими собственными глазами въ этотъ же стаканъ. Такъ! И я ручаюсь

вамъ, что, несмотря на это, вы все-таки выпьете все до послѣдней капли. Безъ всякаго сомнѣнія!

Минутта вскочилъ. Онъ весь дрожалъ, сѣдые волосы снова упали ему на лобъ; онъ смотрѣлъ прямо въ лицо судьѣ остановившимся взглядомъ. Это продолжалось нѣсколько секундъ.

— Нѣтъ, это слишкомъ, это уже слишкомъ!—крикнула даже крестьянка.—Не дѣлайте этого! Ха-ха-ха, помилуй меня Богъ!

— Такъ вы не хотите? Вы отказываетесь?—спросилъ судья. Онъ тоже всталъ и остановился.

Минутта хотѣлъ что-то сказать, но не могъ произнести ни слова. Всѣ взоры были устремлены на него.

Въ эту минуту Нагель вдругъ подымается со своего мѣста у окна, откладываетъ газету въ сторону и направляется черезъ комнату. Онъ идетъ не торопясь и совершенно спокойно, и все-таки всеобщее вниманіе обращается на него. Онъ останавливается около Минутты, кладетъ ему руку на плечо и говоритъ громкимъ, яснымъ голосомъ.

— Если вы возьмете свой стаканъ и бросите его вонъ тому щенку въ голову, то я вамъ заплачу десять кронъ наличными и избавлю васъ отъ всѣхъ возможныхъ послѣдствій.

Онъ указываетъ пальцемъ на судью и прибавляетъ:

— Я говорю про *того* вонъ щенка.

Въ комнатѣ сразу наступила тишина. Оцѣпенѣвъ отъ ужаса, Минутта переводилъ взглядъ съ одного на другого, бормоча:

— Но...? Нѣтъ... но...?

Больше онъ ничего не говорилъ; но эти слова онъ повторялъ безпрестанно, дрожащимъ голосомъ, какъ будто въ нихъ заключался вопросъ. Никто не произносилъ ни слова. Судья, пораженный, отступилъ назадъ и сталъ шарить рукою, ища стула; онъ поблѣднѣлъ какъ полотно, и тоже не произносилъ ни слова. Ротъ его былъ открытъ.

— Я повторяю,—продолжалъ Нагель громко и медленно,—что даю вамъ десять кронъ для того, чтобы вы швырнули свой ста-

канъ вонъ тому щенку въ голову. Вотъ у меня въ рукѣ деньги. Вамъ нечего бояться послѣдствій!

И Нагель дѣйствительно протянулъ Минуттѣ десятикронную бумажку.

Поведеніе Минутты было чрезвычайное странное. Онъ внезапно устремился въ уголъ кафе, своими маленькими издерганными шагами добѣжалъ до этого угла и, ничего не отвѣчая, усѣлся тамъ. Онъ сидѣлъ съ опущенной головой, бросая косые взгляды во всѣ стороны и отъ времени до времени, точно отъ страху, поджимая подъ себя колѣни.

Дверь открылась, и въ комнату вошелъ хозяинъ. Онъ началъ возиться у буфета, не обращая вниманія на то, что происходитъ вокругъ. И только, когда судья, испустивъ бѣшеный, почти беззвучный крикъ, бросился къ Нагелю съ поднятыми кулаками, хозяинъ поднялъ голову и спросилъ:

— Что тутъ такое?...

Но никто ему не отвѣчалъ. Судья два раза съ бѣшенствомъ бросался на Нагеля, но всякій разъ наталкивался на его сжатые кулаки. Онъ ничего не могъ подѣлать; раздраженный неудачей, онъ сталъ слѣпо махать руками во всѣ стороны, точно желая разрушить все, что встрѣтится ему на пути. Наконецъ, онъ, шатаясь, отошелъ въ сторону, наткнулся на стулъ и упалъ на колѣни. Онъ тяжело дышалъ, вся фигура его стала неузнаваемой отъ бѣшенства; кромѣ того, онъ расшибъ себѣ руки почти до крови объ эти два острыхъ кулака, которые онъ встрѣчалъ всюду, куда ни направлялъ ударъ. Въ кафе поднялось общее смятеніе, крестьянка и ея спутники обратились въ бѣгство въ то время, какъ оставшіеся кричали всѣ сразу.

Наконецъ, судья снова поднимается и направляется къ Нагелю; онъ останавливается и кричитъ, вытянувъ впередъ руки; при этомъ онъ задыхается, и ему не хватаетъ словъ, что дѣлаетъ его еще болѣе смѣшнымъ.

— Ты, проклятый... чортъ тебя дери, болванъ ты эдакой!

Нагель посмотрѣлъ на него и улыбнулся; онъ приблизился къ столу, взялъ шляпу судьи и съ поклономъ передалъ ему. Судья схватилъ шляпу и въ бѣшенствѣ хотѣлъ ее швырнуть обратно, но одумался и ударомъ руки нахлобучилъ ее себѣ на голову. Послѣ этого онъ повернулся и пошелъ къ двери. Шляпа его въ двухъ мѣстахъ была продавлена, что придавало ему смѣшной видъ.

Теперь и хозяинъ выступилъ впередъ и потребовалъ объясненія. Онъ повернулся къ Нагелю, схватилъ его за руку и сказалъ:

— Что здѣсь происходитъ? что это значитъ?

Нагель отвѣтилъ:

— Прошу васъ сію же минуту отпустить мою руку. Я отъ васъ не убѣгу. Впрочемъ, здѣсь ровно ничего не происходитъ; я оскорбилъ этого человѣка, который только что вышелъ отсюда, и онъ хотѣлъ защищаться; противъ этого ровно ничего нельзя возразить, и все обстоитъ въ наилучшемъ порядкѣ!

Но хозяинъ разсердился и топнулъ ногой.

— Прошу здѣсь не устраивать скандаловъ! — воскликнулъ онъ,—я не потерплю скандаловъ! Если желаете устраивать скандалы, то ступайте на улицу, но въ моемъ помѣщеніи я ничего подобнаго не желаю видѣть. Мнѣ кажется, что они всѣ тутъ сошли съ ума!

— Да, все это прекрасно!—вмѣшиваются нѣсколько человѣкъ изъ гостей,—но мы видѣли все съ самаго начала.

И со свойственной большинству людей наклонностью держать сторону того, кто въ данный моментъ оказывается побѣдителемъ, они безусловно стоятъ за Нагеля, передавая хозяину подробности всего происшедшаго.

Нагель же пожимаетъ плечами и направляется къ Минуттѣ. Безъ всякихъ предисловій онъ обращается къ маленькому сѣдоволосому шуту:

— Но какія у васъ отношенія съ судьей, что онъ позволяетъ себѣ такъ обращаться съ вами?

— Не говорите пустяковъ!—отвѣчаетъ Минутта,—у меня ровно

никакихъ отношеній съ нимъ нѣтъ, онъ мнѣ совершенно чужой. Я только разъ танцовалъ передъ нимъ на базарной площади за десять эре. Кромѣ того, онъ всегда надо мной подшучиваетъ.

— Значитъ, вы танцуете на улицахъ и берете за это плату?

— Да, иногда. Но это бываетъ не часто, это только тогда, если мнѣ очень нужны эти десять эре, и я никакимъ другимъ способомъ не могу ихъ достать.

— Для чего же вамъ нужны деньги?

— Деньги мнѣ нужны для многихъ вещей. Во-первыхъ, я глупый человѣкъ, я мало способенъ, а это для меня очень грустно. Когда я былъ морякомъ и могъ самъ содержать себя, мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ жилось лучше; но со мной случилось несчастье, я упалъ съ мачты и получилъ переломъ, и съ тѣхъ поръ мнѣ труднѣе пробиться. Столъ и все, что мнѣ нужно, я получаю отъ дяди; я и живу у него и живу хорошо, даже въ излишкѣ, потому что дядя мой ведетъ торговлю углемъ, которая ему и даетъ средства къ жизни. Но я и самъ немного зарабатываю на свое содержаніе, особенно теперь, лѣтомъ, когда мы почти совсѣмъ не продаемъ угля. Это такъ же вѣрно, какъ то, что я въ эту минуту сижу передъ вами и говорю вамъ все это. Въ такіе дни десять эре приходятъ весьма кстати, я на нихъ всегда покупаю что-нибудь и приношу домой. Что же касается судьи, то ему доставляетъ особенное удовольствіе смотрѣть, какъ я танцую, именно потому, что вслѣдствіе перелома, я не могу танцовать по настоящему.

— Такъ это вы съ вѣдома и согласія вашего дяди танцуете на площади за деньги?

— Нѣтъ, нѣтъ, *этого* нѣтъ. Этого вы не должны думать. Онъ часто говоритъ: прочь съ этими шутовскими деньгами! Да, онъ часто называетъ шутовскими деньгами эти десять эре, которыя я приношу домой, и онъ страшно бранитъ меня за то, что люди потѣшаются надо мной.

— Такъ это было первое. Дальше, во-вторыхъ!

— Какъ?

— Во-вторыхъ!

— Я васъ не понимаю.

— Вы сказали, что *во-первыхъ*, вы глупый человѣкъ; ну а *во-вторыхъ?*

— Если я это сказалъ, то прошу извиненія.

— Такъ значитъ, вы только глупы?

— Я очень прошу меня извинить.

— Вашъ отецъ былъ пасторъ?

— Да, мой отецъ былъ пасторъ.

Пауза.

— Послушайте-ка,—сказалъ Нагель,—если вамъ некуда спѣшить, такъ пойдемте ко мнѣ въ комнату на часокъ. Хотите? Вы курите? Хорошо! Такъ, пожалуйста! Я живу наверху. Я буду вамъ очень благодаренъ, если вы зайдете ко мнѣ.

Къ величайшему изумленію всѣхъ присутствующихъ, Нагель и Минутта поднялись во второй этажъ, гдѣ и просидѣли вдвоемъ весь вечеръ.

III.

Минутта сѣлъ и закурилъ сигару.

— Вы ничего не пьете?—спросилъ Нагель.

— Нѣтъ, я мало пью; у меня отъ этого кружится голова и черезъ нѣсколько минутъ начинаетъ двоиться въ глазахъ,—отвѣтилъ гость.

— Вы пили когда-нибудь шампанское? Конечно, пили!

— Да, много—много лѣтъ тому назадъ, на серебряной свадьбѣ моихъ родителей я пилъ шампанское.

— Оно понравилось вамъ?

— Да, я помню, что оно было вкусно.

Нагель звонитъ и велитъ принести шампанскаго.

Они сидятъ и пьютъ, покуривая сигары. Вдругъ Нагель говоритъ, глядя въ упоръ на Минутту:

— Скажите, пожалуйста,—это такъ, пустой вопросъ, который къ тому же, можетъ быть, покажется вамъ смѣшнымъ, — но не могли ли бы вы за извѣстную сумму денегъ признать себя отцомъ ребенка, которому вы не приходитесь отцомъ? Это не болѣе, какъ случайная мысль, которая пришла мнѣ въ голову.

Минутта смотритъ на него широко раскрытыми глазами, но молчитъ.

— За небольшую сумму, такъ въ пятьдесятъ кронъ, или скажемъ, пару сотенъ?—говоритъ Нагель.—За цѣной дѣло не станетъ.

Минутта качаетъ головой и долго молчитъ.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ, наконецъ.

— Вы этого въ самомъ дѣлѣ не могли бы? Я уплатилъ бы вамъ наличными.

— Это все равно! Нѣтъ, я этого не могу сдѣлать. Этимъ я не могу вамъ служить.

— Почему собственно?

— Довольно! Не говорите ничего больше и не просите меня; оставьте меня! Вѣдь я же тоже человѣкъ.

— Да, конечно, вы человѣкъ! Ну, можетъ быть, это и было слишкомъ грубо! Въ сущности, съ какой стати вамъ оказывать человѣку подобную услугу? Но мнѣ бы хотѣлось предложить вамъ еще одинъ вопросъ! Согласились ли бы вы... могли ли бы вы за пять кронъ пройти черезъ весь городъ съ газетой или бумажнымъ мѣшкомъ, пристегнутымъ у васъ на спинѣ? начиная отъ гостинницы черезъ всю базарную площадь и вдоль по набережной—могли бы вы это? За пять кронъ?

Минутта смущенно опускаетъ голову и механически повторяетъ: пять кронъ. Больше онъ ничего не говоритъ.

— Ну да, или десять кронъ, если хотите; скажемъ, десять. Такъ за десять кронъ вы могли бы это сдѣлать?

Минутта откидываетъ волосы со лба.

— Я не понимаю, откуда всякій, кто только пріѣзжаетъ сюда,

уже заранѣе знаетъ, что я служу шутомъ для всѣхъ,—говоритъ онъ.

— Какъ видите, я могу вамъ сейчасъ же выложить деньги,— продолжаетъ Нагель,—это зависитъ только отъ васъ.

Минутта устремляетъ глаза на бумажку; съ минуту онъ смотритъ на деньги жаднымъ взглядомъ и восклицаетъ:

— Да, я...

— Извините, — говоритъ Нагель быстро, — извините, что я васъ прерываю,—продолжаетъ онъ, чтобы не дать ему говорить. —Какъ ваше имя? Я не знаю, мнѣ кажется, вы мнѣ не говорили, какъ васъ зовутъ.

— Мое имя Грэгордъ.

— Вотъ какъ? Грэгордъ? Развѣ вы въ родствѣ съ церковнымъ старостой?

— Да.

— Такъ о чемъ мы говорили? Ахъ, да, Грэгордъ, такъ вы, конечно, не хотите заработать эти десять кронъ такимъ способомъ? Что?

— Нѣтъ,—шепчетъ Минутта въ колебаніи.

— Ну, такъ я вамъ кое-что скажу, — говоритъ Нагель, медленно произнося каждое слово, — я съ радостью дамъ вамъ эти десять кронъ за то, что вы *не* хотите сдѣлать того, что я вамъ предложилъ. И я вамъ дамъ сверхъ того еще десять кронъ, если вы захотите мнѣ сдѣлать удовольствіе принять ихъ. Не вскакивайте съ мѣста; это маленькое одолженіе меня нисколько не стѣсняетъ; у меня теперь много денегъ, очень много денегъ; подобные пустяки нисколько меня не затрудняютъ.

Вынувъ и отсчитавъ деньги, Нагель прибавилъ:

— Вы этимъ только доставите мнѣ удовольствіе, пожалуйста!

Минутта сидитъ, не говоря ни слова; счастье опьяняетъ его, и онъ борется со слезами. Съ полъ-минуты онъ моргаетъ глазами и глотаетъ слезы. Тогда Нагель замѣчаетъ:

— Вамъ, должно быть, лѣтъ сорокъ или около этого?

— Сорокъ три, мнѣ сорокъ три года.

— Такъ. Суньте теперь деньги въ карманъ и... Ваше здоровье! Послушайте-ка, какъ зовутъ судью, съ которымъ мы говорили внизу въ кафе?

— Я не знаю, мы называемъ его просто судья; онъ земскій судья.

— Ну, да это въ сущности и безразлично. Скажите пожалуйста...

— Извините!—Минутта не можетъ дольше молчать, чувства его одолѣваютъ, и онъ хочетъ во что бы то ни стало объясниться, хотя не можетъ выговорить ни слова и только лепечетъ, какъ дитя.

— Извините меня! Простите!—говоритъ онъ. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ больше ничего не можетъ произнести.

— Что вы хотѣли сказать?

— Я хотѣлъ вамъ выразить благодарность, искреннюю благодарность отъ искренняго...

Пауза.

— Ну, да, съ этимъ мы покончили,— говоритъ Нагель.

— Нѣтъ, погодите!—восклицаетъ Минутта.—Извините, но мы съ этимъ еще не покончили. Вы подумали, что я не *хочу* этого сдѣлать, что это съ моей стороны просто недоброжелательность, что мнѣ доставляетъ удовольствіе становиться на дыбы; но, клянусь вамъ Богомъ... Такъ развѣ мы съ этимъ покончили? Можемъ мы развѣ сказать, что мы съ этимъ покончили, когда вы, можетъ быть, вынесли впечатлѣніе, что для меня весь вопросъ въ цѣнѣ, и я не хотѣлъ этого сдѣлать за пять кронъ? Я надѣюсь, вы не думаете, что я этого не хотѣлъ сдѣлать изъ-за слишкомъ маленькаго вознагражденія.—Больше я ничего не хотѣлъ сказать.

— Да, да, хорошо! Не будемъ больше говорить объ этомъ. Человѣкъ съ вашимъ именемъ и вашимъ воспитаніемъ не долженъ итти на такое шутовство. Не такъ ли? Мнѣ приходитъ въ голову... Вы конечно, знакомы со всѣми условіями жизни этого

города, не правда ли? Я долженъ вамъ сказать, что имѣю намѣреніе прожить здѣсь нѣкоторое время, провести здѣсь нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ; что вы на это скажете? Вы вѣдь здѣшній?

— Да, я родился здѣсь; мой отецъ былъ здѣсь пасторомъ, и я вотъ уже тридцать лѣтъ живу здѣсь, съ тѣхъ поръ, какъ со мной случилось это несчастіе.

— Вы разносите уголь? Мнѣ кажется, будто вы говорили, что носите уголь сюда въ гостинницу?

— Да, я разношу уголь по домамъ. Я этого не стѣсняюсь, если вы, можетъ быть, это имѣете въ виду. Это старая привычка, и мнѣ это нисколько не вредно, если я только достаточно остороженъ на лѣстницахъ. Но прошлой зимой я разъ упалъ, и мнѣ послѣ этого пришлось ходить долгое время съ палкой.

— Въ самомъ дѣлѣ? какъ это случилось?

— Это было на лѣстницѣ банка, ступеньки были скользкія отъ примерзшаго льда. Я подымался съ довольно тяжелымъ мѣшкомъ. Дойдя приблизительно до половины лѣстницы, я вдругъ вижу на самомъ верху консула Андресена, который собирается спуститься. Я хочу, разумѣется, повернуть и снова сойти внизъ для того, чтобы консулъ могъ продолжать свой путь; онъ этого отъ меня не требовалъ, но это было понятно само собой, и я сдѣлалъ бы это безъ всякихъ требованій съ его стороны; но въ эту минуту я имѣлъ несчастіе поскользнуться и упасть. Я упалъ на правый бокъ; оно звучитъ смѣшно, но я въ самомъ дѣлѣ упалъ на правый бокъ, перевернувшись нѣсколько разъ. Какъ вы себя чувствуете? говоритъ мнѣ консулъ; вы не кричите, значитъ, вы не ушиблись? Нѣтъ, говорю я, сошло благополучно. Но не прошло и пяти минутъ, какъ я два раза подрядъ упалъ въ обморокъ; кромѣ того, у меня распухъ животъ вслѣдствіе моей старой болѣзни. Впрочемъ, консулъ меня щедро вознаградилъ потомъ, хотя онъ нисколько не былъ виноватъ во всемъ этомъ.

— А кромѣ этого, вы себѣ ничего больше не повредили? Вы не ушибли головы?

— О, да, немного. Я и кровью харкалъ немного.

— И консулъ помогалъ вамъ во время болѣзни?

— Да, и весьма щедро. Онъ присылалъ мнѣ то то, то другое; не проходило дня, чтобы онъ не вспомнилъ обо мнѣ. Но лучше всего было то, что въ тотъ день, когда я всталъ и отправился къ нонсулу, чтобы поблагодарить его, онъ велѣлъ вывѣсить флаги. Онъ прямо далъ приказаніе вывѣсить флаги, исключительно въ честь меня, хотя въ этотъ день было какъ разъ рожденіе фрэкенъ Фридерики.

— Кто такая фрэкенъ Фридерика?

— Это его дочь.

— Такъ. Да, это было очень мило съ его стороны... Ахъ, да, не знаете ли вы, почему нѣсколько дней тому назадъ городъ былъ разукрашенъ флагами?

— Нѣсколько дней тому назадъ? Позвольте мнѣ вспомнить — не было ли это приблизительно недѣлю тому назадъ? Ну да, тогда это было по случаю помолвки фрэкенъ Кьелландъ, фрэкенъ Дагни Кьелландъ. Да, да, одна за другой обручается, и выходитъ замужъ, и уѣзжаетъ. У меня теперь, такъ сказать, пріятельницы и знакомыя по всей странѣ, и среди нихъ нѣтъ ни одной, съ которой бы мнѣ не хотѣлось встрѣтиться. Всѣ онѣ на моихъ глазахъ играли въ свои дѣтскія игры, и ходили въ школу, и конфирмовались, и выростали. Дагни всего двадцать три года, и она любимица всего города. Она таки красива. Она обручилась съ лейтенантомъ Гансеномъ, который въ свое время подарилъ мнѣ вотъ эту шапку. Онъ тоже здѣшній.

— У этой фрэкенъ Кьелландъ свѣтлые волосы?

— Да, у нея свѣтлые волосы. Она необыкновенно красива, и всѣ ее любили.

— Я ее, должно быть, видѣлъ близъ пасторскаго дома. Не носитъ ли она краснаго зонтика?

— Совершенно вѣрно. Насколько я знаю, ни у кого, кромѣ нея, нѣтъ краснаго зонтика. Вы навѣрное видѣли ее, если встрѣтили даму съ толстой бѣлокурой косой; она не похожа на другихъ дѣвицъ. Но вы, вѣроятно, еще не говорили съ ней?

— Нѣтъ, можетъ быть, и говорилъ.—И въ раздумьи Нагель говоритъ про себя:—Да—такъ это была, значитъ, фрэкенъ Кьелландъ!

— Да, но не какъ слѣдуетъ? У васъ, можетъ быть, не было съ ней длиннаго разговора? Это вамъ еще предстоитъ. Она очень громко смѣется, если находитъ что-нибудь смѣшнымъ, и часто она смѣется изъ-за пустяковъ. Когда вы съ ней будете говорить, вы увидите, какъ внимательно она выслушиваетъ все, что вы ей говорите, пока вы не кончите, и потомъ она отвѣчаетъ на то, что вы сказали; но, отвѣчая, она краснѣетъ; я это часто замѣчаю, когда она говоритъ съ кѣмъ-нибудь. Со мной совсѣмъ другое дѣло, со мной она болтаетъ, какъ придется; она обращается со мной безъ церемоній. Я могъ бы, напримѣръ, на улицѣ подойти къ ней, она бы остановилась и подала мнѣ руку, даже если бы торопилась. Если вы не вѣрите, обратите вниманіе.

— Напротивъ, я охотно вѣрю этому. Такъ вы въ лицѣ фрэкенъ Кьелландъ имѣете добрую пріятельницу?

— Конечно, только въ томъ смыслѣ, что она всегда добра и снисходительна ко мнѣ; ни въ какомъ другомъ смыслѣ это, конечно, и не могло бы быть, это ясно. Я иногда бываю въ пасторскомъ домѣ, когда меня приглашаютъ, и насколько я замѣтилъ, я не являюсь нежеланнымъ гостемъ, даже если иной разъ захожу безъ приглашенія. Фрэкенъ Дагни даже одалживала мнѣ книги, когда я былъ боленъ, она даже сама приносила мнѣ ихъ, неся ихъ всю дорогу подъ мышкой.

— Что это могли быть за книги?

— Вы хотите сказать, что это могутъ быть за книги, которыя *я* могу читать и понимать?

— Нѣтъ, на этотъ разъ вы меня не поняли; вашъ вопросъ весьма тонокъ, но вы меня не такъ поняли. Вы интересный человѣкъ! Я хотѣлъ сказать, что это могутъ быть за книги, кото-

рыя эта молодая дѣвица держитъ у себя и читаетъ? Вотъ что мнѣ было бы интересно знать.

— Я помню, что разъ она мнѣ принесла „Студенты-крестьяне“ Гарборга и еще двѣ другія книги; одна изъ нихъ была, кажется, „Рудинъ“ Тургенева. Въ другой разъ она мнѣ читала вслухъ „Непримиримый“ Гарборга.

— И это были ея собственныя книги?

— Это книги ея отца. На нихъ было имя отца.

— Такъ... Однако, теперь вы должны пить! Не выпить ли намъ за чье-нибудь здоровье? Напримѣръ, за здоровье семейства Кьелландъ? Это, должно быть, очень хорошая семья.

Когда они выпили, Нагель сказалъ:

— Кстати! когда вы тогда пошли къ консулу Андресену, чтобы поблагодарить его, какъ вы говорите...

— Я хотѣлъ его поблагодарить за помощь, которую онъ мнѣ оказывалъ во время болѣзни.

— Совершенно вѣрно. Но флаги въ этотъ день были уже вывѣшены раньше, чѣмъ вы пришли къ нему?

— Да, онъ велѣлъ ихъ вывѣсить въ честь меня, онъ самъ сказалъ мнѣ это.

Пауза.

— Возможно. Но не были ли флаги вывѣшены по случаю дня рожденія фрэкенъ Фридерики?

— Да, пожалуй, это такъ и было, это возможно; что-жъ, это тоже хорошо. Было бы позорно, если бы въ день рожденія фрэкенъ Фридерики не были вывѣшены флаги.

— Вы совершенно правы... Но—перейдемъ къ другому: вашъ дядя очень старъ?

— Ему навѣрное около семидесяти. Нѣтъ, это, пожалуй, будетъ слишкомъ, но во всякомъ случаѣ ему за шестьдесятъ. Онъ очень старъ, но для своего возраста еще очень бодръ, въ случаѣ необходимости онъ можетъ еще читать безъ очковъ.

— Какъ его зовутъ?

— Его имя тоже Грэгордъ. Мы оба называемся Грэгордъ.

— У вашего дяди есть домикъ или онъ нанимаетъ квартиру?

— Онъ нанимаетъ комнату, въ которой мы живемъ, сарай же для угля принадлежитъ ему. Намъ не трудно платить квартирныя деньги, если вы *это* имѣете въ виду; мы платимъ углемъ, а иногда я уплачиваю и какой-нибудь небольшой работой.

— Вашъ дядя не разноситъ угля?

— Нѣтъ, это *мое* дѣло. Онъ развѣшиваетъ его и вообще распоряжается всѣмъ, а я разношу. Вѣдь мнѣ легче таскать уголь, потому что я сильнѣе.

— Конечно. Ну, и потомъ, у васъ есть, должно быть, какая-нибудь женщина, которая вамъ готовитъ?

Пауза.

— Извините,—говоритъ, наконецъ, Минутта,—не сердитесь; но я охотно уйду, если вы этого хотите. Совершенно какъ вы пожелаете. Вы держите меня здѣсь, можетъ быть, для того, чтобы доставить мнѣ удовольствіе, хотя вамъ самому вѣдь, конечно, не можетъ быть интересно выслушивать подробности о нашей жизни. Возможно также, что вы разговариваете со мной изъ какихъ-нибудь основаній, которыхъ я не знаю, но если я и уйду теперь—мнѣ никто никакого зла не причинитъ; этого вамъ нечего опасаться, мнѣ не угрожаетъ никакая дурная встрѣча. Судья не подстерегаетъ меня за дверью, чтобы отомстить мнѣ, если вы, можетъ быть, *этого* боитесь; и если бы онъ даже стоялъ за дверью, онъ мнѣ во всякомъ случаѣ ничего дурного не сдѣлаетъ; этого я не думаю.

— Дѣлайте, какъ хотите. Мнѣ вы доставите только удовольствіе, если останетесь; но вы не должны считать себя обязаннымъ отвѣчать мнѣ только потому, что я вамъ одолжилъ пару кронъ на табакъ. Поступайте такъ, какъ вамъ угодно.

— Я остаюсь! я остаюсь!—восклицаетъ Минутта,—и благослови васъ Господь!—восклицаетъ онъ.—Я счастливъ, что вы находите хоть маленькое удовольствіе въ моемъ обществѣ, хотя

я стыжусь за себя и за то, что сижу здѣсь въ этомъ костюмѣ. Я могъ бы вѣдь выглядѣть гораздо приличнѣе, если бы я имѣлъ хоть немного времени подготовиться; на мнѣ одинъ изъ старыхъ дядиныхъ сюртуковъ, а онъ дѣйствительно больше никуда не годенъ; это правда, до него нельзя дотронуться. Видите, здѣсь въ этомъ мѣстѣ судья сдѣлалъ мнѣ въ немъ большую дыру, надѣюсь, что вы простите мнѣ это... Нѣтъ, что касается женщины, которая бы готовила намъ, то мы обходимся безъ нея. Мы готовимъ и моемъ посуду сами. Это не особенно трудно, къ тому же мы, по возможности, упрощаемъ это. Если мы, напримѣръ, утромъ варимъ кофе, то мы вечеромъ пьемъ остатокъ, не разогрѣвая его снова, точно такъ же и съ обѣдомъ, который мы тоже готовимъ, такъ сказать, разъ навсегда. Да и можемъ ли мы въ нашемъ положеніи требовать большаго? Кромѣ того, стирка приходится на мою долю; это даже маленькое развлеченіе для меня, когда у меня нѣтъ никакого другого дѣла.

Въ эту минуту внизу раздается звонокъ, и обитатели гостинницы начинаютъ спускаться внизъ къ ужину.

— Это звонокъ къ ужину,—говоритъ Минутта.

— Да,—отвѣчаетъ Нагель; но онъ не подымается и не проявляетъ никакихъ признаковъ нетерпѣнія; напротивъ, онъ усаживается поудобнѣе и спрашиваетъ:

— Вы, можетъ быть, знали этого Карльсена, котораго на дняхъ нашли въ лѣсу мертвымъ? Неправда ли, какой печальный случай?

— Да, очень печальный случай. Зналъ ли я его? Еще бы! Прекрасный человѣкъ, благородный характеръ. Знаете ли, что онъ мнѣ разъ сказалъ? Въ одно воскресенье утромъ меня позвали къ нему; это было приблизительно годъ тому назадъ,—да, это было въ маѣ прошлаго года. Онъ просилъ меня снести одно письмо. Хорошо, сказалъ я, я это сдѣлаю; но у меня нѣтъ приличныхъ сапогъ; въ этихъ сапогахъ неловко придти къ людямъ въ домъ. Если вы ничего не имѣете противъ этого, то я пойду домой и

достану себѣ другіе сапоги. Нѣтъ, этого не надо, говоритъ онъ, я думаю, это не бѣда, если только вы не промочите себѣ ноги въ этихъ сапогахъ.—Даже объ этомъ онъ подумалъ, чтобы я не промочилъ себѣ ногъ! Потомъ онъ мнѣ тихонько сунулъ въ руку крону и далъ мнѣ письмо. Я уже былъ въ сѣняхъ, когда онъ вдругъ открылъ дверь и вышелъ вслѣдъ за мной; все лицо его сіяло; я остановился и сталъ смотрѣть на него; въ глазахъ у него стояли слезы. Онъ подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня прямо, прижался ко мнѣ и сказалъ: ступайте теперь съ письмомъ, старый другъ, я буду о васъ помнить. Когда я сдѣлаюсь пасторомъ и получу мѣсто, вы пріѣдете ко мнѣ и навсегда останетесь у меня. Да, да, а теперь ступайте, и дай вамъ Богъ счастья!—Къ сожалѣнію, ему не пришлось получить мѣсто; но онъ навѣрное исполнилъ бы свое обѣщаніе, если бы остался живъ!

— И вы отнесли письмо?

— Да.

— И фрэкенъ Кьелландъ была рада этому письму?

— Какъ вы можете знать, что оно было къ фрэкенъ Кьелландъ?

— Какъ я могу это знать? Да вѣдь вы сами сейчасъ сказали.

— Я самъ сказалъ? Это неправда.

— Хе, хе, неправда? Что жъ, вы думаете, что я лгу?

— Нѣтъ, извините, можетъ быть, вы и правы; но во всякомъ случаѣ я этого не долженъ былъ говорить. Это произошло отъ невниманія. Я въ самомъ дѣлѣ это сказалъ?

— Почему же нѣтъ? Развѣ онъ запретилъ говорить это?

— Нѣтъ, онъ не запрещалъ.

— Но она?

— Да.

— Ну, хорошо; отъ меня этого никто не узнаетъ. Но можете вы понять, почему онъ умеръ какъ разъ теперь?

— Нѣтъ. Случилось такое несчастіе.

— Несчастіе? Ахъ, да, правда. Такъ онъ, значитъ, упалъ и прокололъ себѣ руки до смерти?

— Да, должно быть, онъ шелъ, задумавшись, споткнулся и при паденіи прокололъ себѣ артеріи. Ужасное несчастіе.

— Вы не знаете, когда его будутъ хоронить?

— Да, завтра въ полдень.

Больше объ этомъ не было рѣчи. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ никто изъ нихъ ничего не говорилъ. Сара просунула голову въ дверь и сообщила, что ужинъ поданъ. Нагель сейчасъ же заговорилъ:

— Такъ фрэкенъ Кьелландъ, значитъ, обручена. Кто ея женихъ?

— Это лейтенантъ Гансенъ, мужественный и дѣйствительно превосходный человѣкъ. Она у него ни въ чемъ не будетъ терпѣть недостатка.

— Онъ богатъ?

— Его отецъ очень богатъ.

— Онъ купецъ?

— Нѣтъ, владѣлецъ корабля. Онъ живетъ въ нѣсколькихъ домахъ отсюда; домъ его не особенно великъ, но ему и не нужно большаго; когда сынъ уѣзжаетъ, то дома остаются только старики. У нихъ есть еще дочь, но она живетъ въ Англіи замужемъ.

— Какъ вы думаете, сколько денегъ у старика Гансена?

— Ну, у него, можетъ быть, будетъ милліонъ. Этого никто не знаетъ!

Пауза.

— Да,—говоритъ Нагель,—какъ неравномѣрно распредѣлены жизненныя блага! Что если бы у васъ, Грэгордъ, была хоть небольшая часть его денегъ?

— Нѣтъ, упаси Боже, зачѣмъ? Нѣтъ, мы должны быть довольны тѣмъ, что у насъ есть. Можетъ быть, и тѣ вовсе не такъ счастливы, у которыхъ столько денегъ.

— Да, говорятъ... Но мнѣ пришло въ голову: у васъ, должно

быть, не много времени остается для другой работы, если вамъ приходится разносить всюду уголь, не правда ли? Да, я это понимаю. Но я замѣтилъ, что вы спросили хозяина, нѣтъ ли у него сегодня еще какого-нибудь дѣла для васъ; вы помните?

— Нѣтъ.

— Да, это было внизу, въ кафе; вы сказали, что снесли уголь на кухню, и тутъ же спросили, нѣтъ ли сегодня другого дѣла; вы не помните?

— Да, я вспоминаю, но это имѣло другое основаніе. Такъ вы это замѣтили? Дѣло въ томъ, что я разсчитывалъ сейчасъ же получить деньги за уголь; но мнѣ не хотѣлось прямо просить денегъ, поэтому я только сказалъ, что сегодня, должно быть, другого дѣла нѣтъ. Въ этомъ вся суть. Мы какъ разъ оказались въ затрудненіи и надѣялись на эту плату.

— Сколько вамъ было нужно, чтобы выйти изъ затрудненія?— спрашиваетъ Нагель.

— Помилуй меня Господи!—восклицаетъ Минутта громкимъ голосомъ.—Не говорите объ этомъ больше; вы намъ помогли уже болѣе, чѣмъ достаточно. Дѣло шло о шести кронахъ, а теперь у меня въ карманѣ вашихъ двадцать кронъ. Богъ вознаградитъ васъ за это! Эти шесть кронъ мы были должны лавочнику за картофель и прочее. Онъ прислалъ намъ счетъ, и мы все время ломали себѣ головы, гдѣ достать денегъ; но теперь все улажено, мы можемъ спокойно спать и завтра встать безъ заботъ.

Пауза.

— Да, да! но теперь намъ лучше всего допить вино и проститься,—говоритъ Нагель, подымаясь.—За ваше здоровье! Надѣюсь, что мы не въ послѣдній разъ видимся. Вы должны мнѣ обѣщать придти снова; я живу въ седьмомъ номерѣ, какъ видите. Благодарю васъ за то, что вы посѣтили меня!

Нагель проговорилъ это самымъ искреннимъ тономъ и крѣпко пожалъ Минуттѣ руку. Онъ проводилъ своего гостя внизъ до

подъѣзда; здѣсь онъ снялъ свою бархатную шапочку, какъ сдѣлалъ это уже разъ раньше, и низко поклонился.

Минутта ушелъ. Пятясь задомъ по улицѣ, онъ кланялся несчетное число разъ, но не выговорилъ ни одного слова, хотя все время дѣлалъ усилія что-то сказать.

Войдя въ столовую, Нагель вѣжливо извинился передъ Сарой за то что опоздалъ къ ужину.

IV.

На слѣдующее утро Іоганнъ Нагель проснулся отъ стука въ дверь. Это была Сара съ газетами. Онъ наскоро пробѣжалъ ихъ, швыряя ихъ одну за другой на полъ по мѣрѣ того, какъ кончалъ ихъ просматривать; телеграмму о томъ, что Гладстонъ, простудившись, слегъ было въ постель, но теперь опять здоровъ, онъ прочиталъ дважды и громко расхохотался при этомъ. Потомъ онъ закинулъ руки за голову и отдался слѣдующему теченію мыслей, отъ времени до времени говоря вслухъ самъ съ собой:

„Опасно ходить по лѣсу съ открытымъ перочиннымъ ножикомъ. Какъ легко при этомъ поскользнуться такъ неловко, что остріе ножа вонзится въ одну или въ обѣ руки, какъ случилось, напримѣръ, съ Карльсеномъ!.. Впрочемъ, почему же нѣтъ? Къ чему, чортъ побери, такъ судорожно хвататься за жизнь? Особенно, если, несмотря на это, все-таки попадешь въ освященную землю и вдобавокъ еще удостоишься телеграммъ во всѣхъ газетахъ. Хе, хе, хе! И потомъ, въ чемъ собственно разница, ходишь ли съ раскрытымъ перочиннымъ ножикомъ въ рукѣ или съ маленькимъ аптекарскимъ пузырькомъ въ карманѣ жилета?

„Нѣтъ, Гладстонъ все-таки настоящій Геркулесъ. Гладстонъ навѣрное будетъ жить, пока въ одинъ прекрасный день не умретъ просто отъ здоровья. И надо надѣяться, что онъ еще несчетное число лѣтъ будетъ освѣдомлять человѣчество о своихъ простудахъ. Гладстонъ великъ, Гладстонъ, несомнѣнно, самый великій человѣкъ нашего времени. Кто же другой могъ бы быть самымъ

великимъ человѣкомъ нашего времени? Викторъ Гюго умеръ, и... Предположимъ, что у насъ теперь 1703 годъ, скажемъ 5 марта 1703 г.; міръ безъ Гладстона — какой пустой міръ, однѣ консервативныя газеты!

„Пусть будетъ твоя сталь столь же остра, какъ твое послѣднее „нѣтъ!“ Какъ это прекрасно! Какъ восхитительно пошло! Да, достаточно напыщенно, чтобы быть измышленіемъ человѣка! Мнѣ невольно вспоминается при этомъ эдакой здорово распухшій дѣтскій носъ. Но энергіи у него хватило; между прочимъ, онъ выбралъ естественную позу; лежа на животѣ и уткнувшись лицомъ въ лужу. Но время! — нѣтъ, помилуй меня, Господи. Средь бѣла ня, съ прощальной запиской въ рукахъ, фи! Впрочемъ, этотъ человѣкъ не лишенъ вкуса, онъ отправился для этого дѣла въ лѣсъ; въ этомъ отношеніи я вполнѣ раздѣляю его вкусъ. „Пошелъ мальченка въ лѣсъ, ла-ла-ла-ла!“ Возьмемъ, напримѣръ, Вардальскіе лѣса, по дорогѣ вверхъ отъ Гьевика. Лежать въ такомъ лѣсу и ни о чемъ не думать, и забыть самого себя, устремивъ глаза въ пространство, и уйти взглядомъ въ самую глубь неба, хе, хе, такъ что чуть что не слышишь, какъ тамъ наверху переговариваются и перешептываются о тѣхъ, кто здѣсь внизу. Вотъ этотъ, говоритъ покойная матушка, нѣтъ, если этотъ попадетъ сюда, то я умываю руки, говоритъ она и дѣлаетъ изъ этого государственный вопросъ. Хе, хе, говорю я и прибавляю: тсъ! только бы мнѣ не помѣшали, только бы мнѣ не помѣшали! И это я говорю такъ громко, что обращаю на себя вниманіе двухъ ангелочковъ женскаго пола, дочки Іаира и Свавы Бьернсонъ...

„Но время было безусловно выбрано неудачно. Я бы выбралъ ненастную бурную ночь, когда ни одной звѣздочки нѣтъ на небѣ и кругомъ ни зги не видать. А ужъ о письменномъ прощаніи и рѣчи не могло бы быть... Впрочемъ, съ какой стати я лежу и думаю объ этомъ? Какое мнѣ до этого дѣло? Что общаго, чортъ возьми, между мной и этимъ сентиментальнымъ теологомъ вмѣстѣ

съ его сталью и его послѣднимъ „нѣтъ“? Хе, хе, хе, какое мнѣ, чортъ побери, дѣло до этого?..

„Сколько странныхъ звуковъ въ человѣческомъ организмѣ! Такъ, напримѣръ, смѣхъ: откуда онъ является и куда исчезаетъ? Отвратительный звукъ, безстыдный звукъ, звукъ, наводящій на мысль о сорокахъ и обезьянахъ. Смѣхъ, должно быть, просто рудиментъ, ergo смѣхъ есть рудиментъ. И достаточно пощекотать меня подъ подбородкомъ для того, чтобы этотъ безсмысленный, нечленораздѣльный звукъ вдругъ появился изъ какой-то точки въ моемъ организмѣ. Что мнѣ говорилъ не разъ мясникъ Ганге, мясникъ Ганге, который самъ такъ громко смѣялся и благодаря этому обращалъ на себя всеобщее вниманіе? Онъ говорилъ, что ни одинъ человѣкъ, владѣющій своими пятью чувствами...

„Ахъ, какое у него было очаровательное дитя! Въ тотъ день, когда я ее встрѣтилъ на улицѣ, лилъ дождь, она шла съ ведромъ въ рукѣ и плакала, потому что потеряла деньги. Покойная матушка, ты видѣла съ неба, что у меня не было ни одного шиллинга, чтобы обрадовать дитя? Что я рвалъ на себѣ волосы на улицѣ, но не имѣлъ ни одного эре? Въ это время проходила мимо музыка; красивая дьяконисса обернулась и бросила на меня блестящій взглядъ; потомъ она медленно пошла дальше, съ опущенной головой, скорбя, по всей вѣроятности, о самой себѣ за блестящій взглядъ, которымъ она меня подарила. Но въ то же мгновеніе какой-то человѣкъ съ длинной бородой и въ мягкой фетровой шляпѣ съ силой дернулъ меня за руку, потому что меня едва не переѣхали. Да, видитъ Богъ, едва не переѣхали...

„Сс-съ! Разъ... два... три; какъ медленно они бьютъ! Четыре... пять... шесть... семь... восемь; уже восемь? Девять... десять. Господи помилуй, уже десять часовъ! Да, тогда я долженъ встать. Встать, встать, встать, встать, встать, встать, встать, встать, ахъ, да! Гдѣ это часы били? Не можетъ быть, чтобы это было въ кафе? Ну, да это совершенно все равно. Но не комиченъ ли былъ этотъ инцидентъ къ кафе вчера вечеромъ? Минутта дрожалъ; я

явился какъ разъ во время; навѣрное кончилось бы тѣмъ, что онъ выпилъ бы пиво вмѣстѣ съ пепломъ и со спичками. Ну да, ну и что дальше? Можно взять на себя смѣлость спросить себя: что дальше? Зачѣмъ я вмѣшиваюсь въ чужія дѣла? Зачѣмъ я вообще пріѣхалъ сюда, въ этотъ городъ? Или это явилось слѣдствіемъ какой-нибудь катастрофы во вселенной, напримѣръ, простуды Гладстона? Хе-хе-хе, помилуй тебя Богъ, если ты говоришь правду: что ты въ сущности былъ на пути домой, но зрѣлище этого города—какъ онъ ни малъ и ни жалокъ — внезапно подѣйствовало на тебя такъ, что ты, при видѣ всѣхъ этихъ развѣвающихся флаговъ, едва не заплакалъ отъ какой-то таинственной, невѣдомой тебѣ радости. Кстати: это было 12 іюня; флаги были вывѣшены по случаю помолвки фрэкенъ Кьелландъ. И два дня спустя я встрѣтилъ ее на улицѣ.

„И нужно же было мнѣ ее встрѣтить какъ разъ въ тотъ вечеръ, когда я былъ въ такомъ растерзанномъ настроеніи и мнѣ было совершенно все равно, что я дѣлаю! Когда я вспоминаю все это теперь, я готовъ провалиться отъ стыда сквозь землю.

„— Добрый вечеръ, сударыня! Я здѣсь чужой, простите, но я вышелъ погулять и не знаю, куда попалъ.

„Минутта правъ, она сейчасъ же краснѣетъ; а отвѣчая, она краснѣетъ еще больше.

„— Куда вамъ надо? говоритъ она и смѣриваетъ меня взглядомъ.

„Я снимаю фуражку и стою съ обнаженной головой, и покуда я такъ стою передъ нею съ фуражкой въ рукѣ, мнѣ вдругъ приходитъ въ голову сказать:

„— Не будете ли вы добры сказать мнѣ, какъ далеко до города, совершенно точно, какое разстояніе отсюда до города?

„— Этого я не знаю, говоритъ она, — отсюда я не знаю; но первое жилье, до котораго вы дойдете, это пасторскій домъ, а оттуда до города четверть мили.

„И она хочетъ продолжать свой путь.

„— Очень благодаренъ вамъ, говорю я; — но если пасторскій домъ стоитъ по ту сторону этого лѣса, то позвольте мнѣ проводить васъ въ случаѣ, если вы идете туда или еще дальше; солнце больше не свѣтитъ; позвольте мнѣ понести вашъ зонтикъ. Я вамъ не буду надоѣдать, я даже не буду говорить, если вы этого пожелаете; позвольте мнѣ только итти рядомъ съ вами и слушать пѣніе птицъ. Нѣтъ, не уходите, не уходите еще! Почему вы убѣгаете?

„Но когда она все-таки продолжала бѣжать, не слушая меня, я побѣжалъ за ней для того, чтобы она могла слышать мои слова, и крикнулъ:

„— Чортъ побери ваше ясное лицо, если оно не произвело на меня сильнѣйшаго впечатлѣнія!

„Но тутъ она пустилась бѣжать съ такой быстротой, что въ двѣ минуты исчезла изъ моихъ глазъ; свою толстую бѣлокурую косу она при этомъ взяла прямо въ руки. Я никогда ничего подобнаго не видалъ!

„Да, вотъ какъ было дѣло. Я не хотѣлъ ее обидѣть, у меня ничего дурного не было въ мысляхъ; я готовъ держать пари, что она любитъ своего лейтенанта; мнѣ и въ голову не приходило навязываться ей съ какими-нибудь такими намѣреніями; но это хорошо, все это очень хорошо; ея лейтенантъ, можетъ быть, вызоветъ меня на дуэль, хе, хе, онъ сговорится съ судьею, съ земскимъ судьей и вызоветъ меня на дуэль...

„Хотѣлось бы мнѣ собственно знать, потрудится ли судья прислать Минуттѣ новый сюртукъ? Одинъ день я могу, пожалуй, подождать; я подожду, можетъ быть и два дня, но если въ теченіе двухъ дней это не будетъ сдѣлано, то намъ придется ему напомнить... Да, но почему собственно я долженъ ему напоминать объ этомъ? Какое мнѣ до этого дѣло? Вотъ я уже опять готовъ не во время вмѣшаться въ чужія дѣла. Но этому долженъ быть конецъ. Даю торжественную клятву, что этому будетъ конецъ! Точка. Нагель.

„Ну, напримѣръ, просилъ меня кто-нибудь вмѣшиваться, когда

въ клубѣ шелъ диспутъ о религіи? Ничего подобнаго, ничего подобнаго; моего мнѣнія никто и не спрашивалъ. — Но почему же я не далъ молодому человѣку изложить свои превосходные доводы? Онъ много зналъ и говорилъ хорошо, онъ равномѣрно распредѣлилъ солнце и вѣтеръ между людьми и Богомъ и объявилъ себя единомышленникомъ Драудена и Спинозы. Что можно противъ этого имѣть? И что можно было имѣть противъ слѣдующаго оратора, городского инженера? Онъ пошелъ нѣсколько дальше, но по своему сохранялъ величайшую умѣренность. Онъ даже произвелъ сильное впечатлѣніе, когда ударилъ кулакомъ по столу и потребовалъ отъ присутствующихъ признанія, что Богъ *существуетъ*; два старика закивали головами и присоединились къ его мнѣнію: словомъ, между присутствовавшими царило полное согласіе по этому вопросу; хе-хе. Такъ надо было и мнѣ держать языкъ за зубами и заботиться о своихъ собственныхъ дѣлахъ; вѣдь меня лично совершенно не касалось, чѣмъ занимались въ клубѣ; но я всталъ и началъ говорить чепуху и привелъ ихъ всѣхъ въ смятеніе. Положимъ, что я поднялся чрезвычайно почтительно, но что съ того, когда я все-таки одурачилъ все общество и въ концѣ концовъ меня вышвырнули за дверь. Хе, хе, хе.

„Нѣтъ, никогда не слѣдовало бы открывать рта. Слѣдовало бы быть владѣльцемъ гастрономическаго магазина, и щупать колбасы, и нюхать сало, и цитировать Гюго. Слѣдовало бы держать лошадей, и экипажъ, и контору въ городѣ, устроиться, какъ всѣ люди, завести связи, принимать у себя членовъ стортинга, вообще добиться положенія и имѣть домъ, и жену, и собаку. Точка. Нагель.

„Ахъ, да, домъ! Господи, если бы имѣть домъ. И еще жену вдобавокъ! Я каждый день благодарилъ бы за это судьбу и помогалъ бы бѣднымъ, смотря по средствамъ. Я знаю одну бѣдную женщину, которая такъ смущенно посмотрѣла на меня, точно она хотѣла просить меня о чемъ-то; но она ничего не сказала. Ея глаза меня буквально преслѣдуютъ, хотя у нея уже сѣдая голова;

я четыре раза сдѣлалъ крюкъ только, чтобы не встрѣчаться съ ней. Она не стара, она не отъ старости посѣдѣла; рѣсницы у нея еще совершенно черныя, страшно черныя, такъ что глаза ея кажутся отъ нихъ пламенными. Она почти всегда носитъ подъ передникомъ корзинку и должно быть поэтому она такъ смущается. Когда она проходитъ мимо меня, я потомъ оборачиваюсь и вижу, что она идетъ на базаръ и вынимаетъ изъ корзинки нѣсколько яицъ и продаетъ эти два-три яйца первому встрѣчному, послѣ чего она попрежнему съ корзинкой подъ передникомъ возвращается домой. Она живетъ въ крохотномъ домикѣ у набережной. Это одностажный, некрашенный домъ. Я видѣлъ ее разъ въ окно; у нея нѣтъ занавѣсокъ на окнѣ, только нѣсколько горшковъ съ бѣлыми цвѣтами стоятъ на подоконникѣ; она стояла посреди комнаты и пристально посмотрѣла на меня, когда я прошелъ мимо. Богъ знаетъ, что она за существо; но руки у нея совсѣмъ маленькія. Милостыню я могъ бы тебѣ дать, сѣдоволосая дѣвушка, но я бы предпочелъ помочь тебѣ, основательно помочь.

„Я, впрочемъ, очень хорошо знаю, почему твои глаза такъ преслѣдуютъ меня, я зналъ это съ первой минуты. Странно, что юношеская любовь такъ долго преслѣдуетъ человѣка и вдругъ заявляетъ о себѣ самымъ неожиданнымъ образомъ. Но *ея* прелестнаго лица у тебя все-таки нѣтъ, и ты гораздо старше ея. Ахъ, да, и несмотря на все, она вышла замужъ за телеграфиста и уѣхала въ Кабельваагъ! Господи Боже! Ну, что жъ, сколько головъ, столько умовъ. Я не могъ ожидать, что она полюбитъ меня, и она таки не любила меня. Тутъ ничего не подѣлаешь... Такъ, вотъ пробило половина одиннадцатаго... Да, да, тутъ ничего не подѣлаешь. Но если бы ты знала, съ какой любовью я думалъ о тебѣ эти двѣнадцать лѣтъ и никогда... хе, хе! Да, но это вѣдь моя собственная вина; она въ этомъ неповинна. Когда другіе сохраняютъ память о комъ-нибудь на годъ и больше, я еще цѣлыхъ десять лѣтъ все думаю о ней. Ухъ...

„Впрочемъ что мнѣ мѣшаетъ дать сѣдой торговкѣ яйцами

милостыню ради ея глазъ и въ то же время оказать ей помощь? У меня здѣсь есть изъ чего взять, шестьдесятъ двѣ тысячи кронъ за имѣніе, и все наличными. Хе-хе-хе-хе, мнѣ стоитъ только бросить взглядъ на столъ, и я нахожу на немъ три телеграфныхъ документа величайшей цѣнности.

„... О, великій Боже, что это была за выдумка, что за штуку я выкинулъ! Да, да, онъ агрономъ и капиталистъ; и не продаетъ сразу, не хватается сейчасъ же за первое предложеніе, онъ не торопится, даетъ себѣ время выспаться и обдумать дѣло. Это мы именно дѣлаемъ; мы обдумываемъ. И никто рѣшительно этому не удивляется, хотя вся эта выдумка подстроена намѣренно такъ грубо. Нѣтъ, чортъ меня возьми, я готовъ сказать, не слишкомъ ли ужъ много глупости на свѣтѣ! Человѣкъ, имя тебѣ—оселъ! Тебя можно вести за носъ, куда угодно. А-га-га-й—да—на этомъ я зѣвнулъ. И дѣлу конецъ.

„Изъ кармана моего жилета, напримѣръ, торчитъ горлышко маленькой стекляночки; это ядъ, синильная кислота; я держу ее у себя курьеза ради, но у меня нѣтъ мужества выпить ее. Но зачѣмъ же я ношу ее съ собой, зачѣмъ я ее пріобрѣлъ? И это шарлатанство, одно шарлатанство, модное декадентское шарлатанство, реклама и пошлость. Фи...

„Или возьмемъ такую невинную вещь, какъ моя медаль за спасеніе. Я ее, что называется, заслужилъ честнымъ трудомъ; да, да, за все берешься понемногу, иной разъ спасаешь и людей. Но Богъ знаетъ, была ли это въ дѣйствительности заслуга съ моей стороны. Посудите сами, милостивые государи и милостивыя государыни: у борта стоитъ молодой человѣкъ и плачетъ, такъ что плечи трясутся у него отъ рыданій, когда я обращаюсь къ нему съ какимъ-то замѣчаніемъ, онъ устремляетъ на меня безумный взглядъ и, какъ стрѣла, бросается внизъ, въ салонъ. Я иду за нимъ; онъ ушелъ уже въ каюту. Я беру списокъ пассажировъ, нахожу въ немъ имя молодого человѣка и узнаю, что онъ ѣдетъ въ Гамбургъ. Это первый вечеръ. Съ этой минуты я слѣжу за

нимъ и не теряю его изъ виду, я внезапно появляюсь передъ нимъ въ самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ и смотрю ему прямо въ лицо. Для чего я это дѣлаю? Милостивые государи и милостивыя государыни, судите сами! я вижу, что онъ плачетъ; что-то страшно мучаетъ его, и онъ часто устремляетъ безумный, отсутствующій взглядъ въ глубь воды. Какое мнѣ до этого дѣло? Конечно, никакого, и потому судите сами, не стѣсняйтесь! Проходитъ пара дней, дуетъ сильный вѣтеръ, и море волнуется. Въ два часа ночи онъ приходитъ на заднюю часть палубы, я уже лежу тамъ, скрытый отъ глазъ, и наблюдаю за нимъ. Луна выглядываетъ сквозь тучи, и при свѣтѣ ея лицо его кажется желтымъ и страннымъ. Что же дальше? Онъ оглядывается во всѣ стороны, потомъ вытягиваетъ руки и прыгаетъ черезъ бортъ ногами впередъ. Крика онъ все-таки не въ состояніи удержать. Пожалѣлъ ли онъ о своемъ рѣшеніи? Почувствовалъ ли онъ страхъ въ послѣднюю минуту? Если нѣтъ, то почему же онъ кричалъ? Милостивые государи и милостивыя государыни, что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? Я вполнѣ предоставляю это вамъ. Вы, можетъ быть, отнеслись бы съ уваженіемъ къ искреннему, хотя и слегка поколебавшемуся въ послѣднюю минуту мужеству несчастнаго и продолжали бы спокойно сидѣть въ своемъ убѣжищѣ; я же реву, что есть мочи, наверхъ, на капитанскій мостикъ и, въ свою очередь, бросаюсь за бортъ, второпяхъ даже головой впередъ. Я размахиваю руками, какъ сумасшедшій, кидаюсь во всѣ стороны и слышу, какъ наверху, на палубѣ громовымъ голосомъ раздается команда. Въ эту минуту я натыкаюсь на его руку, неподвижно вытянутую съ растопыренными пальцами. Онъ еще шевелитъ немного ногами. Прекрасно, я хватаю его за шиворотъ, онъ становится все тяжелѣе и тяжелѣе и перестаетъ двигать ногами; но въ концѣ концовъ онъ все-таки дѣлаетъ еще движеніе, чтобы освободиться изъ моихъ рукъ. Я кружусь съ нимъ въ водѣ, волна налетаетъ на насъ и сталкиваетъ насъ лбами; въ глазахъ у меня темнѣетъ. Что мнѣ было дѣлать? Я скрежещу зубами и

кляну на чемъ свѣтъ стоитъ, и держу его крѣпко, все безконечно долгое время держу крѣпко за шиворотъ, пока, наконецъ, не является лодка. Что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? Я спасъ его, какъ грубый неотесанный медвѣдь; а дальше? Да развѣ я не предоставилъ вамъ самимъ судить, милостивые государи и милостивыя государыни? Вамъ незачѣмъ подходить къ этому въ бѣлыхъ перчаткахъ! Какое мнѣ дѣло? Но допустимъ, что этому человѣку было чрезвычайно важно не пріѣзжать въ Гамбургъ? Вотъ въ томъ-то и дѣло! Но медаль! Это медаль за похвальный поступокъ, и я ношу ее въ карманѣ и отнюдь не швыряю ее свиньямъ. Можете и объ этомъ произнести свое сужденіе! Выносите смѣло свой приговоръ, какое мнѣ, чортъ возьми, дѣло до этого? Все это вмѣстѣ такъ мало интересуетъ меня, что я даже не помню имени этого несчастнаго человѣка, хотя онъ навѣрное живъ и здоровъ и по сей день. Почему онъ это сдѣлалъ? Можетъ быть, отъ несчастной любви; можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ женщина была тутъ замѣшана, я не знаю; да мнѣ это и совершенно все равно. Довольно!...

„Да, женщины, женщины! Вотъ, напримѣръ, Камма; маленькая датчанка Камма. Храни тебя Богъ! Нѣжна, какъ молодая горлица, вся готова растаять отъ нѣжности и полна преданности; но вмѣстѣ съ тѣмъ она въ состояніи выжать изъ человѣка послѣдній грошъ, довести человѣка до нужды; ей достаточно только склонить на бокъ свою хитрую головку и прошептать: Симонсенъ, пожалуйста, Симонсенъ! Ну! Богъ съ тобой, Камма, ты была полна преданности; по мнѣ, хоть чортъ тебя побери, мы съ тобою квиты...

„И теперь я встаю...

„Нѣтъ. такихъ вещей надо остерегаться. Сынъ мой, берегись женской любви, говоритъ великій поэтъ,—или что такое говоритъ поэтъ? Карльсенъ былъ слабый человѣкъ, идеалистъ, который положилъ жизнь за свои сильныя чувства, т. е. за свои слабые нервы, что въ свою очередь означаетъ отсутствіе хорошаго питанія и работы на свѣжемъ воздухѣ...

„...хе-хе, и работы на свѣжемъ воздухѣ. „Пусть будетъ твоя сталь столь же остра, какъ твое послѣднее „нѣтъ!" Помилуй меня, Господи, я не могу этого забыть; нѣтъ, не могу забыть. Этотъ добрякъ пошелъ въ лѣсъ и погубилъ всю свою земную репутацію пошлымъ изреченіемъ! Я готовъ поклясться, что это цитата изъ Виктора Гюго, въ каждомъ слогѣ слышится, что она принадлежитъ самому великому человѣку нашего времени. Предположимъ, что я бы во время встрѣтилъ Карльсена, пусть хоть въ послѣдній день его жизни, хоть за полчаса до катастрофы, и онъ разсказалъ бы мнѣ, что хочетъ въ свой смертный часъ процитировать Виктора Гюго; тогда я бы ему сказалъ слѣдующее:—посмотрите на меня, я нахожусь въ полномъ обладаніи своихъ пяти... своихъ пяти, сказалъ бы я... посмотрите на меня, я нахожусь въ полномъ обладаніи своихъ пяти чувствъ, во имя человѣчества я немного заинтересованъ въ томъ, чтобы вы не замарали себя въ послѣднюю минуту жизни цитатою изъ великаго поэта. Знаете ли вы, что такое великій поэтъ? Да, великій поэтъ это человѣкъ, который не стыдится, который дѣйствительно не краснѣетъ отъ собственнаго шарлатанства. У другихъ дураковъ бываютъ минуты, когда они, наединѣ съ собой, краснѣютъ отъ стыда, но великій поэтъ никогда. Посмотрите на меня еще разъ: если вы хотите кого-нибудь цитировать, то цитируйте какого-нибудь географа и не срамите себя. Викторъ Гюго!.. умѣете ли вы чувствовать комичное? Баронъ Ледэнъ однажды говорилъ съ Викторомъ Гюго. Въ разговорѣ хитрый баронъ спросилъ: кто по вашему мнѣнію величайшій поэтъ Франціи?—Викторъ Гюго улыбнулся, прикусилъ губу и сказалъ, наконецъ: Альфредъ-де-Мюссэ второй по величинѣ. — Хе, хе, хе! Но вы, пожалуй, не умѣете чувствовать комичнаго? Нѣтъ, цитируйте географа, скажите, напримѣръ, такъ, что въ такихъ сѣверныхъ странахъ, какъ Норвегія, абсолютно необходимо хорошо питаться, такъ какъ кровь вліяетъ на чувства, а чувства на нервы, и нервы такимъ образомъ являются просто вопросомъ климата... Хе, хе, или это, можетъ быть, относится къ этнографіи? Богъ

знаетъ, что это; я въ эту минуту не могу этого рѣшить, но процитируйте что-нибудь въ этомъ родѣ и удовлетворитесь этимъ. Но этотъ Гюго, этотъ напыщенный поэтъ, макавшій свое перо въ кричащія краски и привлекавшій толпу, падкую на дешевыя приманки... Подумайте объ этомъ; я хочу васъ спасти. Знаете ли вы, какъ поступилъ Викторъ Гюго въ 1870 году. Онъ выпустилъ воззваніе къ обитателямъ земли, въ которомъ онъ строжайше запрещалъ нѣмецкимъ войскамъ осаду и бомбардировку Парижа. „У меня здѣсь внуки и другіе члены семьи; я не желаю видѣть ихъ разорванными гранатой", сказалъ Викторъ Гюго. Хе—хе—хе. Да впрочемъ, вѣдь вы не умѣете чувствовать комичнаго...

„Но теперь ты увидишь,—ты увидишь! Что за чортъ — вѣдь у меня же еще нѣтъ сапогъ. Гдѣ же Сара съ сапогами? Скоро одиннадцать часовъ, а она еще не принесла сапогъ... Что она скажетъ, когда войдетъ? Т. е. я думаю, *точно* какія слова она произнесетъ? „Извините, баринъ, что вамъ такъ долго пришлось ждать!"—Или она ничего не скажетъ? Вотъ такъ была бы штука, если бы она ничего не сказала. Но что-нибудь она говоритъ всегда; во всякомъ случаѣ она говоритъ „пожалуйста", это ужъ она всегда говоритъ, слѣдовательно, она и на этотъ разъ не забудетъ. Но *если* она дѣйствительно ничего не скажетъ, что тогда? Положимъ такъ: если она *ничего* не скажетъ, то въ теченіе сегодняшняго дня что-нибудь у меня случится. Да, пусть будетъ такъ! Но случится со мной что-нибудь непріятное, если она ничего не скажетъ. Теперь посмотримъ!.. Хе, хе, хе. Фу ты, чортъ! Все это вздоръ, глупости, идіотство и чепуха.

„...Нѣтъ, что касается цитированія...

„...У нея, впрочемъ, удивительно красивая фигура, у этой Сары! Бедра ея трепещутъ на ходу; точь въ точь, какъ ляшка у жирной кобылы. Прямо великолѣпно. Хотѣлъ бы я знать, была ли она уже когда-нибудь замужемъ? По крайней мѣрѣ, она не очень визжитъ, если иной разъ ущипнешь ее въ бокъ, и я думаю, что она пошла бы на что угодно... Нѣтъ, мнѣ разъ пришлось

видѣть свадьбу, такъ сказать, быть косвеннымъ участникомъ ея. Гм! Милостивые государи и милостивыя государыни, это произошло въ одинъ воскресный вечеръ, на желѣзнодорожной станціи въ Швеціи, на станціи Кунгсбака. Прошу васъ не забывать, что это былъ воскресный вечеръ. У *нея* были большія, бѣлыя руки, у *него* еще не было бороды, такъ молодъ онъ былъ, на немъ была новешенькая, съ иголочки, кадетская форма. Они ѣхали вмѣстѣ изъ Гэтебурга, она тоже была молода, оба совсѣмъ дѣти. Я сидѣлъ, закрывшись газетой, и наблюдалъ за ними; мое присутствіе ихъ очень стѣсняло: они все время смотрѣли другъ на друга. У молодой дѣвушки глазки блестѣли, и ей не сидѣлось на мѣстѣ. Вдругъ поѣздъ свиститъ, мы подъѣзжаемъ къ Кунгсбака; онъ схватилъ ее за руку, они поняли другъ друга, и какъ только поѣздъ остановился, оба поспѣшно выскочили. Она спѣшитъ къ маленькому домику на платформѣ съ надписью: „для женщинъ“, онъ за ней—ей-же-ей, онъ не туда идетъ, онъ входитъ въ ту же дверь! И они торопливо запираютъ за собой дверь! въ то же мгновеніе въ городѣ начинаютъ звонить колокола, такъ какъ это было воскресенье. Подъ радостный звонъ колоколовъ они сидятъ внутри; проходитъ три минуты, четыре минуты, пять минутъ; гдѣ они? Они все еще тамъ, внутри, а колокола продолжаютъ перезванивать; Богъ знаетъ, не опоздаютъ ли они еще! Наконецъ, онъ открываетъ дверь и выглядываетъ. Она стоитъ сзади и надѣваетъ ему фуражку на голову, онъ оборачивается къ ней и улыбается. Потомъ онъ однимъ прыжкомъ сбѣгаетъ со ступенекъ, она за нимъ, на ходу приводя еще свое платье въ порядокъ; они добѣжали до вагона и сѣли на свои мѣста, не замѣченные никѣмъ, ни одной живой душой, кромѣ меня. Глаза дѣвушки были полны золотистаго сіянія, когда она, улыбаясь, взглянула на меня; ея маленькая дѣвическая грудь взволнованно вздымалась и опускалась. Нѣсколько минутъ спустя они оба спали, какъ мертвые—такъ дивно они устали.

„Что вы скажете на это? Милостивые государи и милостивыя

государыни, мой разсказъ конченъ; но не осталось ли у васъ впечатлѣнія, что передъ глазами вашими промелькнула маленькая картинка живой человѣческой жизни? Я обхожу превосходную даму, что сидитъ тамъ сзади, даму съ лорнеткой и мужскимъ стоячимъ воротникомъ, я говорю про ту, съ синими чулками; я обращаюсь къ тѣмъ двумъ, или тремъ среди васъ, которыя не проводятъ своихъ дней съ стиснутыми зубами, въ дѣятельности на пользу общую. Извините, если я кого-нибудь задѣлъ, особенно же я извиняюсь передъ достопочтенной дамой съ лорнеткой и синими чулками. Такъ, посмотрите, вотъ она встаетъ, она встаетъ! Ей-же-ей, она или собирается уйти или хочетъ цитировать кого-нибудь. И если она хочетъ кого-нибудь цитировать, то, по всей вѣроятности, она желаетъ меня опровергнуть. Но если она намѣревается меня опровергнуть, то она скажетъ слѣдующее:

— Гмъ!—скажетъ она,—у этого господина самое грубое изо всѣхъ, какія я когда-либо слыхала, чисто мужское представленіе о томъ, что такое жизнь. *Это* значитъ жить? Такъ *это* называется жизнью! Я не знаю, извѣстно ли этому господину, какъ одинъ изъ величайшихъ мыслителей опредѣлилъ, что такое жизнь: „Жизнь — это борьба съ темными силами въ нашемъ сердцѣ и мозгу“—говоритъ онъ...

„Ди де ли де ли де ли де ли де ли де лея.

„Жизнь—борьба съ темными силами“—да.

„Въ нашемъ сердцѣ и мозгу“.

„Правильно! Это вѣрно, точка въ точку! Милостивые государи и милостивыя государыни, норвежскій почтарь однажды везъ великаго поэта. По дорогѣ простодушный почтарь вдругъ спрашиваетъ: — извините, говоритъ онъ, что это такое будетъ: творить? Великій поэтъ поджимаетъ губы, выпячиваетъ, насколько можетъ, свою маленькую птичью грудь и произноситъ слѣдующія слова: „творить — это судить самого себя съ безпристрастнымъ челомъ“.

„И норвежскій почтарь чувствуетъ себя потрясеннымъ этими словами до самаго мозга костей...

„Одиннадцать часовъ. Сапоги мои, гдѣ, чортъ возьми, мои сапоги?.. Ну,—но принимая во вниманіе злополучную способность протестовать противъ всѣхъ и вся, въ такое время, когда рѣшительно никто не способенъ кольнуть кого-нибудь или что-нибудь; будь то чертополохъ, шиповникъ, дикообразъ или Рошфоръ... Хе-хе! мнѣ бы хотѣлось подкопать почву подъ нѣкоторыми дикими понятіями, царящими въ жизни...

„Стройная блѣдная дама, въ черномъ платьѣ, съ лучезарнѣйшей улыбкой; она благоволила ко мнѣ и потянула меня за рукавъ, чтобы удержать меня. — Вызовите хоть въ чемъ-нибудь движеніе, подобное тому, какое вызвалъ Викторъ Гюго,—сказала она,—тогда вы будете имѣть право тоже судить.

„— Хе, хе, возразилъ я.—Я, который не знаю ни одного писателя и никогда ни съ однимъ писателемъ не говорилъ; я агрономъ, изучавшій съ двадцати четырехъ лѣтъ гуано и кормовое жито; я, который не могъ бы написать двухъ словъ даже о дождевомъ зонтикѣ, не говоря уже о смерти, и жизни, и вѣчномъ мирѣ!...

„— Да, или какой-нибудь другой великій человѣкъ,—говоритъ она, — вы тутъ важничаете и разносите всѣхъ великихъ людей. Но великіе люди остаются все-таки великими людьми и они останутся ими до конца своей жизни; вы увидите.

„— Сударыня,—говорю я, и наклоняю почтительно голову,— сударыня, но Богъ ты мой, какое отсутствіе интеллигентности, какое умственное убожество сквозитъ въ томъ, что вы только что сказали. Простите, впрочемъ, что я такъ откровенно говорю; но если бы вы были мужчиной, а не женщиной, я готовъ былъ бы поклясться, что вы принадлежите къ лѣвой. Я не разношу всѣхъ великихъ людей, но я не сужу о значеніи человѣка по размѣрамъ вызваннаго имъ движенія; я не сужу о немъ по своему собственному разумѣнію, по своему внутреннему масштабу; я сужу о немъ,

такъ сказать, по вкусовымъ ощущеніямъ, которыя его дѣятельность вызываетъ у меня. Это не самомнѣніе, это есть результатъ субъективной логики моего *я*. Вѣдь вовсе не то главное, чтобы вызвать движеніе, заставить замѣнить Кинго въ общинѣ Хойвагъ Ландстадомъ. Вѣдь дѣло вовсе не въ томъ, чтобы надѣлать шуму въ кучкѣ адвокатовъ, учительницъ, журналистовъ или галилейскихъ рыбаковъ, или выпустить брошюру о Наполеонѣ маленькомъ. Нѣтъ, надо, чтобы была *сила*, духовная и матеріальная сила, избранные и выдающіеся люди, властелины человѣчества, Каіафа, Пилатъ, цезарь. Что толку, если бы мнѣ и удалось вызвать движеніе въ толпѣ, если я все равно въ концѣ концовъ буду распятъ на крестѣ? Можно собрать такую многочисленную толпу, что она въ состояніи будетъ захватить себѣ часть власти; ей можно дать ножъ въ руки и велѣть ей рѣзать, колоть и бить, ее можно настроить такъ, что она возьметъ верхъ при голосованіи; но одержать *побѣду*, увеличить духовную цѣнность существованія, подвинуть міръ впередъ хотя бы на одну пядь,—нѣтъ, этого она не можетъ, этого толпа не можетъ. Великіе люди это прекрасная тема для разговора, но дѣйствительно выдающіяся личности, властелины человѣчества, міровые умы должны еще призадуматься, чтобы сообразить, кто такіе *тѣ*, которыхъ называютъ великими людьми. Тогда великій человѣкъ останется позади съ толпой, съ ничего не стоющимъ большинствомъ, съ почитателями въ лицѣ адвоката, учительницы, журналиста и короля Бразильскаго.

„— Ну,—иронически замѣчаетъ дама въ черномъ... Предсѣдатель стучитъ по столу и проситъ быть потише, но моя собесѣдница не унимается и продолжаетъ—но разъ вы все-таки отрицаете не *всѣхъ* великихъ людей, въ такомъ случаѣ назовите мнѣ нѣсколькихъ или хоть одного, который заслуживалъ бы въ вашихъ глазахъ пощады. Это было бы интересно услышать.

„Я отвѣчаю:

„— Это возможно. Но дѣло въ томъ, что вы могли бы тогда придраться ко мнѣ. Если бы я вамъ назвалъ хоть одного или двухъ, или

десятерыхъ, вы бы навѣрное подумали, что кромѣ нихъ я больше никого не могу назвать. Да кромѣ того, для чего мнѣ это дѣлать? Если я вамъ, напримѣръ, представлю выборъ между Львомъ Толстымъ, Іисусомъ Христомъ и Эмануиломъ Кантомъ, то вы еще призадумаетесь, на комъ изъ нихъ остановиться. Вы скажете, что они всѣ великіе люди, каждый въ своемъ родѣ, и въ этомъ вся наша либеральная и передовая печать согласится съ вами...

„— Да, но кто же по вашему мнѣнію самый великій изъ нихъ?— прерываетъ она меня.

„— По моему мнѣнію, сударыня, не тотъ самый великій, который вызвалъ самое большое *движеніе*, хотя теперь и всегда съ такими людьми носятся больше всего. Нѣтъ, голосъ *моей* крови говоритъ мнѣ, что *тотъ* крупнѣе всѣхъ, который болѣе всѣхъ увеличилъ внутреннюю цѣнность существованія, внесъ въ него наибольшее количество положительныхъ цѣнностей. Великій террористъ крупнѣе всѣхъ, рычагъ, сдвигающій міры.

„— Но изъ тѣхъ трехъ, которыхъ вы назвали, конечно, Христосъ...

„— Да, конечно, Христосъ,—спѣшу я отвѣтить.—Вы совершенно правы, сударыня, и я радъ, что мы въ этомъ пунктѣ все-таки сходимся... Нѣтъ, вообще, я очень низко цѣню способность вызывать движеніе, даръ проповѣдничества, эту чисто формальную способность всегда имѣть на готовѣ слово. Что такое проповѣдникъ, профессіональный проповѣдникъ? Это человѣкъ, имѣющій отрицательное значеніе посредника, это приказчикъ, торгующій товаромъ. И чѣмъ больше товара онъ продастъ, тѣмъ большей извѣстностью онъ становится! Хе, хе, хе! Чѣмъ больше шарлатанства онъ пуститъ въ ходъ, тѣмъ скорѣе ему удастся расширить дѣло. Хе, хе, хе! Но какой толкъ отъ того, что я изложу своему доброму сосѣду Оле Нордистуену взгляды Фауста на жизнь? Повліяетъ ли это на образъ мыслей будущихъ поколѣній?

„— Но что будетъ съ Оле Нордистуеномъ, если никто...

„— Пусть Оле Нордистуенъ убирается къ чорту! — прерываю

я ее, — Оле Нордистуену нечего больше дѣлать на свѣтѣ, какъ ждать смерти; другими словами, чѣмъ раньше онъ постарается убраться, тѣмъ лучше. Оле Нордистуенъ годенъ для удобренія земли, онъ солдатъ, котораго Наполеонъ топчетъ подъ копытами своей лошади; вотъ что такое Оле Нордистуенъ — если хотите знать! Оле Нордистуенъ это, чортъ меня побери, даже не начало, тѣмъ менѣе результатъ чего бы то ни было; это даже не запятая въ великой книгѣ, это просто пятно на бумагѣ. Вотъ *что такое* Оле Нордистуенъ.

„— Тише! Ради Бога!—говоритъ испуганно моя собесѣдница и смотритъ на предсѣдателя, не указываетъ ли онъ мнѣ на дверь.

„— Хорошо!—отвѣчаю я,—хе-хе-хе, хорошо, я больше ничего не говорю. — Въ ту же минуту я замѣчаю, что у нея красивый ротъ и говорю: простите сударыня, что я задержалъ васъ столько времени своей болтовней и вздоромъ. Смѣю ли, впрочемъ, поблагодарить васъ за благосклонность. Вашъ ротъ удивительно красивъ, когда вы улыбаетесь. Прощайте!

„Но тутъ она краснѣетъ до корня волосъ и приглашаетъ меня къ себѣ домой. Прямо таки къ себѣ домой, на свою квартиру. Хе, хе, хе. Она живетъ на такой-то улицѣ, такой-то номеръ; она охотно побесѣдовала бы со мной еще объ этомъ предметѣ; она не согласна со мной и хотѣла бы многое возразить мнѣ. Если я приду завтра вечеромъ, я застану ее совершенно одну. Но приду ли я завтра вечеромъ? Да? Благодарю. Итакъ, до свиданія!

„Хе, хе, хе. И въ концѣ концовъ ей ничего больше не нужно было отъ меня, какъ показать мнѣ новое мягкое одѣяло, національный рисунокъ, Галлигдальское издѣліе. Хе, хе, хе! Да это я, впрочемъ, могъ предвидѣть. Но она была дѣйствительно красива, и...

„Нѣтъ, теперь, наконецъ, я *долженъ* встать, съ сапогами или безъ сапогъ!“

Онъ вскочилъ съ кровати, поднялъ штору и взглянулъ въ окно. Солнце сіяло, была ясная погода. Онъ позвонилъ. Скажетъ ли она что-нибудь? подумалъ онъ и продолжалъ вслухъ: „она

навѣрно скажетъ: „извините баринъ“. Но положимъ, что она ничего не скажетъ, ни одного звука, что тогда? Тогда со мной сегодня не случится ничего дурного! Ничего дурного! Дай Богъ, чтобы она молчала!“

Онъ сталъ что-то соображать. Но въ эту минуту на лѣстницѣ раздались шаги, и едва Сара открыла дверь, какъ онъ, стоя почти голый посреди комнаты, крикнулъ:

— Ну, что вы скажете, женщина?

— Извините, баринъ, что я такъ долго не несла сапогъ,— отвѣтила она.—Но у насъ сегодня стирка, а тогда ужъ всегда работы много.

— Ну, ладно,—говоритъ онъ.

До двѣнадцати онъ сидѣлъ дома; потомъ онъ отправился на кладбище, чтобы присутствовать на похоронахъ. По обыкновенію, онъ былъ въ своемъ желтомъ костюмѣ.

V.

Когда Нагель пришелъ на кладбище, еще никого не было. Онъ прошелъ къ могилѣ и заглянулъ въ нее; внизу на самомъ днѣ лежали два бѣлыхъ цвѣтка. Кто ихъ бросилъ туда и съ какой цѣлью? „Эти бѣлые цвѣты я уже видѣлъ гдѣ-то“, подумалъ онъ. Вдругъ онъ вспомнилъ, что еще не брился. Онъ взглянулъ на часы и, послѣ минутнаго размышленія, поспѣшно отправился снова въ городъ. На базарной площади онъ увидалъ судью, шедшаго ему навстрѣчу. Нагель пошелъ прямо на него, глядя ему въ глаза,—никто изъ нихъ ничего не сказалъ; оба прошли мимо, не поклонившись. Нагель вошелъ въ парикмахерскую. Въ эту минуту послышался похоронный звонъ.

Нагель сталъ терпѣливо ждать: онъ ни съ кѣмъ не заговаривалъ, не произносилъ ни слова и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ разглядывалъ висѣвшія на стѣнѣ картины, переходя отъ стѣны къ стѣнѣ и обстоятельно разсматривая каждую картину въ отдѣльности. Наконецъ, очередь дошла до него; онъ сѣлъ и облокотился на спинку стула.

Когда онъ снова вышелъ на улицу, онъ увидалъ судью Рейнерта, повидимому, вернувшагося и теперь поджидавшаго кого-то. Въ лѣвой рукѣ у него была палка; завидя Нагеля, онъ взялъ ее въ правую руку и сталъ размахивать ею по воздуху. Оба медленно шли другъ другу навстрѣчу. „Когда я его встрѣтилъ раньше, у него не было палки“, проговорилъ Нагель про себя. „Это не новая палка; онъ ея не купилъ, онъ одолжилъ ее. Это камышевая трость“.

Когда они поровнялись другъ съ другомъ, судья остановился; Нагель тоже сразу остановился; они стали почти одновременно, Нагель надвинулъ на лобъ свою бархатную шапочку, точно желая почесать затылокъ, и сейчасъ же сдвинулъ ее опять назадъ. Судья же, крѣпко уперевъ конецъ палки о каменную мостовую, оперся на нее обѣими руками. Въ такомъ положеніи онъ оставался нѣсколько секундъ, не говоря ни слова. Вдругъ онъ выпрямился, повернулся къ Нагелю спиной и пошелъ своей дорогой. Нагель смотрѣлъ ему вслѣдъ, пока онъ не исчезъ за угломъ.

Эта нѣмая сцена разыгралась въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей. Среди нихъ былъ человѣкъ, продававшій лотерейные билеты и видѣвшій все это. Нѣсколько дальше сидѣлъ торговецъ гипсовыми издѣліями, онъ тоже наблюдалъ всю эту странную сцену; Нагель узналъ въ немъ одного изъ посѣтителей кафе, присутствовавшихъ наканунѣ вечеромъ при столкновеніи его съ судьей и принявшихъ затѣмъ въ объясненіи съ хозяиномъ его сторону.

Когда Нагель во второй разъ пришелъ на кладбище, пасторъ уже держалъ рѣчь. На похоронахъ присутствовала масса народу. Нагель. не подходя къ могилѣ, усѣлся въ сторонѣ на большую новую мраморную плиту, на которой была слѣдующая надпись: „Вильгельмина Меекъ. Родилась 20 мая 1873 года, скончалась 16 февраля 1891 года“. Больше на плитѣ ничего не было. Плита

была новешенькая и насыпь, которую она покрывала, совершенно свѣжая.

Нагель подозвалъ къ себѣ маленькаго мальчика.

— Ты видишь, тамъ стоитъ человѣкъ въ коричневомъ сюртукѣ?—сказалъ онъ.

— Да, тотъ, что съ шапкой? Это Минутта.

— Да, да. Такъ поди къ нему и попроси его сюда.

Мальчикъ пошелъ исполнить порученіе.

Когда Минутта подошелъ. Нагель всталъ, подалъ ему руку и сказалъ:

— Здравствуйте, мой другъ. Очень радъ видѣть васъ. Вы получили уже сюртукъ?

— Сюртукъ? Нѣтъ, еще нѣтъ. Но я его навѣрное получу,— отвѣтилъ Минутта.—Позвольте мнѣ поблагодарить васъ за вчерашнее — благодарю васъ за все! Да, да, вотъ мы и хоронимъ Карльсена! Ахъ, да, ничего не подѣлаешь, надо съ этимъ примириться.

Они усѣлись оба на новую мраморную плиту и продолжали разговаривать. Нагель вынулъ карандашъ и сталъ что-то писать на плитѣ.

— Кто здѣсь похороненъ?—спросилъ онъ.

— Вильгельмина Меекъ. Мы, впрочемъ, называли ее, для краткости, просто Мина Меекъ. Она была еще почти дитя, ей не было еще, я думаю, и двадцати лѣтъ.

— Нѣтъ, судя по надписи, ей еще не было и восемнадцати. Это тоже была добрая душа?

— Вы такъ странно говорите это: но...

— Я замѣтилъ въ васъ одну прекрасную черту: — вы обо всѣхъ людяхъ, кто бы они ни были, отзываетесь хорошо.

— Но если бы вы знали Мину Меекъ, я увѣренъ, что вы бы сказали то же самое. Это была на рѣдкость добрая душа. Если кого-нибудь Господь сдѣлалъ ангеломъ, то это, конечно, ее.

— Да? Она была обручена?

— Обручена? Ничего подобнаго. По крайней мѣрѣ, я этого не знаю. Нѣтъ, она навѣрное не была обручена; она была очень благочестива, и у нея было обыкновеніе на улицѣ вслухъ бесѣдовать съ Господомъ, такъ что всѣ это слышали. И люди останавливались тогда, чтобы послушать. Всѣ въ городѣ любили Мину Меекъ.

— Другими словами, это была дѣвушка, которая жила только духомъ, что? Про тѣло же ея, пожалуй, можно было бы сказать, что она вернула его Господу Богу съ благодарностью, сказавъ: „я имъ не воспользовалась!“

— Я не особенно быстро соображаю, да и не очень уменъ можетъ быть, я не понялъ, что вы хотите сказать, говоря, что она вернула его съ благодарностью.

— Ну, хорошо, я ничего не хотѣлъ этимъ сказать.

Нагель между тѣмъ продолжалъ писать что-то на плитѣ; это были стихи; окончивъ писать, онъ снова спряталъ карандашъ въ карманъ.

— Это прямо невѣроятно, до какой степени новое лицо обращаетъ на себя всеобщее вниманіе въ маленькомъ городѣ,—сказалъ Минутта,—я стоялъ у могилы и слушалъ надгробную рѣчь; но я замѣтилъ, что, по крайней мѣрѣ, половина провожатыхъ была занята вами.

— Мною?

— Да. Многіе перешептывались и спрашивали другъ друга, кто вы. Вотъ они стоятъ тамъ и смотрятъ сюда.

— Кто эта дама съ большимъ чернымъ перомъ на шляпѣ?

— Та, у которой зонтикъ съ бѣлой ручкой? Это Фридерика Андресенъ, фрэкенъ Фридерика, о которой я вамъ разсказывалъ; а та, что стоитъ около нея, что какъ разъ теперь смотритъ сюда, это дочь полиціймейстера; ее зовутъ фрэкенъ Ольсенъ, Гудрунъ Ольсенъ. Да, я всѣхъ ихъ знаю. Дагни Кьелландъ тоже здѣсь; она сегодня въ черномъ платьѣ; оно ей почти больше къ лицу, чѣмъ всякое другое. Вы ее видѣли? Впрочемъ, онѣ сегодня всѣ

въ черныхъ платьяхъ, само собою разумѣется; я болтаю ужасный вздоръ. Вы видите этого господина въ синемъ лѣтнемъ пальто и въ очкахъ? Это докторъ Стенерсенъ. Онъ не уѣздный врачъ; онъ занимается частной практикой и въ прошломъ году только женился. Его жена стоитъ дальше, позади; не знаю, видно ли вамъ отсюда маленькую смуглую даму, въ отдѣланномъ шелкомъ пальто? Да, это его жена. Она нѣсколько болѣзненна и должна поэтому всегда тепло одѣваться. А вотъ идетъ судья...

Нагель спросилъ:

— Не можете ли вы мнѣ показать жениха фрэкенъ Кьелландъ? Онъ здѣсь?

— Нѣтъ, лейтенантъ Гансенъ? его нѣтъ здѣсь. Онъ въ плаваніи; онъ уѣхалъ нѣсколько дней тому назадъ, сейчасъ же послѣ помолвки.

Послѣ короткаго молчанія Нагель снова заговорилъ:

— На днѣ могилы лежали два цвѣтка, два бѣлыхъ цвѣтка.— Вы не знаете, откуда они?

— Нѣтъ,— отвѣтилъ Минутта—т. е... вы спрашиваете меня? Это прямой вопросъ? Объ этомъ стыдно разсказывать; я могъ бы, можетъ быть, положить ихъ на гробъ, если бы я попросилъ объ этомъ, а не швырять ихъ такимъ образомъ; но что такое два цвѣтка? И куда бы я ихъ ни положилъ — вѣдь это все же только два цвѣтка и не больше. Поэтому я предпочелъ ужъ лучше встать сегодня рано утромъ, въ началѣ четвертаго часа, можно сказать, ночью и опустить ихъ въ могилу; я спустился внизъ, на самое дно, и положилъ ихъ тамъ; и стоя внизу, на днѣ могилы, я два раза вслухъ простился съ нимъ. Это такъ подѣйствовало на меня, что я потомъ пошелъ въ лѣсъ и съ горя ходилъ по лѣсу, закрывъ лицо руками. Какъ странно разставаться такимъ образомъ съ человѣкомъ навсегда, и хотя Іенсъ Карльсенъ и былъ значительно выше меня во всѣхъ отношеніяхъ, онъ всегда былъ дружески расположенъ ко мнѣ.

— Такъ? Такъ, значитъ, это вы принесли эти цвѣты?

— Да, я ихъ принесъ. Но я это сдѣлалъ не для того, чтобы потомъ хвастнуть этимъ,—видитъ Богъ. Да о такихъ пустякахъ не стоитъ и говорить. Но я купилъ ихъ вчера, уйдя отъ васъ. Случилось какъ разъ такъ, что дядя далъ мнѣ полъ-кроны въ мое собственное распоряженіе, когда я принесъ ему деньги, которыя получилъ отъ васъ; онъ такъ былъ имъ радъ, что чуть не опрокинулъ меня. Онъ навѣрное придетъ когда-нибудь поблагодарить васъ: да, да, онъ это *сдѣлаетъ*, я знаю, что онъ это сдѣлаетъ. Но когда я получилъ эти полъ-кроны, мнѣ пришло вдругъ на умъ, что у меня нѣтъ цвѣтовъ къ похоронамъ, и тогда я пошелъ на набережную...

— Вы пошли на набережную?

— Да, къ одной дамѣ, которая тамъ живетъ.

— Въ одноэтажномъ домѣ?

— Да!

— У этой дамы сѣдые волосы?

— Да, совсѣмъ сѣдые волосы; вы ее видѣли? Она дочь капитана корабля, но она очень бѣдна. Вначалѣ она совсѣмъ не хотѣла брать съ меня денегъ, но я все-таки положилъ ихъ на стулъ, хотя она протестовала и нѣсколько разъ говорила „нѣтъ". Она такъ робка и навѣрное нерѣдко страдаетъ отъ свой скромности.

— Вы знаете, какъ ее зовутъ?

— Марта Гуде.

— Марта Гуде?

— Да, Марта Гуде.

Нагель вынулъ изъ кармана записную книжку и, записавъ ея имя, спросилъ:

— Она была замужемъ? Она вдова?

— Нѣтъ. Она долгое время ѣздила съ отцомъ, пока у него было судно; но съ тѣхъ поръ, какъ онъ умеръ, она живетъ здѣсь.

— Развѣ у нея нѣтъ родныхъ?

— Этого я не знаю. Нѣтъ, должно быть, нѣтъ.

— Чѣмъ же она живетъ?

— Да, одинъ Богъ знаетъ, чѣмъ она живетъ. Этого никто не знаетъ. Впрочемъ, она, навѣрно, получаетъ поддержку отъ благотворительнаго общества.

— Скажите, пожалуйста, такъ вы, значитъ, были у этой дамы, у этой Марты Гуде; какой видъ имѣетъ ея квартира?

— Какой видъ можетъ имѣть старая, бѣдная комната? Тамъ стоитъ кровать, столъ, пара стульевъ; впрочемъ, тамъ три стула, насколько я вспоминаю; въ углу у кровати тоже стоитъ стулъ; онъ покрытъ мягкимъ плюшемъ, но его надо всегда приставлять къ стѣнѣ, иначе онъ не держится, такъ онъ уже плохъ. Больше я ничего не помню.

— Неужели тамъ, дѣйствительно, ничего больше нѣтъ? Какихъ-нибудь часовъ на стѣнѣ? Старой картины или чего-нибудь въ этомъ родѣ?

— Нѣтъ, почему вы спрашиваете?

— А стулъ, который не держится, тотъ, что покрытъ краснымъ плюшемъ, какъ онъ выглядитъ? Онъ очень старъ? Почему онъ стоитъ у кровати? На немъ нельзя сидѣть? Это стулъ съ высокой спинкой?

— Да, кажется, съ высокой спинкой; я точно не помню.

— И больше ничего нѣтъ въ комнатѣ?

— Ничего!

У могилы раздалось пѣніе; похороны кончались. Когда и пѣніе прекратилось, съ минуту было совершенно тихо; потомъ толпа провожающихъ стала расходиться во всѣ стороны. Большинство направилось къ большимъ кладбищенскимъ воротамъ, нѣкоторые, остановившись, разговаривали. Группа мужчинъ и дамъ приближалась къ Нагелю и Минуттѣ; все молодежь, дамы, съ блестящими удивленными глазами, съ любопытствомъ оглядывали обоихъ сидѣвшихъ на мраморной плитѣ мужчинъ. Дагни Кьелландъ густо покраснѣла; она смотрѣла прямо передъ собой, не подымая глазъ

и не поворачивая головы; судья тоже не подымалъ глазъ; онъ вполголоса разговаривалъ съ одной изъ дамъ.

Когда они проходили мимо, докторъ Стенерсенъ, тоже находившійся въ группѣ, остановился. Онъ знакомъ подозвалъ къ себѣ Минутту; Минутта поднялся. Нагель остался одинъ.

— Попросите, пожалуйста, этого господина... — Донеслись до него слова доктора; больше онъ ничего не разслышалъ. Вслѣдъ затѣмъ его имя было громко произнесено, и онъ тоже всталъ. Онъ снялъ шапку и отвѣсилъ глубокій поклонъ.

Докторъ подошелъ къ Нагелю съ извиненіемъ: ему дано одной изъ дамъ, фрэкенъ Меекъ, непріятное порученіе просить его быть осторожнѣе съ надгробной плитой и не сидѣть на ней. Плита еще новая, только что положена, фундаментъ еще такой свѣжій, земля такая рыхлая, что все это можетъ провалиться въ одну минуту. Сестра покойной проситъ объ этомъ.

Нагель сталъ извиняться. Это разсѣянность, невниманіе съ его стороны; онъ вполнѣ понимаетъ опасенія молодой дамы. Онъ поблагодарилъ доктора.

Между тѣмъ они незамѣтно пошли дальше. У калитки Минутта простился; докторъ и Нагель остались одни. Теперь только они представились другъ другу.

Докторъ спросилъ:

— Вы разсчитываете прожить у насъ нѣкоторое время?

— Да,—отвѣтилъ Нагель. — Надо же не отставать отъ моды устраивать себѣ каникулы, проводить лѣто на дачѣ, копить силы на зиму и потомъ начинать сначала... Это очень симпатичный городокъ.

— Откуда вы? Я стараюсь опредѣлить на какомъ діалектѣ вы говорите, и никакъ не могу разобрать.

— Я родомъ изъ Финнмаркена, я квенъ. Но жилъ я въ разныхъ мѣстахъ, то здѣсь, то тамъ.

— Это можно было предположить. Обыкновенно сѣверный

діалектъ сказывается очень рѣзко... Вы сейчасъ изъ-за границы?

— Всего лишь изъ Гельсингфорса.

Вначалѣ разговоръ ихъ вертѣлся вокругъ множества безразличныхъ вещей; но скоро они перешли на другіе вопросы,—о выборахъ, о неурожаѣ въ Россіи, о литературѣ и о покойномъ Карльсенѣ.

— Каково ваше мнѣніе, вы сегодня хоронили самоубійцу? — спросилъ Нагель.

Докторъ не могъ, не хотѣлъ этого сказать. Ему нѣтъ до этого никакого дѣла, и онъ не желаетъ вмѣшиваться. Тутъ столько говорятъ объ этомъ. Впрочемъ, почему бы ему и не быть самоубійцей. Всѣ теологи должны были бы покончить съ собой.

— Это почему?

— Почему? Да потому, что ихъ роль окончена, потому, что нашъ вѣкъ сдѣлалъ ихъ лишними. Люди начали мыслить самостоятельно, и ихъ религіозное чувство все болѣе и болѣе угасаетъ.

Но Нагель не могъ понять, что человѣчество выгадаетъ, если будутъ уничтожены всѣ символы, вся поэзія. Впрочемъ, это еще вопросъ, сдѣлалъ ли дѣйствительно нашъ вѣкъ теологовъ лишними, потому что религіозное чувство какъ разъ *этюдь не* убываетъ.

— Нѣтъ, конечно, не въ низшихъ слояхъ народа — хотя и тамъ это сказывается все больше и больше; но среди интеллигенціи оно несомнѣнно ослабѣваетъ.

Съ этимъ Нагель не могъ согласиться. Религіозное чувство это нѣчто индивидуальное: у однихъ людей его больше, у другихъ меньше, нѣкоторые опять-таки совершенно лишены его. Но вѣдь едва ли можно сказать, что только нерелигіозные люди— истинно просвѣщенные люди; напротивъ, очень часто...

— Ну, не будемъ больше говорить объ этомъ,—сказалъ докторъ коротко, — мы стоимъ на слишкомъ разныхъ точкахъ зрѣ-

нія.—Докторъ былъ свободомыслящій; онъ слышалъ подобныя возраженія слишкомъ часто, безсчетное число разъ.

Обратили ли они его? Двадцать лѣтъ онъ все тотъ же. Въ качествѣ врача, онъ, такъ сказать, по чайной ложечкѣ уничтожалъ у людей представленіе о „душѣ"! Нѣтъ, онъ переросъ подобныя суевѣрія...—Что вы думаете о выборахъ?

— О выборахъ? — Нагель разсмѣялся. — Я надѣюсь, что они дадутъ наилучшіе результаты!—сказалъ онъ.

— Я тоже,—сказалъ докторъ.—Это былъ бы позоръ на вѣки вѣчные, если бы министерство не получило большинства при такой безусловно демократической программѣ. — Докторъ принадлежалъ къ лѣвой и былъ радикалъ, онъ былъ имъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ думать.

— Дѣло въ томъ, — продолжалъ онъ, — что у насъ, лѣвыхъ, слишкомъ мало денегъ. Вы и прочіе, люди со средствами, должны были бы оказать поддержку. Вѣдь теперь на карту поставлено будущее всей страны.

— Я? Я человѣкъ со средствами?—спросилъ Нагель.—Ну, съ моимъ богатствомъ дѣло обстоитъ довольно плохо.

— Ну, можетъ быть, вы и не милліонеръ, но во всякомъ случаѣ... Говорятъ, что у васъ есть деньги, вы владѣете, напримѣръ, помѣстьемъ, стоимостью въ шестьдесятъ двѣ тысячи кронъ.

— Ха, ха, ха! Это очень хорошо! Нѣтъ, все дѣло въ томъ, что я на этихъ дняхъ вступилъ въ обладаніе маленькимъ наслѣдствомъ, доставшимся мнѣ послѣ матери,—нѣсколько тысячъ кронъ. Вотъ и все. Помѣстья же у меня нѣтъ никакого. Это мистификація.

Они подошли къ квартирѣ доктора, двухэтажному, выкрашенному въ желтую краску дому съ верандой. Краска въ нѣсколькихъ мѣстахъ облупилась, края крыши были обломаны. Въ верхнемъ этажѣ не хватало стекла въ одномъ окнѣ, занавѣсы были далеко не первой чистоты. Безпорядочная внѣшность дома подѣйствовала на Нагеля непріятнымъ образомъ, и онъ сталъ прощаться.

Но докторъ сказалъ:

— Вы не зайдете ли къ намъ? Нѣтъ? Но во всякомъ случаѣ я надѣюсь васъ еще видѣть. Моя жена и я, мы будемъ очень рады, если вы насъ посѣтите. Не хотите ли сейчасъ зайти къ моей женѣ?

— Вѣдь ваша жена была на кладбищѣ; она едва ли успѣла вернуться домой.

— Да, вы правы; она пошла съ другими. Ну, загляните къ намъ въ другой разъ, когда будете проходить мимо.

Нагель вернулся въ гостинницу; но, входя въ подъѣздъ, онъ вдругъ вспомнилъ что-то. Онъ щелкнулъ пальцами, коротко засмѣялся и произнесъ вслухъ:—интересно бы знать, остались ли тамъ стихи!

Онъ снова отправился на кладбище и остановился передъ могилой Мины Меекъ. Никого не было видать кругомъ; но стихи были стерты. Кто это могъ сдѣлать? На мраморной плитѣ не осталось и слѣда того, что онъ написалъ на ней.

VI.

На слѣдующее утро Нагель всталъ въ мягкомъ и радостномъ настроеніи. Оно овладѣло имъ, когда онъ еще лежалъ въ постели; ему казалось, будто потолокъ его комнаты сталъ подыматься кверху, все выше и выше, до безконечности, и вдругъ вмѣсто потолка онъ увидѣлъ высоко надъ собой голубой небесный сводъ. Онъ почувствовалъ внезапно на лицѣ своемъ мягкое и сладостное дуновеніе, словно онъ лежалъ въ полѣ среди зеленой травы. Мухи съ жужжаніемъ носились по комнатѣ; было теплое лѣтнее утро.

Онъ живо одѣлся, вышелъ изъ гостинницы безъ завтрака и сталъ бродить по городу. Было одиннадцать часовъ.

Изъ каждаго дома доносились звуки рояля; сквозь открытыя окна вырывались самыя разнообразныя мелодіи, и съ улицы какая-то нервная собака отвѣчала имъ протяжнымъ воемъ. Нагелемъ овладѣло чувство безпричинной радости; онъ невольно

началъ тихонько напѣвать про себя и, проходя мимо какого-то старика, воспользовался случаемъ, чтобы сунуть ему въ руку шиллингъ.

Онъ проходитъ мимо большого бѣлаго дома. Во второмъ этажѣ открывается окно; стройная, бѣлая рука надѣваетъ крючекъ. Занавѣска еще колышется; рука еще лежитъ на крючкѣ; у Нагеля было ощущеніе, точно кто-то стоитъ за занавѣской и наблюдаетъ за нимъ. Онъ остановился и поднялъ голову; онъ оставался въ такой позѣ больше минуты, но никто не показывался. Онъ обернулся къ дощечкѣ на дверяхъ и прочелъ: Ф. М. Андресенъ, датское консульство.

Нагель уже собирался итти дальше, но, обернувшись еще разъ, увидалъ высунувшееся въ окно длинное, аристократическое лицо фрэкенъ Фридерики; глаза ея удивленно смотрѣли ему вслѣдъ. Онъ снова остановился, взгляды ихъ встрѣтились; она покраснѣла, но, словно наперекоръ, слегка потянула кверху рукава своего платья и до половины высунулась изъ окна. Она долго лежала такъ, не измѣняя позы, и Нагель долженъ былъ положить конецъ этой сценѣ и уйти. Но въ головѣ его мелькнулъ странный вопросъ: стояла ли молодая дѣвушка передъ окномъ на колѣняхъ? Въ такомъ случаѣ—подумалъ онъ—комнаты въ квартирѣ консула не особенно высоки, потому что окно было едва ли выше шести футовъ и не доставало до крыши всего на одинъ футъ. Онъ внутренно самъ разсмѣялся надъ этой мыслью, которая его въ сущности нисколько не интересовала; какое ему, чортъ возьми, дѣло до квартиры консула Андресена?

И онъ побрелъ дальше.

Внизу, у пристаней, работа была въ полномъ ходу. Носильщики, таможенные чиновники, рыбаки, всѣ бѣжали и суетились; каждый дѣлалъ свое дѣло; воротъ скрипѣлъ; два парохода почти одновременно дали свистки къ отходу. Море тянулось вдаль, блестящее и гладкое, какъ зеркало; солнце лило на него сверху свои лучи, превращая его въ одну золотистую массу, съ непод-

вижно погруженными, точно впаянными въ нее кораблями и лодками.

Съ гигантскаго трехмачтоваго судна вдали доносились звуки ручного органа, и когда скрипъ ворота и пароходные свистки умолкали на минуту, мелодія звучала нѣжно, какъ дрожащій, робкій женскій голосъ. Люди на кораблѣ веселились и дурачились и танцовали польку подъ звуки шарманки. Взглядъ Нагеля упалъ на маленькую, крохотную дѣвочку, прижимавшую къ себѣ кошку; животное терпѣливо висѣло на рукахъ у дѣвочки, почти касаясь земли задними лапами; оно не шевелилось. Нагель погладилъ малютку по щекѣ и спросилъ:

— Это твоя кошка?

— Да, два, четыре, шесть, семь.

— Вотъ какъ? Ты умѣешь считать?

— Да, семь, восемь, одиннадцать, два, четыре, шесть, семь.

Онъ пошелъ дальше. Со стороны пасторскаго дома съ неба метнулся въ сторону бѣлый, точно опьянѣвшій отъ солнечныхъ лучей, голубь и исчезъ за верхушками деревьевъ; онъ сверкнулъ, словно блестящая серебряная стрѣла, упавшая въ отдаленіи на землю. Гдѣ-то раздался короткій, почти беззвучный выстрѣлъ, и вслѣдъ затѣмъ изъ лѣсу по ту сторону залива поднялось легкое облачко голубого дыма.

Дойдя до послѣдней пристани и пройдя нѣсколько разъ взадъ и впередъ по пустынной набережной, Нагель машинально поднялся на холмъ и направился къ лѣсу. Онъ шелъ добрыхъ полчаса, все больше и больше углубляясь въ лѣсъ, и остановился, наконецъ, очутившись на узкой тропинкѣ. Все было тихо, ни одной птицы не слыхать было, небо было совершенно безоблачное. Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ въ сторону отъ тропинки, выбралъ себѣ сухое мѣстечко и вытянулся во всю длину на спинѣ. Направо отъ него былъ пасторскій домъ, налѣво городъ, а надъ головой безконечный океанъ небесной лазури.

Что, если бы очутиться тамъ наверху, бродить между солнцами и чувствовать, какъ кометы обвѣваютъ тебѣ лобъ своими хвостами! Какое крохотное тѣло земля и какъ ничтожны люди! Стоитъ ли быть человѣкомъ на землѣ? Въ потѣ лица своего, съ трудомъ расчищая себѣ путь, проталкиваешься нѣкоторое количество лѣтъ сквозь земную сутолоку, чтобы въ концѣ концовъ все-таки исчезнуть, все-таки! Нагель почесалъ въ затылкѣ; о, кончится тѣмъ, что онъ самъ уберется со свѣту и положитъ этому конецъ! Сдѣлаетъ ли онъ это когда-нибудь въ самомъ дѣлѣ? Да, видитъ Богъ, да, онъ не отступитъ назадъ! И онъ вдругъ пришелъ въ восхищеніе отъ того, что у него былъ въ запасѣ этотъ простой исходъ; слезы выступили у него на глазахъ отъ восторга, и онъ часто и громко дышалъ отъ возбужденія. Онъ видѣлъ себя уже въ ладьѣ, колыхающимся на волнахъ небеснаго моря; онъ удилъ серебряной удочкой и пѣлъ при этомъ. И ладья его была изъ ароматнаго дерева, а весла сверкали, какъ бѣлыя крылья; парусъ же изъ свѣтло-голубого шелка былъ вырѣзанъ въ формѣ полумѣсяца...

Все существо его трепетало отъ радости; онъ забылъ все вокругъ себя; онъ унесся отъ земли и потонулъ въ жаркихъ солнечныхъ лучахъ. Тишина, царившая кругомъ, опьяняла его; ничто не нарушало его покоя, только высоко въ воздухѣ что-то мягко дрожало и чуть слышно гудѣло—это гудѣла гигантская машина, Богъ, вертѣвшій свое колесо. Кругомъ въ лѣсу все было такъ неподвижно, ни одинъ листъ не шевелился, ни одна вѣтка не колыхалась.

Нагель весь съежился отъ блаженства; онъ буквально подобралъ подъ себя колѣни, и по временамъ дрожь восторга пробѣгала по его тѣлу. Кто-то позвалъ его; онъ откликнулся и, приподнявшись на локтѣ, оглянулся; никого не было видать; онъ снова откликнулся и сталъ прислушиваться, но никто не показывался. Какъ странно, вѣдь онъ ясно слышалъ, какъ его позвали; но онъ не сталъ ломать себѣ надъ этимъ головы; можетъ быть, ему это просто почудилось; во всякомъ случаѣ онъ не желалъ

нарушать своего покоя. Онъ находился въ какомъ-то странномъ, загадочномъ состояніи; чувство физическаго блаженства наполняло все его существо; каждый нервъ въ немъ трепеталъ, онъ чувствовалъ музыку въ своей крови; онъ какъ бы сросся со всей природой, съ солнцемъ и горами, со всѣмъ, что его окружало; отъ деревьевъ, отъ песчаныхъ насыпей на землѣ, отъ каждой травки тянулись къ нему тысячи невидимыхъ нитей, сливаясь съ его существомъ. Душа его росла, и ширилась, и стала полнозвучной, какъ органъ. Никогда потомъ онъ не могъ забыть, какъ въ крови у него носились волны нѣжной музыки.

Онъ лежалъ долго, наслаждаясь одиночествомъ. Вдругъ онъ услыхалъ шаги, приближавшіеся по тропинкѣ, дѣйствительные шаги, на этотъ разъ это не могло быть обманомъ слуха. Онъ поднялъ голову и увидалъ человѣка, идущаго изъ города. Этотъ человѣкъ несъ подъ мышкой длинный хлѣбъ и велъ за собою на веревкѣ корову; онъ безпрестанно вытиралъ потъ съ лица и шелъ безъ сюртука изъ-за жары, но шея его была дважды обмотана толстымъ краснымъ шерстянымъ шарфомъ. Нагель продолжалъ лежать неподвижно, наблюдая крестьянина. Такъ вотъ онъ, норвежскій крестьянинъ, хе, хе, да, да, вотъ она, соль земли съ хлѣбомъ подъ мышкой и коровой на привязи! О, — что за зрѣлище! Хе-хе-хе-хе-хе, помилуй тебя Богъ, храбрый викингъ Норвегіи, если бы ты хоть немного распустилъ свой шарфъ и выпустилъ изъ него вшей. Но ты не могъ бы жить тогда, у тебя казалось бы слишкомъ много свѣжаго воздуха и ты умеръ бы отъ этого. И печать оплакивала бы твою раннюю кончину и наполнила бы ею цѣлый номеръ; а во избѣжаніе повторенія такихъ несчастныхъ случаевъ либеральный членъ стортинга Ветле Ветлесенъ внесъ бы предложеніе о строгой охранѣ національныхъ вшей.

Въ мозгу Нагеля одинъ за другимъ рождались горькіе сарказмы. Онъ поднялся и, возбужденный и въ дурномъ настроеніи духа, отправился въ обратный путь. Нѣтъ, всегда все-таки онъ оказывался правъ, всюду одни лишь смазные сапоги, и вши, и

старый сыръ, и катехизисъ Лютера. Да, на каждомъ шагу только бѣдность и нужда. А люди—это все средніе обыватели, живущіе въ мизерныхъ, трехэтажныхъ домахъ; они еле перебиваются, благодушествуютъ за тодди и выборной политикой и изо дня въ день торгуютъ зеленымъ мыломъ, мѣдными гребенками и рыбой! Ночью же, когда сверкаетъ молнія и гремитъ громъ, тогда они лежатъ на колѣняхъ и со страху читаютъ молитвы! Укажите же намъ хоть одно дѣйствительное исключеніе! Дайте намъ, напримѣръ, выдающееся преступленіе, исключительный грѣхъ, а не эти смѣшныя, мѣщанскія, азбучныя прегрѣшенія! Нѣтъ, покажите намъ рѣдкій, ужасающій развратъ, небывалое злодѣйство, королевскій грѣхъ, въ которомъ бы чувствовалось все грубое величіе ада! Ахъ, нѣтъ, все это такъ мелко, Боже великій, такъ жалко и ничтожно!..

Но когда онъ снова пришелъ на пристань и увидѣлъ вокругъ себя всю эту живую, кипучую дѣятельность, настроеніе его опять стало лучше, онъ повеселѣлъ и началъ пѣть. Въ такую погоду нельзя было отдаваться невеселымъ мыслямъ, погода была удивительно хороша, чудный іюньскій день. Маленькій городокъ, весь залитый солнечными лучами, сверкалъ и горѣлъ, какъ зачарованный.

Онъ вернулся въ гостинницу, успѣвъ давно забыть всю свою горечь, въ сердцѣ его не было злобы, въ воображеніи его снова носилась ладья изъ ароматнаго дерева съ парусомъ изъ голубого шелка, вырѣзаннымъ въ формѣ полумѣсяца.

Это странное, мягкое настроеніе не покидало его весь день. Подъ вечеръ онъ снова вышелъ, снова пошелъ по дорогѣ къ морю, и снова каждая мелочь, которую онъ встрѣчалъ на пути, приводила его въ восхищеніе. Солнце спускалось къ горизонту; свѣтъ его, уже не такой жгучій и острый, какъ днемъ, мягко разливался по поверхности моря; даже шумъ, доносившійся съ отдаленныхъ судовъ, сталъ тише. То здѣсь, то тамъ на берегу появля-

лись флаги; на улицахъ тоже на многихъ домахъ развѣвались флаги, и работа вдоль всей набережной постепенно прекращалась.

Нагель съ минуту подумалъ, что бы это могло означать, потомъ пошелъ снова въ лѣсъ, долго бродилъ по лѣсу, дошелъ до хозяйственныхъ пристроекъ пасторскаго двора и заглянулъ во дворъ. Затѣмъ онъ опять углубился въ лѣсъ, забрался въ самое темное мѣсто, какое только могъ найти, и усѣлся на камнѣ. Подперевъ одной рукой голову, онъ другой барабанилъ по колѣну. Такъ онъ сидѣлъ долго, цѣлый часъ; когда онъ, наконецъ, поднялся, чтобы уйти, солнце исчезло. Первыя вечернія тѣни спустились надъ городомъ.

Выйдя изъ лѣсу, онъ былъ пораженъ представившимся ему зрѣлищемъ. На всѣхъ возвышеніяхъ пылали огни; около двадцати костровъ были разбросаны въ разныхъ направленіяхъ и горѣли, какъ маленькія солнца. Поверхность воды была усѣяна лодками, на которыхъ поминутно вспыхивали краснымъ и зеленымъ свѣтомъ бенгальскія спички; изъ одной лодки, въ которой пѣлъ квартетъ, взлетали на воздухъ даже ракеты. Толпы народа двигались по всѣмъ направленіямъ; пристань, гдѣ останавливались пароходы, вся чернѣла людьми.

У Нагеля вырвался возгласъ изумленія. Онъ обратился къ первому встрѣчному и спросилъ его, что значатъ эти огни и флаги. Спрошенный посмотрѣлъ на него, сплюнулъ на сторону, посмотрѣлъ на него еще разъ и отвѣтилъ, что сегодня 23 іюня, Ивановъ день. Вотъ какъ? Ивановъ день! Да, правда, совершенно вѣрно, вѣдь сегодня 23 число. Такъ—такъ, сегодня Ивановъ день, хе, хе, сколько пріятныхъ впечатлѣній заразъ, вдобавокъ еще и Ивановъ день! Радостно потирая руки, Нагель тоже направился къ пристани; онъ нѣсколько разъ повторялъ про себя, какое это безпримѣрное счастье, вдобавокъ сегодня еще и Ивановъ день!

Въ толпѣ дамъ и мужчинъ онъ издали еще увидалъ кроваво-красный зонтикъ Дагни Кьелландъ и, замѣтивъ въ этой же группѣ и доктора Стенерсена, онъ, не долго думая, подошелъ къ нему.

Онъ поклонился, пожалъ доктору руку и нѣсколько минутъ стоялъ съ обнаженной головой. Докторъ представилъ его всему обществу; фру Стенерсенъ тоже протянула ему руку, и онъ сѣлъ рядомъ съ ней. У нея было блѣдное лицо съ сѣроватымъ цвѣтомъ кожи, придававшимъ ей болѣзненный видъ; но она была очень молода, ей казалось не больше двадцати лѣтъ. Она была тепло одѣта.

Нагель надѣлъ шапку и проговорилъ, обращаясь ко всѣмъ:

— Прошу меня извинить, что я ворвался въ ваше общество, явился незваннымъ...

— Нисколько, вы дѣлаете намъ удовольствіе, — прервала его любезно фру Стенерсенъ. — Пожалуй, вы и споете намъ что-нибудь?

— Нѣтъ, этого я не могу,—отвѣтилъ Нагель,—я не одаренъ никакими музыкальными способностями.

— Напротивъ, очень хорошо, что вы явились; мы какъ разъ о васъ говорили, — замѣтилъ докторъ. — Но вы вѣдь играете на скрипкѣ?

— Нѣтъ,—повторилъ Нагель, качая головой; онъ улыбнулся.— Нѣтъ, я не играю.

Вдругъ, безо всякаго повода, онъ встаетъ и говоритъ, при чемъ глаза у него буквально горятъ:

— Ахъ, да, у меня сегодня такъ радостно на душѣ. Весь сегодняшній день былъ такъ удивительно прекрасенъ, съ той минуты, какъ я проснулся утромъ! Десять часовъ подрядъ я чувствовалъ себя точно въ чудесномъ снѣ. Можете вы себѣ вообразить: меня буквально преслѣдуетъ представленіе, будто я сижу въ ладьѣ изъ ароматнаго дерева, съ парусомъ изъ блѣдно-голубого шелка, вырѣзаннымъ въ формѣ полумѣсяца. Не правда ли, какъ это красиво? Ароматъ дерева не поддается описанію, я не могъ бы описать его при всемъ желаніи, при всемъ умѣніи у меня не нашлось бы подходящихъ словъ. Но представьте себѣ, мнѣ все кажется, что я плаваю по морю и ужу серебряной удочкой. Да, серебряной удочкой, подумайте; что? Простите, но не нахо-

дите ли вы, сударыни, что это столь же красивое, какъ и удивительное представленіе?

Ни одна изъ дамъ не отвѣчала; онѣ смущенно переглядывались, спрашивая себя глазами, какъ теперь поступить; но въ концѣ концовъ одна за другой начали смѣяться; онѣ не щадили его и прямо подняли на смѣхъ.

Нагель переводилъ взглядъ съ одной на другую; глаза его еще сіяли, очевидно онъ думалъ еще о ладьѣ съ голубымъ парусомъ, но обѣ руки его слегка дрожали, хотя лицо оставалось спокойнымъ.

Докторъ пришелъ ему на помощь; онъ сказалъ:

— Да, это, значитъ, своего рода галлюцинація, которая...

— Нѣтъ, извините,—возразилъ Нагель.—Впрочемъ, да; почему же нѣтъ? Дѣло вѣдь не въ томъ, какъ вы это *назовете*. Я весь день находился во власти этого очарованія, будь это галлюцинація или нѣтъ. Это началось сегодня утромъ, когда я еще лежалъ въ постели. Я услышалъ жужжаніе мухи; это было мое первое сознательное впечатлѣніе съ того момента, какъ я проснулся, потомъ я замѣтилъ солнечный лучъ, прорвавшійся сквозь дыру въ занавѣскѣ, и сразу во мнѣ поднялось мягкое, радостное настроеніе. Въ душѣ у меня было ощущеніе лѣта; представьте себѣ легкій шелестъ травы, и шелестъ этотъ проникаетъ въ ваше сердце. Галлюцинація—да, по всей вѣроятности, это была галлюцинація, я не знаю; но замѣтьте, пожалуйста, что я долженъ былъ находиться въ извѣстномъ состояніи воспріимчивости, чтобы услыхать жужжаніе мухи именно въ подходящій моментъ, и что въ этотъ моментъ мнѣ нуженъ былъ именно *такого* рода свѣтъ и въ *такомъ* количествѣ—одинъ только лучъ солнца, пробивавшійся сквозь дырочку въ занавѣскѣ, и т. д. Позже, когда я всталъ и вышелъ, я прежде всего увидалъ въ окнѣ красивую даму—при этомъ онъ посмотрѣлъ на фрэкенъ Андресенъ, опустившую глаза—потомъ я увидалъ множество судовъ, затѣмъ маленькую дѣвочку, державшую въ рукахъ кошку,

и т. д., цѣлый рядъ вещей, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности произвела на меня впечатлѣніе. Вслѣдь затѣмъ я пошелъ въ лѣсъ и тамъ, лежа на спинѣ и глядя въ небо, я и увидалъ ладью и полумѣсяцъ.

Дамы все еще смѣялись; казалось, что и докторъ тоже готовъ заразиться ихъ смѣхомъ; онъ сказалъ, улыбаясь:

— Такъ вы удили серебряной удочкой?

— Да, серебряной удочкой.

— Ха-ха-ха!

Но тутъ кровь бросилась въ лицо Дагни Кьелланцъ, и она сказала:

— Я очень хорошо понимаю, что подобное представленіе... Что касается меня, то я совершенно ясно вижу эту ладью; и парусъ, этотъ голубой полумѣсяцъ... и представьте себѣ только: блестящая серебряная удочка, уходящая вглубь, въ воду! Мнѣ кажется, это красиво.

Дальше она ничего не могла сказать; она запнулась и умолкла, глядя въ землю.

Нагель сейчасъ же пришелъ ей на помощь:

— Да, не правда ли? И я тутъ же сказалъ себѣ: замѣть себѣ, это сонъ, предзнаменованіе; это должно послужить тебѣ предостереженіемъ; уди только чистыми удочками, только чистыми!.. Вы спросили, докторъ, играю ли я? Я не умѣю играть, нисколько; я вожу съ собой футляръ для скрипки, но въ немъ нѣтъ скрипки; къ сожалѣнію, онъ набитъ только грязнымъ бѣльемъ. Но мнѣ казалось, что это такъ красиво, когда везешь съ собой среди прочихъ вещей и футляръ для скрипки; поэтому я его и пріобрѣлъ. Слышали ли вы когда-нибудь о такомъ сумасбродствѣ? Не знаю, можетъ быть, у васъ послѣ этого составится слишкомъ дурное мнѣніе обо мнѣ; но тутъ уже ничего не подѣлаешь, хотя мнѣ это, право жалко. Впрочемъ, виною всему серебряная удочка.

Изумленныя дамы больше не смѣялись; даже докторъ, судья Рейнертъ и адъюнктъ, всѣ трое сидѣли съ разинутыми ртами.

Они смотрѣли на Нагеля во всѣ глаза; докторъ очевидно не зналъ, что подумать. Что такое сталось съ этимъ человѣкомъ? Нагель же между тѣмъ спокойно усѣлся и, повидимому, больше ничего не хотѣлъ сказать. Томительному молчанію, казалось, конца не будетъ; но спасительницей явилась фру Стенерсенъ. Это была олицетворенная любезность; она ко всѣмъ относилась, какъ мать, и слѣдила за тѣмъ, чтобы никому не было причинено обиды. Она намѣренно морщила лобъ и старалась казаться старше для того, чтобы слова ея имѣли больше вѣсу.

— Вы пріѣхали изъ-за границы, господинъ Нагель?—сказала она.

— Да, сударыня.

— Изъ Гельсингфорса, кажется, сказалъ мой мужъ?

— Да, изъ Гельсингфорса. То-есть, сейчасъ я изъ Гельсингфорса. Я агрономъ и короткое время слушалъ тамъ лекціи.

Пауза.

— А какъ вамъ нравится городъ?—спросила она снова.

— Гельсингфорсъ?

— Нѣтъ, нашъ городъ.

— О, это прекрасный городъ, очаровательное мѣстечко! мнѣ и не хочется уѣзжать отсюда, право, нѣтъ. Ха-ха-ха, да; впрочемъ, вы не очень пугайтесь, я, можетъ быть, все-таки въ концѣ концовъ уѣду, это зависитъ отъ обстоятельствъ... Кстати,—сказалъ онъ и снова поднялся,—если я своимъ приходомъ помѣшалъ вамъ, то очень извиняюсь. Дѣло въ томъ, что я былъ бы очень доволенъ, если бы мнѣ можно было посидѣть съ вами; у меня въ сущности нѣтъ почти никого, съ кѣмъ бы я могъ провести время, я всѣмъ чужой. Вы сдѣлаете мнѣ большое удовольствіе, если будете совершенно игнорировать мое присутствіе и разговаривать, какъ до моего прихода.

— Ну, нельзя сказать, чтобы вы совершенно были лишены развлеченія съ тѣхъ поръ, какъ вы здѣсь,—произнесъ Рейнертъ вполголоса.

На это Нагель отвѣтилъ:

— Передъ вами, господинъ судья, я долженъ особо извиниться, и я готовъ вамъ дать всяческое удовлетвореніе, какого вы потребуете; но не сейчасъ. Не правда ли? Не сейчасъ?

— Нѣтъ, здѣсь не мѣсто,—проговорилъ Рейнертъ коротко.

— Не правда ли?—повторилъ Нагель.—Кромѣ того, у меня сегодня такъ радостно на душѣ, — продолжалъ онъ, и теплая улыбка пробѣжала по его лицу; эта улыбка буквально освѣтила его лицо; одну минуту онъ выглядѣлъ, какъ дитя.—Сегодня удивительный вечеръ, скоро и звѣзды появятся на небѣ. На всѣхъ холмахъ, наверху и внизу, горятъ огни, и съ моря доносится пѣніе. Послушайте! Не дурно. Я мало смыслю въ этомъ, но развѣ это не хорошо? Это напоминаетъ мнѣ немного одну ночь на Средиземномъ морѣ у береговъ Туниса. На кораблѣ было человѣкъ сто пассажировъ, пѣвческій хоръ, ѣхавшій откуда-то съ Сардиніи. Я не принадлежалъ къ хору и не умѣлъ пѣть; я только сидѣлъ на палубѣ и слушалъ, какъ они пѣли внизу въ салонѣ. Это продолжалось почти цѣлую ночь; я никогда не забуду, какъ таинственно-прекрасно звучало это пѣніе среди теплой южной ночи. Я потихоньку затворилъ всѣ двери, ведущія въ салонъ, замкнулъ, такъ сказать, пѣніе, и тогда казалось, будто звуки поднимаются со дна морского, и будто корабль подъ звуки пѣнія стремится въ вѣчность. Представьте себѣ море, полное пѣнія, подземный хоръ.

У фрэкенъ Андресенъ, сидѣвшей ближе всѣхъ къ Нагелю, невольно вырвалось:

— Господи, какъ это, должно быть, было дивно!

— Да,—сказалъ Нагель,—я только *разъ* слышалъ нѣчто болѣе красивое, и это было во снѣ. Но ужъ много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ этотъ сонъ; я былъ тогда ребенкомъ. Когда вырастаешь, я бы сказалъ, то перестаешь видѣть красивые сны.

— Да?—сказала фрэкенъ Андресенъ.

— Ахъ, нѣтъ. Это, конечно, преувеличено, но... Послѣдній свой сонъ я помню такъ ясно... Я видѣлъ обширное болото... Впрочемъ, виноватъ, я говорю безостановочно и надоѣдаю вамъ, заставляю слушать себя; это въ концѣ концовъ можетъ наскучить. Но я не всегда говорю такъ много, увѣряю васъ.

Тогда заговорила Дагни Кьелландъ.

— Здѣсь навѣрно нѣтъ никого,—сказала она,—кто бы не предпочелъ слушать васъ, чѣмъ говорить.

И, наклонясь къ фру Стенерсенъ, она прошептала:

— Вы не можете упросить его? Милая, сдѣлайте это. Послушайте только, что у него за голосъ.

Нагель сказалъ, улыбаясь:

— Я охотно буду продолжать. Въ общемъ я сегодня какъ разъ расположенъ говорить; одинъ Богъ знаетъ, что со мной такое... Ну, этотъ сонъ, впрочемъ, не представляетъ ничего особеннаго. Мнѣ снилось обширное болото, безъ деревьевъ, но со множествомъ древесныхъ корней, раскинутыхъ всюду и напоминавшихъ извивающихся змѣй. Среди всѣхъ этихъ искривленныхъ корней бродилъ помѣшанный. Я какъ сейчасъ вижу его, у него было блѣдное лицо и темная борода, но борода его была такъ коротка и рѣдка, что сквозь нее всюду просвѣчивала кожа. Онъ смотрѣлъ вокругъ себя широко раскрытыми глазами, и глаза его были полны страданія. Я лежалъ за камнемъ и окликнулъ его. Онъ сразу взглянулъ туда, гдѣ я лежалъ, спрятавшись за камнемъ, и нисколько, повидимому, не удивился звуку, раздавшемуся оттуда; казалось, будто онъ зналъ, что я тамъ лежу, хотя меня совсѣмъ не было видно. Онъ продолжалъ пристально смотрѣть на камень, не сводя глазъ. Я подумалъ: онъ меня все-таки не найдетъ, а въ крайнемъ случаѣ я убѣгу, если онъ придетъ. И хотя мнѣ было непріятно, что онъ не сводилъ глазъ съ камня, я снова крикнулъ, чтобы позлить его. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ко мнѣ и открылъ ротъ, готовясь укусить меня; но онъ не могъ двинуться съ мѣста, корни громоздились вокругъ него, давили

его къ землѣ, и онъ не могъ сдѣлать ни одного шагу. Я снова крикнулъ, я кричалъ много разъ подрядъ, чтобы хорошенько разозлить его; онъ началъ барахтаться среди корней и отбрасывать ихъ въ сторону; цѣлыми охапками онъ откидывалъ ихъ, стараясь пробраться ко мнѣ; но все было напрасно. Онъ застоналъ, такъ что до меня донеслись его стоны, и въ глазахъ его застыло выраженіе боли и горя. Когда я убѣдился, что нахожусь въ полной безопасности, я поднялся, всталъ передъ нимъ во весь ростъ и принялся махать шапкой и дразнить его, безостановочно крича: алло! топая ногами и снова крича: алло! Я подошелъ ближе, чтобы довести его до бѣшенства, я протянулъ руку и сталъ на него тыкать пальцемъ и кричать алло надъ самымъ его ухомъ, всячески стараясь взбѣсить его до крайней степени; потомъ я снова отошелъ назадъ, предоставивъ ему стоять на прежнемъ мѣстѣ и видѣть, что я былъ такъ близко отъ него. Но онъ не оставлялъ еще надежды, онъ продолжалъ трудиться надъ корнями, работалъ, точно закаленный болью, царапалъ себѣ руки до крови, рвалъ кожу на лицѣ, подымался на кончики пальцевъ и, стоя такъ, кричалъ ко мнѣ. Да, можете себѣ представить, онъ стоялъ на кончикахъ пальцевъ, и смотрѣлъ на меня, и кричалъ! И потъ катился градомъ съ его лица, оно было искажено ужаснѣйшими страданіями, потому что онъ не могъ меня поймать. Я хотѣлъ привести его въ еще большую ярость, подошелъ еще ближе, щелкнулъ пальцами передъ самымъ его носомъ и съ отвратительной насмѣшкой произнесъ: тихихихихи! Я швырнулъ въ него корнемъ; мнѣ удалось попасть ему въ ротъ, такъ что онъ зашатался; но онъ только ухватился рукой за ротъ, сплюнулъ кровь и снова принялся воевать съ корнями. Тогда я рѣшилъ, что могу стать смѣлѣе; я протянулъ руку, чтобы схватить его; я хотѣлъ дотронуться пальцемъ до его лба и отскочить назадъ; но въ это самое мгновеніе онъ меня поймалъ. Боже мой, какъ это было ужасно, когда онъ меня поймалъ! Онъ сдѣлалъ отчаянное движеніе и судорожно ухватился за мою руку. Я закричалъ; но онъ только держалъ меня за руку

и, держась за меня, онъ послѣдовалъ за мной. Мы вышли изъ болота; древесные корни больше ему не мѣшали теперь, когда онъ держался за мою руку; мы пришли къ камню, за которымъ я раньше прятался. Когда мы остановились у камня, помѣшанный бросился передо мною на колѣни и сталъ цѣловать землю, по которой я ступалъ; весь окровавленный и исцарапанный, онъ лежалъ передо мною на колѣняхъ и благодарилъ меня за то, что я былъ добръ къ нему; онъ благословлялъ меня и просилъ Бога благословить меня въ награду за мою доброту. Глаза его были открыты, они были полны мольбы за меня къ Богу, и онъ цѣловалъ не руку мою, нѣтъ, и даже не мои сапоги, а землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ ступила моя нога. Я сказалъ: — почему ты цѣлуешь землю въ томъ мѣстѣ какъ разъ, гдѣ я прошелъ?—Потому что,— отвѣтилъ онъ, — потому что ротъ мой въ крови, и я боюсь запачкать твои сапоги.—Онъ боялся запачкать мои сапоги. Я опять спросилъ: — но почему ты меня благодаришь, когда я тебѣ сдѣлалъ зло и причинилъ тебѣ страданіе?—Я благодарю тебя,—отвѣтилъ онъ,—за то, что ты мнѣ не причинилъ *больше* страданій, за то, что ты былъ добръ ко мнѣ и не мучилъ меня еще больше.— Да, — сказалъ я, — но почему же ты кричалъ и открывалъ ротъ, чтобы укусить меня? — Я не хотѣлъ тебя укусить, — отвѣтилъ онъ, — я раскрылъ ротъ, чтобы просить тебя о помощи; но я не могъ выговорить ни слова, и ты меня не понималъ. И тогда я закричалъ отъ чрезмѣрнаго страданія.—Ты отъ того кричалъ?— спросилъ я опять. — Да, отъ этого!.. Я взглянулъ на сумасшедшаго, онъ плевалъ еще кровью и все-таки молилъ Бога обо мнѣ; и я увидалъ, что я видѣлъ его уже раньше и что я его знаю; это былъ пожилой человѣкъ съ сѣдыми волосами и довольно рѣдкой бородой,—это былъ Минутта.

Нагель умолкъ. Точно дрожь пробѣжала по присутствующимъ. Судья Рейнертъ опустилъ глаза и нѣкоторое время смотрѣлъ въ землю.

— Минутта? Это былъ онъ?—спросила фру Стенерсенъ.

— Да, это былъ онъ,—отвѣтилъ Нагель.

— Ухъ, даже страшно стало отъ вашего разсказа.

— Представьте себѣ, вѣдь я это знала!—сказала вдругъ Дагни Кьелландъ.—Я узнала его съ той минуты, какъ вы сказали, что онъ упалъ на колѣни и сталъ цѣловать землю. Увѣряю васъ, что я его сейчасъ-же узнала. Вы имѣли съ нимъ длинный разговоръ?

— О, нѣтъ, я его встрѣтилъ раза два... Но, послушайте, я, кажется, совершенно испортилъ всѣмъ настроеніе; сударыня, вѣдь вы поблѣднѣли! Но что это... вѣдь это-же былъ только сонъ!

— Нѣтъ, такъ нельзя!—заговорилъ и докторъ.—Чего ради, чортъ возьми, вы намъ разсказываете, что Минутта... Да по мнѣ пусть онъ цѣлуетъ хоть всѣ корни Норвегіи. Посмотрите-ка, вотъ и фрэкенъ Андресенъ сидитъ и плачетъ! Ха-ха-ха!

— Я? я и не думаю плакать,—возразила она,—вотъ еще! Но я сознаюсь, что этотъ сонъ произвелъ на меня впечатлѣніе. Впрочемъ, я думаю, что и на васъ тоже.

— На меня!—воскликнулъ докторъ,—ни малѣйшаго! Ха-ха-ха, мнѣ кажется, вы всѣ сходите съ ума! Нѣтъ, давайте ходить, вставайте всѣ! Здѣсь дуетъ. Тебѣ холодно, Іетта?

— Нѣтъ, мнѣ не холодно, останемся здѣсь,—отвѣтила жена.

Но докторъ больше не былъ расположенъ сидѣть, ему хотѣлось во что бы то ни стало ходить; здѣсь сильно дуетъ, сказалъ онъ, и хотя бы ему одному пришлось итти, все равно, онъ долженъ двигаться. Нагель всталъ и пошелъ съ нимъ.

Они нѣсколько разъ прошли взадъ и впередъ по набережной, протискиваясь сквозь толпу, болтая и отвѣчая на поклоны. Такъ прошло съ полчаса, когда фру Стенерсенъ крикнула имъ:

— Ну, вернитесь-же, наконецъ! Знаете, что намъ пришло въ голову, покуда вы гуляли? Мы рѣшили завтра устроить у насъ большой вечеръ. Да, господинъ Нагель, вы должны непремѣнно притти! Но вы должны знать, что подъ большимъ вечеромъ у насъ подразумѣвается минимумъ ѣды и питья...

— И максимумъ сумасбродства,—прервалъ ее весело докторъ.—Да, мнѣ это знакомо. Но это вовсе не дурная мысль; у тебя бываютъ мысли поглупѣе, Іетта.

Докторъ сразу пришелъ въ хорошее настроеніе, и лицо его расплылось въ добродушную улыбку при мысли о завтрашнемъ вечерѣ.

— Но не приходите слишкомъ поздно, — сказалъ онъ,—и только бы меня не позвали куда-нибудь.

— Но могу я развѣ притти въ этомъ костюмѣ,—спросилъ Нагель,—у меня нѣтъ другого.

Всѣ разсмѣялись, а фру Стенерсенъ отвѣтила:

— Да, конечно. Это будетъ чрезвычайно уморительно.

На обратномъ пути Нагель шелъ рядомъ съ Дагни Кьелландъ. Онъ не приложилъ для этого никакихъ усилій, это вышло случайно; но молодая дѣвушка и не старалась помѣшать этому. Она говорила о томъ, какъ она рада предстоящему вечеру; у Стенерсеновъ всегда чувствуешь себя такъ уютно и просто; они такіе милые люди и всегда умѣютъ сдѣлать такъ, что гостямъ у нихъ весело и пріятно,—какъ вдругъ Нагель заговорилъ тихо:

— Могу я надѣяться, фрэкенъ Кьелландъ, что вы мнѣ простите мою ужасную безтактную выходку тогда въ лѣсу?

Онъ говорилъ возбужденно, почти шопотомъ, и она была вынуждена отвѣтить.

— Да,—сказала она,—мнѣ теперь понятнѣе ваше поведеніе въ тотъ вечеръ. Вы навѣрно не совсѣмъ такой, какъ всѣ люди.

— Благодарю васъ!—прошепталъ онъ.—Ахъ, да, я благодарю васъ, какъ никогда въ жизни не благодарилъ! Да, почему я не такой, какъ всѣ люди? Вы должны знать, что я весь вечеръ старался сгладить дурное впечатлѣніе, которое навѣрное составилось у васъ обо мнѣ вначалѣ. Я не произнесъ ни одного слова, которое не было бы сказано для васъ. Неужели вы меня осудите за это? Подумайте, вѣдь я сильно провинился передъ вами и долженъ же былъ поэтому что-нибудь сдѣлать. Правда, что я

весь день находился въ нѣсколько необыкновенномъ настроеніи; но я высказалъ себя въ изрядной степени хуже, чѣмъ я на самомъ дѣлѣ, и все время я старался казаться слегка подозрительнымъ. Дѣло въ томъ, что мнѣ было важно заставить васъ подумать, что я дѣйствительно нѣсколько невмѣняемъ, что у меня *вообще* бываютъ странныя выходки; такимъ образомъ я надѣялся достигнуть того, что вы скорѣе простите меня. Поэтому я не вовремя и не кстати сунулся со своими снами, мало того, я даже добровольно выдалъ себя, разсказавъ о футлярѣ для скрипки, который я вожу съ собой, добровольно обнаружилъ нелѣпое чудачество, къ чему меня вѣдь ничего не вынуждало...

— Простите!—прервала она его поспѣшно.—Но для чего вы мнѣ все это разсказываете и опять портите все дѣло.

— Нѣтъ, я ничего не порчу, по крайней мѣрѣ, не думаю, чтобы я портилъ этимъ дѣло. Если я вамъ скажу, что тогда въ лѣсу, побѣжавъ за вами, я повиновался дѣйствительно мгновенному злому побужденію, то вы это поймете. Это было только внезапно вспыхнувшее желаніе напугать васъ потому, что вы бросились бѣжать. Тогда вѣдь я васъ еще не зналъ. Но если я вамъ скажу, что я точь-въ-точь такой, какъ всѣ люди, то вы это тоже поймете. Я сегодня выставилъ самого себя на смѣхъ и своимъ въ высшей степени эксцентрическимъ поведеніемъ привелъ въ изумленіе цѣлое общество, все это съ единственной цѣлью смягчить васъ настолько, чтобы вы, по крайней мѣрѣ, выслушали меня, когда я приду къ вамъ и стану объясняться. Этого я достигъ, вы меня выслушали, и я вамъ за это благодаренъ. И я увѣренъ, что теперь, послѣ того, какъ я объяснился, вы меня понимаете.

— Нѣтъ, я должна сознаться откровенно, — отвѣтила она слегка оскорбленнымъ тономъ,—что не совсѣмъ васъ понимаю. Все равно; я не стану думать объ этомъ...

— Конечно, нѣтъ; съ какой стати вамъ ломать себѣ голову надъ этимъ вопросомъ?—сказалъ онъ.—Но не правда ли, рѣшеніе

относительно завтрашняго вечера принято потому, что вы всѣ думали, что я странный субъектъ, чудакъ, отъ котораго можно ожидать массы своеобразныхъ выходокъ? Я васъ, можетъ быть, разочарую; можетъ быть, я ничего не скажу въ теченіе всего вечера; можетъ быть, я и вовсе не приду; кто знаетъ!

— Нѣтъ, вы должны непремѣнно притти.

— Долженъ?—спросилъ онъ, глядя на нее.

Она больше ничего не сказала. Они пошли дальше рядомъ.

— Во всякомъ случаѣ,—сказалъ Нагель,—я счастливъ, что встрѣтилъ васъ сегодня и объяснился. Меня очень мучило то, что я себя такъ велъ тогда. Фрэкенъ, я еще разъ благодарю васъ за то, что вы меня выслушали, и я еще тысячу разъ буду васъ благодарить за это, даже когда приду домой.

Они дошли до дороги, ведущей къ дому пастора, и остановились. Фрэкенъ Кьелландъ вдругъ разразилась громкимъ смѣхомъ и сказала:

— Нѣтъ, ничего подобнаго я никогда не слыхала!

Она стала поджидать остальное общество, отставшее отъ нихъ. Онъ хотѣлъ спросить, можетъ ли онъ ее проводить домой, но въ то самое мгновеніе, какъ онъ собирался заговорить, она отвернулась отъ него и крикнула адъюнкту:

— Идите же! Идите!

При этомъ она энергично махала рукой, чтобы заставить его поторопиться.

VII.

На слѣдующій вечеръ въ 6 часовъ Нагель входилъ въ квартиру доктора. Онъ думалъ, что пришелъ слишкомъ рано, но общество, съ которымъ онъ познакомился наканунѣ, было уже все въ сборѣ. Кромѣ того было еще два новыхъ лица, авдокатъ и юный бѣлокурый студентъ. За двумя столиками пили уже сельтерскую воду съ коньякомъ; за третьимъ столомъ дамы, судья Рейнертъ и юный студентъ были заняты разговоромъ. Адъюнктъ,

молчаливый человѣкъ, почти никогда не произносившій ни одного слова, уже успѣлъ напиться и подъ дѣйствіемъ хмеля съ пылающими щеками громко разсуждалъ о самыхъ разнообразныхъ вещахъ. Вотъ, напр., Сербія, гдѣ восемьдесятъ процентовъ населенія не умѣютъ ни читать, ни писать—что же, тамъ многимъ лучше? Пусть ему отвѣтятъ на это! — И адъюнктъ гнѣвно посмотрѣлъ вокругъ себя, хотя ни одна душа ему не противорѣчила.

Хозяйка дома подозвала Нагеля и усадила его за дамскимъ столомъ. Что онъ будетъ пить? Они какъ разъ говорили о Христіаніи, сказала она. Что за странная идея съ его стороны поселиться въ такомъ маленькомъ городкѣ, когда у него свободный выборъ и онъ можетъ жить даже въ Христіаніи.

Нагель находилъ, что ничего страннаго въ этой идеѣ нѣтъ; вѣдь ему хотѣлось пожить на дачѣ, устроить себѣ каникулы. Во всякомъ случаѣ, онъ бы не хотѣлъ жить въ Христіаніи, менѣе всего онъ остановилъ бы свой выборъ на Христіаніи.

Неужели? Но вѣдь это все-таки столица; все, что есть въ странѣ великаго и знаменитаго въ области искусства, театра и т. д., все это собирается тамъ.

Да, и кромѣ того, масса иностранцевъ, пріѣзжающихъ изъ разныхъ странъ, замѣтила фрэкенъ Андресенъ; иностранные актеры, пѣвцы, музыканты, художники всякаго рода.

Дагни Кьелландъ сидѣла молча и прислушивалась къ разговору.

Да, возможно, согласился Нагель; онъ не знаетъ, почему, но всякій разъ, когда называютъ Христіанію, онъ видитъ передъ собою часть границы и ему чудится запахъ вывѣшенныхъ платьевъ. Это въ самомъ дѣлѣ такъ, онъ не выдумываетъ. У него является представленіе о маленькомъ чванномъ городкѣ, въ которомъ имѣются двѣ-три церкви, двѣ-три газеты, гостинница и одна общая водокачка, но зато самые великіе люди всего міра. Нигдѣ онъ не видалъ такихъ кичливыхъ людей, какъ тамъ, и

Боже милостивый, сколько разъ, живя въ Христіаніи, онъ желалъ быть какъ можно дальше оттуда.

Судья не могъ понять, какъ можно чувствовать такую антипатію—не только къ отдѣльной личности, но даже къ цѣлому городу, къ главному городу государства. Христіанія на самомъ дѣлѣ вовсе ужъ не такъ мала, она начинаетъ занимать мѣсто среди другихъ значительныхъ городовъ. Что вы скажете, напримѣръ, про кафе, какъ „Grand“.

Ну, да; Нагель вначалѣ ничего не имѣлъ противъ кафе „Grand“; „Grand“ можетъ еще сойти, сказалъ онъ. Но вслѣдъ затѣмъ онъ наморщилъ лобъ и замѣтилъ такъ, что всѣ слышали:

— То есть: „Grand“ это своего рода выставка.

Что онъ этимъ хочетъ сказать?

Онъ разсмѣялся. Въ Христіаніи есть одно кафе, и это Grand. Grand и Христіанія—это почти одно и то же; Grand это центральный пунктъ, въ которомъ сходится все, что есть въ городѣ великаго. Тамъ сходятся величайшіе живописцы всего міра, самая талантливая молодежь, самыя фешенебельныя дамы, самые выдающіеся редакторы и величайшіе поэты всего міра. Хе-хе, тамъ они всѣ сидятъ и пыжатся другъ передъ другомъ, и кокетничаютъ, и блещутъ остроуміемъ—и каждый чувствуетъ въ душѣ тайную радость оттого, что другой относится къ нему со вниманіемъ, и почитаетъ, и цѣнитъ его. Боже милостивый! Это величайшая изъ комедій, какую только можно встрѣтить! Въ сущности же Grand это не больше, какъ маленькій усердно посѣщаемый трактиръ, куда добрые граждане въ фризовыхъ сюртукахъ приходятъ пить пиво, гдѣ каждый имѣетъ возможность сидѣть и радоваться, что каждый сидящій тамъ замѣчаетъ его. Вотъ *что* такое Grand.

Эти слова вызвали всеобщее раздраженіе. Судья наклонился къ стулу фрэкенъ Кьелландъ и замѣтилъ довольно громко:

– Такого высокомѣрія я еще во всю жизнь не слыхалъ!

Она очнулась отъ своей задумчивости и быстро взглянула на Нагеля; онъ навѣрное слышалъ замѣчаніе судьи; но, повидимому,

онъ не принялъ его близко къ сердцу. Напротивъ, онъ чокнулся съ юнымъ студентомъ и съ равнодушнымъ видомъ заговорилъ о другомъ. Его важничанье стало въ концѣ концовъ и ее раздражать; что онъ собственно думалъ о нихъ всѣхъ, что позволялъ себѣ преподносить имъ такой высокомѣрный вздоръ! Что за спѣсь, что за манія величія! Когда судья спросилъ ее: — ну, что вы на это скажете?—она отвѣтила намѣренно громко:

— Что я на это скажу? Я скажу, что Христіанія для меня достаточно велика.

Но и это не вывело Нагеля изъ спокойствія. Услыхавъ этотъ громкій, полуобращенный къ нему голосъ и замѣтивъ въ лицѣ фрэкенъ Кьелландъ нѣкоторую горечь, онъ внимательно посмотрѣлъ на нее, словно хотѣлъ вспомнить, чѣмъ онъ могъ ее разсердить. Больше минуты онъ смотрѣлъ на нее пристально, щуря глаза и стараясь вспомнить, и при этомъ лицо его имѣло почти грустное выраженіе.

Теперь и адъюнктъ услыхалъ, о чемъ шла рѣчь, и началъ горячо протестовать противъ того, что Христіанія меньше, чѣмъ, напримѣръ, Бѣлградъ — хотя о Бѣлградѣ не было упомянуто ни однимъ словомъ. Существуютъ столицы меньше Христіаніи; есть также столицы, въ которыхъ гораздо меньше памятниковъ искусства и достопримѣчательностей, не говоря уже о томъ, что Христіанія имѣетъ гавань, подобной которой нѣтъ. Да что объ этомъ говорить! Въ общемъ Христіанія вѣдь не меньше другихъ столицъ разумной величины...

Тутъ всѣ начали смѣяться; адъюнктъ былъ слишкомъ смѣшонъ со своими пылающими щеками и своимъ непоколебимымъ убѣжденіемъ. Адвокатъ Гансенъ, маленькій толстенькій человѣчекъ въ золотыхъ очкахъ и съ голымъ черепомъ, неудержимо хохоталъ надъ нимъ; онъ хлопалъ себя рукой по колѣну и громко смѣялся.

— Разумная величина, разумная величина, да!—повторялъ онъ;—Христіанія не меньше другихъ столицъ такой же величины,

точь-въ-точь такой же величины; отнюдь не меньше, нѣтъ! О, Боже милостивый! Ваше здоровье!

Съ Нагеля было достаточно всего этого. И надо же было ему, чортъ возьми, открыть ротъ. Вѣдь онъ твердо рѣшилъ молчать, чтобы избѣжать столкновенія съ людьми въ чужомъ домѣ, и вмѣсто этого онъ вдругъ затѣялъ споръ, и всѣ были противъ него! Ну, впредь онъ будетъ осторожнѣе; никто больше не будетъ имѣть случая сказать что-нибудь противъ него.

Онъ сталъ оглядывать комнату. Большого порядка въ ней не было, особенной чистотой она тоже не отличалась, но сочетаніе цвѣтовъ было пріятное, свѣтъ падалъ черезъ три большихъ окна, а вокругъ стола стояли удобные стулья. Они были, какъ и прочая мебель, слегка потерты, но имѣли все-таки еще довольно приличный видъ. На стѣнахъ висѣли картины Гейердаля, Хіальмара Іонсена и какого-то нѣмца; Хіальмара Іонсена—морской видъ.

Нагель продолжалъ разговоръ со студентомъ Эйеномъ. Да, во дни юности и онъ—Нагель—увлекался музыкой и особенно Вагнеромъ. Но съ годами это исчезло. Онъ, впрочемъ, не пошелъ дальше знакомства съ нотами и умѣнія сыграть самую простую мелодію.

— На рояли?—спросилъ студентъ. Рояль была его спеціальностью.

— Нѣтъ, упаси Боже. На скрипкѣ. Но, какъ я уже сказалъ, я недалеко ушелъ въ музыкѣ и скоро бросилъ!

Случайно взглядъ его упалъ на фрэкенъ Андресенъ, сидѣвшую уже съ черверть часа въ другомъ концѣ комнаты у печки и болтавшую съ судьею. Взгляды ихъ встрѣтились; это былъ мимолетный, случайный взглядъ, но она безпокойно задвигалась на стулѣ и внезапно оборвала свою рѣчь.

Дагни сидѣла одна, барабанила пальцами по столу и изрѣдка перелистывала альбомъ. Она не носила колецъ, ея рука съ длинными пальцами были лишены всякихъ украшеній. Нагель втихомолку разсматривалъ ее. Господи, какъ она была хороша въ

этотъ вечеръ! Въ этомъ освѣщеніи, на фонѣ висѣвшаго на стѣнѣ темнаго моря, ея густыя, свѣтлыя косы казались еще свѣтлѣе, а рѣсницы еще темнѣе. Фигура ея, когда она сидѣла, обнаруживала нѣкоторую наклонность къ чрезмѣрной полнотѣ, но это впечатлѣніе исчезало, когда она вставала. Она была высокаго роста и довольно полна; но у нея была легкая походка, полная особенной прелести.

Нагель поднялся и направился къ ней. Какъ только она его завидѣла, она поспѣшно сказала:

— Простите мнѣ то, что я раньше сказала, пожалуйста! По поводу Христіаніи; вы помните, конечно?

Онъ очень удивился и отвѣтилъ, что онъ вовсе и не думалъ объ этомъ; онъ даже не увѣренъ, слышалъ ли онъ ея слова; вѣдь онъ все время болталъ тамъ съ молодымъ человѣкомъ о музыкѣ.

— Нѣтъ, вы слышали,—сказала она;—я замѣтила это по вашему лицу. Какъ это было необдуманно съ моей стороны вмѣшиваться; я никогда никуда не выѣзжала, слѣдовательно, у меня и не можетъ быть своего мнѣнія о величинѣ нашихъ мѣстъ.

— Да, но и я, съ своей стороны, не долженъ былъ вступать въ споръ съ другими, потому что мы никогда не сходимся. Да кромѣ того, какая польза отъ этого? Въ спорѣ никогда никого не убѣдишь; никогда; этого не бываетъ.

— Ну, я надѣюсь, что вы простили меня. Объ этомъ только я и хотѣла васъ просить.

Онъ смотрѣлъ на нее. Она на мгновеніе устремила на него своеобразный взглядъ своихъ темносинихъ глазъ, и не думая о томъ, что онъ дѣлаетъ, онъ вдругъ воскликнулъ:

— Помилуй меня Богъ, какъ вы сегодня хороши.

Эта откровенность совершенно смутила ее; она сидѣла, раскрывъ ротъ, и не знала, что ей дѣлать.

— Будьте же хоть немного благоразумны!—прошептала она.

Вслѣдъ затѣмъ она поднялась и, подойдя къ роялю, съ пылающими щеками, начала перелистывать ноты.

Разговоръ сдѣлался общимъ. Докторъ, горѣвшій нетерпѣніемъ заговорить о политикѣ, вдругъ спросилъ среди разговора:

— Вы читали сегодняшнія газеты? «Утренняя Газета», чортъ меня побери, зашла уже слишкомъ далеко. Вѣдь это уже не языкъ образованныхъ людей, это ругань и площадныя рѣчи.

И всѣ согласились, что „Утренняя Газета" зашла слишкомъ далеко.

Но такъ какъ никто не возражалъ доктору, то онъ и не могъ продолжать. Адвокатъ Гансенъ зналъ это и потому сказалъ:

— Но я нахожу, что тонъ либеральной печати тоже достаточно грубъ.

— Ну, знаешь ли!—воскликнулъ докторъ, вскакивая съ мѣста.— Вѣдь ты же не хочешь сказать, что можно сравнить эти двѣ вещи? Какого бы мнѣнія ни держаться о министерствѣ...

Столъ былъ накрытъ. Все общество направилось въ столовую; докторъ и адвокатъ горячо заспорили о тонѣ печати. Разговоръ этотъ продолжался и за столомъ: Нагель, сидя между хозяйкой дома и молоденькой фрэкенъ Ольсенъ, дочерью полиціймейстера, могъ не принимать въ немъ участія. Когда поднялись изъ-за стола, разговоръ о европейской политикѣ былъ въ самомъ разгарѣ; высказывались мнѣнія о царѣ, о Константѣ, о Парнеллѣ, и когда очередь, наконецъ, дошла до Балканскаго вопроса, пьяному адъюнкту опять представился случай накинуться на Сербію; да, онъ знаетъ достаточно, болѣе, чѣмъ достаточно, о томъ, что тамъ происходитъ; онъ недавно только читалъ „Статистическій Ежемѣсячникъ"; тамъ творятся ужасныя вещи, школы въ полномъ пренебреженіи...

— Нѣтъ, *одно* меня радуетъ больше всего,—сказалъ докторъ съ совершенно влажными глазами,— это—что Гладстонъ еще живъ. Наполните ваши бокалы, господа, и выпьемъ за здоровье Гладстона, да, Гладстона, этого великаго и чистаго демократа, этого человѣка настоящаго и будущаго.

— Подожди же, мы тоже хотимъ присоединиться! — воскликнула жена. Она наполнила бокалы, отъ избытка усердія проливая вино, и дрожащими руками стала обносить подносъ.

Всѣ выпили.

— Да, вотъ человѣкъ надежный, какъ скала! — продолжалъ докторъ и прищелкнулъ языкомъ.—Бѣдняга, онъ былъ въ послѣднее время не совсѣмъ здоровъ, но это, конечно, пройдетъ. Никого изъ политиковъ мнѣ не было бы такъ жалко потерять теперь, какъ Гладстона. Боже великій, когда я о немъ думаю, онъ представляется мнѣ лучезарной звѣздою, свѣтящей на весь міръ!.. У васъ такой отсутствующій видъ, господинъ Нагель; вы не раздѣляете моего мнѣнія?

— Я? Что? Нѣтъ, я вовсе не отсутствую; разумѣется, я въ этомъ вполнѣ согласенъ съ вами.

— Да, еще бы! Конечно, и въ Бисмаркѣ есть многое, что мнѣ импонируетъ, но противъ Гладстона рѣшительно ничего нельзя возразить. Хотѣлось бы мнѣ, право, знать, какъ долго еще Бисмаркъ будетъ продолжать свою безполезную борьбу!..

Доктору все еще никто не возражалъ; онъ даже попробовалъ пустить въ ходъ императора Вильгельма; но и тутъ всѣ были съ нимъ согласны въ томъ, что императоръ Вильгельмъ не вполнѣ нормальный субъектъ. Наконецъ, разговоръ сдѣлался настолько вялымъ, что докторъ предложилъ для развлеченія сыграть въ карты. Кто хочетъ составить партію? Но вдругъ фру Стенерсенъ сказала громко на всю комнату:

— Нѣтъ, это я должна сказать! Знаете ли вы, что мнѣ только что разсказалъ господинъ Эйенъ? Господинъ Нагель, вы не всегда находили Гладстона такимъ великимъ, какъ сегодня. Студентъ Эйенъ слышалъ васъ разъ въ Христіаніи—на собраніи рабочихъ это было? — гдѣ вы основательно отдѣлали Гладстона. Да, вы, однако, хороши! Это дѣйствительно было?

Хозяйка дома проговорила это, улыбаясь и шутливо грозя пальцемъ. Она повторила еще разъ, чтобы онъ сказалъ правда-ли это.

Нагель смутился.

— Я не помню, чтобы когда-нибудь отдѣлывалъ Гладстона,— сказалъ онъ.—Когда это было?

— Нѣтъ, я не скажу, что вы его отдѣлали,—отвѣтилъ Эйенъ,— но вы сильно оппонировали. Я помню, что вы сказали о Гладстонѣ, что онъ ханжа.

— О, Боже великій! Ханжа! Гладстонъ ханжа!—кричалъ докторъ.—Вы были пьяны тогда?

Нагель разсмѣялся.

— Нѣтъ, пьянъ я, должно быть, не былъ. А можетъ быть, я и былъ пьянъ, не знаю. Оно почти похоже на то.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло!—проговорилъ докторъ удовлетворенно.

Нагель не хотѣлъ дать объясненія; онъ избѣгалъ говорить, и Дагни Кьелландъ обратилась къ фру Стенерсенъ съ просьбой вызвать его на разговоръ.

— Пусть онъ еще скажетъ,—шептала она горячо,—пусть онъ объяснитъ, что онъ думалъ. Это слишкомъ забавно.

— Какую же цѣль вы собственно преслѣдовали?—продолжала спрашивать молодая женщина. — Если вы оппонировали, то у васъ же была при этомъ какая-нибудь цѣль. Скажите же намъ! Кромѣ того, вы намъ доставите этимъ удовольствіе; потому что, если вы засядете теперь за карты, это будетъ слишкомъ скучно.

— Я, право, не помню, о какомъ случаѣ господинъ Эйенъ говоритъ, — сказалъ Нагель, все еще смѣясь. — Можетъ быть, я и сказалъ что-нибудь подобное; но... Ну, да если я тогда выразился не слишкомъ ужасно, то я готовъ и теперь еще подтвердить свои слова; если же они были слишкомъ сильны, то я, конечно, отопрусь отъ нихъ.—И снова принимая серьезный видъ, онъ прибавилъ: — Я дѣйствительно не совсѣмъ согласенъ съ вами относительно Гладстона. Къ сожалѣнію, нѣтъ! Впрочемъ, я не хотѣлъ бы никого задѣть этимъ и прошу меня извинить, что выступаю съ этимъ въ вашемъ кругу. Я вообще не фанатикъ; я умѣю молчать. Кто-нибудь изъ васъ видѣлъ или слышалъ Гладстона? *Одно* впечатлѣніе безусловно получается, когда слышишь его съ трибуны: это впечатлѣніе о его безпорочности, о его великой честности! Кажется, будто этотъ человѣкъ вовсе и не можетъ не поступать по справедливости. Мыслимо ли для него совершить такое дурное дѣло и согрѣшить противъ Бога? И онъ до такой степени весь проникнутъ этой идеей, что ожидаетъ того же и отъ своихъ слушателей, дѣйствительно ожидаетъ той же чистоты и отъ своихъ слушателей.

— Но вѣдь это въ немъ очень хорошая черта? Она свидѣтельствуетъ о справедливости и гуманномъ образѣ мыслей,— прервалъ его докторъ.—Я никогда не слыхалъ ничего болѣе сумасброднаго!

— Ну, да, я тоже того мнѣнія; я привожу это только для его характеристики, какъ очень хорошую черту, хе-хе-хе!

Я разскажу вамъ одинъ случай, о которомъ я какъ разъ сейчасъ вспомнилъ; нѣтъ, пожалуй, незачѣмъ разсказывать вамъ все, достаточно назвать вамъ имя Кэри. Не знаю, помнятъ ли всѣ присутствующіе, какъ Гладстонъ въ свое время, будучи министромъ, принималъ донесенія измѣнника Кэри. Онъ, впрочемъ, помогъ ему потомъ переправиться въ Африку, чтобы спасти его отъ мести феніевъ. Ну, да не объ этомъ теперь рѣчь, это совершенно другая исторія; я только случайно вспомнилъ о ней сейчасъ. Я не придаю никакого значенія тѣмъ мелкимъ дѣйствіямъ, къ которымъ иногда бываетъ вынужденъ министръ. Но вернемся къ тому, о чемъ мы говорили. Фактъ тотъ, что Гладстонъ, въ своихъ ораторскихъ выступленіяхъ, непогрѣшимъ... Если кто нибудь изъ васъ видѣлъ или слышалъ Гладстона съ трибуны, то мнѣ достаточно только напомнить о его внѣшнемъ видѣ въ то время, когда онъ говоритъ. Онъ такъ увѣренъ въ своей правотѣ, что

увѣренность эта сквозитъ въ его взглядѣ, голосѣ, осанкѣ и жестахъ. Рѣчь его проста и удобопонятна, она течетъ медленно и нескончаемо; о, какъ она нескончаема! Запасъ словъ его неистощимъ! Надо видѣть, какъ онъ распредѣляетъ свои слова по всему залу, немного здѣсь—торговля желѣзомъ, немного тамъ—скорняку, какъ онъ въ точности знаетъ, что именно онъ скажетъ, до такой степени, что кажется, будто онъ оцѣниваетъ свои слова по кронѣ за штуку. Нѣтъ, это преуморительное зрѣлище! Гладстонъ это рыцарь неоспоримаго права, а только во имя его онъ и выступаетъ. Ему никогда не придетъ въ голову отнестись съ снисхожденіемъ къ какому-нибудь проступку, т. е. если онъ знаетъ, что право на его сторонѣ, онъ примѣняетъ его самымъ безпощаднымъ образомъ, такъ сказать, вертитъ его во всѣ стороны, выставляетъ на видъ и тычетъ имъ въ глаза своимъ слушателямъ, чтобы заставить противниковъ устыдиться. Его мораль это самая здоровая и очевидная мораль. Онъ выступаетъ во имя христіанства, человѣчности и цивилизаціи, и баста! Если кто-нибудь предложитъ ему столько-то или столько-то тысячъ фунтовъ, чтобы спасти невинно осужденную женщину отъ смертной казни, онъ спасетъ женщину, съ презрѣніемъ отвергнетъ деньги и даже не поставитъ этого себѣ въ особую заслугу; нѣтъ, онъ ни въ какомъ случаѣ не поставитъ этого себѣ въ заслугу; вотъ это что за человѣкъ! Это неутомимый борецъ, неустанно стремящійся насаждать добро на землѣ и вѣчно ломающій копья за право, правду и добро! Дважды два четыре, и правда всегда побѣдитъ!.. Впрочемъ, Гладстонъ можетъ пойти и дальше того, что дважды два четыре; я разъ слышалъ, какъ онъ во время дебатовъ по бюджетному вопросу доказывалъ, что семнадцатью двадцать три составляетъ триста девяносто одинъ, и онъ одержалъ блестящую побѣду, огромную побѣду, онъ снова былъ правъ, и правота сверкала въ его глазахъ, дрожала въ его голосѣ и окружала его ореоломъ величія. Но тутъ я не могъ усидѣть; я поднялся и посмотрѣлъ на этого человѣка; я прекрасно сознавалъ, что онъ

совершенно правъ, но, несмотря на это, я поднялся. И вотъ я стою и размышляю надъ результатомъ въ триста девяносто одинъ, и нахожу, что это вѣрно, и все таки я слегка смущенъ и говорю самому себѣ! нѣтъ, позвольте-ка! семнадцатью двадцать три составляетъ триста девяносто *семь*! Я сознаю, что это девяносто одинъ, но вопреки этому сознанію я говорю девяносто семь, только для того, чтобы не соглашаться съ этимъ человѣкомъ, съ этимъ профессіоналомъ права. Какой-то голосъ во мнѣ настойчиво говоритъ: подымись, встань противъ этой прилизанной правоты! И я встаю и говорю девяносто семь просто изъ одной только жгучей внутренней потребности протествовать, уберечь въ своемъ сознаніи представленіе о правѣ отъ этого опошляющаго его по всему свѣту человѣка, такъ непоколебимо стоящаго на стражѣ права...

— Накажи меня Богъ,—воскликнулъ докторъ,—если я когда-либо слыхалъ большую безсмыслицу! Виноватъ, впрочемъ, извините! Но, милѣйшій, неужели васъ возмущаетъ то, что Гладстонъ всегда правъ!

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Нагель почти кротко,—это меня не возмущаетъ. Я, собственно, мало разсчитывалъ на то, что меня здѣсь поймутъ. Но все равно.

Гладстонъ—это странствующій герольдъ справедливости и правды; мозгъ его туго набитъ общепризнанными истинами. Что дважды два четыре—это для него величайшая истина въ мірѣ. Развѣ мы можемъ отрицать, что дважды два четыре? Конечно, нѣтъ; я и говорю это только для того, чтобы показать что Гладстонъ всегда правъ.

И онъ до такой степени всегда правъ, до такой степени весь преисполненъ чистоты и справедливости, что ему никогда и въ голову не придетъ добровольно перестать благодѣтельствовать нашу планету своей добротой. Онъ вѣчно въ движеніи, онъ всюду необходимъ. Онъ наполнитъ весь міръ своими мудрыми рѣчами въ Бирмингамѣ и Гласговѣ, приведетъ пробочнаго фабриканта и

адвоката къ однимъ и тѣмъ же политическимъ взглядамъ, будетъ самымъ энергичнымъ образомъ бороться за свои убѣжденія и напрягать до крайней степени свои старыя вѣрныя легкія для того, чтобы ни одно изъ его драгоцѣнныхъ словъ не пропало для его слушателей. И когда представленіе окончится и народъ выразитъ свой восторгъ, и Гладстонъ раскланяется передъ своими слушателями, онъ вернется домой и ляжетъ спать, и сложитъ руки, и прочитаетъ свою молитву, и заснетъ, не чувствуя въ душѣ ни малѣйшаго сомнѣнія, ни малѣйшаго стыда за то, что онъ напомнилъ собою Бирмингамъ и Гласговъ. У него только будетъ сознаніе, что онъ совершилъ свой долгъ передъ человѣчествомъ и что онъ правъ передъ собственной совѣстью, и съ этимъ сознаніемъ онъ заснетъ сномъ праведника. Онъ не возьметъ такого грѣха на душу, чтобы сказать самому себѣ: сегодня ты сдѣлалъ свое дѣло не совсѣмъ хорошо, ты утомилъ двухъ ткачей на первой скамьѣ, ты усыпилъ одного изъ нихъ—онъ не скажетъ себѣ этого, потому что онъ не увѣренъ, что это правда, а лгать онъ не хочетъ, потому что лгать грѣшно, а Гладстонъ не хочетъ грѣшить. Нѣтъ, онъ скажетъ: мнѣ кажется, тамъ былъ одинъ человѣкъ, который спалъ, мнѣ показалось страннымъ образомъ, что онъ спалъ; но я, должно быть, ошибся, онъ навѣрное не спалъ. Хе-хе-хе-хе-хе... Я не знаю, говорилъ ли я въ Христіаніи въ этомъ родѣ; но это все равно. Я во всякомъ случаѣ надѣюсь, что, какъ умственная величина, Гладстонъ никогда не производилъ на меня особеннаго впечатлѣнія.

— Бѣдный Гладстонъ!—сказалъ судья Рейнертъ.

На это Нагель ничего не отвѣтилъ.

— Нѣтъ, вы не объ этомъ говорили въ Христіаніи—заговорилъ Эйенъ.—Вы нападали на Гладстона за его отношеніе къ ирландцамъ и Парнеллю,—и сказали между прочимъ, что по уму онъ не представляетъ собою значительной величины. Я помню, что вы это сказали. Гладстонъ, сказали вы, это крупная и полезная, но въ своемъ родѣ весьма обыкновенная сила, это огромный мизинецъ Биконсфильда.

— Ну, да, теперь я вспоминаю; я былъ тогда лишенъ слова, хе-хе-хе. Хорошо, я готовъ подписаться и подъ этимъ; почему же нѣтъ? Чѣмъ это хуже всего остального? Я подписываюсь и подъ этимъ. Но я прошу снисхожденія!

Тутъ докторъ Стенерсенъ остановился передъ нимъ и спросилъ:

— Скажите мнѣ, пожалуйста, вы *правый*?

Нагель съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, но сейчасъ же расхохотался и отвѣтилъ:

— А вы *какъ* думаете, господинъ докторъ?

Онъ всталъ и принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Ну, можно быть тѣмъ или другимъ,—отвѣтилъ докторъ,—но нельзя не признавать значенія Гладстона, его неоцѣнимой дѣятельности въ пользу освобожденія Ирландіи, напримѣръ...

— О, да, послѣ того, какъ онъ лишился министерскаго портфеля.

— И раньше тоже. Слыхано ли что-нибудь подобное! Или вы хотите сказать, что... Мнѣ, кажется, чортъ возьми, что вы совсѣмъ сума сошли!

— Тише, тише, Петеръ!—остановила его фру Стенерсенъ со своего мѣста въ качалкѣ.

— Собственно разница всегда была небольшая, занималъ ли Гладстонъ министерское кресло или стоялъ въ рядахъ оппозиціи,—сказалъ Нагель.—Я снова вспоминаю одинъ случай, незначительное происшествіе изъ эпохи чрезвычайныхъ законовъ. Гладстонъ однажды исключилъ двадцать пять—двадцать пять членовъ парламента ирландцевъ для того, чтобы добиться принятія чрезвычайныхъ законовъ.

— Нѣтъ, я, право, не могу понять, какъ вы рѣшаетесь... Когда это было?

— Это было въ 1883, кажется. Да, въ 1883 году. Но, вѣдь долженъ же министръ имѣть право поступить такимъ обра-

зомъ, если этого требуетъ дѣло. Вы не должны понимать меня въ томъ смыслѣ, что я хочу...

— Простите!—сказала фру Стенерсенъ, подходя со своимъ стаканомъ. Она, очевидно, боялась, чтобы разговоръ не зашелъ слишкомъ далеко, и хотѣла прервать непріятный споръ.—Могу я съ вами чокнуться! Извините, впрочемъ, что я прервала васъ.

— Я просто больше не желаю съ вами разговаривать объ этомъ,—воскликнулъ докторъ. Но, словно желая загладить свою рѣзкость, онъ тутъ же разсмѣялся и прибавилъ:

— Потому что вѣдь мы съ вами никогда не придемъ къ соглашенію; никогда въ жизни! Но вамъ никогда больше не удастся меня разсердить, это я вамъ обѣщаю. Ха-ха-ха!

— Да и лучше было бы, если бы я молчалъ,—отвѣтилъ Нагель.

Всѣ снова сѣли, и наступило короткое молчаніе. Между тѣмъ произошла странная вещь: адъюнктъ протрезвился. Какъ только онъ началъ ѣсть, хмель съ него соскочилъ, и теперь онъ опять держался тихо и незамѣтно, какъ всегда, когда въ головѣ у него не шумѣло. Онъ еще продолжалъ изрядно пить, но это, повидимому, больше на него не дѣйствовало; адвокатъ же, напротивъ, развеселился.

Было еще только десять часовъ; снова зашла рѣчь о картахъ; но въ это самое мгновеніе раздался звонокъ у двери, ведущей въ пріемную доктора. Госпожа Стенерсенъ вскочила; такъ и есть, теперь доктору надо уйти, къ сожалѣнію. Но остальные еще не должны уходить, ни въ какомъ случаѣ; по крайней мѣрѣ, не раньше двѣнадцати. Пусть фрэкенъ Андресенъ снова сядетъ; Анна сейчасъ принесетъ еще кипятку для тодди, побольше кипятку.

— Господинъ Рейнертъ, вѣдь вы ничего не пьете.

Нѣтъ, напротивъ, онъ не отставалъ отъ другихъ.

— Но вы не должны еше уходить, вы всѣ должны остаться здѣсь. Дагни, ты такъ молчалива?

— Нѣтъ, не болѣе, чѣмъ обыкновенно.

Докторъ вернулся изъ своей комнаты. Онъ извиняется передъ гостями, онъ долженъ уйти; опасный случай, кровотеченіе. Но это не особенно далеко; черезъ два-три часа онъ будетъ дома; онъ надѣется еще застать всѣхъ здѣсь. Пока, до свиданія; до свиданія, Іетта.

Онъ быстро ушелъ. Минуту спустя онъ показался на улицѣ въ сопровожденіи другого человѣка; онъ почти бѣжалъ по направленію къ пристани; такъ онъ торопился.

Его жена сказала:

— Что мы теперь будемъ дѣлать... Ахъ, повѣрьте, иной разъ это очень непріятно, когда мужу приходится уѣзжать, и я остаюсь одна дома. Особенно въ зимніе вечера это совершенно невыносимо; тогда я иной разъ даже не увѣрена, что онъ вернется.

— Здѣсь въ домѣ нѣтъ дѣтей, какъ я вижу?—спросилъ Нагель.

— Нѣтъ, дѣтей нѣтъ... Ну, теперь я ничинаю уже привыкать къ этимъ длиннымъ ночамъ; но вначалѣ это было ужасно. Увѣряю васъ, я такъ боялась, мнѣ было такъ страшно въ темнотѣ — да, къ сожалѣнію, я боюсь темноты,—что иногда я должна была вставать и ложиться въ комнатѣ горничной... Нѣтъ, Дагни, ты, наконецъ, тоже должна сказать что-нибудь! О чемъ ты собственно думаешь? Конечно, о женихѣ.

Дагни покраснѣла, отъ смущенья разсмѣялась и отвѣтила:

— Да, я думала о немъ; это вѣдь понятно. Но ты лучше спроси, о чемъ думаетъ судья; онъ весь вечеръ не проронилъ ни слова.

Судья сталъ протестовать; онъ разговаривалъ съ барышнями Ольсенъ и Андресенъ, въ тиши, такъ сказать, проявилъ весьма значительную дѣятельность, онъ былъ все время очень веселъ, съ интересомъ слушалъ политическія разсужденія другихъ, словомъ...

— Женихъ фрэкенъ Кьелландъ опять въ плаваніи, — объя-

снила хозяйка дома Нагелю.—Онъ морской офицеръ, теперь на пути въ Мальту. Вѣдь въ Мальту, да?

— Да, въ Мальту,—отвѣтила Дагни.

— Какъ быстро такіе люди обручаются! Онъ пріѣзжаетъ на три недѣли въ отпускъ къ родителямъ и въ одинъ прекрасный вечеръ... да, да, ужъ эти лейтенанты!

— Бравые молодцы!—замѣтилъ Нагель.—Большей частью это высокіе, красивые, загорѣлые люди съ большимъ запасомъ душевной свѣжести. Даже и форма у нихъ какая-то особенно красивая, и они умѣютъ носить ее съ особымъ шикомъ. Да, онъ всегда восхищался морскими офицерами.

Вдругъ фрэкенъ Кьелландъ поворачивается къ Эйену и спрашиваетъ, смѣясь.

— Да, это господинъ Нагель говоритъ *теперь*; но что онъ говорилъ въ Христіаніи?

Всѣ начали смѣяться; адвокатъ Гансенъ, изрядно охмелѣвшій, подхватилъ:

— Да, что онъ говорилъ въ Христіаніи? въ Христіаніи? что господинъ Нагель тамъ говорилъ? Ха-ха-ха! О, Боже милостивый! Ваше здоровье!

Нагель чокнулся съ нимъ и выпилъ. Онъ, право, всегда симпатизировалъ морскимъ офицерамъ. увѣрялъ онъ; господину Эйену и въ Христіаніи ничего другого не пришлось бы услышать отъ него. Онъ идетъ даже дальше и утверждаетъ, что будь онъ дѣвушкой, онъ непремѣнно выбралъ бы себѣ въ мужья морского офицера и никого другого.

Надъ этимъ опять начали смѣяться; адвокатъ въ восторгѣ чокался со всѣми стаканами, стоявшими на столѣ, и пилъ одинъ. Вдругъ Дагни сказала:

— Но всѣ лейтенанты пользуются репутаціей дураковъ; этому вы, значитъ, не вѣрите?

Этого Нагель не думалъ, отнюдь нѣтъ; это вздоръ. Но если бы это даже такъ и было, онъ, будь онъ дѣвушкой, предпочелъ бы

красиваго мужа умному мужу. Безусловно! И особенно, если бы онъ былъ *молодой* дѣвушкой. Ну, что бы вы стали дѣлать съ мозгомъ безъ тѣла? Да, конечно, вы можете спросить; что дѣлать съ тѣломъ безъ мозга? Но это, чортъ возьми, разница. Родители Шекспира даже не умѣли читать. Да и самъ Шекспиръ, можетъ быть, тоже не особенно хорошо читалъ; это не мѣшало ему, однако, стать исторической личностью. Но какъ бы то ни было, молодой дѣвушкѣ скорѣе наскучитъ ученый и некрасивый, чѣмъ красивый и глупый мужъ. Кромѣ того, безъ мозга можно копать землю, таскать камни въ крайнемъ случаѣ, да. Нѣтъ, будь онъ молодой дѣвушкой и имѣй онъ свободный выборъ, онъ бы, право, выбралъ себѣ прежде всего красиваго мужа; взгляды мужа на политику и философію Нитцше и святую Троицу интересовали бы его, какъ прошлогодній снѣгъ.

— Вотъ, здѣсь вы можете видѣть лейтенанта фрэкенъ Кьелландъ,—сказала хозяйка дома, протягивая ему альбомъ.

Дагни вскочила. У нея вырвалось:—нѣтъ, ахъ нѣтъ!—но она сейчасъ же снова сѣла.—Но это скверная фотографія, — сказала она вслѣдъ затѣмъ, — онъ на самомъ дѣлѣ выглядитъ гораздо лучше.

Нагель увидалъ красиваго молодого человѣка съ круглой бородой. Онъ легко и непринужденно сидѣлъ у стола, держа руку на эфесѣ шпаги. Довольно рѣдкіе волосы его были по серединѣ раздѣлены проборомъ; онъ немного смахивалъ на англичанина.

— Да, это правда, онъ гораздо красивѣе, чѣмъ здѣсь на карточкѣ,— сказала фру Стенерсенъ.—Я тоже была когда-то въ него влюблена. Еще дѣвушкой... Но взгляните на карточку рядомъ. Это молодой теологъ, который недавно умеръ; его звали Карльсенъ. Онъ погибъ нѣсколько дней тому назадъ; это было такъ грустно. Да, это тотъ самый, котораго мы хоронили третьяго дня.

Фотографія представляла молодого человѣка болѣзненнаго вида, съ впалыми щеками и такими тонкими, сжатыми губами, что онѣ производили впечатлѣніе узкой черты, проведенной посреди лица.

Глаза у него были большіе и темные, лобъ необыкновенно высокій и чистый; но грудь была плоска и плечи не шире, чѣмъ у женщины.

Это былъ Карльсенъ. Такъ вотъ какъ онъ выглядѣлъ. Нагель подумалъ про себя, что къ этому лицу подходятъ синія руки и теологія. Онъ только что хотѣлъ замѣтить, что это фатальное лицо, но въ эту минуту судья Рейнертъ подвинулъ свой стулъ ближе къ Дагни и вступилъ съ ней въ разговоръ. Онъ поэтому ничего не сказалъ, чтобы не мѣшать имъ, и продолжалъ перелистывать альбомъ.

— Вы обвинили меня сегодня въ томъ, что я весь вечеръ молчу,—сказалъ судья,—такъ позвольте мнѣ разсказать вамъ теперь объ одномъ происшествіи, случившемся во время королевскаго посѣщенія. Это дѣйствительное происшествіе, я какъ разъ теперь вспомнилъ о немъ...

Она, смѣясь, прервала его:

— Что вы тамъ скандалили на углу весь вечеръ? Вы мнѣ лучше *это* скажите. Я только хотѣла васъ призвать къ порядку, когда сказала, что вы такъ молчаливы. Вы, конечно, опять злословили, вѣдь правда? Это, право, гадко съ вашей стороны, что вы всѣхъ передразниваете и надъ всѣми насмѣхаетесь. Это правда, онъ ужасно кокетничаетъ своимъ желѣзнымъ кольцомъ на мизинцѣ, подымаетъ его кверху, разглядываетъ его, чиститъ; но, можетъ быть, онъ и самъ этого не замѣчаетъ. Во всякомъ случаѣ онъ не ломается такъ, какъ *вы* показывали; нѣтъ, нечего отпираться, я это очень хорошо видѣла. Впрочемъ, онъ такъ высокомѣренъ и такъ важничаетъ, что заслуживаетъ этого. Но ты, Гудрунъ, ужъ слишкомъ хохотала; онъ навѣрное замѣтилъ, что ты смѣялась надъ нимъ.

Гудрунъ подошла и стала защищаться, утверждая, что это исключительно вина судьи, онъ былъ такъ невозможно смѣшонъ; уже одно то, какъ онъ говорилъ о Гладстонѣ: Гладстонъ, какъ умственная величина, никогда не импонировалъ мнѣ,—*мнѣ*!

— Шш..! Не такъ громко, Гудрунъ; онъ сейчасъ опять слышалъ, что ты сказала, навѣрное слышалъ, онъ обернулся. Нѣтъ, въ сущности, онъ вовсе ужъ не такъ преувеличивалъ, и когда его прерывали, онъ нисколько не обижался; не правда ли? Его лицо было почти грустно. Представь себѣ, теперь мнѣ почти жалко, что мы здѣсь сидимъ и сплетничаемъ на его счетъ; мнѣ досадно, зачѣмъ я это дѣлала. И знаешь, то, что онъ говорилъ, въ сущности было интересно. Гудрунъ, мнѣ ясно послышалось, будто онъ вздохнулъ сейчасъ, когда обернулся? Ухъ, нѣтъ, теперь у меня угрызенія совѣсти... Господинъ судья, разскажите теперь вашу исторію о королевскомъ посѣщеніи.

И судья сталъ разсказывать. Такъ какъ это былъ не секретъ, а самое простое происшествіе съ женщиной и букетомъ цвѣтовъ, то судья говорилъ все громче и громче, такъ что подъ конецъ всѣ стали слушать его. Исторія его тянулась четверть часа. Когда онъ кончилъ, фрэкенъ Андресенъ сказала:

— Господинъ Нагель, вы помните, вы вчера вечеромъ разсказывали намъ о пѣвческомъ хорѣ на Средиземномъ морѣ?...

Нагель быстро захлопнулъ альбомъ, оглянулся кругомъ, и лицо его приняло почти испуганное выраженіе. Онъ тихо отвѣтилъ, что онъ, можетъ быть, ошибся въ мелочахъ, но во всякомъ случаѣ, это произошло не намѣренно; онъ не выдумалъ этой исторіи, это дѣйствительное происшествіе.

— Да нѣтъ, я вовсе и не хотѣла сказать, что вы ее выдумали,—возразила она, смѣясь.—Но вы помните, что вы отвѣтили, когда я сказала, что это красиво? Что вы до того только разъ слышали нѣчто болѣе красивое и это было во снѣ.

Да, онъ помнитъ.

— Ахъ, такъ разскажите намъ этотъ сонъ. Пожалуйста, пожалуйста! вы такъ удивительно разсказываете. Мы всѣ васъ просимъ.

Но онъ упорно отказывался. Онъ приводилъ множество извиненій, сказалъ, что это совершенно незначительный сонъ, безъ

начала и безъ конца, смутное представленіе во снѣ; нѣтъ, онъ даже не можетъ передать его въ словахъ; вѣдь каждому знакомы эти неясныя, мимолетныя ощущенія, которыя только сверкнутъ, какъ лучъ, и сейчасъ же исчезаютъ. Можно себѣ представить, какъ глупо все это было, если сонъ происходилъ въ серебристо-бѣломъ лѣсу.

Такъ. Въ серебристомъ лѣсу. Дальше?

Но его нельзя упросить. Онъ готовъ сдѣлать для нея все возможное; она можетъ подвергнуть его какому угодно испытанію; но этого сна онъ не можетъ разсказать, пусть она ему повѣритъ.

— Хорошо; тогда что-нибудь другое. Вѣдь мы всѣ васъ просимъ.

Нѣтъ, онъ не расположенъ сегодня, изъ этого ничего не выйдетъ. Вѣдь для этого нужно подходящее настроеніе, не правда ли?

Послѣ этого они обмѣнялись еще нѣсколькими ничего не значущими фразами, ребяческими вопросами и такими же вздорными отвѣтами. Дагни сказала:

— Вы бы сдѣлали все возможное для фрэкенъ Андресенъ? *что*, напримѣръ? Скажите намъ!

Эта идея вызвала смѣхъ. Дагни сама смѣялась вмѣстѣ съ прочими. Послѣ короткаго размышленія Нагель сказалъ:

— Для васъ я могъ бы сдѣлать что-нибудь дурное.

— Что-нибудь дурное для меня? Интересно послушать, что это.

— Нѣтъ, такъ сразу я не могу сказать.

— Напримѣръ, совершить убійство?—спросила она.

— Да, можетъ быть, я могъ бы, пожалуй, убить эскимоса и содрать съ него кожу, чтобы сдѣлать изъ нея портфель для васъ.

— Браво! Ха-ха-ха! Ну! а для фрэкенъ Андресенъ—что бы вы могли сдѣлать для *нея*? Что-нибудь необыкновенно хорошее?

— Да, можетъ быть, не знаю. Кстати, эту мысль про эскимоса я гдѣ-то вычиталъ; не думайте, что это моя собственная выдумка.

Обмѣнявшись этими нелѣпыми репликами, не имѣвшими ни смысла, ни значенія, оба замолчали; казалось, будто каждый изъ нихъ размышляетъ о томъ, что другой хотѣлъ сказать, какая тайна скрывается за этими словами, какіе намеки въ нихъ содержатся. Съ минуту всѣ молчали; но когда вслѣдъ затѣмъ фру Стенерсенъ вышла изъ спальни съ свѣже-вымытыми руками, отъ которыхъ шелъ запахъ ароматнаго мыла, Нагель подошелъ къ ней съ какимъ-то вопросомъ относительно канарейки, пѣніе которой доносилось сквозь полуоткрытую дверь въ столовую.

Адъюнктъ украдкой взглянулъ на часы.

— Такъ и знайте, — сказала хозяйка дома, — вы не уйдете, покуда мой мужъ не вернется. Это строго запрещается! Дѣлайте, что хотите, но уходить нельзя.

Затѣмъ подали кофе, и общество тотчасъ же оживилось; адвокатъ, спорившій съ юнымъ студентомъ, этотъ толстенькій человѣчекъ, вскочилъ легко, точно онъ весь былъ на пружинахъ, и въ восхищеніи захлопалъ въ ладоши; даже студентъ, потирая пальцы, подошелъ къ роялю и взялъ нѣсколько аккордовъ.

— Ахъ, да,—раздались восклицанія,—какъ это мы забыли, что вы играете! Теперь вы должны намъ сыграть что-нибудь, во что бы то ни стало!

Студентъ, въ сущности, былъ готовъ играть. Онъ знаетъ немного, но если общество не имѣетъ противъ Шопена или, можетъ быть, Ланнеровскаго вальса...

Теперь и Нагель какъ будто оживился. Онъ усердно апплодировалъ музыканту и перекинулся нѣсколькими словами какъ съ судьею, такъ и съ фрэкенъ Ольсенъ; но когда Дагни усѣлась возлѣ печки, онъ также отошелъ отъ стола и сталъ ходить взадъ и впередъ между окнами. Потомъ онъ подошелъ къ Дагни и сказалъ:

— Не правда ли, когда слышишь такую музыку, хотѣлось бы сидѣть въ нѣкоторомъ отдаленіи, гдѣ-нибудь въ боковой комнатѣ, держа въ своей рукѣ руку любимаго человѣка, сидѣть тихо-тихо,

не говоря ни слова! Не знаю, но мнѣ всегда казалось, что это должно быть такъ чудесно.

— Да,—сказала она.—Но тогда не должно было бы быть такъ свѣтло, не правда ли? И стулья должны были бы быть низкіе и мягкіе. На дворѣ же долженъ былъ бы итти дождь.

Онъ кивнулъ головой и посмотрѣлъ на нее. Она была сегодня необыкновенно хороша. Эти синіе сіяющіе глаза на свѣтломъ лицѣ придавали ей своеобразный видъ, и хотя зубы у нея были не особенно бѣлые, она охотно смѣялась, смѣялась даже по пустякамъ; губы у нея были красныя и полныя и сразу привлекали взглядъ. Но замѣчательнѣе всего было, можетъ быть, то, что всякій разъ, когда она начинала говорить, нѣжная краска появлялась у нея на щекахъ и сейчасъ же исчезала.

Нагель только что хотѣлъ что-то сказать, какъ фру Стенерсенъ воскликнула:

— Ну, вотъ адъюнктъ опять исчезъ. Ну, еще бы! За этимъ человѣкомъ невозможно услѣдить; онъ всегда остается себѣ вѣренъ. Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что вы, господинъ судья, проститесь раньше, чѣмъ уйдете.

Адъюнктъ ушелъ черезъ кухню; онъ улизнулъ совершенно незамѣтно, какъ всегда, блѣдный и усталый отъ вина, и больше не возвращался. При этомъ извѣстіи лицо Нагеля вдругъ измѣнило свое выраженіе. Въ мгновеніе ока ему пришла въ голову мысль, что онъ можетъ попытаться предложить Дагни проводить ее домой вмѣсто адъюнкта. Онъ сейчасъ же и попросилъ ее объ этомъ, онъ умолялъ ее глазами и наклоненной головой и въ заключеніе еще прибавилъ:

— Я *такъ* хорошо буду себя вести!

Она разсмѣялась и отвѣтила:

— Да, да, если вы *это* обѣщаете, то я съ благодарностью принимаю ваше предложеніе.

— Ахъ да, вы увидяте, *какъ* хорошо я себя буду вести.

Теперь онъ еще только ждалъ возвращенія доктора, чтобы

уйти. Въ ожиданіи этой прогулки черезъ лѣсъ онъ сталъ еще оживленнѣе, чѣмъ раньше, принималъ участіе во всѣхъ разговорахъ, заставилъ всѣхъ смѣяться и былъ необыкновенно любезенъ. Онъ былъ въ такомъ восторгѣ, такъ счастливъ, что обѣщалъ притти посмотрѣть садъ фру Стенерсенъ и, въ качествѣ полуспеціалиста, изслѣдовать также и почву въ нижнемъ концѣ его, тамъ, гдѣ стояли чахнувшіе кусты смородины. О да, ужъ онъ справится съ травяными вшами, хотя бы ему пришлось заговаривать, заклинать ихъ!

Развѣ онъ знаетъ толкъ и въ колдовствѣ?

Да, во всемъ немного диллетантствуешь. Вотъ, напримѣръ, кольцо, самое обыкновенное кольцо изъ желѣза, но оно обладаетъ удивительнѣйшей силой. Кто бы это могъ подумать, глядя на него? Но если ему случалось потерять кольцо вечеромъ въ десять часовъ, то онъ непремѣнно долженъ былъ найти его еще до полуночи, иначе съ нимъ случалось несчастіе. Онъ получилъ его отъ одного очень стараго грека, пирейскаго купца; онъ, впрочемъ, въ свою очередь оказалъ этому человѣку услугу и кромѣ того подарилъ ему еще за кольцо тюкъ табаку.

Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ вѣритъ въ это?

Немного, да. Право! Оно разъ вернуло ему здоровье.

Со стороны моря послышался лай собаки. Фру Стенерсенъ взглянула на часы; да, это докторъ, она узнаетъ собаку. Вотъ это хорошо; всего двѣнадцать часовъ, а онъ уже возвращается. Она позвонила и велѣла подать еще кофе.

— Вотъ какъ? Такъ это, значитъ, совершенно особенное кольцо, господинъ Нагель?—сказала она.—И вы такъ твердо вѣрите въ него?

Довольно твердо, то-есть: у него есть основанія не *совсѣмъ* сомнѣваться въ его силѣ. Развѣ не все равно, во что вѣришь, если въ глубинѣ души придаешь одинаковую цѣну и тому и другому? Кольцо излечило его отъ нервозности, можетъ быть, вѣрнѣе любой микстуры.

Фру Стенерсенъ разсмѣялась было, но сейчасъ же начала ему горячо возражать. Нѣтъ, она терпѣть не можетъ такого аффектированнаго вздора — извините, но она это называетъ аффектированнымъ вздоромъ, — и она вполнѣ убѣждена, что господинъ Нагель и самъ не вѣритъ тому, что говоритъ. Если такія вещи говорятъ образованные люди, то чего же ожидать отъ простого народа? До чего бы мы тогда дошли? Тогда докторамъ оставалось бы только закрыть лавочку.

Нагель сталъ защищаться. Одно ничѣмъ не хуже другого. Все зависитъ отъ воли, отъ вѣры, отъ организаціи паціента. Но и докторамъ нечего закрывать лавочку; вѣдь они имѣютъ свою паству, своихъ вѣрующихъ; они имѣютъ образованныхъ людей, а образованныхъ людей лечатъ микстурами, между тѣмъ какъ еретикъ, простой человѣкъ лечится желѣзными кольцами, жженными человѣческими костями и кладбищенской землей. Развѣ не было примѣровъ, что больныхъ вылечивала чистая вода, когда имъ внушали, что это великолѣпное лечебное средство? А опыты съ морфинистами? Передъ лицомъ такихъ замѣчательныхъ фактовъ нѣтъ ничего удивительнаго, что не-спеціалистъ отправляетъ къ чорту всѣ теоріи и не держится слѣпой вѣры въ медицинскую науку.

Впрочемъ, онъ отнюдь не хочетъ показать, будто что-нибудь понимаетъ въ этихъ вещахъ, онъ не спеціалистъ и у него нѣтъ никакихъ познаній въ медицинѣ. И прежде всего онъ самъ въ настоящую минуту въ такомъ хорошемъ настроеніи, что ему не хотѣлось-бы портить настроенія другимъ. Онъ надѣется, что фру Стенерсенъ проститъ его!

Онъ поминутно взглядывалъ на часы и сталъ уже застегивать свой сюртукъ.

Среди этого разговора влетѣлъ докторъ. Онъ былъ возбужденъ и не въ духѣ, поздоровался съ дѣланной живостью, благодаря гостей за то, что они дождались его. Ну, да, съ адъюнктомъ вѣдь ничего не подѣлаешь, Богъ съ нимъ! Но кромѣ него

всѣ были въ сборѣ. Да, сколько приходится бороться въ этой жизни!

И онъ началъ по обыкновенію разсказывать о своей поѣздкѣ. Его кислый видъ былъ слѣдствіемъ того, что его паціенты обманули его ожиданія; они вели себя, какъ идіоты, какъ ослы, онъ бы ихъ всѣхъ засадилъ въ тюрьму. Да, вотъ, напримѣръ, домъ, въ которомъ онъ только что былъ! Хозяйка больна, отецъ хозяйки боленъ, сынъ хозяйки боленъ! И вонь по всему дому! Но остальные члены семьи, впрочемъ, всѣ краснощекіе, ребятишки здоровехонькіе. Непостижимо, невѣроятно; нѣтъ! онъ этого не понимаетъ! Вотъ, напримѣръ, старикъ, отецъ хозяйки, лежитъ съ *такой* громадной раной. Позвали повивальную бабку, и она остановила кровь. прекрасно; но *чѣмъ* она ее остановила? Возмутительно, прямо преступно; невозможно передать, какъ это воняло; до тошноты! И, конечно, при первомъ же удобномъ случаѣ гангрена! Если бы онъ не явился сегодня, Богъ знаетъ, что бы могло случиться! Да, законъ, воспрещающій знахарство, надо было бы распространить; это непремѣнно *должно* быть сдѣлано; а давать его въ руки людямъ, которые... Но, какъ бы то ни было, кровь была остановлена. Но вотъ является домой сынъ, взрослый сынъ, длинный балбесъ, нажившій себѣ экзему на лицѣ.

— Я ему уже раньше прописалъ мази и сказалъ ему вполнѣ опредѣленно: вотъ эту желтую мазь въ теченіе одного—*одного*—часа въ сутки, а эту бѣлую цинковую мазь, остальные двадцать три часа. Что же онъ дѣлаетъ? Конечно перепутываетъ мази, употребляетъ бѣлую мазь одинъ часъ, а желтую, которая жжетъ и щиплетъ, какъ огонь, цѣлый день и цѣлую ночь. И это онъ продолжалъ въ теченіе двухъ недѣль. Но удивительнѣе всего, все-таки, то, что этотъ балбесъ выздоровѣлъ, несмотря на свою глупость; *совершенно выздоровѣлъ*! Быкъ, верблюдъ, который выздоравливаетъ, что бы онъ, чортъ его возьми, ни употреблялъ. Сегодня онъ является передо мной съ рожей, на которой ни малѣйшаго пятнышка. Счастье, чертовское счастье! Онъ могъ себѣ

изуродовать лицо, Богъ знаетъ, на сколько времени, а онъ и глазомъ не моргнулъ... Съ другой стороны мать балбеса, хозяйка. Она больна, истощена, безъ силъ, головокруженія, нервность, шумъ въ ушахъ, отсутствіе аппетита. Ванны! говорю я. Купаться, и мыться, и побольше воды на тѣло, чортъ возьми! Сварите теленка и ѣдите, чтобы хоть кости свои прикрыть мясомъ, раскройте окна, впустите побольше свѣжаго воздуху, ступайте на улицу и т. д., но прежде всего купанье и обтираніе и снова купанье; иначе мое лекарство вамъ не поможетъ.—Ну, на теленка у нея денегъ не было, это возможно; но вотъ она купается; она купается и смываетъ немного грязи; ей дѣлается при этомъ холодно, ее знобитъ, у нея зубы стучатъ отъ этой чистоты, и она снова оставляетъ воду! Нѣтъ, больше она эту чистоту не въ силахъ переносить! Что же дальше? Она достаетъ себѣ какую-то цѣпочку, цѣпочку отъ ломоты, и надѣваетъ на себя. Я прошу показать мнѣ ее; какая-то цинковая пластинка, пара крючковъ, нѣсколько крючковъ поменьше—и это все. Для чего, чортъ васъ возьми, вы это употребляете? Да, ей отъ этого полегчало немного, дѣйствительно полегчало, это уменьшило ей боли въ головѣ, обогрѣло ее. Право же, эти крюки и эта цинковая пластинка принесли ей облегченіе! Ну, что вы подѣлаете съ такими людьми? Если бы я плюнулъ на бревно и далъ бы ей его, оно бы точно такъ-же ей помогло; но попробуйте-ка сказать ей это? Выкиньте это вонъ, говорю я ей, иначе я ничего больше для васъ не стану дѣлать, я не подойду къ вамъ! И что бы вы думали, она дѣлаетъ? Она крѣпко держитъ свою цинковую пластинку и отпускаетъ меня! Хи-хи-хи! Отпускаетъ меня! Великій Боже! Нѣтъ, тутъ надо не врача, а знахаря...

Докторъ въ сильномъ возбужденіи сѣлъ пить кофе. Жена его переглянулась съ Нагелемъ и сказала, смѣясь:

— Господинъ Нагель поступилъ бы точь въ точь такъ, какъ эта женщина. Передъ самымъ твоимъ приходомъ у насъ какъ

разъ былъ разговоръ объ этомъ. Господинъ Нагель не очень вѣритъ въ твою науку.

— Вотъ какъ? Господинъ Нагель не вѣритъ!—замѣтилъ докторъ иронически. — Впрочемъ, господинъ Нагель можетъ думать объ этомъ, что ему угодно.

Недовольный, разсерженный, весь пылающій гнѣвомъ на этихъ ужасныхъ паціентовъ, не выполнившихъ его предписаній, докторъ молча пилъ свой кофе. Его еще больше сердило то, что всѣ на него смотрѣли. —Дѣлайте же что-нибудь, двигайтесь, — сказалъ онъ. Но, напившись кофе, онъ снова развеселился, болталъ съ Дагни, смѣялся надъ лодочникомъ, пріѣхавшимъ за нимъ, чтобы отвести его къ больному, снова вспомнилъ обо всѣхъ непріятностяхъ и снова пришелъ въ раздраженіе. Онъ никакъ не могъ забыть перепутанныхъ мазей; всюду, куда ни взглянешь, только грубость, дикость, суевѣріе и идіотство; въ общемъ это невѣжество въ народѣ прямо невозможно.

— Но вѣдь этотъ человѣкъ выздоровѣлъ!

Докторъ готовъ былъ растерзать Дагни зубами, когда она произнесла эти слова. Онъ выпрямился. Человѣкъ этотъ выздоровѣлъ, совершенно вѣрно; но что изъ этого слѣдуетъ? Вѣдь это не мѣняетъ нисколько того, что глупость и невѣжество въ народѣ ужасны. Онъ выздоровѣлъ, да; но что, если бы онъ сжегъ себѣ всю кожу? Какой имѣетъ смыслъ защищать его ослиную глупость?

Это досадное столкновеніе съ глупымъ парнемъ, поступившимъ какъ разъ обратно его предписанію и несмотря на это выздоровѣвшимъ, раздражало доктора больше всего остального и придавало его обыкновенно мягкому взгляду свирѣпое выраженіе. Нелѣпѣйшій случай оставилъ его въ дуракахъ; цинковую пластинку предпочли ему; онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ въ своемъ достоинствѣ и не могъ этого забыть, пока вслѣдъ за кофе не выпилъ стакана крѣпкаго тодди. Тогда онъ вдругъ сказалъ:

— Іетта, я долженъ тебѣ сказать, я далъ человѣку, который

пришелъ за мной, пять кронъ. Ха-ха-ха! въ жизни своей я не видалъ такого парня; вся задняя часть его панталонъ отсутствовала; но если бы вы видѣли это крѣпкое тѣло! И какая беззаботность при этомъ! Чистый дьяволъ! Онъ распѣвалъ всю дорогу. Онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что достанетъ своей удочкой до неба, если станетъ на вершину Этьефіельда. Но тебѣ придется для этого подняться на цыпочки, сказалъ я. Онъ ничего не замѣтилъ и сталъ божиться, что великолѣпно умѣетъ стоять на цыпочкахъ. Ха-ха-ха! Слышали ли вы что-нибудь подобное! Преуморительный субъектъ!

Наконецъ, фрэкенъ Андресенъ встала, чтобы итти домой; съ нею поднялись и остальные. Нагель, прощаясь, такъ искренно и горячо благодарилъ хозяевъ, что совершенно обезоружилъ доктора, послѣднія четверть часа державшагося съ нимъ довольно нелюбезно.

— Приходите поскорѣй снова. Но послушайте, у васъ есть на дорогу сигара? Закурите же сигару.

И докторъ заставилъ его взять сигару.

Дагни между тѣмъ стояла одѣтая на лѣстницѣ и ждала.

VIII.

Бѣлыя ночи.

Была чудная ночь.

У немногочисленныхъ пѣшеходовъ, встрѣчавшихся еще на улицѣ, были радостныя лица; на кладбищѣ какой-то человѣкъ еще возился съ тачкой и тихо напѣвалъ. Все кругомъ было такъ тихо, что ничего, кромѣ этого пѣнія, не было слышно. Сверху, съ того мѣста, гдѣ стоялъ домъ доктора, городъ выглядѣлъ, какъ причудливо распростершееся гигантское насѣкомое, какое-то сказочное существо, распластавшееся на брюхѣ и протянувшее во всѣ стороны свои лапы, рога и щупальцы; лишь изрѣдка оно шевелило какимъ-нибудь членомъ или втягивало въ себя лапу—какъ

сейчасъ внизу на морѣ, гдѣ крохотный паровой яликъ скользнулъ по водѣ, бороздя ея черную поверхность.

Дымъ сигары, которую Нагель курилъ, синими кольцами расходился въ воздухѣ. Нагель уже чувствовалъ ароматъ лѣса и травы, и все его существо внезапно прониклось ощущеніемъ блаженства, какой-то особенной. сильной радостью, вызывавшей слезы на глаза и почти захватывавшей дыханіе. Онъ шелъ рядомъ съ Дагни; она еще не произнесла ни слова. Когда они миновали кладбище, онъ сказалъ нѣсколько доброжелательныхъ словъ по адресу доктора и его жены, но она ничего не отвѣтила. Между тѣмъ красота и тишина ночи все сильнѣе опьяняли его, страстно охватывая все его существо; онъ часто и прерывисто дышалъ, и взглядъ его покрылся влагою. Ахъ, какъ хороши эти бѣлыя ночи!

Онъ заговорилъ громко:

— Взгляните на холмы; какъ отчетливо они выдѣляются на фонѣ неба! У меня такъ радостно сегодня на душѣ, прошу васъ, фрэкенъ, будьте ко мнѣ снисходительны, если можете; въ эту ночь я отъ счастья былъ бы способенъ натворить глупостей. А вамъ развѣ не весело? Да, вы непремѣнно должны развеселиться, вы слышите, что я говорю? Мнѣ бы такъ хотѣлось теперь доставить вамъ какую-нибудь радость, чего бы вы отъ меня ни потребовали; повѣрьте мнѣ—о, Боже, если бы вы знали, до какой степени вы можете повѣрить моимъ словамъ! Взгляните на эти сосны, и на камни, и на земляныя насыпи, и на кусты можжевельника, они похожи въ этомъ ночномъ освѣщеніи на сидящихъ людей. И ночь такъ свѣжа и ясна, она не гнететъ душу странными предчувствіями, не пугаетъ тайными страхами. Не правда ли? Нѣтъ, вы не будете недовольны мною сегодня, этого не должно быть, я самъ такъ радъ. У меня такое ощущеніе, словно въ душѣ у меня поютъ ангелы. Я пугаю васъ?

Она остановилась; онъ потому и спросилъ ее, пугаетъ ли онъ ее. Но она съ улыбкой устремила на него свои синіе глаза, снова стала серьезна и сказала:

— Я столько разъ думала о томъ, что вы за человѣкъ.

Она сказала это, все еще стоя и глядя на него, и легкое волненіе слышалось въ ея голосѣ. И всю дорогу она говорила тѣмъ же яснымъ, трепетнымъ голосомъ, полуиспуганнымъ, полурадостнымъ.

Между ними завязался слѣдующій разговоръ, продолжавшійся всю дорогу, какъ медленно они ни шли, перескакивавшій съ предмета на предметъ, съ настроенія на настроеніе, полный того трепетнаго волненія, какое охватило ихъ обоихъ:

— Вы обо мнѣ думали? Въ самомъ дѣлѣ? Но я, конечно, гораздо больше думалъ о васъ. Я зналъ о васъ еще раньше, чѣмъ пріѣхалъ, я слышалъ ваше имя на пароходѣ; я случайно услыхалъ его; двое разговаривавшихъ упомянули его. И я пріѣхалъ сюда двѣнадцатаго іюня, двѣнадцатаго іюня...

— Что вы, какъ разъ двѣнадцатаго іюня!

— Да, и городъ былъ разукрашенъ флагами, и мнѣ показалось, что это очаровательный городокъ, потому я и сошелъ на берегъ. И я тутъ же опять услышалъ о васъ...

Она улыбнулась и спросила:

— Вамъ Минутта навѣрное говорилъ про меня?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—я услыхалъ, что всѣ васъ любятъ, всѣ въ городѣ, и что всѣ восхищаются вами...

И вдругъ ему пришелъ на память теологъ Карльсенъ, который изъ-за нея покончилъ съ собой.

— Въ самомъ дѣлѣ? вы это слышали? Ну, съ тѣхъ поръ, какъ я обручилась, отъ всего этого восхищенія немного осталось. Представьте себѣ, за эти нѣсколько дней весь городъ точно преобразился; только нѣсколько подругъ еще остались мнѣ вѣрны.

— Нѣтъ, вамъ это, должно быть, кажется...

— Ахъ, меня это нисколько не огорчаетъ, этого вы не должны думать; вы вѣрите мнѣ?

Отъ этихъ нѣсколькихъ словъ у него закружилась голова, и онъ прервалъ ее:

— Развѣ вамъ не все равно, что я о васъ думаю?

Онъ сейчасъ же пожалѣлъ, что сказалъ это; онъ весь покраснѣлъ и долго не могъ забыть объ этомъ промахѣ. Она ему и не отвѣтила на этотъ вопросъ, сдѣлавъ видъ, что ничего не слыхала. Она начала говорить о судьѣ Рейнертѣ — человѣкѣ, который всегда былъ такъ внимателенъ и любезенъ къ ней,—ха-ха-ха —но теперь она и его потеряла съ тѣхъ поръ, какъ обручилась.

—Вы вздохнули? Вѣдь только что вы были еще такъ веселы? Не надо вздыхать.

Напротивъ! Онъ веселъ, очень веселъ.

Взгляды ихъ встрѣтились. Это „не надо вздыхать“ еще звучало у него въ ушахъ; точно чья-то мягкая, нѣжная рука погладила его.

— Скажите,—продолжала она,—вы дѣйствительно думаете то, что вы раньше говорили о морякахъ? Вы все это въ самомъ дѣлѣ думаете?

— Да, все, безусловно. Почему бы мнѣ этого не думать? Я увлекаюсь ими и всегда увлекался; меня приводитъ въ восхищеніе ихъ привольная жизнь, ихъ гордая осанка, ихъ форма, ихъ свѣжесть и неустрашимость; я нахожу въ нихъ большое очарованіе. Большей частью они притомъ же и очень пріятные люди. И еще кое-что: у нихъ очень развито чувство чести; такъ рѣдко встрѣчаются преступники среди морскихъ офицеровъ. Да, они великолѣпные люди.

— Да,—сказала она про себя.

Она нѣкоторое время шла молча, раздумывая объ этомъ; затѣмъ она снова заговорила:

— Да, но теперь мы будемъ говорить о васъ. О, да, да! поговоримъ о васъ! Простите, могу я вамъ предложить одинъ вопросъ? Да, благодарю васъ, возьмите мой зонтикъ;—но скажите мнѣ: у васъ произошло что-нибудь съ судьей Рейнертомъ? Вчера вечеромъ вы просили у него извиненія въ чемъ-то, а сегодня за весь вечеръ вы почти ни слова не сказали съ нимъ. Развѣ вы

всѣхъ сначала оскорбляете, а потомъ извиняетесь передъ ними?

Она разсмѣялась, глядя впередъ на дорогу.

— Говоря по правдѣ, я былъ весьма неправъ, оскорбивъ судью; но я увѣренъ, что онъ проститъ мнѣ это, если мнѣ удастся поговорить съ нимъ. Я немного вспыльчивъ, немного рѣзокъ; все это произошло оттого, что онъ толкнулъ меня, входя въ дверь. Пустяки, неосторожность съ его стороны; я же моментально вскакиваю, какъ безумный, отпускаю ему нѣсколько любезностей, угрожающе размахиваю кружкой передъ самымъ его носомъ и въ довершеніе всего продавливаю ему кулакомъ шляпу. Послѣ этого онъ ушелъ; какъ воспитанный человѣкъ, онъ не могъ не уйти. Но я потомъ раскаивался въ своемъ поведеніи и рѣшилъ принести ему повинную. Конечно и съ моей стороны это было отчасти простительно; я былъ въ тотъ день въ нервномъ состояніи, у меня было много непріятностей; но вѣдь этого никто не знаетъ, этого я же не стану всякому разсказывать, поэтому мнѣ приходится всю вину брать на себя, безъ всякихъ оговорокъ. Но мнѣ въ первый разъ случилось быть до такой степени грубымъ, вы можете мнѣ повѣрить.

Онъ проговорилъ все это, не задумываясь, самымъ искреннимъ тономъ, словно желая сохранить полное безпристрастіе, въ лицѣ его тоже не было видно никакого умысла. Но Дагни вдругъ остановилась, удивленно посмотрѣла ему въ лицо и сказала:

— Да нѣтъ... вовсе нѣтъ... вѣдь это было вовсе не такъ. Я слыхала совершенно другое.

— Минутта лжетъ!—воскликнулъ Нагель съ пылающимъ лицомъ.

— Минутта? Я это слышала вовсе не отъ Минутты. Зачѣмъ вы сами возводите на себя небылицы? Я слышала это отъ одного человѣка на базарѣ, отъ торговца статуэтками; онъ разсказалъ мнѣ все это, онъ самъ видѣлъ все съ начала и до конца.

Пауза.

— Зачѣмъ вы клевещете на себя? Я этого не могу понять,—

продолжала она, не сводя съ него глазъ.—Я сегодня узнала объ этой исторіи, и я была такъ рада, т. е. я нахожу, что вы такъ удивительно хорошо поступили, съ такимъ удивительнымъ самообладаніемъ; это такъ идетъ къ вамъ; и мнѣ бы хотѣлось поблагодарить васъ за это. Если бы мнѣ сегодня утромъ не разсказали этой исторіи, то я едва ли рѣшилась бы теперь итти здѣсь съ вами; я вамъ говорю это откровенно.

Пауза.

Онъ проговорилъ:

— И теперь вы восхищаетесь мною за это?

— Я не знаю,—отвѣтила она.

Пауза. Долго никто изъ нихъ ничего не говорилъ. Она ждала, поперемѣнно глядя то на Нагеля, то на дорогу.

— Послушайте, — заговорилъ онъ, наконецъ, — все это одна комедія. Вы честное, правдивое существо, мнѣ противно васъ обманывать, я хочу вамъ объяснить, въ чемъ дѣло.

И онъ начинаетъ ей объяснять нахально, безъ тѣни смущенія, какъ онъ все это разсчиталъ:

— Если я объясняю это столкновеніе съ судьей *по своему*, немного искажаю фактъ, даже немного клевещу на себя, то я дѣлаю все это въ сущности—въ сущности—только изъ простого расчета. Я стараюсь извлечь для себя какъ можно больше выгоды изъ всего этого. Вы видите, что я съ вами откровененъ? Дѣло въ томъ, что я считаю неизбѣжнымъ, что отъ кого-нибудь вы узнаете, какъ дѣло было въ дѣйствительности, и если я заранѣе выставлю себя передъ вами въ самомъ дурномъ свѣтѣ, то я все-таки еще окажусь въ выигрышѣ, на моей сторонѣ будетъ громадная выгода. Я буду окруженъ ореоломъ величія, великодушія, не имѣющаго себѣ подобнаго—не правда ли?—но все это исключительно благодаря обману, такому грубому, такому низкому, что вы будете возмущены, узнавъ объ этомъ. Я считаю нужнымъ сознаться въ этомъ откровенно, потому что вы заслуживаете

честнаго отношенія; но, конечно, я этимъ только оттолкну васъ отъ себя на тысячу миль—къ сожалѣнію.

Она все еще смотрѣла на него; она думала объ этомъ человѣкѣ и его словахъ, размышляла надъ ними и старалась составить себѣ мнѣніе о немъ. Чему ей было вѣрить? Чего онъ хотѣлъ достигнуть своей откровенностью? Вдругъ она снова останавливается, всплескиваетъ руками и разражается громкимъ, звонкимъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, вы самый дерзкій человѣкъ, какого я когда-либо встрѣчала! Выдумывать о себѣ вещи, изъ которыхъ одна грубѣе и неуклюжѣе другой; и только для того, чтобы выставить себя въ дурномъ свѣтѣ! Но вы этимъ ничего не добьетесь! Такихъ сумасбродныхъ вещей я еще никогда не слыхала! Какое у васъ было ручательство, что я когда-либо узнаю, какъ все это произошло на самомъ дѣлѣ? Скажите мнѣ это! Нѣтъ, подождите, лучше ужъ ничего не говорите, вѣдь вы опять соврете! Фи! Какъ это гадко съ вашей стороны, ха-ха-ха-ха-ха! Но послушайте: если вы разсчитываете, что все это произойдетъ такимъ-то и такимъ-то образомъ, если вы составляете себѣ цѣлый планъ и достигаете того, чего хотите достигнуть, — тогда зачѣмъ же вы уничтожаете весь результатъ, раскрывая то, что вы называете своимъ обманомъ? Вчера вечеромъ вы тоже поступили подобнымъ образомъ; я не могу въ васъ разобраться. Но почему вы, принимая въ расчетъ все, упускаете изъ виду, что вы сами же раскрываете свои карты?

Но онъ не сдавался и послѣ минутнаго размышленія отвѣтилъ:

— Но я этого вовсе не упускаю изъ виду; я это тоже принимаю въ расчетъ. Вы сами согласитесь съ этимъ; послушайте: если я сознаюсь во всемъ—сознаюсь такимъ образомъ,—то я въ сущности ничѣмъ не рискую—я очень мало рискую. Во-первыхъ, нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что тотъ, передъ кѣмъ я раскрываю свои карты, повѣритъ мнѣ. Да, вотъ вы, напримѣръ, въ эту минуту мнѣ не вѣрите. Но какой же результатъ получится?

Результатъ тотъ, что я выгадываю при этомъ еще больше, я выгадываю страшно много, мой выигрышъ растетъ, какъ лавина, мое величіе достигаетъ небывалой высоты! Во-вторыхъ же, на моей сторонѣ во всякомъ случаѣ будетъ выгода даже тогда, если вы мнѣ повѣрите. Вы качаете головой? Это напрасно; увѣряю васъ, я столько разъ уже пускалъ въ ходъ этотъ пріемъ и всегда оставался въ выигрышѣ. Потому что, если вы въ самомъ дѣлѣ повѣрите правдивости моего признанія, то вы во всякомъ случаѣ будете страшно поражены моей искренностью. Вы скажете: ну, да, онъ меня обманулъ кругомъ, но онъ сознался въ своемъ обманѣ, не будучи притомъ совершенно вынужденнымъ къ этому; въ его дерзости есть что-то мистическое, онъ рѣшительно ничего не боится, онъ отрѣзываетъ мнѣ всѣ пути своими признаніями! Словомъ: я заставляю васъ присматриваться ко мнѣ, заниматься мною, возбуждаю ваше любопытство, вызываю въ васъ возмущеніе. Не далѣе, какъ минуту тому назадъ вы сами сказали: нѣтъ, я не могу въ васъ разобраться! Видите ли, вы это сказали потому, что вы сдѣлали попытку проникнуть въ глубь моей натуры, а это опять таки льстить моему самолюбію, чрезвычайно льститъ мнѣ. Значитъ, я во всякомъ случаѣ выгадываю при этомъ, вѣрите ли вы мнѣ, или нѣтъ, Вы понимаете теперь? Вѣдь это такъ просто.

Пауза.

— И вы хотите меня увѣрить,—заговорила она съ широко раскрытыми глазами, но все еще готовая смѣяться,—вы хотите меня увѣрить, что вы всю эту хитрость придумали заранѣе, заранѣе приняли всѣ мѣры? Никогда! Никогда! Ха-ха-ха, но теперь вы меня больше ничѣмъ не удивите, впредь я буду готова ко всему. Впрочемъ, довольно объ этомъ, вы могли солгать еще гораздо хуже, вы довольно ловки.

Онъ упорно стоялъ на своемъ, увѣрялъ, что теперь его великодушіе выросло въ ея глазахъ по меньшей мѣрѣ, какъ гора, даже какъ очень высокая гора. И онъ *очень* благодаренъ ей,

хе-хе-хе, да, онъ достигъ всего, чего добивался. Но съ ея стороны это слишкомъ любезно, право, слишкомъ мило...

— Ну, хорошо,—прервала она его,—оставимъ это.

Но теперь онъ остановился.

— Но я вамъ повторяю еще разъ, что я васъ обманулъ,—сказалъ онъ, глядя ей прямо въ лицо.

Съ минуту они смотрѣли другъ на друга; сердце у нея начало колотиться въ груди, она слегка поблѣднѣла. Почему онъ такъ добивается того, чтобы она думала о немъ какъ можно хуже? Какъ ни уступчивъ онъ былъ во всемъ остальномъ, но въ этомъ его нельзя было сдвинуть съ мѣста. Какая странная манія! Что за безуміе!

Раздосадованная, она сказала:

— Я не знаю, для чего вы выворачиваете передо мной свою душу. Нѣтъ, знаете ли, вѣдь вы мнѣ обѣщали хорошо себя вести, вы сказали: „вы увидите, какъ хорошо я себя буду вести". Нечего сказать, хорошо вы себя ведете!

Ея гнѣвъ былъ искренень. Ее начинало приводить въ дурное настроеніе его упорство, до такой степени твердое, что оно даже поколебало ея увѣренность. Ее злило, что ей безпрестанно приходится переходить отъ вѣры къ сомнѣнію. Въ возбужденіи она отобрала у него свой зонтикъ и теперь безостановочно ударяла имъ себя по рукѣ.

Онъ почувствовалъ себя совсѣмъ несчастнымъ. Какъ неловко у него выходило все, за что онъ ни брался. Какіе промахи онъ дѣлалъ на каждомъ шагу! Если бы она на этотъ только разъ, еще извинила его, простила его только еще этотъ одинъ разъ или, по крайней мѣрѣ, хоть не сердилась на него! Пусть она ему разрѣшитъ дать какое угодно доказательство того, что онъ готовъ сдѣлать, чтобы загладить свою вину! Пусть она прикажетъ ему, что ей угодно, сдѣлаетъ какой-нибудь знакъ, хоть моргнетъ глазомъ! Онъ готовъ на все рѣшительно...

Въ концѣ концовъ она опять разсмѣялась. Нѣтъ, онъ невозможенъ и всегда останется невозможнымъ! впрочемъ, если ему это доставляетъ удовольствіе... Но ни слова больше объ этомъ безуміи, ни одного слова...

Пауза.

— Вы помните,—сказалъ онъ, — здѣсь я васъ встрѣтилъ въ первый разъ. Нѣтъ, я никогда не забуду, какъ вы выглядѣли, когда бѣжали отъ меня. Какъ нимфа, какъ видѣніе... Но теперь я вамъ разскажу объ одномъ приключеніи, которое случилось со мной. Можно?

— Ахъ, да, разскажите! — вырвалось у нея невольно. Она снова развеселилась, какъ дитя, и начала его торопить. Хорошо, пусть онъ держитъ ея зонтикъ, если ему непремѣнно этого хочется; какъ ему, впрочемъ, такая вещь можетъ доставлять удовольствіе! Но его приключеніе, приключеніе! Почему онъ не начинаетъ?

Да. Это не длинно и онъ скоро разскажетъ. Онъ сидѣлъ разъ у себя въ комнатѣ, въ небольшомъ городкѣ; не въ Норвегіи; впрочемъ, это все равно, гдѣ это было; итакъ—въ мягкій осенній вечеръ онъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ. Это было восемь лѣтъ тому назадъ, въ 1883 году. Онъ сидѣлъ спиной къ двери и читалъ.

— У васъ горѣла лампа?

— Да, на дворѣ было темно, ни зги не видать. Я сидѣлъ и читалъ. Вдругъ кто-то идетъ, я ясно слышу шаги на лѣстницѣ, я слышу также стукъ въ дверь. Войдите! Никого нѣтъ! Я открылъ дверь; за дверью никого. Ни души. Я звоню; приходитъ горничная.—Никто не подымался по лѣстницѣ?—Нѣтъ, никто.—Хорошо —спокойной ночи!—Горничная уходитъ.

Я снова сажусь за книгу. Вдругъ я чувствую какое-то дуновеніе, что-то коснулось меня, словно дыханіе человѣка, я слышу шопотъ: „идемъ!" Я оглядываюсь: никого нѣтъ. Я снова принимаюсь читать, начинаю злиться и говорю: къ чорту! Я былъ одинъ-одинешенекъ въ комнатѣ, но я сказалъ: къ чорту! Въ ту

же минуту я увидалъ около себя маленькаго, блѣднаго человѣка съ рыжей бородой и сухими, всклокоченными, торчащими кверху волосами; онъ стоитъ слѣва отъ меня. Онъ подмигиваетъ мнѣ однимъ глазомъ, я отвѣчаю ему тѣмъ же; мы никогда раньше не видали другъ друга, но мы перемигнулись. Затѣмъ я закрываю книгу правой рукой, человѣкъ идетъ къ двери и исчезаетъ; я слѣдилъ за нимъ глазами и видѣлъ, какъ онъ исчезъ. Я тоже встаю и иду къ двери; и снова я слышу тотъ же шопотъ: „идемъ"! Хорошо, я надѣваю пальто, галоши и выхожу. „Ты бы взялъ сигару", думаю я, возвращаюсь въ комнату, закуриваю сигару и засовываю еще нѣсколько штукъ въ карманъ; Богъ знаетъ, для чего я это сдѣлалъ; но я это сдѣлалъ и снова вышелъ.

На дворѣ было темно, хоть глазъ выколи, я ничего не видѣлъ, но чувствовалъ, что маленькій человѣкъ идетъ рядомъ со мною. Я сталъ размахивать руками во всѣ стороны, чтобы поймать его, и рѣшилъ остановиться, если онъ мнѣ не дастъ объясненія; но я не могъ его найти. Я попробовалъ также въ темнотѣ подмигнуть ему въ разныхъ направленіяхъ, но это ни къ чему не привело. „Хорошо", говорю я, „я иду не ради тебя; я иду ради себя самого, я совершаю прогулку; прошу замѣтить, я совершаю *только* прогулку". Я сказалъ это громко для того, чтобы онъ услышалъ. Такъ я шелъ нѣсколько часовъ; я вышелъ за городъ, пришелъ въ лѣсъ; я чувствовалъ, какъ вѣтки и листья, мокрые отъ росы, хлестали меня по лицу. „Хорошо"! сказалъ я, наконецъ, и вынулъ часы, какъ бы для того, чтобы посмотрѣть, который часъ; „хорошо, теперь я, значитъ, возвращаюсь домой!" Но я не пошелъ домой; я не былъ въ состояніи повернуть; меня безостановочно влекло впередъ. „Погода, впрочемъ, такъ удивительно хороша", сказалъ я вслухъ, „ты можешь еще проходить одну или двѣ ночи, времени у тебя достаточно!" Я это сказалъ, несмотря на то, что чувствовалъ усталость и весь промокъ отъ росы. Я закурилъ свѣжую сигару; маленькій человѣкъ все время былъ рядомъ со мной, я чувствовалъ его дыханіе. И я шелъ безостановочно, шелъ

во всевозможныхъ направленіяхъ, но только не назадъ, къ дому. Ноги у меня начинали ныть; я промокъ по колѣни отъ росы, и лицо у меня болѣло, потому что мокрыя вѣтки все время хлестали меня. Я сказалъ: „можетъ показаться страннымъ, что я гуляю въ эту пору ночи; но у меня ужъ такое обыкновеніе, привычка съ дѣтскихъ лѣтъ гулять по самымъ большимъ лѣсамъ, какіе я только нахожу". И стиснувъ зубы, я шелъ дальше. Башенные часы внизу въ городѣ пробили двѣнадцать, разъ, два, три, четыре, до двѣнадцати; я считалъ удары. Этотъ знакомый звукъ очень оживилъ меня, хотя мнѣ и было досадно, что мы, проблуждавъ столько времени, ушли отъ города не дальше этого. Ну, хорошо, часы пробили, и въ то мгновеніе, когда въ воздухѣ прозвучалъ двѣнадцатый ударъ, маленькій человѣкъ снова вдругъ стоитъ передо мною и смѣется. Я въ жизни его не забуду, такъ ясно я видѣлъ его передъ собою, у него не хватало двухъ зубовъ, и руки онъ держалъ за спиной.

— Но какъ вы его разглядѣли въ темнотѣ?

— Онъ самъ свѣтился, онъ свѣтился какимъ-то страннымъ свѣтомъ, исходившимъ, казалось, позади него, изъ-за его спины и дѣлавшимъ его какъ-бы прозрачнымъ; даже платье его было освѣщено, какъ днемъ; его панталоны были разорваны и очень коротки. Все это я видѣлъ въ теченіе одной секунды. Видъ этотъ меня поразилъ, я невольно закрылъ глаза и отступилъ на полъ-шага назадъ. Когда я снова открылъ глаза, этого человѣка больше не было...

— А!..

— Да, но погодите! Я пришелъ къ той странной башнѣ, которая... Ну, словомъ, я пришелъ къ башнѣ, я наткнулся на нее; я видѣлъ ее все яснѣе и яснѣе, это была черная, восьмиугольная башня, похожая на *башню вѣтровъ* въ Аѳинахъ, если вы видѣли ее на рисункѣ. Я никогда не слыхалъ о существованіи башни въ этомъ лѣсу, но, какъ бы то ни было, она была здѣсь; я стою у этой башни и снова слышу: „идемъ"! и я вхожу. Дверь я

оставилъ за собой открытой, и это было для меня нѣкоторымъ успокоеніемъ.

Внутри, подъ сводами, я снова нахожу старика: у одной стѣны горѣла лампа, такъ что я хорошо могъ его разглядѣть; онъ шелъ мнѣ навстрѣчу, какъ будто все время находился тамъ внутри; онъ тихо смѣялся и, остановившись предо мной, уставился на меня глазами, продолжая смѣяться. Я взглянулъ ему въ глаза, и мнѣ показалось, что я вижу въ нихъ тысячи страшныхъ вещей, которыя глаза эти видѣли въ жизни; онъ снова подмигнулъ мнѣ, но я не отвѣтилъ ему тѣмъ же, я отступалъ отъ него по мѣрѣ того, какъ онъ приближался ко мнѣ. Вдругъ я слышу за собой легкіе шаги, я поворачиваю голову и вижу молодую женщину.

Я смотрю на нее и ощущаю при этомъ радость; у нея были рыжіе волосы и черные глаза, но она была бѣдно одѣта и шла босыми ногами по каменному полу. Руки ея были обнажены, онѣ были удивительно чисты, безъ единаго пятнышка.

Съ минуту она смотритъ на насъ обоихъ, затѣмъ низко склоняетъ предо мной голову и подходитъ къ маленькому человѣку. Не говоря ни слова, она начинаетъ разстегивать его платье и шарить руками по его тѣлу, какъ бы ища чего-то; вслѣдъ затѣмъ она вытаскиваетъ изъ подкладки его плаща горящій фонарь, который вѣшаетъ себѣ на палецъ. Фонарь горѣлъ такъ ярко, что совершенно затмевалъ свѣтъ лампы на стѣнѣ. Человѣкъ стоялъ спокойно, продолжая тихо смѣяться, покуда она его обшаривала. Спокойной ночи! сказала дѣвушка, указывая на дверь; и старикъ, это ужасное, странное существо, полу-человѣкъ, полузвѣрь, ушелъ. Я остался одинъ съ новой знакомой.

Она подошла ко мнѣ, снова низко склонилась передо мной и сказала, не улыбаясь, и не возвышая голоса:

— Откуда ты пришелъ?

— Изъ города, прекрасная дѣвушка,—отвѣтилъ я,—я пришелъ изъ города.

— Гость, прости моему отцу!—сказала она вдругъ, — прости

ему и не дѣлай намъ зла; онъ боленъ, онъ помѣшанъ, ты видѣлъ его глаза!

— Да, я видѣлъ его глаза,—отвѣтилъ я, —и я чувствовалъ, что они имѣютъ власть надо мною, я слѣдовалъ за ними.

— Гдѣ ты его встрѣтилъ?—спросила она.

И я отвѣтилъ:

— У себя дома, въ моей комнатѣ; я сидѣлъ и читалъ.

Она покачала головой и опустила глаза.

— Но пусть это тебя не огорчаетъ, прекрасное дитя, — сказалъ я,—я охотно прошелъ это разстояніе; я ничего отъ этого не потерялъ и не жалѣю, что встрѣтилъ тебя. Посмотри на меня, я доволенъ и радъ; улыбнись же и ты!

Но она не улыбнулась, она сказала:

— Сними свои башмаки, ты долженъ остаться здѣсь эту ночь; я высушу твое платье!

Я взглянулъ на свое платье, оно промокло насквозь, мои башмаки были полны воды. Я сдѣлалъ, какъ она сказала, снялъ башмаки и далъ ихъ ей; когда же я это сдѣлалъ, она погасила лампу и сказала:

— Пойдемъ! и не говори ничего!

— Подожди немного, красавица!—сказалъ я, удерживая ее.— Если я буду спать не здѣсь—зачѣмъ же ты велѣла мнѣ уже теперь снять башмаки?

— Этого тебѣ нельзя знать,—отвѣтила она.

И я этого не узналъ.

Она повела меня черезъ дверь въ какое-то темное пространство; я услыхалъ шумъ, какъ если бы кто-нибудь тяжело сопѣлъ позади насъ; я почувствовалъ на своихъ губахъ мягкую руку, и голосъ дѣвушки проговорилъ:

— Это я, отецъ; гость ушелъ—далеко отъ насъ.

Но я еще разъ услыхалъ, какъ сумасшедшій уродъ сопѣлъ позади насъ.

Мы поднялись по лѣстницѣ, она держала меня за руку и никто

изъ насъ не говорилъ. Мы вошли въ другое помѣщеніе, куда не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта; черная ночь кругомъ.

— Тише!—шепнула она,—вотъ моя постель.

И я сталъ шарить и нашелъ постель.

— Сними и остальное платье,—шепнула она снова.

Я снялъ его и далъ ей.

— Спокойной ночи!—сказала она.

— Нѣтъ, останься, прелестная красавица! Теперь я знаю, почему ты велѣла мнѣ снять башмаки внизу; да, я буду сидѣть такъ тихо, твой отецъ не услышитъ меня—приди ко мнѣ!

Но она не пришла.

— Спокойной ночи!—сказала она снова и ушла...

Пауза. Дагни покраснѣла, какъ огонь, ея грудь часто вздымалась и опускалась, ея ноздри дрожали. Она быстро спросила:

— Она ушла?

— Да, къ сожалѣнію!—отвѣтилъ Нагель.

Пауза.

— Почему вы сказали „къ сожалѣнію?"

— Гм!.. Этого тебѣ нельзя знать.

— Ха ха-ха, и я этого не узнала!—Хорошо, ну, а потомъ? Какъ это все странно!

— Да, но вотъ ночь превращается въ какую-то волшебную сказку, словно чудесное воспоминаніе, все озаренное розовымъ сіяніемъ. Представьте себѣ свѣтлую, свѣтлую ночь... Я былъ одинъ; меня окружалъ мракъ, тяжелый и плотный, какъ бархатъ. Я сильно усталъ, колѣни мои дрожали, къ тому же я былъ немного сконфуженъ. Какой-то сумасшедшій плутъ заставилъ меня кружить съ нимъ часами по сырой травѣ, таскалъ меня, какъ безвольную скотину, однимъ своимъ взглядомъ и своимъ „идемъ! идемъ"! Въ другой разъ я вырву у него фонарь и размозжу имъ его отвратительную рожу! Я былъ страшно золъ, зажегъ сигару и легъ спать. Я лежалъ нѣкоторое время, глядя на вспыхивавшій

во тьмѣ кончикъ сигары; затѣмъ до меня донесся снизу стукъ хлопнувшей калитки—и все стихло.

Прошло десять минутъ. Замѣтьте; я лежу на кровати совершенно бодрый и курю сигару. Вдругъ подъ сводами проносится дуновеніе, какъ если бы въ потолкѣ сразу со всѣхъ сторонъ открылись отверстія. Я приподымаюсь на локтѣ, не обращая вниманія на то, что сигара моя гаснетъ, напряженно всматриваюсь въ темноту, но ничего не вижу. Я снова ложусь и прислушиваюсь, и мнѣ чудится, будто я слышу далекіе звуки, чудесную, тысячеголосую музыку, она доносится откуда-то извнѣ, можетъ быть, изъ самой глубины неба, звучитъ тихо, но словно тысячью голосовъ. Она звучитъ непрерывно, подходитъ все ближе и ближе, и въ концѣ концовъ звуки несутся надъ самой моей головой, надъ крышей башни. Я снова приподымаюсь на локтѣ. И тутъ я переживаю нѣчто, что и сейчасъ, когда я вспоминаю объ этомъ, опьяняетъ меня чудеснымъ, почти сверхъестественнымъ ощущеніемъ наслажденія: внезапно на меня низвергается цѣлый потокъ какихъ-то крохотныхъ, ослѣпительныхъ, совершенно бѣлыхъ существъ; это ангелы, миріады крохотныхъ ангеловъ, спускающихся сверху сплошной свѣтящейся стѣной. Они наполняютъ все пространство отъ пола до потолка своими волнообразными движеніями и поютъ, поютъ безъ конца; они совершенно голы и ослѣпительно бѣлы. Сердце замираетъ у меня въ груди; всюду кругомъ меня крохотные ангелы; я прислушиваюсь къ ихъ пѣнію, они задѣваютъ мои рѣсницы и садятся мнѣ на волосы, и воздухъ весь пропитанъ ароматомъ, струящимся изъ ихъ устъ.

Я лежу, опираясь на локти, и протягиваю къ нимъ руку; и нѣсколько ангелочковъ садятся ко мнѣ на руку; они выглядятъ на моей рукѣ, какъ дрожащія звѣздочки. Я наклоняюсь впередъ и заглядываю имъ въ глаза и вижу, что они слѣпы. Я выпускаю изъ руки семь слѣпыхъ ангелочковъ, сидѣвшихъ у меня на ладони, и хватаю семь другихъ, но и эти тоже слѣпы. Ахъ, всѣ

они были слѣпы—вся башня была полна слѣпыхъ, поющихъ крохотныхъ ангеловъ.

Я не шевелился, у меня захватило дыханіе отъ этого зрѣлища; видъ этихъ слѣпыхъ глазъ возбудилъ въ моей душѣ чувство болѣзненной грусти.

Прошла минута. Я лежу и слушаю и слышу гдѣ-то вдали тяжелый, грубый ударъ; онъ съ такой жестокой ясностью отдается въ моихъ ушахъ, и звукъ долго еще гудитъ въ воздухѣ: это опять пробили башенные часы, они пробили часъ.

И вдругъ пѣніе замолкло. Ангелы стали выстраиваться и улетать; густой толпой они подымались кверху, тѣснились, вновь образовали сплошную стѣну свѣта и, уносясь, всѣ смотрѣли на меня. Послѣдній ангелочекъ обернулся и, исчезая, еще разъ посмотрѣлъ на меня своими слѣпыми глазами.

Это послѣднее, что осталось у меня въ памяти — этотъ крохотный ангелъ, обернувшійся ко мнѣ и смотрѣвшій на меня. Потомъ стало темно. Я упалъ на подушки и заснулъ...

Былъ ясный день, когда я проснулся. Я все еще былъ одинъ подъ сводами башни. Мое платье лежало на полу у кровати; я пощупалъ его, оно было еще сыровато, но я все-таки надѣлъ его. Вдругъ отворяется дверь, и вчерашняя дѣвушка входитъ.

Она подходитъ близко ко мнѣ, и я говорю:

— Ты такъ блѣдна, красавица, гдѣ ты была эту ночь?

— Тамъ наверху,—говоритъ она и указываетъ наверхъ, на крышу башни.

— Развѣ ты не спала?

— Нѣтъ, я не спала, я бодрствовала.

— Но развѣ ты не слышала музыки ночью?—спросилъ я.—Я слышалъ невыразимо чудную музыку.

И она отвѣтила:

— Да, это я играла и пѣла.

— Это была ты? Скажи мнѣ, дитя, ты ли это была.

— Да, это была я,- сказала она. Потомъ она взяла меня за руку и сказала:

— Но теперь идемъ, я выведу тебя на дорогу.

И мы вышли изъ башни и, держась за руку, пошли по лѣсу. Лучи солнца отражались въ ея золотистыхъ волосахъ, и черные глаза ея были великолѣпны. Я обнялъ ее и трижды поцѣловалъ въ лобъ; потомъ я упалъ передъ нею на колѣни. Дрожащими руками она развязала на себѣ черную ленту и повязала ее мнѣ вокругъ кисти; при этомъ она плакала и была взволнована. Я спросилъ ее:

— Отчего ты плачешь? Уйди отъ меня, если я причинилъ тебѣ зло!

Но она только проговорила:

— Ты видишь городъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—я его не вижу. А ты видишь его?

— Встань и пойдемъ дальше,—сказала она.

И мы пошли дальше по той же тропинкѣ, спустились съ одного холма, поднялись на другой; я снова остановился, прижалъ ее къ груди и сказалъ:

— Что въ тебѣ такое, что я полюбилъ тебя! Ты наполняешь мое сердце счастьемъ!

И она задрожала въ моихъ объятіяхъ, но, несмотря на это, сказала:

— Теперь я должна вернуться. Ты видишь городъ?

— Да,—отвѣтилъ я,—и ты его видишь?

— Нѣтъ,—сказала она.

— Почему ты его не видишь?—спросилъ я.

Она отступила назадъ и взглянула на меня своими большими глазами и, уходя, на прощаніе низко склонилась передо мной. Отойдя на нѣсколько шаговъ, она еще разъ обернулась и посмотрѣла на меня.

И тутъ я замѣтилъ, что и ея глаза были слѣпы...

Теперь наступаетъ промежутокъ въ двѣнадцать часовъ, о ко-

торыхъ я не могу дать отчета, они совершенно исчезли изъ моей памяти. Я не знаю, куда они дѣвались; я ударялъ себя рукой по лбу и говорилъ себѣ: есть еще двѣнадцать часовъ; они должны быть гдѣ-нибудь здѣсь въ твоей памяти; они только скрылись, и ты долженъ ихъ найти. Но я такъ и не нашелъ ихъ...

Снова вечеръ, темный, мягкій осенній вечеръ. Я сижу у себя въ комнатѣ съ книгой въ рукѣ. Я смотрю на свои ноги; мои башмаки еще не совсѣмъ просохли; я подымаю глаза на свою руку; вокругъ кисти повязанъ кусокъ черной ленты. Никакихъ сомнѣній быть не можетъ.

Я звоню горничную и спрашиваю, нѣтъ ли здѣсь гдѣ-нибудь вблизи, въ лѣсу, башни, черной, восьмиугольной башни? Горничная киваетъ головой: да, такая башня есть.—И въ ней живетъ кто-нибудь?—Да, тамъ живетъ человѣкъ, но онъ боленъ, онъ помѣшанъ. И у него есть дочь, она тоже живетъ въ башнѣ; кромѣ нихъ тамъ нѣтъ никого.—Хорошо, спасибо; спокойной ночи!

Затѣмъ я ложусь спать.

На слѣдующій день рано утромъ я отправляюсь въ лѣсъ; я иду той же тропинкой и вижу тѣ же деревья, и нахожу башню. Я приближаюсь къ двери, и глазамъ моимъ представляется зрѣлище, отъ котораго кровь стынетъ въ моихъ жилахъ: на землѣ лежитъ слѣпая дѣвушка мертвая, вся изувѣченная; она разбилась до смерти, упавъ съ крыши. Она лежитъ съ открытымъ ртомъ, и лучи солнца отражаются въ ея золотистыхъ волосахъ. Наверху, на гребнѣ крыши развѣвается зацѣпившійся клокъ ея платья; внизу же, по усыпанной мелкимъ камнемъ дорожкѣ, бродитъ маленькій человѣкъ, уставившись глазами на трупъ. Грудь его судорожно сжимается, и онъ громко воетъ; онъ не знаетъ ничего другого, какъ кружить вокругъ трупа и все смотрѣть на него и выть. Когда взглядъ его упалъ на меня, я весь задрожалъ отъ этого страшнаго взгляда и въ ужасѣ бросился бѣжать обратно въ городъ. Больше я его никогда не видалъ...

Фрэкенъ, вотъ мое приключеніе.

Нагель умолкъ.

Послѣдовало долгое молчаніе. Дагни медленно шла, глядя передъ собою на дорогу. Наконецъ она произнесла:

— Боже мой, что за странное приключеніе!

Снова наступило молчаніе. Нагель пробовалъ нѣсколько разъ прервать его замѣчаніями объ окружающей ихъ тишинѣ, но Дагни ничего не отвѣчала. Наконецъ, онъ громко разсмѣялся и замѣтилъ:

— Вѣдь съ тѣхъ поръ прошло уже восемь лѣтъ, вѣдь я не *сегодня* пережилъ это. Вы чувствуете, какъ здѣсь пахнетъ? Голубушка, посидимъ немного!

Она сѣла, по-прежнему, молчаливая и задумчивая; онъ сѣлъ возлѣ нея.

— Вы еще думаете объ этомъ приключеніи? — спросилъ онъ.

— Да.

Онъ снова замѣтилъ въ легкомъ тонѣ, что это слишкомъ старая исторія, чтобы задумываться надъ ней теперь. Да кромѣ того, вѣдь это вовсе не такъ страшно, не правда ли? Она должна была бы послушать, что разсказывается въ тропическихъ странахъ! Онъ часто слышалъ эти разсказы, и отъ ужаса у него морозъ по кожѣ подиралъ.

— Нѣтъ, я не нахожу вашей исторіи такой страшной,—сказала она, — только удивительной, странной. Благодарю васъ за нее.

Радуясь, что она опять стала разговорчивѣе, онъ началъ распространяться о томъ, какія вещи умѣютъ разсказывать жители тропиковъ. Поѣзжайте-ка на Цейлонъ, на древнюю Тапробану, подите въ горы и лѣса у Мехавилля и послушайте *тамошнія* сказки; отъ этихъ сказокъ прямо духъ захватываетъ! Тамъ вы встрѣтите одинъ изъ древнѣйшихъ народовъ міра, первобытныхъ обитателей Цейлона. Они ведутъ самое жалкое существованіе; сингалезы и всякій европейскій сбродъ заставили ихъ уйти вглубь

лѣсовъ; но *разсказывать* они умѣютъ! Исторіи объ алмазныхъ пещерахъ, о горныхъ принцахъ, о соблазнительныхъ морскихъ дѣвахъ, о воздушныхъ и подземныхъ духахъ, о жемчужныхъ дворцахъ и т. д. Это народъ съ удивительной судьбой и удивительными традиціями, народъ, у котораго каждый индивидъ чувствуетъ въ себѣ потомка тѣхъ великихъ сказочныхъ королей. Эти люди въ лохмотьяхъ заставляютъ чужестранца опускать передъ ними глаза, когда они начинаютъ разсказывать. Съ особенной любовью они описываютъ все мистическое, все великое, странное и чудесное; вообще, никто не можетъ съ ними сравниться въ придумываніи грандіознѣйшихъ преступленій, въ изображеніи лихорадочныхъ порожденій горячечнаго мозга. Ихъ жизнь протекала съ самаго начала въ сказочномъ мірѣ, и они одинаково свободно говорили о причудливыхъ волшебныхъ дворцахъ, скрывающихся за горами, какъ и о нѣмыхъ властелинахъ, царящихъ въ облакахъ, о великой силѣ, созидающей въ безграничномъ пространствѣ и кующей звѣзды. И все это оттого, что эти люди живутъ подъ другимъ солнцемъ и ѣдятъ плоды вмѣсто овсянки, — о, эта норвежская овсянка!

Дагни разсмѣялась и стала ему возражать. Развѣ овсянка плоха? И развѣ у насъ самихъ нѣтъ чудеснѣйшихъ сказокъ? Хотя бы Асбьёрнсенъ?

Онъ пришелъ въ азартъ: конечно, конечно, овсянка—это превосходное питаніе здѣсь у насъ, гдѣ нѣтъ солнца; кто бы рѣшился утверждать противное? Но солнце? Имѣетъ ли она понятіе о солнцѣ, которое жжетъ безмѣрно, о солнцѣ, которое ослѣпляетъ глазъ своимъ свѣтомъ. А ихъ горныя сказки, ихъ сказки о нимфахъ, эти неуклюжія порожденія неуклюжей фантазіи, придуманныя въ темныя зимнія ночи, въ сколоченныхъ изъ бревенъ хижинахъ, освѣщенныхъ спускающеюся съ потолка вонючей лампочкой. Читала ли она когда-нибудь „Тысяча и одну ночь?“ Да, но эти сказки изъ Гудбрандской долины, эта печальная мужицкая поэзія, эта фантазія, бредущая пѣшкомъ—вотъ *это* наши сказки,

это *нашъ* духъ; мы не сумѣли придумать ничего другого, свое жалкое великолѣпіе мы заняли у другихъ, скрали понемногу то здѣсь, то тамъ. Что вы говорите? Ну, да, развѣ не такъ обстоитъ дѣло съ сѣверными сказками? Вѣдь слушая ихъ, такъ и видишь передъ собой рыбака, возвращающагося съ фіорда, тяжело ступая въ своихъ смазныхъ сапогахъ, полныхъ морской воды. Больше мы ничего не сумѣли извлечь изъ мистической, дикой красоты моря. Жителю востока одна хотя бы сѣверная яхта представлялась бы сказочнымъ судномъ, населеннымъ духами. Видѣла ли она когда-нибудь подобную яхту? Нѣтъ? Она выглядитъ такъ, словно она существо опредѣленнаго пола, словно это какое-нибудь крупное животное-самка. Носъ ея выступаетъ, словно рогъ, который могъ бы вызвать всѣ вѣтры. Но для того, чтобы видѣть это, нужно нѣкоторое количество свѣта, и для того, чтобы разсказать это, нужно обладать мозгомъ, зараженнымъ безумiемъ. Нѣтъ, дѣло въ томъ, что здѣсь солнце не свѣтитъ; норвежское солнце — это луна, это фонарь, который даетъ возможность норвежцу отличить лишь черное отъ бѣлаго. Кстати: въ этомъ отнюдь не заключается упрека, это только скромное мнѣніе агронома о географическомъ явленіи.

— Я не понимаю, что вы собою собственно представляете,— сказала она, — и, право, не могу не смѣяться, думая объ этомъ. Вамъ какъ будто совершенно безразлично, о чемъ идетъ рѣчь; какой бы вопросъ ни затронули, вы всегда всѣмъ возражаете. Идетъ ли рѣчь о Гладстонѣ, или о цѣпочкѣ отъ ломоты, или о сказкахъ, вы всегда являетесь живымъ противорѣчіемъ того, что думаютъ другіе люди. Но это, право, такъ интересно, что я васъ очень прошу, продолжайте, продолжайте въ томъ же духѣ, говорите дальше! Мнѣ такъ хочется послушать васъ еще! Какого вы мнѣнія, напримѣръ, о государственной оборонѣ?

Онъ густо покраснѣлъ и опустилъ голову. Какъ эта дѣвушка съ такими ясными синими глазами умѣла насмѣхаться! Въ другое время пусть, онъ бы ничего противъ этого не имѣлъ, но въ та-

кую дивную ночь, среди этой удивительной тишины и покоя! Сильно смущенный, онъ проговорилъ:

— Государственная оборона? Государственная оборона? Что вы хотите этимъ сказать?

— Увѣряю васъ, мнѣ это случайно пришло въ голову,—сказала она поспѣшно и тоже покраснѣла,—вы не должны обижаться на меня. Дѣло въ томъ, что мы хотимъ устроить базаръ, вечеръ въ пользу усиленія средствъ для государственной обороны. Это случайно пронеслось у меня въ головѣ въ эту минуту.

Пауза. Вдругъ онъ подымаетъ голову и устремляетъ на нее взглядъ; глаза его сіяютъ.

— Я долженъ вамъ сказать, я сегодня страшно счастливъ, и потому я, можетъ быть, слишкомъ много болталъ; но вы простите мнѣ это, не правда ли? Не находите ли вы, что приключеніе, о которомъ я вамъ разсказалъ, было не особенно красиво? Въ другой разъ я, можетъ быть, разсказалъ бы это лучше, можетъ быть, немного лучше, не знаю; но сегодня я безусловно слишкомъ радъ и счастливъ, чтобы быть вполнѣ на высотѣ. Меня радуетъ все, каждый пустякъ; но больше всего то, что я имѣю счастье быть вмѣстѣ съ вами; я вамъ такъ искренно, такъ глубоко благодаренъ, повѣрьте мнѣ; мнѣ кажется, будто это самая дивная ночь, какую я когда-либо переживалъ. Я не могу этого понять. Мнѣ кажется, будто я составляю часть этого лѣса или этой лужайки, одну изъ вѣтокъ сосны, или камень, да, по мнѣ хоть камень, но камень, проникнутый всѣмъ этимъ нѣжнымъ ароматомъ и покоемъ, которые насъ окружаютъ. Взгляните туда, ахъ, посмотрите! Вотъ занимается день. Вы видите эту серебристую полосу? Развѣ это не великолѣпно?

Оба устремили глаза на бѣлую полоску на горизонтѣ; потомъ она снова перевела взглядъ на него и сказала:

— Да, но если вы думаете, что и я не чувствую благодарности къ *вамъ* за сегодняшній вечеръ, то вы ошибаетесь.

Это она сказала, не будучи, въ сущности, вынужденной къ

этому, совершенно добровольно, непосредственно, какъ будто бы для нея было радостью сказать это. Нагель внимательно поглядѣлъ ей въ лицо и воскликнулъ:

— Вы? Въ самомъ дѣлѣ? Если бы вы знали, сколько счастья даютъ мнѣ ваши слова! Да, этой ночи я никогда не забуду! Хотите, я покажу вамъ фокусъ съ соломенкой и вѣткой, причемъ соломенка будетъ крѣпче вѣтки? Мнѣ бы такъ хотѣлось сдѣлать что-нибудь, что бы вамъ доставило удовольствіе, только изъ благодарности, чтобы выразить вамъ мою преданность. Но лучше будемъ разговаривать, это гораздо лучше. Да, сегодня Ивановъ день! Милая, развѣ это не упоительно хорошо? Посмотрите-ка туда, я хочу вамъ указать на ничтожнѣйшую вещь, которая производитъ на меня впечатлѣніе, вотъ этотъ кустъ можжевельника, что стоитъ отдѣльно въ сторонѣ; посмотрите, онъ прямо наклоняется къ намъ и такъ славно выглядитъ. И отъ сосны къ соснѣ паукъ протягиваетъ свою паутину, она точно рѣдкая китайская ткань, точно тысяча солнцъ, сотканныхъ изъ водяныхъ капель. Вѣдь вамъ не холодно? Я увѣренъ, что нѣжные, улыбающіеся эльфы пляшутъ теперь вокругъ насъ; но все-таки я разведу огонь, если вамъ холодно, хотите?.. Послушайте, мнѣ пришло въ голову; не здѣсь ли гдѣ-то нашли Карльсена?

Она вздрогнула, на красивомъ лицѣ ея появилось выраженіе неудовольствія, и она сказала:

— Ухъ, нѣтъ, не будемъ говорить о немъ! Оставьте это, пожалуйста! Слыхано ли что-нибудь подобное!

Онъ снова сталъ извиняться и, чтобы загладить свой промахъ, замѣтилъ:

— Говорятъ только, что онъ такъ любилъ васъ, и я это понимаю...

— Любилъ меня? Да, можетъ быть, немного, это возможно. Но не говорятъ ли тоже, что онъ изъ-за меня покончилъ съ собою, моимъ перочиннымъ ножикомъ? Нѣтъ, теперь мы должны итти.

Она встала. Она говорила съ оттѣнкомъ грусти, безъ смущенія и безъ притворства. Онъ былъ страшно удивленъ. Она знала, что довела до самоубійства одного изъ своихъ поклонниковъ, но не хвастала этимъ, не смѣялась надъ этимъ, а говорила объ этомъ просто, какъ о печальномъ обстоятельствѣ, и сейчасъ же прекратила разговоръ. Какой она ему казалась чистой и прекрасной! Длинная, свѣтлая коса спускалась по спинѣ, на щекахъ игралъ свѣжій румянецъ, и какой-то теплый тонъ лежалъ на всемъ лицѣ. На ходу ея высокія бедра чуть-чуть колыхались.

Они вышли изъ лѣсу, передъ ними была открытая поляна; послышался лай собаки; Нагель сказалъ:

— Вотъ уже и пасторскій дворъ. Какъ уютно выглядятъ эти большія, бѣлыя строенія съ садомъ и собачьей конурой и флагштокомъ среди густого лѣса. Вы не думаете, фрэкенъ, что васъ будетъ тянуть сюда обратно, если вы когда-нибудь уѣдете отсюда, я хочу сказать, когда вы выйдете замужъ? Ну, конечно, это зависитъ тоже отъ того, гдѣ вы будете жить.

— Объ этомъ я еще не думала,—сказала она и прибавила:— это покажетъ будущее!

— Это будущее принесетъ вамъ радость!—сказалъ онъ.

Она отвѣтила съ оттѣнкомъ нетерпѣнія въ голосѣ:

— Ну, вотъ вы и потеряли свое веселое настроеніе. Который часъ?

— Должно быть, около двухъ.

— Послушайте, — сказала она, — не удивляйтесь тому, что я такъ поздно гуляю. У насъ это здѣсь принято; мы всѣ простые крестьяне, дѣти природы. Мы съ адъюнктомъ часто такъ бродимъ по лѣсу до самаго утра.

— Но кто же тогда ведетъ разговоръ? Насколько мнѣ кажется, адъюнктъ не принадлежитъ къ словоохотливымъ людямъ.

— Нѣтъ, обыкновенно *я* больше говорю; то-есть, я спрашиваю, а онъ отвѣчаетъ. Вы знаете, вѣдь столько есть вещей, о

которыхъ можно спрашивать. Ну, это сюда не относится. Что вы будете дѣлать теперь, когда вернетесь домой?

— Сейчасъ, когда вернусь домой? Я лягу и буду спать до—да, до полудня, буду спать, какъ убитый, безъ просыпу, безъ сновъ. А *вы* что будете дѣлать?

— Развѣ вы не *думаете*? Не лежите долго съ открытыми глазами и думаете о разныхъ вещахъ? Развѣ вы можете сейчасъ заснуть?

— Сію же минуту. А вы нѣтъ?

— Послушайте, вотъ уже птицы просыпаются и начинаютъ пѣть. Нѣтъ, должно быть, ужъ позже, чѣмъ вы говорите, дайтека мнѣ посмотрѣть на ваши часы. Господи, вѣдь ужъ три часа. скоро четыре! Почему же вы сказали, что только два часа?

— Простите!—сказалъ онъ.

Она съ минуту смотрѣла на него, впрочемъ, безъ гнѣва, и затѣмъ сказала:

— Вамъ незачѣмъ было меня обманывзть, я бы все равно осталась столько же въ лѣсу; я говорю, какъ и есть. Надѣюсь, что вы вкладываете въ мои слова не больше, чѣмъ можете себѣ позволить. У меня здѣсь не много развлеченій, и я обѣими руками хватаюсь за то немногое, что мнѣ представляется. Такъ я привыкла жить съ тѣхъ поръ, какъ мы пріѣхали сюда, и я не думаю, чтобы кто-нибудь видѣлъ въ этомъ что-либо дурное. Впрочемъ, я не знаю, да мнѣ это и совершенно все равно; отецъ во всякомъ случаѣ ничего не имѣетъ противъ этого, а съ нимъ только я и считаюсь. Пойдемте, погуляемте еще немного.

Они прошли мимо пасторскаго дома и углубились въ лѣсъ по другую сторону его. Птички пѣли; бѣлая полоса на востокѣ становилась все шире и шире. Разговоръ сдѣлался менѣе оживленнымъ и вертѣлся вокругъ безразличныхъ предметовъ.

— Въ вашемъ домѣ, должно быть, много читаютъ? — сказалъ онъ.

Она отвѣтила:

— Откуда вы это знаете?

— Я слышалъ; я знаю также, что у вашего отца есть сочиненія Тургенева и Гарборга, а это хорошій признакъ.

— Ахъ, да, Тургеневъ, не правда ли: онъ удивителенъ? Такъ, значитъ, Минутта уже снова болталъ; ни отъ кого другого вы не могли этого слышать. Да, мы много читаемъ, отецъ мой постоянно читаетъ, у него столько книгъ. Какого вы мнѣнія о Толстомъ?

— Конечно, хорошаго. Толстой великій и замѣчательный человѣкъ.

Она разсмѣялась звонкимъ смѣхомъ, перекатившимся по лѣсу, и прервала его:

— Нѣтъ, сейчасъ вы сказали, чего вы вовсе не думаете; я вижу это по вашему лицу. Вы совсѣмъ не любите Толстого.

— Гмъ! То-есть... Нѣтъ, не будемъ касаться такихъ вопросовъ, иначе я стану скучнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Вѣдь я не имѣю счастья сходиться во мнѣніи съ остальными людьми, и мнѣ бы не хотѣлось вамъ наскучить. Что вы сами думаете о Толстомъ?

— Вы потеряли все свое хорошее настроеніе, да, вотъ вы уже и не веселы. Да, да, ну, вернемся. Тише, Бискъ, я иду!— крикнула она собакѣ, рвавшейся на своей цѣпи.

— Говоря по правдѣ,—отвѣтилъ онъ,—если бы я вздумалъ вамъ сказать, *какъ* я веселъ и почему я такъ веселъ, вы бы снова убѣжали отъ меня, а этого не должно быть. Позвольте мнѣ умолчать объ этомъ...

Она снова прервала его:

— Ну, да, конечно... Да, да, это былъ очень пріятный вечеръ; но теперь вы, должно быть, изрядно устали? Спасибо, что проводили меня! Да, но зонтика моего вы не должны брать съ собой. Хорошо бы это было, если бы вы это сдѣлали, ха-ха-ха!

У самой двери она еще разъ обернулась и сказала:

— Еще и по другой причинѣ хорошо, что я встрѣтилась съ вами сегодня вечеромъ; у меня есть теперь, что разсказать своему жениху, когда я буду ему писать. Я скажу ему, что вы человѣкъ, который никогда ни въ чемъ ни съ кѣмъ не согласенъ; онъ будетъ страшно пораженъ; мнѣ кажется, что я такъ и вижу его, какъ онъ сидитъ и раздумываетъ надъ письмомъ и не можетъ этого понять. Онъ самъ такъ безконечно добръ; Боже, какъ онъ добръ! Онъ никогда никому не противорѣчитъ. Да, вы можете мнѣ повѣрить, онъ восхитительный человѣкъ. Жалко, что вы его не увидите, покуда вы здѣсь. Спокойной ночи!

И Нагель отвѣтилъ: —спокойной ночи! спокойной ночи!—и смотрѣлъ ей вслѣдъ, пока она не исчезла за дверью.

Это все, о чемъ они говорили всю ночь. Нагель снялъ съ головы свою шапочку и всю дорогу несъ ее въ рукахъ. Онъ былъ очень задумчивъ; нѣсколько разъ онъ останавливался, подымалъ глаза, съ минуту смотрѣлъ неподвижно въ пространство и шелъ дальше короткими, медленными шагами. На лицѣ его блуждала радостная улыбка. Что за голосъ, что за голосъ у нея! Слыхано ли что-нибудь подобное! Голосъ, въ которомъ слышится пѣніе! Какъ она его обворожила; это чудное, свѣтлое созданіе!

IX.

На слѣдующій день, около полудня, Нагель, только что вставшій, вышелъ безъ завтрака. Онъ прошелъ уже порядочное разстояніе; чудесная погода и оживленное движеніе внизу у пристани влекли его впередъ; но вдругъ, словно вспомнивъ что-то, онъ обратился къ какому-то человѣку и спросилъ, гдѣ находится контора судьи Рейнерта; спрошенный объяснилъ ему, и Нагель прямо направился по указанію.

Онъ постучался и вошелъ; пройдя мимо двухъ—трехъ молодыхъ людей, сидѣвшихъ, склонившись надъ бумагами, онъ подошелъ къ судьѣ и попросилъ его удѣлить ему нѣсколько минутъ для разговора съ глазу на глазъ—это продолжится не долго, онъ

не задержитъ его. Судья поднялся съ не особенно довольнымъ видомъ и провелъ его въ сосѣднюю комнату.

Здѣсь Нагель сказалъ:

— Прошу извинить, что я еще разъ возвращаюсь къ этому предмету; дѣло идетъ объ исторіи съ Минуттой, какъ вамъ извѣстно. Я приношу вамъ мое извиненіе.

— Я считаю этотъ инцидентъ исчерпаннымъ,— возразилъ судья.—Третьяго дня вечеромъ вы принесли мнѣ нѣчто въ родѣ извиненія въ присутствіи цѣлаго общества; я этимъ вполнѣ удовлетворенъ и больше ничего не требую.

— Видите-ли, это очень мило съ вашей стороны,—сказалъ Нагель,— дѣйствительно, мило, и для большей ясности я повторяю въ третій разъ, что это очень мило съ вашей стороны. Хе-хе! Но *я* не совсѣмъ удовлетворенъ такимъ положеніемъ вещей, господинъ судья. То-есть, я доволенъ, поскольку дѣло касается меня, но не поскольку оно касается Минутты. Я бы хотѣлъ, чтобы вы согласились со мной, что и Минутта долженъ получить свое удовлетвореніе, и что именно вы и должны этому содѣйствовать.

— Вы хотите сказать, что я долженъ пойти и извиниться передъ этимъ идіотомъ изъ-за нѣсколькихъ глупыхъ шутокъ;— это ваше мнѣніе? Послушайте-ка, не лучше ли было-бы, если бы вы заботились о своихъ собственныхъ дѣлахъ, а не...

— Да, да, да, да, это хорошо сказано! Но вернемся къ дѣлу: вы разорвали Минуттѣ сюртукъ и обѣщали ему взамѣнъ его другой—вы это помните?

— Я вамъ вотъ что скажу: вы стоите въ общественномъ бюро и болтаете о частномъ дѣлѣ, которое васъ даже не касается. Здѣсь *я* хозяинъ. Вамъ незачѣмъ возвращаться черезъ контору, вы можете выйти на улицу и черезъ *эту* дверь.

Съ этими словами судья открылъ маленькую дверь.

Нагель разсмѣялся и сказалъ:

— Такъ,—такъ,—это меня не очень пугаетъ! Нѣтъ, шутки въ сторону, вы должны сейчасъ же отослать Минуттѣ сюртукъ, который вы ему обѣщали. Онъ, знаете ли, нуждается въ немъ и онъ повѣрилъ вашему слову.

Судья быстрымъ движеніемъ открылъ дверь настежь и сказалъ:

— Прошу васъ!

— Минутта вѣдь увѣренъ, что вы честный человѣкъ,—продолжалъ Нагель,—и вамъ не слѣдуетъ его такъ грубо обманывать.

Но тутъ судья открылъ дверь въ контору и позвалъ обоихъ молодыхъ людей. Тогда Нагель приподнялъ шляпу и сейчасъ же ушелъ. Онъ не сказалъ больше ни слова.

Какъ неудачно это вышло! Гораздо лучше было бы совсѣмъ не дѣлать этой попытки. Нагель пошелъ домой, позавтракалъ, послѣ чего онъ читалъ газету и игралъ съ собакой Якобсенъ.

Послѣ обѣда онъ увидалъ изъ окна своей комнаты Минутту, подымавшагося съ набережной по тяжелой, каменистой дорогѣ съ мѣшкомъ на спинѣ. Это былъ мѣшокъ съ угольями. Минутта шелъ, весь согнувшись; онъ не могъ видѣть, что дѣлается впереди его, такъ какъ ноша почти пригибала его къ землѣ. Онъ плохо держался на ногахъ и такъ кривилъ ноги, что края его брюкъ съ внутренней стороны были совершенно оборваны. Нагель пошелъ къ нему навстрѣчу; они встрѣтились у почтовой конторы, гдѣ Минутта спустилъ свой мѣшокъ на землю, чтобы передохнуть.

Они оба одинаково низко поклонились другъ другу. Когда Минутта выпрямился, его лѣвое плечо сильно опустилось внизъ. Нагель вдругъ схватилъ его за это плечо и безъ всякихъ предисловій, не выпуская его, заговорилъ чрезвычайно возбужденно:

— Вы разболтали о деньгахъ, которыя я вамъ далъ, сказали объ этомъ кому-нибудь? Что?

Минутта растерянно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я этого не дѣлалъ.

— Знайте,—продолжалъ Нагель, блѣдный отъ возбужденія,— что если вы когда-нибудь проболтаетесь объ этихъ нѣсколькихъ шиллингахъ, то я васъ убью—убью! Клянусь небомъ! Вы меня поняли? И скажите то же вашему дядѣ.

Минутта стоялъ, разинувъ ротъ и бормоча какія-то слова: онъ ничего не скажетъ, ни одного слова, онъ обѣщаетъ—онъ готовъ дать клятву...

Какъ бы желая оправдать свое возбужденіе, Нагель сейчасъ же прибавилъ:

— Что это за несчастная дыра, этотъ городъ, гнѣздо какое-то, хлѣвъ! Куда я ни пойду, всюду на меня смотрятъ, я не могу двинуться съ мѣста. Но я не хочу этого шпіонства на каждомъ шагу, мнѣ нѣтъ никакого дѣла до всѣхъ этихъ людей. Я васъ предупредилъ. Я вамъ вотъ что скажу: у меня есть основанія думать, что эта фрэкенъ Кьелландъ, напримѣръ, достаточно умна, чтобы заставить васъ разболтать все, что угодно; но я не выношу этого любопытства, я не хочу его! Вчерашній вечеръ, впрочемъ, я провелъ съ нею. Она большая кокетка. Ну, да это не относится сюда. Я только прошу васъ еще разъ молчать о томъ, что было между нами. И если вашъ дядя скажетъ хоть одно слово, я ему заткну ротъ, накажи меня Богъ; подите сейчасъ же домой и скажите это ему. Вы меня хорошо поняли?

— Да, я понялъ васъ.

— Впрочемъ, хорошо, что я васъ сейчасъ встрѣтилъ,—продолжалъ Нагель,—я хочу поговорить съ вами еще о другомъ: третьяго дня мы вмѣстѣ съ вами сидѣли на одномъ изъ надгробныхъ камней на кладбищѣ.

— Да.

— Я написалъ на камнѣ стихи, я допускаю, что это были нехорошіе и неприличные стихи, но это къ дѣлу не относится; словомъ, я написалъ стихи. Когда я ушелъ, стихи были еще тамъ, а когда я нѣсколько минутъ спустя снова подошелъ къ камню, ихъ больше не было—это было дѣло вашихъ рукъ?

Минутта смотритъ въ землю и шепчетъ:—да.

Пауза. Затѣмъ Минутта, смущенный тѣмъ, что его поймали на дерзостномъ поступкѣ, который онъ совершилъ по собственному почину, заикаясь, начинаетъ оправдываться:

— Мнѣ хотѣлось предотвратить... Вы не знали Мины Меекъ, въ этомъ все дѣло, иначе вы бы этого не сдѣлали, не написали бы. Я и сказалъ себѣ сейчасъ же: его нельзя винить, онъ здѣсь въ городѣ чужой, а я, здѣшній житель, легко могу исправить это; почему же мнѣ этого не сдѣлать? И я стеръ надпись. Никто ея не читалъ.

— Откуда вы знаете, что никто ея не читалъ?

— Ни одна душа ея не читала! Проводивъ васъ и доктора Стенерсена до калитки, я сейчасъ же вернулся и стеръ ее. Я былъ въ отсутствіи не больше двухъ минутъ.

Нагель взглянулъ на него, взялъ его руку и пожалъ ее, не говоря ни слова. Ихъ взгляды встрѣтились. Губы Нагеля едва замѣтно дрожали.

— Прощайте, — сказалъ онъ. — Ахъ, да, вы получили сюртукъ?

— Гмъ! Но я навѣрное получу его къ тому времени, когда онъ мнѣ будетъ нуженъ. Черезъ три недѣли будетъ...

Въ эту минуту мимо нихъ проходитъ сѣдоволосая дѣвушка съ яйцами, Марта Гуде; корзинку она держитъ подъ передникомъ, ея черные глаза глядятъ въ землю. Минутта поклонился, Нагель тоже поклонился; она едва отвѣтила на поклонъ, быстро прошла мимо, поспѣшно направилась къ базару, гдѣ она продала свои два-три яйца и пошла дальше со своей парой шиллинговъ. На ней было тонкое зеленое платье. Нагель не спускалъ глазъ съ этого зеленаго платья. Онъ сказалъ:

— Что будетъ черезъ три недѣли?

— Базаръ,—отвѣтилъ Минутта,—большой вечеръ; вы еще не слышали объ этомъ? Я буду тоже участвовать въ живыхъ картинахъ; фрэкенъ Дагни такъ рѣшила.

— Вотъ какъ?—произнесъ Нагель задумчиво.—Да, да,—продолжалъ онъ,—вы получите сюртукъ въ ближайшемъ будущемъ, и даже новый сюртукъ, вмѣсто стараго, который онъ вамъ обѣщалъ. Судья сказалъ мнѣ сегодня, что совершенно забылъ объ этомъ, но онъ позаботится въ одинъ изъ ближайшихъ дней. Судья въ сущности вовсе не такой дурной человѣкъ. Но послушайте, не забудьте одного; вы не должны его благодарить, ни въ какомъ случаѣ. Вы не должны и заикнуться передъ нимъ о сюртукѣ; онъ не желаетъ благодарности, вы поняли? Ему, говоритъ онъ, было бы непріятно, если бы вы явились къ нему и стали его благодарить за это маленькое одолженіе. Да вы и сами понимаете, что съ вашей стороны было бы нетактично напоминать ему о томъ днѣ, когда онъ былъ пьянъ и ушелъ изъ гостинницы съ продавленной шляпой; не правда ли?

— Да, конечно.

— Потому что вѣдь я его ужасно оскорбилъ, какъ вамъ извѣстно, и въ присутствіи многихъ людей назвалъ его щенкомъ. Я, конечно, извинился передъ нимъ, но все-таки. Вы, значитъ, примете сюртукъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и даже своему дядѣ не скажете, отъ кого вы его получили; ни одна живая душа не должна этого знать; судья прямо требуетъ этого. Вѣдь вы же понимаете, что ему было бы очень непріятно, если бы въ городѣ стало извѣстно, что онъ позволяетъ себѣ съ первымъ встрѣчнымъ неприличныя выходки и потомъ вынужденъ заглаживать ихъ при помощи сюртуковъ, не правда ли?

— Да, я это совершенно понимаю.

— Значитъ, дѣло въ шляпѣ?

— Да, я ничего не скажу.

— Хорошо... Послушайте, мнѣ сейчасъ пришло въ голову: почему вы не употребляете телѣжки, чтобы развозить уголь?

— Этого я не могу изъ-за моего поврежденія; мнѣ не по силамъ таскать телѣжку. Я могу переносить довольно большія тяжести, если осторожно взвалю ихъ на плечи, но таскать телѣжку я не могу: такое напряженіе мнѣ не по силамъ; я тогда надрываюсь и падаю, и у меня дѣлаются сильныя боли. Но съ мѣшкомъ ходить вовсе не такъ трудно.

— Да, да.

Пауза.

— Что жъ, вы больше не хотите ко мнѣ притти?—спросилъ Нагель.—Зайдите ко мнѣ, мой другъ! Это не хорошо съ вашей стороны, что вы совсѣмъ не приходите. Вамъ вовсе не зачѣмъ при этомъ пить, если вы не хотите. Не забудьте, седьмой номеръ; вы можете прямо войти ко мнѣ.

Онъ сунулъ Минуттѣ ассигнацію въ руку и сталъ поспѣшно спускаться къ набережной; Минутта крикнулъ ему что-то вслѣдъ, но онъ ничего не слыхалъ. Въ продолженіе всего разговора съ Минуттой онъ не упускалъ изъ виду зеленаго платья.

Дойдя до маленькаго дома, въ которомъ жила Марта Гуде, онъ на минуту остановился и сталъ оглядываться. Никого не было видно кругомъ. Онъ постучался, но не получилъ отвѣта. Онъ два раза уже былъ здѣсь, стучалъ у этой двери и не получалъ отвѣта; но теперь онъ видѣлъ, какъ она съ базара прямо отправилась домой, и на этотъ разъ онъ не хотѣлъ снова уйти ни съ чѣмъ. Онъ рѣшительно открылъ дверь и вошелъ.

Она стояла посреди комнаты и смотрѣла на него. Краска внезапно залила все ея лицо, она такъ смутилась, что протянула впередъ руки и нѣкоторое время оставалась въ такой позѣ, не зная, что ей дѣлать.

— Простите мою навязчивость, фрэкенъ, прошу васъ,—сказалъ Нагель, кланяясь необыкновенно почтительно.—Я былъ бы вамъ такъ благодаренъ, если бы вы позволили мнѣ поговорить съ вами нѣсколько минутъ. Не безпокойтесь, мое дѣло не задержитъ васъ. Я нѣсколько разъ уже приходилъ сюда и только сегодня мнѣ посчастливилось застать васъ дома. Мое имя Нагель, я пріѣзжій и живу въ настоящее время въ Центральной гостин-

ницѣ. Еще разъ очень прошу васъ извинить меня, что я такъ ворвался къ вамъ.

Она все еще ничего не говорила, но предложила ему стулъ, сама же отошла къ кухонной двери и остановилась у нея. Она была страшно смущена и, глядя на него, все время теребила свой передникъ.

Комната была такою, какою онъ ее себѣ представлялъ; столъ, пара стульевъ и кровать—это было приблизительно все, что въ ней находилось. На подоконникахъ стояло нѣсколько горшковъ съ бѣлыми цвѣтами, но занавѣсокъ на окнахъ не было; полъ былъ не особенно чистъ. Нагель замѣтилъ также старый изломанный стулъ съ высокой спинкой въ углу за кроватью; на немъ остались только еще двѣ ножки и онъ былъ прислоненъ къ стѣнѣ. Сидѣнье было покрыто краснымъ плюшемъ.

— Если бы мнѣ только удалось васъ успокоить, фрэкенъ,— снова заговорилъ Нагель.—Не всегда меня такъ боятся, когда я вхожу въ домъ; хе-хе-хе. Я не въ первый разъ вхожу въ чужой домъ въ этомъ городѣ, я посѣтилъ не только васъ. Я хожу изъ дому въ домъ, дѣлаю всюду попытки, можетъ быть, вы уже слышали объ этомъ? Нѣтъ? Да, но это все-таки такъ. Моя профессія требуетъ этого; я коллекціонеръ и собираю всевозможныя старыя вещи; я покупаю устарѣвшія вещи и даю за нихъ столько, сколько онѣ могутъ стоить. Не пугайтесь только, фрэкенъ, я ничего не уношу съ собой, когда ухожу, хе-хе-хе, вообще у меня нѣтъ этого дурного обыкновенія; вы можете быть совершенно спокойны. Если мнѣ не удастся честно купить, то дѣло, значитъ, не выгорѣло, вотъ и все. Во всякомъ случаѣ я ничего не краду.

— Но у меня нѣтъ никакихъ старыхъ вещей, которыя...— сказала она, наконецъ; на лицѣ у нея было написано полное отчаяніе.

— Это всегда говорятъ!—отвѣтилъ онъ.—Я допускаю, конечно, что бываютъ вещи, къ которымъ привязываешься, съ которыми неохотно разстаешься,—вещи, къ которымъ привыкаешь

съ дѣтства, предметы, перешедшіе въ наслѣдство отъ отца или дѣда. Но, съ другой стороны, что мы видимъ? онѣ стоятъ, эти негодныя вещи, и не приносятъ никакой пользы; для чего же имъ занимать мѣсто и лежать мертвымъ капиталомъ? Вѣдь эти безполезныя фамильныя вещи представляютъ иной разъ крупныя суммы, а между тѣмъ въ концѣ концовъ онѣ совершенно разваливаются и ихъ сносятъ на чердакъ. Почему же ихъ не продать лучше, покуда еще не поздно? Нѣкоторыя начинаютъ сердиться, когда я прихожу, и говорятъ, что у нихъ нѣтъ никакихъ старыхъ вещей,—прекрасно, у каждаго свой вкусъ, я раскланиваюсь и ухожу. Другіе опять-таки стѣсняются и боятся показать мнѣ какую-нибудь сковородку безъ дна. Они не понимаютъ этого; это большей частью простые люди, не знающіе, до какой степени въ настоящее время развита манія собирать коллекціи. Я прямо говорю манія; я сознаюсь, что у меня прямо-таки манія, и я только называю вещи ихъ именами; и для чего мнѣ въ сущности скрывать это? Ну, да это, впрочемъ, касается только меня, это мое дѣло, да я и упомянулъ объ этомъ лишь случайно. Но что я хотѣлъ сказать? Да: это въ одно и то же время и смѣшно, и глупо, когда люди боятся показать старинную вещь. Какъ вы полагаете, какой видъ имѣютъ кольца и оружіе, которыя находятъ въ землѣ при раскопкахъ? А развѣ это уменьшаетъ ихъ цѣнность? Не такъ ли, фрэкенъ? Вы бы посмотрѣли на мою коллекцію коровьихъ колокольчиковъ! У меня есть колокольчикъ,— впрочемъ, изъ простой жести—которому какое-то индѣйское племя поклонялось, какъ божеству. Подумайте только, безконечное количество лѣтъ онъ висѣлъ въ шатрѣ у дикарей, и ему приносились молитвы и жертвы! Да, представьте себѣ! Но я удаляюсь отъ цѣли своего посѣщенія; ужъ если я заговорю о своихъ колокольчикахъ, то мнѣ не легко остановиться!

— Но у меня въ самомъ дѣлѣ нѣтъ такихъ старыхъ вещей,— сказала Марта снова.—Къ сожалѣнію,—прибавила она еще и замолчала.

— Вы позволите мнѣ,—проговорилъ Нагель медленно и съ видомъ превосходства,—вы позволите мнѣ, напримѣръ, взглянуть на тотъ стулъ?—Онъ указалъ рукой въ уголъ у кровати.

— Это, само собою разумѣется, только вопросъ, я не двинусь съ мѣста, покуда вы мнѣ не дадите разрѣшенія; ради Бога, скажите откровенно, если вы не хотите, чтобы я осмотрѣлъ этотъ стулъ! Я, впрочемъ, обратилъ на него вниманіе съ первой минуты, какъ вошелъ сюда.

Марта совершенно сбита съ толку; она отвѣчаетъ:

— Этотъ... но... пожалуйста... но ножки на немъ обломаны...

— Ножки обломаны, совершенно вѣрно! Ну, и что жъ съ того? Какое это имѣетъ значеніе? Можетъ быть, именно потому! да, именно потому! Могу я спросить, откуда онъ у васъ?

Заполучивъ стулъ въ свои руки, Нагель принялся вертѣть и поворачивать его во всѣ стороны и изслѣдовать самымъ внимательнымъ образомъ. Онъ былъ безъ позолоты, съ однимъ единственнымъ украшеніемъ на спинкѣ; это было нѣчто въ родѣ короны, вырѣзанной изъ краснаго дерева. Задняя сторона спинки была, впрочемъ, распорота ножемъ; края сидѣнья тоже были изрѣзаны въ нѣсколькихъ мѣстахъ; очевидно, на нихъ рѣзали табакъ.

— Онъ у насъ откуда-то изъ-за границы, я не знаю, откуда; мой дѣдушка когда-то привезъ нѣсколько такихъ стульевъ; но это единственный сохранившійся изъ всѣхъ. Мой дѣдушка былъ морякъ.

— Вотъ какъ? А вашъ отецъ? Онъ тоже былъ морякъ?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ вы, должно быть, тоже ѣздили? Простите, что я спрашиваю.

— Да, я много лѣтъ ѣздила съ отцомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Это интересно! Вы, значитъ, видѣли много странъ, такъ сказать, перерѣзали моря и океаны, какъ говорится. Да, скажите, пожалуйста! И потомъ вы опять поселились

здѣсь? Ахъ, да, на родинѣ все-таки лучше всего, да, на родинѣ... Кстати, вы не имѣете никакого представленія, гдѣ вашъ дѣдушка пріобрѣлъ этотъ стулъ? Я долженъ вамъ сказать, что для меня чрезвычайно важно знать хоть сколько-нибудь происхожденіе вещей, такъ сказать, исторію ихъ.

— Нѣтъ, я не знаю, гдѣ онъ его пріобрѣлъ, это было такъ давно. Можетъ быть, въ Голландіи? Нѣтъ, я, право, не знаю.

Къ своему большему удовлетворенію онъ замѣтилъ, что она становится все разговорчивѣе. Она подошла ближе, стояла почти около него, пока онъ вертѣлъ стулъ во всѣ стороны и, повидимому, не могъ насмотрѣться на него. Онъ говорилъ безостановочно, дѣлалъ свои замѣчанія по поводу работы, пришелъ въ восхищеніе, увидавъ на задней сторонѣ спинки вклеенную деревянную дощечку, въ которую въ свою очередь была вклеена другая дощечка поменьше—самая обыкновенная работа, безвкусная, топорная. Стулъ былъ очень ветхъ, и онъ обращался съ нимъ съ большой осторожностью.

— Да,—сказала она, наконецъ,—если вы дѣйствительно... Я хочу сказать, если вамъ доставитъ какое-нибудь удовольствіе обладать этимъ стуломъ, то, пожалуйста, возьмите его себѣ. Я съ радостью отдамъ вамъ его. Я сама принесу вамъ его въ гостинницу, если хотите. Мнѣ онъ не нуженъ.—И она вдругъ разсмѣялась надъ усиліями, которыя онъ пускалъ въ ходъ, чтобы стать обладателемъ этого никуда больше не годнаго, изъѣденнаго червями предмета.—Въ сущности, на немъ только еще *одна* порядочная ножка,—прибавила она.

Онъ взглянулъ на нее. Она была сѣда, но улыбка у нея была молодая и пламенная, и зубы ея были прекрасны. Когда она смѣялась, глаза ея получали влажный блескъ. Что за черноглазая старая дѣва! Но лицо Нагеля оставалось непроницаемымъ въ то время, какъ эти мысли пробѣгали у него въ головѣ.

— Я очень радъ,—сказалъ онъ сухо,—что вы рѣшаетесь уступить мнѣ стулъ. Теперь перейдемъ къ цѣнѣ. Нѣтъ, виноватъ,

позвольте мнѣ кончить; я не хочу, чтобы вы назначили цѣну, я всегда самъ ее опредѣляю. Я оцѣниваю вещь, предлагаю за нее столько-то и дѣло съ концомъ! Вѣдь вы могли бы потребовать безсовѣстно большую сумму, почему нѣтъ? Вы можете мнѣ возразить на это, что у васъ вовсе не такой жадный видъ, чтобы я имѣлъ основанія дѣлать такія предположенія—прекрасно, я это вполнѣ допускаю; но все-таки; мнѣ приходится имѣть дѣло съ очень разнообразными людьми, и я для большей вѣрности предпочитаю самъ назначать цѣну. Это у меня принципъ. Что бы вамъ, напримѣръ, помѣшало, если бы это отъ васъ зависѣло, потребовать за стулъ триста кронъ? Тѣмъ болѣе, что вы знаете, что это, дѣйствительно, рѣдкій и цѣнный предметъ. Но такую безумную цѣну я совершенно не въ состояніи заплатить; говорю вамъ это напередъ, для того, чтобы вы не дѣлали себѣ никакихъ иллюзій. Я вовсе не желаю разоряться; вѣдь это было бы безуміе, если бы я вамъ заплатилъ триста кронъ за этотъ стулъ; словомъ: я даю вамъ за него двѣсти кронъ и ни одного шиллинга больше. Я готовъ заплатить полную стоимость вещи, но не больше.

Она не произнесла ни слова; она только смотрѣла на него во всѣ глаза. Въ концѣ концовъ у нея мелькнула мысль, что онъ шутитъ, и она начала смѣяться.

Нагель спокойно вынулъ изъ бумажника двѣ красныя ассигнаціи и нѣсколько разъ помахалъ ими въ воздухѣ, не спуская въ то же время глазъ со стула.

— Я не стану отрицать,—сказалъ онъ,—что другой, можетъ быть, далъ бы вамъ больше; я откровенно признаюсь въ этомъ; немного больше, можетъ быть, вамъ и удалось бы получить. Но ужъ я разъ положилъ потратить на эту вещь круглую сумму въ двѣсти кронъ и дальше не могу итти. Дѣлайте, впрочемъ, какъ хотите, но подумайте все-таки раньше. Двѣсти кронъ все же деньги.

— Нѣтъ, — отвѣтила она, все еще смѣясь, — оставьте свои деньги у себя.

— Оставить свои деньги у себя! — прервалъ онъ ее, снова махая ассигнаціями передъ ея глазами.—Что это значитъ? Смѣю спросить, чѣмъ эти деньги не хороши? Вы, можетъ быть, думаете, что это деньги моего собственнаго издѣлія? А? Или ужъ не подозрѣваете ли вы, что я ихъ укралъ? Что?

Она перестала смѣяться. Этотъ человѣкъ, повидимому, говорилъ серьезно, и она призадумалась. Чего онъ собственно хочетъ отъ нея добиться, этотъ сумасшедшій? Судя по его глазамъ, отъ него можно всего ожидать. Богъ знаетъ, не замышляетъ ли онъ чего-нибудь, не разставляетъ ли онъ ей ловушку? Почему онъ пришелъ со своими деньгами именно къ ней? Наконецъ, она приняла, очевидно, опредѣленное рѣшеніе и сказала:

— Если вы мнѣ непремѣнно хотите дать за этотъ стулъ крону или двѣ, то я буду вамъ благодарна. Но этого будетъ ужъ болѣе, чѣмъ достаточно, и больше я ничего не хочу.

Онъ притворился крайне изумленнымъ, приблизился къ ней и посмотрѣлъ ей въ лицо. Потомъ онъ разразился громкимъ смѣхомъ.

— Но... вы подумали ли, что... Такой случай мнѣ встрѣчается въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ я занимаюсь своей профессіей! Впрочемъ, я понимаю шутки...

— Это не шутка. Я никогда ничего подобнаго не слышала! Я больше не хочу, я ничего не хочу; возьмите себѣ стулъ, если хотите!

Нагель продолжалъ смѣяться во все горло.

— Я еще понимаю шутку и цѣню ее; она меня даже восхищаетъ, чортъ меня возьми, она меня приводитъ въ восторгъ. Надъ хорошей шуткой я могу смѣяться до упаду. Но намъ пора, однако, притти къ какому-нибудь соглашенію, не правда ли? Вы ничего не имѣете противъ того, чтобы покончить съ этимъ сейчасъ, раньше, чѣмъ мы придемъ въ дурное настроеніе? Въ

концѣ концовъ, еще немного и вы поставите стулъ на мѣсто и потребуете за него пятьсотъ кронъ, что?

— Да нѣтъ, возьмите себѣ стулъ. Я... чего вы собственно хотите?

Они посмотрѣли другъ на друга. Она поблѣднѣла.

— Если вы думаете, что я хочу чего-нибудь кромѣ того, чтобы получить этотъ стулъ за подходящую цѣну, то вы ошибаетесь,— сказалъ онъ.—За кого вы меня принимаете, за негодяя или обманщика? Да или нѣтъ? Или вы меня принимаете за дурака, надъ которымъ можно смѣяться сколько угодно? Я знаю цѣну старинным вещамъ, это не первая вещь, которую я покупаю.

Но и этотъ козырь не прошелъ. Марта воскликнула:

— Но, Богъ ты мой, стулъ вашъ—вашъ!

— Я, конечно, долженъ быть вамъ чрезвычайно признателенъ за такое великодушное предложеніе, я долженъ упасть на колѣни и благодарить васъ, фрэкенъ. Но и намъ, коллекціонерамъ, не совсѣмъ все-таки чуждо чувство чести, какъ оно иной разъ ни ничтожно, и это чувство чести удерживаетъ меня, заставляетъ меня, такъ сказать, становиться на дыбы противъ себя же самого всякій разъ, когда я пытаюсь заполучить какую-нибудь дорогую вещь за дешевую цѣну. Я уронилъ бы всю свою коллекцію въ своихъ собственныхъ глазахъ—въ глазахъ обладателя—если бы помѣстилъ пріобрѣтенную такимъ обманнымъ образомъ вещь среди прочихъ вещей; этимъ я ввелъ бы нѣкоторый фальшивый тонъ, который отразился бы на каждой вещи. Развѣ вы не можете понять, что и цѣна имѣетъ значеніе, играетъ извѣстную роль, что часто предметъ получаетъ большую цѣнность оттого, что его пришлось пріобрѣтать путемъ такихъ-то и такихъ-то усилій, цѣною особенно крупныхъ издержекъ? Хе-хе-хе! мнѣ смѣшно; вѣдь это слишкомъ нелѣпо, что мнѣ здѣсь приходится говорить въ *вашу* пользу вмѣсто того, чтобы думать только о собственной выгодѣ. Но вы меня къ этому вынуждаете!

Но она не сдавалась, нѣтъ, онъ ничего не могъ добиться. Она продолжала стоять на томъ, чтобы онъ взялъ стулъ за какую-нибудь мелочь, за одну или двѣ кроны, или чтобы оставилъ его совершенно. Такъ какъ съ подобнымъ упрямствомъ ничего нельзя было подѣлать, то онъ, наконецъ, сказалъ, чтобы выдержать роль:

— Хорошо; оставимъ это на сегодня. Но обѣщайте мнѣ, что вы не продадите этого стула никому другому, не давъ мнѣ знать; вы согласны? Я его не уступлю, даже если бы пришлось заплатить за него немного дороже. Во всякомъ случаѣ, я готовъ дать за него столько же, какъ и всякій другой, и, какъ ни какъ, вѣдь я былъ первый.

Выйдя на улицу, Нагель быстро и возбужденно зашагалъ по направленію къ гостинницѣ. Что за упрямство у этой дѣвушки; какъ она бѣдна и какъ подозрительна! Ты обратилъ вниманіе на ея кровать? спросилъ онъ самого себя; даже сѣнника нѣтъ на ней, даже простыни нѣтъ, только двѣ нижнія юбки, которыя ей еще, можетъ быть, приходится надѣвать и днемъ, когда на дворѣ холодно. И при всемъ томъ она такъ боится впутаться во что-нибудь ей незнакомое, что отклоняетъ самое хитроумно придуманное предложеніе! Но какое, чортъ возьми, ему дѣло до этого? Нѣтъ, въ сущности, ему до этого никакого дѣла нѣтъ. Но вѣдь это, право, дьяволъ, а не дѣвушка! А что, если бы подослать къ ней какого-нибудь покупателя, который бы предложилъ за стулъ еще больше, неужели въ ней и тогда еще останется сомнѣніе? Что за глупое созданіе! Что за глупое созданіе! И надо было ему итти туда для того, чтобы получить такой носъ!

Въ досадѣ, онъ не замѣтилъ, какъ дошелъ до гостинницы. Онъ остановился, быстро повернулъ обратно и отправился въ магазинъ мужского платья І. Гансена. Онъ вошелъ. Спросивъ хозяина, онъ съ глазу на глазъ заказалъ у него сюртукъ изъ такой-то и такой-то матеріи, предписавъ держать этотъ заказъ въ глубочайшей тайнѣ. Какъ только сюртукъ будетъ готовъ, онъ

долженъ быть отосланъ немедленно къ Минуттѣ, къ Грэгорду, горбатому разносчику угольевъ, который...

Этотъ сюртукъ для Минутты?

Да, ну что съ того? Пожалуйста, только безъ любопытства! Безъ выпытываній!

Нѣтъ, онъ спросилъ только изъ-за мѣрки.

Ну, да—для Минутты; но лучше будетъ, дѣйствительно, если Минутта самъ придетъ, чтобы съ него сняли мѣрку; почему бы и нѣтъ? Но ни одного лишняго слова, никакихъ подмигиваній и намековъ—такъ рѣшено? А когда сюртукъ будетъ готовъ? Черезъ нѣсколько дней? хорошо!

Нагель тутъ же отсчиталъ деньги, простился и ушелъ. Досада его прошла, онъ весело потиралъ себѣ руки и пѣлъ. Да, да — онъ все-таки поставитъ на своемъ — все-таки! Погодите! Придя домой, онъ взбѣжалъ въ свою комнату и позвонилъ; руки его дрожали отъ нетерпѣнія, и едва только дверь открылась, какъ онъ крикнулъ:

— Бланки для телеграммъ, Сара!

Онъ какъ разъ открылъ свой футляръ для скрипки въ ту минуту, какъ Сара вошла; къ величайшему своему изумленію, она увидала, что въ этомъ ящикѣ, съ которымъ она всегда обращалась такъ осторожно, находилось только грязное бѣлье и кой-какія письменныя принадлежности; скрипки никакой не было. Она не уходила и продолжала стоять, глядя на ящикъ.

— Бланки для телеграммъ! — повторилъ онъ громче,—я просилъ бланки для телеграммъ!

Какъ только онъ ихъ получилъ, онъ написалъ ордеръ своему знакомому въ Христіаніи выслать анонимно и секретно двѣсти кронъ госпожѣ Мартѣ Гуде по такому-то адресу, безъ какихъ бы то ни было письменныхъ поясненій. Необходимо соблюденіе глубочайшей тайны. Іоганнъ Нагель.

Но это не годилось, нѣтъ. Обдумавъ этотъ планъ, какъ слѣдуетъ, онъ долженъ былъ отказаться отъ него. Не лучше ли

было бы объяснить дѣло яснѣе и заодно сейчасъ же послать и деньги, чтобы быть увѣреннымъ, что онѣ будутъ пересланы? Онъ разорвалъ телеграмму, даже сжегъ ее и поспѣшно сталъ снова писать. Да, это лучше, письмо все-таки обстоятельнѣе; такъ дѣло пойдетъ на ладъ. Да, онъ ей покажетъ, онъ дастъ ей понять...

Но, вложивъ деньги и запечатавъ конвертъ, онъ задумался. У нея могутъ появиться подозрѣнія, сказалъ онъ себѣ; двѣсти кронъ—это слишкомъ круглая цифра, къ тому же сумма, которою онъ только что размахивалъ передъ ея носомъ; нѣтъ, это тоже не годится! Онъ вынулъ еще десять кронъ, вскрылъ конвертъ и измѣнилъ цифру съ двухсотъ на двѣсти десять кронъ. Послѣ этого онъ запечаталъ письмо и отослалъ его.

Въ теченіе цѣлаго часа, вспоминая объ этой выдумкѣ, онъ находилъ ее великолѣпной. Какъ чудесное посланіе съ неба, свалится на нее это письмо откуда-то сверху, изъ незнакомыхъ рукъ. И что она скажетъ, когда получитъ эти деньги! Но спросивъ себя вторично, что она скажетъ, какъ отнесется ко всему этому, онъ снова пріунылъ: этотъ планъ опасенъ, онъ слишкомъ смѣлъ; это глупый и никуда не годный планъ. Его пугало именно то, что она ничего разумнаго не скажетъ, а поведетъ себя, какъ дура. Когда письмо придетъ, она просто его не пойметъ и предоставитъ другимъ разобраться въ немъ. Она разложитъ его на столѣ почтовой конторы такъ, чтобы весь городъ могъ узнать объ этомъ; она предоставитъ его усмотрѣнію почтоваго чиновника, будетъ жеманиться и скажетъ: нѣтъ, оставьте свои деньги у себя! Тогда почтовый чиновникъ приложитъ палецъ къ носу и скажетъ: погодите-ка, мнѣ что-то приходитъ въ голову! Потомъ онъ откроетъ свои книги, начнетъ рыться въ нихъ и найдетъ, что та же сумма, точь въ точь такая же сумма, чтобы не сказать, можетъ быть, тѣ же ассигнаціи, двѣсти десять кронъ были нѣсколько дней тому назадъ посланы отсюда по такому-то адресу въ Христіанію; и отправителемъ окажется нѣкій Іоганнъ Нагель, пріѣзжій, живущій въ Центральной гостинницѣ... Да, да, у этихъ

почтовыхъ чиновниковъ длинные носы, которые какъ нельзя лучше годятся для пронюхиванія...

Нагель позвонилъ и велѣлъ сейчасъ же вернуть обратно слугу съ письмомъ.

Это нервное возбужденіе цѣлаго дня привело къ тому, что въ концѣ-концовъ вся эта исторія ему надоѣла. Въ сущности, къ чорту все это! Какое ему дѣло до того, что Господь Богъ устраиваетъ столкновеніе съ человѣческими жертвами на желѣзной дорогѣ въ глубинѣ Америки? Конечно, никакого! Ну, и ровно столько же дѣла ему и до достопочтенной дѣвицы Марты Гуде!

Цѣлыхъ два дня онъ не выходилъ изъ гостинницы.

X.

Въ субботу въ комнату къ нему вошелъ Минутта. На немъ былъ новый сюртукъ, и онъ весь сіялъ отъ радости.

— Я встрѣтилъ судью,—сказалъ онъ,—онъ и виду не показалъ и даже спросилъ меня, отъ кого я получилъ сюртукъ. Онъ хотѣлъ меня испытать.

— Что же вы отвѣтили?

— Я разсмѣялся и отвѣтилъ, что я этого не скажу, никому рѣшительно, пусть не прогнѣвается... Да, какъ же, такъ я ему и скажу... Знаете, вотъ ужъ, навѣрное тринадцать лѣтъ, какъ у меня не было новаго сюртука; я подсчиталъ. Ахъ, да! Но люди всегда были ко мнѣ безпримѣрно добры, сколько разъ мнѣ дарили хорошія поддержанныя платья. Но сегодня я счастливъ, какъ бывалъ только въ дѣтствѣ. Вы можете себѣ это представить? Все благодаря этому новому сюртуку; да, да, спасибо и вамъ. Да, правда, вѣдь я еще не поблагодарилъ васъ за деньги, за тѣ, что вы мнѣ дали въ послѣдній разъ. Это ужъ вы *должны* мнѣ позволить, вѣдь здѣсь никого нѣтъ. Это слишкомъ много денегъ для калѣки; пять кронъ—это уже много; но десять—это къ тому же вдвое больше. Простите, что я благодарю васъ противъ вашего желанія; но мнѣ кажется, что я совсѣмъ потерялъ голову

отъ радости и не могу придти въ себя. Ха-ха-ха-ха! Прости меня Богъ, что я смѣюсь! Да, я зналъ, что рано или поздно получу сюртукъ; *что* я вамъ говорилъ? Иной разъ это долго тянется, но я никогда не жду напрасно. Лейтенантъ Гансенъ обѣщалъ мнѣ разъ двѣ шерстяныхъ рубашки, которыя ему больше не нужны; съ тѣхъ поръ прошло уже два года, но я такъ увѣренъ въ томъ, что получу ихъ рано или поздно, какъ если бы я уже получилъ ихъ. Это всегда такъ; они потомъ вспоминаютъ и, когда приходитъ время, даютъ мнѣ то, что мнѣ нужно. Но не находите ли вы, что въ новомъ сюртукѣ я словно новый человѣкъ? Да, какъ много вы для меня дѣлаете, всячески помогая мнѣ.

— Но почему вы больше не приходили ко мнѣ? Отчего вы пропали?

— Видите ли, дѣло въ томъ, что я все ждалъ сюртука. Повѣрьте мнѣ, я все время думалъ объ этомъ сюртукѣ, который судья мнѣ обѣщалъ, въ старомъ я рѣшилъ больше къ вамъ не приходить. Это единственная причина; простите, что я безъ всякихъ церемоній высказываю ее. У меня свои странности, мнѣ непріятно ходить къ людямъ въ разорванномъ платьѣ. Богъ знаетъ, отчего это, но это меня принижаетъ въ моихъ собственныхъ глазахъ, оскорбляетъ чувство моего достоинства. Развѣ я не правъ? Простите, впрочемъ, и то, что я въ вашемъ присутствіи говорю о чувствѣ собственнаго достоинства, какъ будто это нѣчто значительное; конечно, нѣтъ, оно весьма незначительно, но все-таки я часто его чувствую и...

— Простите, что я васъ перебиваю; но не желаете ли вы выпить чего-нибудь? Нѣтъ? Но отъ сигары вѣдь вы не откажетесь?

Нагель позвонилъ и велѣлъ принести вина и сигаръ; онъ сейчасъ же началъ пить, Минутта же только курилъ. Онъ говорилъ безостановочно и, казалось, не могъ наговориться.

— Послушайте-ка,—сказалъ вдругъ Нагель,—можетъ быть, у васъ не совсѣмъ хорошо обстоятъ дѣла съ рубашками? Извините,

что я спрашиваю васъ объ этомъ, мнѣ бы не хотѣлось показаться вамъ навязчивымъ.

Минутта отвѣтилъ:

— Я не потому заговорилъ о тѣхъ двухъ рубашкахъ, повѣрьте мнѣ; это такъ же вѣрно, какъ то, что я тутъ сижу.

— Конечно, нѣтъ! Чего вы волнуетесь? Но все-таки скажите мнѣ откровенно, какъ у васъ обстоитъ дѣло; если вы ничего противъ этого не имѣете, то покажите мнѣ, что у васъ надѣто подъ сюртукомъ.

— Пожалуйста съ большимъ удовольствіемъ! Взгляните сами, вотъ эта сторона. И другая не хуже...

— Нѣтъ, позвольте-ка, другая сторона немножко хуже, насколько я вижу...

— Но развѣ можно требовать лучшаго?—говоритъ Минутта.— Нѣтъ, мнѣ рубашекъ теперь не нужно, это не вѣрно. Я даже скажу, что такая рубашка, какъ эта, слишкомъ хороша для меня. Знаете отъ кого я ее получилъ? Отъ доктора Стенерсена, да, отъ самаго доктора Стенерсена, и жена, кажется, ничего объ этомъ не знаетъ, хотя она и сама олицетворенная доброта. Я получилъ ее къ Рождеству.

— Къ Рождеству?

— Вы думаете, что это ужъ очень давно? Ха-ха-ха-ха! Простите, что я смѣюсь, ради Бога, простите! Но вѣдь я не рву такой рубашки, какъ какое-нибудь грубое животное, я не стараюсь продырявить ее, на ночь я даже снимаю ее и сплю голый, чтобы не такъ скоро сносить ее. Такимъ образомъ она держится гораздо дольше, я могу благодаря этому свободно являться среди людей и мнѣ не приходится стыдиться того, что у меня нѣтъ порядочной рубашки. Теперь для живыхъ картинъ пришлось очень кстати, что у меня есть еще одна рубашка, въ которой я могу показаться; фрэкенъ Дагни все еще настаиваетъ на томъ, чтобы я участвовалъ въ живыхъ картинахъ. Я встрѣтилъ ее вчера у церкви; она говорила и о васъ...

— А я вамъ доставлю брюки къ вашему дебюту,—сказалъ Нагель;—да, я это сдѣлаю; вѣдь что-нибудь да стоитъ посмотрѣть, какъ вы будете публично выступать. Если судья могъ вамъ подарить сюртукъ, то я вамъ могу подарить брюки; это будетъ только справедливо. Но я это сдѣлаю подъ обычнымъ условіемъ, что вы не будете объ этомъ говорить; если вы хоть *кому-нибудь* скажете одно слово, то...

— Нѣтъ, ни за что; ни одной живой душѣ; но...

— Я думаю, что хорошо было бы вамъ выпить стаканчикъ, что? Впрочемъ, дѣлайте, какъ хотите; я сегодня хочу пить, я въ нервномъ и грустномъ настроеніи. Но вы позволите мнѣ предложить вамъ одинъ вопросъ? Это довольно нескромный вопросъ; мнѣ бы очень хотѣлось знать... извѣстно ли вамъ, что у васъ есть кличка? Васъ всѣ называютъ Минуттой; вы это знаете?

— Конечно, знаю, я этого не скрываю. Вначалѣ мнѣ это казалось очень жестоко; я молился Богу, чтобы онъ мнѣ помогъ. Я разъ пошелъ въ лѣсъ въ воскресенье, цѣлый день провелъ въ лѣсу, въ трехъ различныхъ мѣстахъ я становился на колѣни и молился Богу; но это было ужъ очень давно, много лѣтъ тому назадъ, и теперь меня никто иначе не называетъ, какъ Минутта, да я и не вижу въ этомъ теперь ничего особеннаго. Почему вамъ хочется знать, извѣстно ли это мнѣ? Что я могу противъ этого подѣлать, если и знаю объ этомъ?

— Вы знаете также, откуда у васъ эта глупая кличка?

— Да, я это знаю. Собственно это ужъ такъ давно, это было еще раньше, чѣмъ я сталъ калѣкой, но я еще очень хорошо помню все это. Это было однажды вечеромъ, или, вѣрнѣе говоря, однажды ночью на холостой пирушкѣ. Вы, можетъ быть, замѣтили желтый домъ у таможни, съ правой стороны, если идти внизъ? Тогда онъ былъ выкрашенъ въ бѣлый цвѣтъ и въ немъ жилъ бургомистръ; бургомистръ былъ холостъ, его звали Сэренсенъ, это былъ большой весельчакъ. Въ одинъ лѣтній вечеръ я возвращался съ прогулки по набережной, гдѣ я разсматривалъ

суда. Поровнявшись съ этимъ желтымъ домомъ, я услыхалъ, что тамъ гости, оттуда доносился громкій смѣхъ и множество голосовъ. Какъ разъ, когда я проходилъ мимо оконъ, они меня увидали и постучали мнѣ. Я вхожу и нахожу доктора Кольбье, капитана Вилльяма Пранте, таможеннаго надсмотрщика Фолькедаля и многихъ другихъ; да, всѣ они съ тѣхъ поръ умерли, или уѣхали, всѣ до одного; ихъ было человѣкъ семь или восемь и всѣ были совершенно пьяны. Они переломали всѣ стулья, просто потѣхи ради, бургомистру такъ захотѣлось; стаканы тоже всѣ были перебиты, такъ что намъ пришлось пить изъ бутылокъ.

Когда я еще присоединился къ нимъ и *тоже* напился пьянымъ, то галдѣнью и безумствамъ конца не было; гости всѣ раздѣлись и стали бѣгать по комнатамъ совершенно голые, хотя мы даже не спустили занавѣсокъ; а такъ какъ я не хотѣлъ этого сдѣлать, то они силой схватили меня и стали раздѣвать. Я все время сопротивлялся и дѣлалъ все, что могъ; но я ничего не могъ подѣлать; я сталъ просить у нихъ извиненія, я бралъ ихъ за руку и просилъ извиненія...

— Въ чемъ вы просили извиненія?

— Ни въ чемъ, только для того, чтобы они какъ можно меньше мучили меня; но это не помогло, они раздѣли меня до нага. Докторъ нашелъ въ моемъ карманѣ письмо и сталъ читать это письмо вслухъ; но тутъ я немного протрезвился, потому что письмо было отъ моей матери, которую я очень любилъ; она написала мнѣ его еще, когда я въ первый разъ отправился въ плаваніе; словомъ, я назвалъ доктора пивной бочкой, потому что было извѣстно, что онъ много пьетъ. „Ты пивная бочка“, сказалъ я. Онъ страшно разсердился и хотѣлъ меня схватить за горло, но другіе удержали его. Лучше напоимъ его—сказалъ бургомистръ; какъ будто я и такъ не былъ ужъ пьянъ, какъ стелька. И они стали лить мнѣ въ глотку изъ разныхъ бутылокъ. Потомъ двое изъ нихъ—не помню ужъ, кто это былъ—принесли чанъ съ водой; они поставили его посреди комнаты и предложили, чтобы

меня крестили. Всѣ хотѣли, чтобы я подвергся крещенію, и подняли изъ-за этого страшный шумъ. Потомъ имъ пришло въ голову бросить въ воду всевозможныя вещи, чтобы загрязнить ее; они стали плевать въ нее, лить водку, притащили изъ спальни самое грязное, что они могли найти тамъ, и вылили это все въ воду и вдобавокъ всыпали въ нее двѣ кучки пепла изъ печки, чтобы сдѣлать ее еще болѣе мутной. Наконецъ, рѣшили приступить къ крещенію. Но почему вы не можете крестить кого-нибудь другого? спросилъ я бургомистра и обхватилъ его колѣни. Мы всѣ уже крещены, сказалъ онъ, совершенно такимъ же образомъ. И это была, должно быть, правда, онъ всегда такъ поступалъ со своими пріятелями. Стань передо мной! сказалъ мнѣ бургомистръ вслѣдъ затѣмъ. Но я не хотѣлъ идти, я сталъ у двери и крѣпко ухватился за ручку. Приди въ сей же часъ, сію же минутту! сказалъ онъ; да, онъ не сказалъ минуту, онъ былъ изъ Гудбрандсдаля и потому такъ выговаривалъ. Но я не двигался съ мѣста. Тутъ капитанъ Пранте заревѣлъ: Минутта, Минутта, это самое подходящее слово! Его надо окрестить Минуттой, Минуттой!

И всѣ согласились съ тѣмъ, что меня надо окрестить Минуттой; къ моему маленькому росту это какъ нельзя лучше подходитъ. Двое схватили меня и потащили къ бургомистру и поставили меня передъ нимъ; и такъ какъ я такой маленькій, то бургомистръ одинъ взялъ меня и окунулъ въ чанъ съ водой. Онъ погрузилъ мою голову до самаго дна и сталъ тереть меня носомъ о дно, гдѣ лежали осколки стекла и пепелъ; потомъ онъ вытащилъ меня изъ воды и произнесъ надо мною благословеніе. Послѣ этого воспріемники вступили въ исполненіе своей обязанности, которая заключалась въ томъ, что каждый изъ нихъ подымалъ меня какъ можно выше и ронялъ на полъ, а когда имъ это надоѣло, они стали въ два ряда и принялись перекидывать меня, какъ мячъ. Это они дѣлали для того, чтобы обсушить меня, и продолжали эту забаву до тѣхъ поръ, пока она имъ не надоѣла. Наконецъ, бургомистръ крикнулъ: довольно! Тогда они

выпустили меня и всѣ стали меня называть Минуттой; каждый бралъ меня за руку и называлъ Минуттой, подтверждая такимъ образомъ фактъ крещенія. Потомъ меня снова бросили въ чанъ; докторъ Кольбье швырнулъ меня изо всей силы, такъ что у меня что-то сломалось въ боку; онъ не могъ мнѣ простить, что я его назвалъ пивной бочкой... Съ этой ночи эта кличка и осталась за мной; такъ случилось, что меня стали называть Минуттой. На другой день весь городъ зналъ, что я былъ у бургомистра и подвергся крещенію.

— И у васъ сломалось что-то въ боку? Но головы вы себѣ не повредили?

Пауза.

— Вотъ уже второй разъ вы меня спрашиваете, не повредилъ ли я себѣ головы; можетъ быть, вы этимъ имѣете что-нибудь въ виду? Но я тогда не ударился головой, я не получилъ воспаленія мозга, если вы *этого* опасаетесь? Но я ударился объ чанъ такъ, что сломалъ себѣ ребро, это правда, этого я не отрицаю. Впрочемъ, теперь все опять въ порядкѣ, никакихъ слѣдовъ не осталось; я бы хотѣлъ быть столь же чистымъ отъ грѣховъ!

Все время, что Минутта говорилъ, Нагель не переставалъ пить; онъ позвонилъ, велѣлъ подать еще вина и снова налилъ себѣ. Вдругъ онъ сказалъ:

— Кстати, мнѣ пришло въ голову: не думаете ли вы, что я до извѣстной степени умѣю читать въ человѣческой душѣ? Не смотрите на меня такъ удивленно, это простой товарищескій вопросъ. Считаете ли вы меня способнымъ видѣть насквозь человѣка, съ которымъ я говорю?

Минутта пугливо смотритъ на него и не находитъ отвѣта. Нагель снова говоритъ:

— Впрочемъ, вы меня извините; и въ прошлый разъ, когда я имѣлъ удовольствіе васъ видѣть у себя, я совершенно смутилъ васъ нѣсколькими несуразными вопросами. Вы помните, я между

прочимъ предложилъ вамъ нѣкоторую сумму денегъ за то, чтобы вы признали себя отцомъ ребенка. Ха-ха-ха, не правда ли? вы это помните? Тогда я сдѣлалъ ошибку, потому что еще не зналъ васъ; теперь же я васъ снова привожу въ изумленіе, хотя я васъ теперь очень хорошо знаю и чрезвычайно цѣню. Видите ли, на этотъ разъ я это дѣлаю только оттого, что очень нервенъ сегодня и уже изрядно пьянъ. Вотъ и все объясненіе. Вы, конечно, замѣчаете, что я совершенно пьянъ? Ну, конечно, вы это замѣчаете; зачѣмъ притворяться? Но что я хотѣлъ сказать—меня дѣйствительно чрезвычайно интересуетъ, насколько вы считаете меня способнымъ разгадать, видѣть насквозь человѣческую душу. Ха-ха, ужъ если я даже говорю „человѣческую душу", упоминаю о человѣческой душѣ, то вамъ должно быть совершенно ясно, что я страшно пьянъ, не правда ли? Но попробую объяснить вамъ это, насколько возможно: я, напримѣръ, улавливаю малѣйшій, даже самый слабый призвукъ въ голосѣ того, съ кѣмъ говорю; у меня необыкновенно тонкій слухъ. Мнѣ вовсе незачѣмъ смотрѣть на человѣка, съ которымъ я говорю, для того, чтобы точно слѣдить за тѣмъ, что онъ говоритъ; я сейчасъ же слышу, когда онъ хочетъ мнѣ что-нибудь навязать или если онъ неискрененъ. Голосъ—это предательскій аппаратъ. Поймите меня: я говорю не о матеріальномъ звукѣ голоса, который можетъ быть высокимъ или низкимъ, яснымъ или тусклымъ; нѣтъ, я имѣю въ виду мистеріи, скрывающіяся *за* матеріальнымъ звукомъ, тотъ міръ, изъ котораго онъ исходитъ... Къ чорту, впрочемъ, этотъ таинственный міръ! И долженъ же за всѣмъ скрываться еще какой-то другой таинственный міръ! Какое мнѣ, чертъ побери, до него дѣло?.. Послушайте, какъ было бы хорошо, если бы и вы выпили стаканчикъ; я не понимаю, какъ вы можете сидѣть съ сухой глоткой.

Нагель снова наполнилъ стаканъ, отпилъ изъ него и продолжалъ:

— Но вы стали такъ молчаливы? Неужели моя хвастливая болтовня о моемъ необыкновенномъ знаніи людей дѣйствуетъ на

васъ такъ, что вы совершенно робѣете и не рѣшаетесь сдѣлать движеніе? Ха-ха-ха! Этого еще недоставало! Но теперь я забылъ, что я хотѣлъ сказать. Ну, что-жъ, тогда я скажу что-нибудь другое, что меня совершенно не интересуетъ, но что я все-таки скажу, пока не вспомню опять того, что я забылъ.

Боже мой, что за вздоръ я несу! Но что вы думаете о фрэкенъ Кьелландъ? Скажите мнѣ свое мнѣніе о ней. Мое мнѣніе, что фрэкенъ Кьелландъ кокетка до такой степени, что ей въ сущности доставило бы дикую радость, если бы и другіе еще, по возможности большее число людей—и я самъ въ томъ числѣ—лишили себя изъ-за нея жизни. Таково мое мнѣніе. Она восхитительна, о да, и быть раздавленнымъ подъ ея ногой было бы безумнымъ наслажденіемъ; и я не ручаюсь, что въ одинъ прекрасный день не попрошу ее сдѣлать это. Впрочемъ, это не къ спѣху, время терпитъ... Но, помилуй меня Богъ, я васъ сегодня снова безумно пугаю своими рѣчами! я васъ обидѣлъ чѣмъ-нибудь? я хочу сказать, *васъ* лично?

— Если бы вы знали, какъ мило фрэкенъ Кьелландъ говорила о васъ! Я встрѣтилъ ее вчера, она долго разговаривала со мной...

— Скажите—простите, что я не даю вамъ договорить; но не обладаете ли и вы до извѣстной степени способностью слышать то, что скрывается за матеріальнымъ звукомъ голоса фрэкенъ Кьелландъ?—Но теперь вы и сами слышите, что я несу полнѣйшую околесицу? Не правда ли? Ну, да! Но я былъ бы радъ слышать, что и вы умѣете читать въ человѣческой душѣ; я бы васъ поздравилъ съ этимъ и сказалъ бы: мы оба стоимъ на высотѣ, потому что мы оба обладаемъ этимъ знаніемъ; такъ заключимъ же союзъ и дадимъ себѣ слово никогда не пускать въ ходъ этого знанія другъ противъ друга — *другъ противъ друга*, вы понимаете? то-есть, что я, напримѣръ, никогда не пущу въ ходъ своего знанія противъ васъ, даже если я васъ буду видѣть насквозь. Вотъ что я хотѣлъ сказать. Ну, вотъ, вы опять встревожены и

смотрите такъ пугливо! Пусть васъ не смущаетъ мое хвастовство; это все вздоръ; когда я пьянъ, я страшно хвастаю... Но теперь я случайно вспомнилъ то, что хотѣлъ раньше сказать, когда началъ говорить о фрэкенъ Кьелландъ, которая меня совершенно не интересовала. И чего мнѣ было выскакивать со своимъ мнѣніемъ о ней, когда вы меня объ этомъ не спрашивали! Я вамъ окончательно испортилъ настроеніе; вы помните еще, въ какомъ радостномъ настроеніи вы были, когда вошли сюда часъ тому назадъ? Вся эта болтовня отъ вина... Но чтобы не забыть вторично того, что я хотѣлъ сказать, когда вы разсказывали о холостой пирушкѣ у бургомистра, мнѣ страннымъ образомо пришло на умъ, что и я могъ бы устроить у себя пирушку, да, въ самомъ дѣлѣ, пригласить нѣсколько человѣкъ мужчинъ, да, да я не измѣню своего рѣшенія, эта пирушка должна состояться, и вы тоже должны придти; я разсчитываю на васъ. Вы можете быть спокойны, вы не подвергнетесь вторично крещенію; я позабочусь о томъ, чтобы вамъ была оказана величайшая предупредительность и уваженіе; во всякомъ случаѣ, столовъ и стульевъ мы ломать не будемъ; мнѣ бы только хотѣлось видѣть у себя какъ-нибудь вечеромъ нѣсколько человѣкъ знакомыхъ, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, скажемъ, въ концѣ недѣли. Что вы скажете на это?

Нагель снова осушилъ два большихъ стакана. Минутта ничего не отвѣчалъ. Его первая дѣтская радость, очевидно, исчезла; казалось, что онъ только изъ вѣжливости слушаетъ болтовню своего хозяина. Онъ все время отказывался пить.

— Вы вдругъ стали такъ удивительно молчаливы, — сказалъ Нагель.—Это смѣшно, но у васъ сейчасъ такой видъ, какъ будто вы чувствуете себя задѣтымъ чѣмъ-нибудь, какимъ-нибудь словомъ, намекомъ? Да, представьте себѣ! словно вы чувствуете себя *уличеннымъ* въ чемъ-то! Я замѣтилъ, что вы сейчасъ вздрогнули! Нѣтъ? Ну, такъ, значитъ, я ошибся. Вы себѣ представили когда-нибудь, каково должно быть на душѣ у фальшивомонетчика, когда вдругъ въ одинъ прекрасный день сыщикъ по-

ложитъ ему руку на плечо и взглянетъ въ глаза, не говоря ни слова?... Но что мнѣ съ вами дѣлать? Вы становитесь все грустнѣе и молчаливѣе. Я сегодня въ очень нервномъ настроеніи и страшно мучаю васъ, но я *долженъ* говорить; у меня такое обыкновеніе, когда я пьянъ. И уходить вы не должны, иначе я буду вынужденъ цѣлый часъ еще болтать съ Сарой, съ горничной, и помимо того, что это скучно, оно, можетъ быть, и неприлично.

Вы позволите мнѣ разсказать вамъ одно маленькое приключеніе? Это будетъ разсказъ, лишенный всякаго значенія, но онъ, быть можетъ, развлечетъ васъ немного и въ то же время послужитъ хорошей иллюстраціей для моей способности читать въ человѣческой душѣ. Хе-хе-хе, вы сейчасъ убѣдитесь, что если кто-либо *не* умѣетъ читать въ человѣческой душѣ, такъ это я,—быть можетъ, вамъ доставить удовольствіе удостовѣриться въ этомъ. Итакъ: мнѣ однажды пришлось быть въ Лондонѣ—это было года три тому назадъ, не больше,—тамъ я познакомился съ очаровательной молодой дѣвушкой, дочерью человѣка, съ которымъ у меня были кой-какія дѣла. Мы сошлись съ молодой дѣвушкой довольно близко; въ теченіе трехъ недѣль мы ежедневно встрѣчались и стали добрыми друзьями. Однажды она предложила показать мнѣ Лондонъ; мы неутомимо бродили съ ней цѣлый день, осматривали музеи, выставки, достопримѣчательныя зданія и сады, день прошелъ незамѣтно и наступилъ вечеръ, когда мы, наконецъ, подумали о возвращеніи домой. Между тѣмъ у меня природа стала предъявлять свои требованія; другими словами, я оказался въ затруднительномъ положеніи, въ какое естественно попадаешь, пробродивъ цѣлый день по городу. Что мнѣ было дѣлать? Уйти незамѣтно я не могъ, а попросить у нея позволенія удалиться на нѣсколько минутъ я не хотѣлъ; ну, словомъ—я уступилъ требованію природы, не долго думая, тутъ же уступилъ естественной потребности и, само собою разумѣется, промокъ отъ пояса до самыхъ. пятъ. Но что мнѣ, чортъ возьми, было дѣлать, скажите мнѣ на милость? Къ счастью, на мнѣ было чрезвычайно длинное пальто,

и я надѣялся, что благодаря ему, мнѣ удастся скрыть свое злоключеніе. Но судьба захотѣла, чтобы мы въ это время проходили мимо ярко освѣщенной кондитерской на одной изъ людныхъ улицъ, и здѣсь, у этой кондитерской, помилуй меня Богъ, моя дама вдругъ останавливается и проситъ меня зайти съ ней поѣсть чего-нибудь. Собственно, это было вполнѣ естественное желаніе: мы были въ движеніи столько часовъ и устали; но я все-таки долженъ былъ отказаться. Она посмотрѣла на меня съ удивленіемъ—это въ самомъ дѣлѣ должно было показаться ей страннымъ, что я отказываю ей въ такой просьбѣ. Она спрашиваетъ меня о причинѣ.—Очень просто,—отвѣчаю я ей, — причина та, что у меня нѣтъ съ собой денегъ, ни одного пенни!—Ну, это, конечно, была уважительная причина, этого нельзя было отрицать; у моей дамы къ тому же тоже не было денегъ, тоже ни одного пенни. Мы стоимъ и смотримъ другъ на друга. Вдругъ ей приходитъ въ голову мысль; она бросаетъ взглядъ на одинъ изъ домовъ на противоположной сторонѣ улицы и говоритъ:—постойте, я придумала кое-что. Подождите меня здѣсь одну минуту, я зайду къ пріятельницѣ, которая живетъ въ этомъ домѣ. во второмъ этажѣ, у нея я достану деньги!—Съ этими словами моя дама поспѣшно уходитъ. Проходитъ нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ я испытываю ужаснѣйшія мученія. Что я буду, чортъ возьми, дѣлать, когда она вернется съ деньгами? Зайти въ кондитерскую, ярко освѣщенную и переполненную дамами и мужчинами, я *не могу*. Въ концѣ концовъ я принимаю рѣшеніе: собравъ все свое мужество, я попрошу ее зайти въ кондитерскую безъ меня и позволить мнѣ подождать ее на улицѣ. Проходитъ еще нѣсколько минутъ, и моя дама возвращается; видъ у нея очень довольный, почти сіяющій. Она говоритъ, что не застала пріятельницы дома, но что, въ сущности, бѣда не велика: черезъ четверть часа, самое большее, она будетъ у себя дома, а столько времени она можетъ потерпѣть. Она извинилась передо мною, что заставила меня ждать. Но кто былъ радъ такому исходу, такъ это я, конечно, потому что я ходилъ весь

мокрый и испытывалъ отъ этого мало удовольствія. Но вотъ что лучше всего—вы, можетъ быть, уже угадали и остальное? Да, я положительно думаю, что вы отгадали остальное; но все равно, я буду продолжать свой разсказъ: лишь теперь, въ 1891 году, мнѣ стало ясно, какъ глупо я въ сущности велъ себя тогда. Я сталъ наново перебирать въ умѣ все это происшествіе, и каждая мелочь пріобрѣтала въ моихъ глазахъ особое значеніе; моя дама и не думала подыматься во второй этажъ; какъ мнѣ все это представляется теперь, она, должно быть, проскользнула сквозь боковую калитку на задній дворъ; такимъ же незамѣтнымъ образомъ она, вѣроятно, и вернулась черезъ ту же самую калитку. Что это доказываетъ? Ничего, конечно; но не кажется ли вамъ страннымъ то обстоятельство, что она не поднялась во второй этажъ, а прокралась на задній дворъ? Хе-хе-хе, вы это прекрасно понимаете, я это вижу, но мнѣ это стало ясно только въ этомъ году, три года спустя. Вы, я надѣюсь, не подозрѣваете меня въ томъ, что я намѣренно подстроилъ все это, что я затянулъ насколько возможно нашу экскурсію по городу, чтобы довести свою даму до крайности, что я не могъ оторваться отъ каменной фигуры въ музеѣ, что я три раза возвращался къ ней, не выпуская все это время изъ виду мою барышню, чтобы не дать ей возможности какимъ-либо образомъ ускользнуть на задній дворъ—само собою разумѣется, вы меня не подозрѣваете въ этомъ? Я не стану отрицать, что нашелся бы, можетъ быть, такой человѣкъ, который согласился бы самъ страдать, согласился бы даже промокнуть отъ пояса до самыхъ пять, только для того, чтобы имѣть своеобразное удовольствіе видѣть, какъ молодая и красивая дама испытываетъ подобныя мученія; но мнѣ, какъ я уже сказалъ, это пришло въ голову только въ этомъ году, черезъ три года послѣ того, какъ это произошло. Хе-хе-хе, да, какъ вамъ это покажется? Что подѣлаешь противъ такой недогадливости, какую я проявилъ въ этомъ случаѣ? Простите, что я васъ спрашиваю объ этомъ.

Пауза. Нагель снова отпилъ изъ своего стакана и продолжалъ:

— Но вы можете спросить: какое отношеніе имѣетъ эта исторія къ вамъ и ко мнѣ и къ холостой пирушкѣ? Совершенно вѣрно, любезный другъ, она не имѣетъ ровно никакого отношенія ни къ намъ, ни къ моей пирушкѣ; но мнѣ пришло въ голову разсказать ее вамъ, какъ образчикъ моей полнѣйшей тупости въ смыслѣ пониманія человѣческой души, хе-хе-хе. Не правда ли? Извините, впрочемъ!

Пауза. Нагель снова пьетъ и продолжаетъ затѣмъ:

— Ахъ да, человѣческая душа! Что вы, напримѣръ, скажете, если я вамъ разскажу, что въ одно прекрасное утро — это нѣсколько дней тому назадъ—я ловлю себя на томъ—себя, Іоганна Нильсена Нагеля – ловлю себя на томъ, что хожу взадъ и впередъ мимо дома консула Андресена и размышляю о томъ, какой вышины можетъ быть его гостиная? Да,—какъ вамъ это покажется? Но въ этомъ опять-таки сказывается, если смѣю такъ выразиться, человѣческая душа. Ни одна мелочь не ускользаетъ отъ нея, все для нея имѣетъ значеніе... Какое впечатлѣніе произведетъ на васъ, напримѣръ, если вы, возвращаясь ночью домой съ какого-нибудь собранія, съ какой-нибудь прогулки, вдругъ наткнетесь на человѣка, который стоитъ на углу и смотритъ на васъ пристально и ничего не говоритъ? И предположимъ еще, что человѣкъ этотъ весь въ черномъ и что вы ничего не можете въ немъ разглядѣть, кромѣ его лица и глазъ, что тогда? Да, много таинственнаго происходитъ въ человѣческой душѣ!.. Вы являетесь въ одинъ прекрасный вечеръ въ общество, состоящее, скажемъ, изъ двѣнадцати человѣкъ, и тринадцатый—будь это телеграфистка, какой-нибудь бѣдный ассесоръ конторщикъ, капитанъ парохода, словомъ, самая незначительная, личность,—этотъ тринадцатый сидитъ въ углу, не принимаетъ никакого участія въ разговорѣ и рѣшительно ничѣмъ не проявляетъ себя; и несмотря на это, этотъ тринад-

цатый представляетъ опредѣленную цѣнность, не только самъ по себѣ, но и какъ факторъ въ этомъ обществѣ. Именно тѣмъ, что онъ *такимъ-то* образомъ одѣтъ, что онъ такъ молчаливъ, что глаза его глядятъ среди прочихъ гостей именно такъ глупо и невыразительно и что онъ играетъ такую незначительную роль, этимъ самымъ онъ и накладываетъ извѣстный отпечатокъ на весь кружокъ. Именно тѣмъ, что онъ ничего не говоритъ, онъ дѣйствуетъ отрицательно и вноситъ въ комнату нѣкоторый унылый тонъ, подъ дѣйствіемъ котораго прочіе гости говорятъ именно *настолько* громко, а не громче. Развѣ я не правъ? Благодаря одному этому такой человѣкъ можетъ оказаться самымъ значительнымъ по своему вліянію среди всѣхъ присутствующихъ. Какъ я уже сказалъ, я не знаю толка въ людяхъ, но, несмотря на это, меня часто забавляетъ наблюдать, какое колоссальное значеніе имѣютъ подчасъ мелочи; такъ, мнѣ пришлось разъ быть свидѣтелемъ, какъ никому неизвѣстный, бѣдный инженеръ, абсолютно не открывавшій рта... Впрочемъ, это совершенно другая исторія, не имѣющая ничего общаго съ этой, кромѣ того, что объ онѣ промелькнули въ моемъ мозгу и оставили въ немъ слѣдъ. Но если оставаться при этомъ сравненіи: кто знаетъ, не придаетъ ли ваша сегодняшняя молчаливость особаго тона моимъ словамъ— помимо того обстоятельства, что я безмѣрно пьянъ,— не заставляетъ ли меня выраженіе вашего лица, это полу-пугливое, полуневинное выраженіе глазъ, не заставляетъ ли меня именно оно говорить такъ, какъ я говорю! Это было бы вполнѣ естественно и нисколько не удивило бы меня. Вы слушаете то, что я говорю— что я, пьяный человѣкъ, говорю—вы чувствуете себя въ чемъ-то *уличеннымъ* — пользуясь разъ употребленнымъ выраженіемъ—и это побуждаетъ меня итти еще дальше и бросить вамъ въ лицо еще нѣсколько десятковъ словъ. Я привожу это лишь, какъ примѣръ того, какое значеніе имѣютъ мелочи. Не игнорируйте мелочей, любезный другъ, ради Бога! Мелочи имѣютъ колоссальное значеніе... Войдите!

Эта была Сара. Она постучалась, чтобы сообщить, что ужинъ готовъ. Минутта сейчасъ же поднялся. Нагель былъ теперь очевидно пьянъ, языкъ у него даже иногда заплетался; онъ противорѣчилъ себѣ на каждомъ шагу и мололъ все большій вздоръ. Выраженіе глазъ и вздувшіяся на вискахъ жилы свидѣтельствовали о томъ, что въ мозгу его происходитъ усиленная работа.

— Да,—сказалъ онъ,—меня нисколько не удивляетъ, что вамъ хочется воспользоваться случаемъ уйти послѣ всего того вздора, который вамъ пришлось сегодня выслушать. Но мнѣ бы хотѣлось еще узнать ваше мнѣніе о нѣкоторыхъ вещахъ; такъ, напримѣръ, вы еще совершенно не отвѣтили на мой вопросъ, что вы въ глубинѣ души думаете о фрэкенъ Кьелландъ. Мнѣ она представляется рѣдкимъ, недосягаемымъ существомъ, полнымъ красоты, чистымъ и бѣлымъ, какъ снѣгъ—представьте себѣ глубокій, чистый снѣгъ. Такою она стоитъ передъ моимъ мысленнымъ взоромъ. Если изъ того, что я раньше говорилъ, вы вынесли другое впечатлѣніе, то оно невѣрно... Позвольте мнѣ выпить послѣдній стаканъ въ вашемъ присутствіи; за ваше здоровье!.. Но мнѣ приходитъ въ голову... Если бы у васъ хватило терпѣнія пожертвовать мнѣ еще двѣ минуты времени, я былъ бы вамъ чрезвычайно обязанъ. Дѣло въ томъ— я скажу вамъ откровенно, но подойдите ближе, чтобы я могъ вамъ шепнуть на ухо, потому что въ этомъ домѣ тонкія стѣны, и не мѣшаетъ быть осторожнымъ; да, такъ дѣло въ томъ, что я безнадежно влюбленъ въ фрэкенъ Кьелландъ. Слово сказано! Это не болѣе, какъ нѣсколько сухихъ, жалкихъ словъ, но Богу одному извѣстно, какъ безумно я ее люблю и какъ я страдаю. Ну, это само по себѣ, я люблю и страдаю, это въ порядкѣ вещей и сюда не относится. Но я надѣюсь, что вы отнесетесь къ моей откровенности должнымъ образомъ и не будете объ этомъ говорить. Вы обѣщаете мнѣ это? Благодарю васъ, дорогой другъ! Но, скажете вы, какъ это можетъ быть, чтобы онъ былъ въ нее влюбленъ, когда онъ еще только что назвалъ ее большой кокеткой? Но, во-первыхъ, можно очень хорошо любить кокетку; это вовсе

не препятствіе; впрочемъ, это все равно, я на этомъ не стану останавливаться. Но здѣсь есть еще и другая сторона. Какъ это было, вы сказали, что обладаете знаніемъ людей, или вы этого не говорили?.. Дѣло въ томъ, что если вы такимъ знаніемъ обладаете, то вы поймете то, что я сейчасъ скажу, а именно: что я ни въ какомъ случаѣ не могу дѣйствительно считать фрэкенъ Кьелландъ кокеткой; на самомъ дѣлѣ я этого вовсе не думаю. Напротивъ, она чрезвычайно естественна;—что вы скажете, напримѣръ, о ея непринужденной манерѣ смѣяться, хотя у нея даже и не особенно бѣлые зубы? Она слишкомъ охотно и слишкомъ непосредственно смѣется для того, чтобы быть кокеткой. Но обратите вниманіе на то, что я скажу: *несмотря на это*, я могу все-таки всѣми способами распространять мнѣніе, что фрэкенъ Кьелландъ кокетка; это меня нисколько не стѣсняетъ. И я это дѣлаю не для того, чтобы ей повредить, и не изъ мести, а ради собственной поддержки; я это дѣлаю изъ самолюбія, потому что она недосягаема для меня, потому что она оставляетъ безъ вниманія всѣ мои усилія заставить ее полюбить меня, потому что она обручена и связана словомъ съ другимъ; она потеряна для меня, совершенно потеряна. Видите ли, это съ вашего позволенія новая и совершенно неожиданная сторона человѣческой души. Я былъ бы способенъ подойти къ ней на улицѣ и совершенно серьезно, въ присутствіи многихъ свидѣтелей, сказать ей—очевидно, только для того, чтобы унизить ее, повредить ей — я былъ бы въ состояніи посмотрѣть ей прямо въ лицо и сказать: доброе утро, фрэкенъ! Поздравляю васъ съ чистой сорочкой! Да, слыхали ли вы что-нибудь подобное? Но я *могъ* бы это сказать. Что бы я сдѣлалъ *послѣ этого*—побѣжалъ ли бы домой и сталъ бы рыдать, уткнувшись въ платокъ, или взялъ бы нѣсколько капель изъ пузырька, который я ношу въ карманѣ, — это другой вопросъ, объ этомъ я не говорю. Да, да! Вотъ до чего можетъ дойти человѣческая душа! Знаете что! Я могъ бы въ одинъ прекрасный день, въ то время, какъ отецъ ея, пасторъ Кьелландъ

говоритъ въ церкви свою проповѣдь, я могъ бы пройти черезъ всю церковь, остановиться передъ фрэкенъ Кьелландъ и сказать громко: не позволите ли мнѣ пощупать слегка вашу грудь? Да, что вы на это скажете? Я бы ничего особеннаго не думалъ при этомъ и сказалъ бы это только для того, чтобы заставить ее покраснѣть. Не разрѣшите ли мнѣ пощупать слегка вашу грудь, сказалъ бы я. А потомъ я былъ бы въ состояніи броситься передъ ней на колѣни и умолять ее, чтобы она осчастливила меня, плюнувъ мнѣ въ лицо... Но теперь вамъ становится совсѣмъ страшно; я и не отрицаю, что веду неприличныя рѣчи, тѣмъ болѣе, что говорю о пасторской дочери и обращаюсь къ пасторскому сыну. Простите мнѣ, мой другъ, я это дѣлаю не по злобѣ, а только потому, что я пьянъ, какъ стелька... Знаете, я зналъ когда-то молодого человѣка, который укралъ однажды главный фонарь, продалъ его и деньги прокутилъ; это правда, клянусь Богомъ, я былъ съ нимъ даже знакомъ, онъ родственникъ покойнаго пастора Гэрема. Но что общаго между этимъ и моимъ отношеніемъ къ фрэкенъ Кьелландъ? Вы опять-таки правы! Вы хотя ничего не сказали, но я вижу по лицу, что этотъ вопросъ у васъ на языкѣ, да это и совершенно правильное замѣчаніе съ вашей стороны. Что же касается фрэкенъ Кьелландъ, то она для меня совершенно потеряна, но я жалѣю не о ней, а только о себѣ. Вы, стоящій передо мною въ совершенно трезвомъ состояніи и видящій насквозь каждаго человѣка, вы поймете, если я въ одинъ прекрасный день стану распространять по городу слухъ, что фрэкенъ Кьелландъ сидѣла у меня на колѣняхъ, что я уже три ночи подрядъ встрѣчалъ ее въ условленномъ мѣстѣ въ лѣсу и что она потомъ принимала отъ меня подарки. Не правда ли, вы бы это поняли? Потому что вы чертовски хорошо понимаете людей, мой другъ, это такъ, не спорьте... Съ вами никогда не случалось, что вы идете по улицѣ, совершенно погруженный въ свои собственныя невинныя мысли, ничего не подозрѣвая, и вдругъ замѣчаете, что всѣ смотрятъ на васъ, оглядываютъ васъ

съ головы до ногъ? Чрезвычайно непріятное положеніе. Удивленный, вы начинаете чистить свое платье сзади и спереди, вы оглядываете себя, какъ воришка, нѣтъ ли какого-нибудь безпорядка въ вашей одеждѣ, и вы до такой степени полны дурныхъ опасеній, что даже снимаете съ головы шляпу, чтобы посмотрѣть, не остался ли на ней какъ-нибудь билетикъ съ цѣной, хотя на васъ надѣта старая шляпа. Но все это ни къ чему, вы никакой неисправности на себѣ не находите и должны терпѣливо переносить, что каждый портняжный подмастерье и каждый лейтенантъ таращитъ на васъ глаза... Но, дорогой мой другъ, если это адская мука, такъ что уже сказать, когда васъ призовутъ къ допросу... Вотъ вы снова вздрогнули. Нѣтъ? Представьте, а мнѣ совершенно отчетливо показалось, будто вы слегка вздрогнули... Да, такъ если васъ начнутъ допрашивать, поставятъ васъ передъ дьявольски хитрымъ полицейскимъ и въ присутствіи всей публики подвергнутъ перекрестному допросу, возвращаясь десяткомъ различныхъ окольныхъ путей все къ одной и той же точкѣ—о, что за божественное наслажденіе для того, кто не имѣетъ никакого отношенія ко всему этому и только сидитъ и слушаетъ. Не правда ли? Вѣдь въ этомъ вы со мной согласны?.. Посмотримъ, много ли еще есть въ этой бутылкѣ...

Онъ выпилъ остатки вина и продолжалъ:

— Я, впрочемъ, долженъ извиниться передъ вами въ томъ, что безпрестанно мѣняю темы разговора. Эти частые и внезапные скачки въ ходѣ моихъ мыслей отчасти происходятъ, конечно, отъ того, что я такъ безобразно пьянъ, отчасти же это вообще мой недостатокъ. Дѣло въ томъ, что я не больше, какъ простой агрономъ, я мыслитель, не учившійся мыслить. Ну, не стоитъ говорить о спеціальныхъ вещахъ; васъ онѣ не интересуютъ, а мнѣ онѣ прямо противны. Знаете, со мной часто случается, когда я сижу одинъ и думаю о самыхъ разнообразныхъ вещахъ, что я вдругъ вслухъ называю себя Рошфоромъ. Что вы скажете, если я вамъ разскажу, что я разъ дѣйствительно заказалъ себѣ печать

съ изображеніемъ дикообраза. При этомъ мнѣ вспоминается человѣкъ, котораго я въ свое время зналъ, какъ весьма дѣльнаго и достойнаго уваженія студента филологическаго факультета въ одномъ изъ германскихъ университетовъ. Человѣкъ этотъ сбился съ пути, въ теченіе двухъ лѣтъ онъ сдѣлался пьяницей и романистомъ. Встрѣчаясь съ незнакомыми людьми, которые спрашивали его, кто онъ, онъ, наконецъ, отвѣчалъ только, что онъ фактъ. Я фактъ! говорилъ онъ и при этомъ высокомѣрно поджималъ губы. Ну, это васъ не интересуетъ... Вы говорили о человѣкѣ, о мыслителѣ, не учившемся мыслить. Или это я самъ говорилъ объ этомъ? Простите, дѣло въ томъ, что я теперь совершенно невѣроятно пьянъ; но это ничего не значитъ, не обращайте на это вниманія. Впрочемъ, мнѣ бы очень хотѣлось вамъ объяснить это, относительно мыслителя, не умѣвшаго мыслить. Насколько я понялъ васъ, вы собирались возражать противъ этого человѣка; да, я вынесъ именно такое впечатлѣніе; вы говорили въ чрезвычайно насмѣшливомъ тонѣ; но человѣкъ, о которомъ вы упомянули, заслуживаетъ нѣкоторымъ образомъ того, чтобы судить о немъ въ цѣломъ. Во-первыхъ, онъ былъ большой дуракъ. Да, да, отъ этого я не отступлю, онъ былъ дуракъ. Онъ носилъ всегда длинный красный галстукъ и смѣялся просто отъ глупости; да, онъ былъ такъ глупъ, что часто сидѣлъ, углубившись въ книгу, когда къ нему приходилъ кто-нибудь, хотя онъ никогда не читалъ. Онъ ходилъ безъ чулокъ только для того, чтобы имѣть возможность купить себѣ розу въ петличку. Вотъ какой онъ былъ. Но лучше всего было то, что у него было безчисленное множество фотографій, фотографіи скромныхъ, миленькихъ дочерей ремесленниковъ; и на этихъ карточкахъ онъ надписывалъ извѣстныя, звучныя имена, только для того, чтобы люди думали, что у него такія важныя знакомства. На одной изъ карточекъ онъ крупными буквами написалъ „фрэкенъ Стангъ“, чтобы думали, что она въ родствѣ съ первымъ министромъ, хотя особа эта была навѣрное какая-нибудь „Ли“ или „Гаукъ“ или что-

нибудь въ этомъ родѣ. Ха-ха-ха! Что вы скажете на такое бахвальство? Онъ воображалъ, что люди занимаются имъ, клевещутъ на него; „люди клевещутъ на меня"! говорилъ онъ. Хе-хе-хе! Вы думаете, дѣйствительно, кто-нибудь давалъ себѣ трудъ клеветать на него? Что? Однажды онъ пришелъ въ ювелирный магазинъ и закурилъ сразу двѣ сигары! Одна была у него въ рукѣ, другая во рту, но обѣ были съ огнемъ. Онъ, можетъ быть, не зналъ, что онъ куритъ одновременно двѣ сигары, и какъ мыслитель, не учившійся мыслить, онъ и не...

— Теперь я долженъ итти?—проговорилъ, наконецъ, Минутта тихо.

Нагель поднялся.

— Вы должны итти?—спросилъ онъ.—Вы дѣйствительно уходите теперь? Да, эта исторія таки слишкомъ длинна, если вы захотите судить объ этомъ человѣкѣ въ цѣломъ. Оставимъ это до другого раза. Вы во что бы то ни стало хотите итти? Большое спасибо за сегодняшній вечеръ! Вы слышите? Но теперь я необыкновенно пьянъ; какой у меня въ сущности видъ?—Да, я понимаю выраженіе вашего лица; вы чертовски умны, господинъ Грэгордъ, и для меня праздникъ всякій разъ, когда я имѣю возможность наблюдать ваши глаза, такъ они невинны. Закурите еще сигару раньше, чѣмъ уйдете. Когда же вы снова придете? Чортъ побери, правда, вѣдь вы же должны притти ко мнѣ на пирушку, слышите! Ни одинъ волосъ не будетъ тронутъ на... Нѣтъ, потому что, повторяю вамъ, это будетъ небольшая уютная вечеринка, сигара, стаканъ вина, немного болтовни и девятью-девять ура за отечество, ради доктора Стенерсена, не такъ ли? Это будетъ недурно. А брюки, о которыхъ мы говорили, вы получите, чортъ меня возьми, вы ихъ получите, но, конечно, подъ обычнымъ условіемъ ничего не говорить объ этомъ. Благодарю васъ сердечно за ваше сегодняшнее терпѣніе! Позвольте мнѣ пожать вашу руку! Закурите еще сигару! Послушайте, еще одно слово: у васъ нѣтъ никакой просьбы ко мнѣ? Если бы вамъ что-

нибудь надо было, я охотно... Ну, какъ хотите. Спокойной ночи, спокойной ночи!

XI.

Такъ наступило 29 іюня. Это былъ понедѣльникъ.

Въ этотъ день произошло нѣсколько необычныхъ вещей; въ городѣ появилось даже незнакомое лицо—дама подъ вуалью, исчезнувшая два часа спустя, проведя почти все это время въ гостинницѣ...

Уже съ ранняго утра Іоганнъ Нагель весело насвистывалъ и напѣвалъ у себя въ комнатѣ. Одѣваясь, онъ все время ходилъ по комнатѣ и насвистывалъ веселыя мелодіи; будто онъ находился въ самомъ прекрасномъ настроеніи. Весь предыдущій день, послѣ вечера, проведеннаго съ Минуттой, онъ былъ чрезвычайно молчаливъ; онъ большими шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, безпрестанно наливая себѣ воды изъ графина. Въ понедѣльникъ же утромъ онъ вышелъ изъ гостинницы въ самомъ веселомъ настроеніи, продолжая напѣвать; подъ наплывомъ радости онъ даже заговорилъ съ какой-то женщиной, стоявшей на улицѣ у самаго подъѣзда, и далъ ей пять кронъ.

— Не можете ли вы мнѣ сказать, гдѣ можно достать скрипку на прокатъ?—спросилъ онъ.—Не знаете ли, здѣсь въ городѣ кто-нибудь играетъ на скрипкѣ?

— Нѣтъ, я этого не знаю,—отвѣтила женщина удивленно.

Она этого не знала, но онъ все-таки далъ ей отъ радости пять кронъ и поспѣшно пошелъ дальше. Онъ удидалъ издали красный зонтикъ Дагни Кьелландъ, выходившей изъ какой-то лавки, и пошелъ за ней. Она была одна. Онъ низко поклонился и заговорилъ съ ней. Она вдругъ покраснѣла до корней волосъ, по обыкновенію, и, чтобы скрыть это, заслонила лицо зонтикомъ.

Вначалѣ они говорили о своей послѣдней прогулкѣ по лѣсу. Она въ сущности поступила тогда нѣсколько легкомысленно; она немного простудилась, хотя ночь была такъ тепла; она и теперь

еще не вполнѣ оправилась отъ простуды. Она сказала это открыто и чистосердечно, словно признавалась въ этомъ старому знакомому.

— Но вы не должны въ этомъ раскаяваться, пожалуйста!— сказалъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила она удивленно,—нѣтъ, я не раскаиваюсь; почему вы это думаете? Напротивъ, это была прекрасная ночь, хотя я все время боялась помѣшаннаго, о которомъ вы мнѣ разсказали. Я даже видѣла его во снѣ. Ужасный сонъ!

Нѣкоторое время они говорили о помѣшанномъ. Нагель былъ чрезвычайно разговорчивъ; онъ сознался, что у него самого бываютъ иногда смѣшные приступы нѣмого страха передъ нѣкоторыми вещами; такъ, напримѣръ, онъ иногда не можетъ спуститься съ лѣстницы не оглядываясь нак аждомъ шагу, чтобы посмотрѣть, не идетъ ли кто за нимъ. Что бы это могло быть? Да, что это такое! Что-то мистическое, странное, чего не въ силахъ постичь жалкая „всевѣдущая“ наука, дуновеніе какой-то незримой силы, дѣйствіе слѣпыхъ жизненныхъ силъ.

— Знаете ли вы,—сказалъ онъ,—что у меня въ эту минуту есть желаніе повернуть изъ этой улицы въ другую, потому что эти дома, эти груды камней налѣво, эти три грушевыхъ дерева тамъ дальше, въ саду мирового судьи—все это дѣйствуетъ на меня антипатично, доставляетъ мнѣ смутное страданіе. Когда я хожу одинъ, я никогда не иду по этой улицѣ, я обхожу ее, даже если мнѣ приходится дѣлать крюкъ. Что бы это могло быть?

Дагни разсмѣялась.

— Я не знаю—отвѣтила она,—но докторъ Стенерсенъ сказалъ бы, что это нервность и суевѣріе.

— Совершенно вѣрно, именно такъ онъ и сказалъ бы! О, что за высокомѣрная глупость! Вы являетесь въ одинъ прекрасный вечеръ въ чужой городъ, скажемъ въ *этотъ* городъ: не все ли равно? На слѣдующій день вы предпринимаете прогулку по городу, чтобы осмотрѣть его. Во время этой прогулки вы чувствуете вполнѣ опредѣленную тайную непріязнь къ нѣкоторымъ улицамъ,

нѣкоторымъ домамъ, въ то время, какъ другія улицы и дома дѣйствуютъ на васъ симпатично, вызываютъ въ васъ чувство радости и удовольствія. Это нервность? Но предположимъ, что у васъ нервы, какъ канаты, что вы совсѣмъ не знаете, что такое нервность? Дальше! Вы все идете по улицамъ, встрѣчаете сотни людей, равнодушно проходящихъ мимо васъ; но вдругъ,—когда вы спускаетесь къ набережной и останавливаетесь передъ бѣднымъ, одноэтажнымъ домикомъ безъ занавѣсокъ, но съ нѣсколькими цвѣточными горшками въ окнахъ,—вамъ навстрѣчу попадается человѣкъ, который сразу привлекаетъ къ себѣ ваше вниманіе. Вы смотрите на этого человѣка и человѣкъ смотритъ на васъ; въ немъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, кромѣ того, что онъ бѣдно одѣтъ и ходитъ слегка сгорбившись; вы въ первый разъ въ жизни сталкиваетесь съ нимъ, и вамъ вдругъ приходитъ въ голову странная мысль, что этотъ человѣкъ называется Іоганнъ. Именно Іоганнъ. Почему вы думаете, что онъ долженъ называться какъ разъ Іоганнъ? Вы этого не можете себѣ объяснить, но вы видите это по его глазамъ, по движеніямъ его рукъ, слышите по звуку его шаговъ; и это не потому, что вы уже раньше когда-нибудь встрѣчали человѣка, похожаго на этого и называющагося тоже Іоганнъ; нѣтъ, это не оттого, потому что вы никогда не встрѣчали никого, кого бы вамъ этотъ человѣкъ напоминалъ. И вотъ вы стоите, удивленный, полный какого-то мистическаго ощущенія, и не можете себѣ объяснить его.

— И вы встрѣтили такого человѣка здѣсь въ городѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшилъ онъ отвѣтить,—я называю этотъ городъ, этотъ одноэтажный домъ и этого человѣка только для примѣра. Но не правда ли, это странно?.. Да, есть много странныхъ вещей: вы пріѣзжаете въ незнакомый городъ и входите въ незнакомый домъ, скажемъ въ гостинницу, въ которой вы еще никогда не были. И вдругъ у тебя является совершенно опредѣленное ощущеніе, что когда-то, можетъ быть, много лѣтъ тому назадъ, въ этомъ домѣ была аптека. Какъ вамъ приходитъ

въ голову подобная мысль? Нѣтъ ничего, что бы напоминало объ этомъ и никто вамъ этого не говорилъ; тамъ нѣтъ ни аптекарскаго запаха, никакихъ, рѣшительно никакихъ слѣдовъ на стѣнахъ отъ полокъ, ни протоптанной полосы на полу, которая могла вести къ прилавку. И все-таки вы знаете, чувствуете въ глубинѣ души, что когда-то въ этомъ домѣ была аптека! Вы не ошибаетесь, въ эту минуту все ваше существо проникнуто какимъ-то таинственнымъ знаніемъ, которое открываетъ передъ вами сокровенныя вещи. Но съ вами, можетъ быть, никогда этого не случалось?

— Я до сихъ поръ никогда объ этомъ не думала, но теперь, когда вы объ этомъ заговорили, мнѣ кажется, что и со мной бывали подобныя вещи. Во всякомъ случаѣ, я часто боюсь въ темнотѣ, совершенно не зная, чего. Но это, можетъ быть, другое.

— Господь знаетъ, что одно и что другое! Столько есть вещей между небомъ и землей, странныхъ, чудесныхъ вещей, совершенно необъяснимыхъ предчувствій, нѣмого страху, наполняющихъ васъ трепетомъ. Представьте себѣ, что въ темную ночь вы слышите, какъ кто-то украдкой пробирается вдоль стѣны. Вы не спите, вы курите трубку и сидите у стола совершенно бодрый, голова у васъ полна плановъ и мозгъ работаетъ. И вдругъ вы слышите совершенно ясно, какъ кто-то снаружи трется у стѣны, или даже въ вашей комнатѣ, тамъ у печки, вы видите въ углу тѣнь. Вы снимаете абажуръ съ лампы, чтобы было свѣтлѣе, и подходите къ печкѣ. Вы останавливаетесь передъ тѣнью и видите незнакомаго человѣка, человѣка средняго роста, съ бѣлымъ, въ черную полоску, шарфомъ вокругъ шеи и совершенно синими губами. Онъ выглядитъ, какъ трефовый валетъ на норвежскихъ игральныхъ картахъ. Предположимъ, что любопытство въ васъ сильнѣе страха, вы наступаете на него, чтобы смести его однимъ вглядомъ, но онъ не двигается съ мѣста, хотя вы такъ близко подошли къ нему, что видите, какъ онъ мигаетъ глазами, и вы замѣчаете, что онъ такой же живой человѣкъ, какъ вы сами. Вы рѣшаете

тогда отнестись къ нему юмористически; хотя вы никогда его раньше не видали, вы говорите ему: ваше имя не Гоманъ ли, Бернтъ Гоманъ? Такъ какъ онъ не отвѣчаетъ, то вы рѣшаете назвать его Гоманомъ и говорите: почему, чортъ возьми, вамъ не называться Бернтомъ Гоманомъ? И при этомъ вы скалите на него зубы. Но онъ все еще не двигается, и вы не знаете, что вамъ съ нимъ дѣлать. Тогда вы отступаете на шагъ назадъ, тычете въ него концомъ вашей трубки и говорите: ба! Но онъ и виду не показываетъ, что вы его задѣли. Но тутъ вы начинаете сердиться и угощаете его тумакомъ. И вотъ человѣкъ этотъ принимаетъ такой видъ, точно онъ дѣйствительно находится гдѣ-то вблизи васъ, но вашъ ударъ въ него попалъ, онъ не падаетъ, онъ засовываетъ обѣ руки въ карманы, глубоко въ карманы, приподымаетъ плечи и всѣмъ своимъ видомъ словно хочетъ сказать: ну, что взялъ? До такой степени ударъ, который вы въ него направили, не задѣлъ его. Что взялъ? отвѣчаете вы внѣ себя и отпускаете ему ещѣ одинъ ударъ въ животъ. Тогда происходитъ слѣдующее: послѣ послѣдняго удара онъ начинаетъ испаряться, вы видите своими собственными глазами, какъ онъ постепенно исчезаетъ, очертанія его становятся все болѣе неясными; въ концѣ концовъ отъ него остается только животъ, потомъ и животъ исчезаетъ. Но до послѣдней минуты онъ держитъ руки въ карманахъ и смотритъ на васъ съ вызывающимъ видомъ, который точно говоритъ: что взялъ?

Дагни снова разсмѣялась.

— Какія чудесныя приключенія съ вами случаются!—сказала она.—Но что дальше? Чѣмъ это кончается?

— Когда вы снова садитесь за столъ и возвращаетесь къ своимъ планамъ, вы замѣчаете, что расшибли себѣ до крови руку объ стѣну... Но я хочу сказать вотъ что: если вы на слѣдующій день разскажете эту исторію своимъ знакомымъ, то вы получите слѣдующій отвѣтъ: вы спали, скажутъ они вамъ. Хе-хе-хе, да вы спали, хотя Богъ и всѣ его ангелы свидѣтели, что вы *не* спали!

Вѣдь это только грубая школьная премудрость можетъ себѣ позволить называть это сномъ, когда вы стояли у печки совершенно бодрый, курили трубку и разговаривали съ человѣкомъ. Но вотъ приходитъ врачъ. Превосходный врачъ, который поджимаетъ губы и съ чувствомъ собственнаго превосходства является въ качествѣ представителя науки.

Это, говоритъ онъ, это ничего болѣе, какъ нервность, говоритъ онъ. О, Боже, что это за каррикатура, такой врачъ! Хорошо. Онъ говоритъ, что это нервность. Для него это вещь такихъ-то и такихъ-то размѣровъ, столько-то дюймовъ въ вышину, столько-то въ ширину, вещь, которую можно ощупать руками, самая обыкновенная нервность. Онъ прописываетъ вамъ на лоскуткѣ бумаги желѣзо и хининъ и въ мгновеніе ока излѣчиваетъ васъ. Вотъ какъ это просто! Но подумайте только, что за тупость, что за мужицкая логика со своими измѣреніями и своимъ хининомъ соваться въ область явленій, которой не могли себѣ объяснить даже тонкіе и глубокіе умы! Шагать въ высокихъ сапогахъ тамъ, гдѣ приходится балансировать между тончайшими нюансами!

Наступило короткое молчаніе.

— Вы сейчасъ потеряете пуговицу,—сказала она.

— Я теряю пуговицу?—спросилъ онъ и сталъ оглядывать себя.

Она, улыбаясь, показала ему пуговицу на сюртукѣ, державшуюся на одной ниточкѣ, и сказала:

— Пожалуйста, снимите ее совсѣмъ, она привод тъ меня въ нервное состояніе; я боюсь, что вы ее потеряете.

Онъ исполнилъ ея просьбу, вынулъ изъ кармана ножикъ и отрѣзалъ пуговицу. Когда онъ вынималъ ножикъ, изъ кармана у него выпало нѣсколько мелкихъ монетъ и медаль на обтрепанной ленточкѣ; онъ быстро наклонился и сталъ подбирать упавшіе предметы; она стояла и смотрѣла на него.

— Это медаль?—спросила она.—Дѣйствительно медаль! Но какъ вы съ ней обращаетесь! Посмотрите, на что похожа ленточка! Что это за медаль?

— Это медаль за спасеніе... Да, но вы не должны думать, что она попала ко мнѣ въ карманъ благодаря какой-нибудь заслугѣ съ моей стороны. Это одно шарлатанство.

Она взглянула на него. Его лицо было совершенно спокойно, глаза смотрѣли открыто, точно онъ и не думалъ лгать. Медаль она все еще держала въ рукѣ.

— Для чего вы храните такую вещь, держите ее у себя, если вы сами не заслужили ея?

— Я ее купилъ!—разсмѣялся онъ.—Она моя, это моя собственность, она принадлежитъ мнѣ, какъ перочинный ножикъ, какъ пуговица отъ сюртука. Зачѣмъ же мнѣ ее бросать?

— Но какъ вамъ вздумалось покупать себѣ медаль!—сказала ова.

— Да, это аффектація, я этого не отрицаю; но мало ли что иной разъ дѣлаешь?! Я однажды носилъ ее на груди цѣлый день, пускалъ пыль въ глаза и кичился ею и даже принялъ тостъ, который былъ провозглашенъ по поводу ея. Хе-хе-хе-хе, это въ самомъ дѣлѣ смѣшно! Но чѣмъ одинъ обманъ хуже другого, не правда ли?

— Имя сцарапано на ней,—замѣтила она опять.

Онъ вдругъ покраснѣлъ и протянулъ руку за медалью.

— Имя сцарапано? Нѣтъ, этого не можетъ быть; дайте мнѣ взглянуть. Нѣтъ, оно только стерлось у меня въ карманѣ, я постоянно ношу ее вмѣстѣ съ мелкими деньгами, вотъ и все.

Дагни посмотрѣла на него недовѣрчиво, но ничего не сказала.

Но вдругъ онъ воскликнулъ, прищелкнувъ пальцами:

— Ну, какъ можно быть такимъ разсѣяннымъ! Имя дѣйствительно сцарапано, вы совершенно правы; какъ могъ я это забыть! Хе-хе-хе! Я самъ велѣлъ сцарапать имя, совершенно вѣрно; вѣдь это было не *мое* имя, это было имя владѣльца ея, спасителя; я велѣлъ его тотчасъ же уничтожить, какъ только купилъ ее. Простите, что я вамъ не сейчасъ сказалъ это; я не хотѣлъ лгать, но я ду алъ въ эту минуту о другомъ; что вы пришли въ нерв-

ное состояніе изъ-за пуговицы, которая готова была оторваться. А *если бы* даже она оторвалась? Или это былъ отвѣтъ на то, что я сказалъ о нервности и наукѣ.

Пауза.

— Однако, вы проявляете всегда по отношенію ко мнѣ какую-то удивительную откровенность,—сказала она, не отвѣчая на его вопросъ,—и я не знаю, чего вы этимъ хотите достигнуть. Ваши взгляды нѣкоторымъ образомъ не совсѣмъ обыкновенны; но теперь вы заставляете меня предполагать, что все это въ сущности ложь и обманъ, что ничего въ васъ нѣтъ благороднаго, ничего чистаго, ничего крупнаго; это ваша цѣль? Неужели дѣйствительно все равно, покупаешь ли себѣ медаль за столько-то и столько-то кронъ, или получаешь ее за тотъ или другой поступокъ, за какую-нибудь заслугу?

Онъ ничего не отвѣтилъ. Она продолжала медленно и серьезно.

— Я васъ не понимаю; иногда, слушая васъ, я спрашиваю себя, въ полномъ ли вы умѣ. Простите, что я это говорю! Но всякій разъ, что я васъ вижу, вы приводите меня все въ большее безпокойство, даже волненіе; вы сбиваете меня съ толку, вы спутываете мои представленія обо всемъ рѣшительно; все равно, о чемъ бы вы ни говорили, вы все переворачиваете вверхъ ногами. Какъ это можетъ быть? Я еще никогда не встрѣчала никого, съ кѣмъ бы все во мнѣ находилось въ такомъ противорѣчіи. Скажите мнѣ: *что* собственно изъ всего того, что вы говорите, вы сами думаете? Что составляетъ ваше *искреннее* мнѣніе?

Она говорила такъ серьезно, такъ горячо, что это его поразило.

— Если бы у меня былъ Богъ,—сказалъ онъ,—Богъ, котораго бы я чтилъ высоко и свято, то я поклялся бы этимъ Богомъ, что я искренно думаю все, что я вамъ говорилъ, абсолютно все, и что у меня всегда самыя лучшія намѣренія по отношенію къ вамъ, даже тогда, когда я васъ сбиваю съ толку. Когда мы съ вами говорили въ послѣдній разъ, вы сказали, что я олицетво-

ренное противорѣчіе того, что думаютъ другіе люди; тогда рѣчь шла о цѣпочкахъ отъ ревматизма или о чемъ-то въ этомъ родѣ, можетъ быть, и о норвежскихъ сказкахъ. Да, это правда, я дѣйствительно олицетворенное противорѣчіе, я и самъ не знаю, какъ это. Но я рѣшительно не въ состояніи понять того, что остальные люди не думаютъ такъ же, какъ я—до такой степени простыми и прозрачными представляются мнѣ всѣ вопросы и съ такой необыкновенной ясностью я вижу предъ собой взаимную связь вещей. Вотъ мое искреннее мнѣніе, фрэкенъ; если бы я могъ только заставить васъ повѣрить мнѣ, теперь и всегда!

— Теперь и всегда? нѣтъ, этого я не могу обѣщать.

— Какъ разъ теперь это имѣетъ для меня такое большое значеніе,—сказалъ онъ.

Они пришли въ лѣсъ; они шли такъ близко, что часто касались другъ друга локтями: воздухъ былъ неподвиженъ, и кругомъ царила такая тишина, что они могли говорить очень тихо и все-таки слышали другъ друга. Отъ времени до времени раздавалось чирканье какой-нибудь птички.

Вдругъ онъ остановился, заставивъ и ее остановиться.

— Какъ я стремился къ вамъ эти три дня!—сказалъ онъ.— Нѣтъ, нѣтъ, не пугайтесь; вѣдь я ничего почти не говорю и я ничего не достигну; нѣтъ, на этотъ счетъ я не дѣлаю себѣ никакихъ иллюзій. Впрочемъ, вы меня, можетъ быть, даже не понимаете; я начинаю съ конца и говорю то, чего я вовсе не хотѣлъ говорить...

Когда онъ замолчалъ, она сказала:

— Какой вы сегодня странный!

И она хотѣла итти дальше.

Онъ снова удержалъ ее.

— Милая фрэкенъ, подождите еще немного! Будьте сегодня ко мнѣ немного снисходительны! Я боюсь говорить; я боюсь, что вы прервете меня и скажете: уходите! А между тѣмъ сколько разъ въ безсонные часы ночи я обдумывалъ это.

Она смотрѣла на него все съ большимъ удивленіемъ и спросила:

— Что это все значитъ? Что вы хотите сказать?

— Что это значитъ? Могу я это высказать вамъ прямо? это значитъ... что—что я васъ люблю, фрэкенъ Кьелландъ. Въ сущности я не понимаю, почему это васъ такъ поражаетъ, вѣдь я же тоже человѣкъ изъ плоти и крови, я встрѣтилъ васъ и увлекся вами; вѣдь въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго? Я, можетъ быть, не долженъ былъ вамъ признаваться въ этомъ, это другое дѣло.

— Да, этого вы не должны были.

— Но до чего человѣкъ не доходитъ? Я васъ даже оклеветалъ изъ любви къ вамъ, я назвалъ васъ кокеткой и попытался унизить васъ въ моихъ собственныхъ глазахъ только для того, чтобы найти для себя утѣшеніе и поддержку, потому что я вѣдь зналъ, что вы для меня недосягаемы. Сегодня я встрѣтилъ васъ въ пятый разъ, но вѣдь *до* этого пятаго раза я не сдавался, хотя могъ бы сдаться съ перваго раза. Кромѣ того, сегодня день моего рожденія, мнѣ минуло сегодня двадцать девять лѣтъ, и съ той минуты, какъ я открылъ утромъ глаза, я былъ веселъ и пѣлъ все утро. Я подумалъ—это, конечно, смѣшно, что такія глупыя вещи приходятъ въ голову, но я подумалъ: если ты ее сегодня встрѣтишь и признаешься ей во всемъ, то, можетъ быть, окажется кстати, что сегодня какъ разъ день твоего рожденія; ты можешь сказать ей это, и она, можетъ быть, охотнѣе проститъ тебя въ такой день. Вы улыбаетесь? Да, это смѣшно, я знаю; но и это не удерживаетъ меня, я приношу вамъ свою дань, какъ и всѣ другіе.

— Но это грустно, что это случилось съ вами сегодня,— сказала она.—Въ этомъ году день вашего рожденія несчастливый день для васъ. Больше я ничего не могу сказать.

— Да, конечно, нѣтъ... Боже мой, какая власть вамъ дана! Я понимаю, что изъ-за васъ можно пойти на все рѣшительно.

Даже сейчасъ, когда вы произнесли послѣднія слова, отнюдь не радостныя—что и не входило вовсе въ ваши намѣренія — даже сейчасъ вашъ голосъ звучалъ, какъ пѣніе; у меня положительно было такое ощущеніе, точно во мнѣ все начинаетъ расцвѣтать. Да, это удивительно! Знаете ли вы, что я ночью ходилъ къ вашему дому въ надеждѣ увидать хоть вашу тѣнь въ окнѣ—что я лежалъ здѣсь въ лѣсу на колѣняхъ и молился за васъ Богу, я, который даже не особенно вѣрю въ Бога. Вы видите эту осину? Я остановился какъ разъ на этомъ мѣстѣ, потому что у этой осины я не одну ночь пролежалъ на колѣняхъ, въ нѣмомъ отчаяніи отъ того, что вы не выходили у меня изъ головы. Съ этого мѣста я каждый вечеръ желалъ вамъ спокойной ночи, я просилъ звѣзды и вѣтеръ передать вамъ мой привѣтъ; вы должны были это чувствовать во снѣ.

Они пошли дальше.

— Дагни! Дагни!—сказалъ онъ вдругъ. И не успѣла она оглянуться, какъ онъ упалъ на колѣни среди дороги и лежалъ такъ цѣлую минуту, держа шапку въ рукѣ и склонивъ голову, точно ожидая удара. Она испуганно оглянулась; не зная, что ей дѣлать, она даже попробовала его поднять, но оставила эту попытку.

— Да встаньте же!—повторяла она надъ самой его головой,— встаньте сейчасъ же, вы слышите! Что съ вами? Среди дороги!

И когда онъ поднялся, она даже обратила его вниманіе на то, чтобы онъ счистилъ песокъ съ колѣнъ. Они не пошли дальше, а остались на томъ же мѣстѣ. Она сказала:

— Зачѣмъ вы мнѣ все это сказали? Развѣ вы не знаете, что я...

— Да, да!—прервалъ онъ ее чрезвычайно взволнованно. — Я знаю, что вы хотите сказать: что вы уже давно принадлежите другому, и что я, слѣдовательно, поступаю безчестно, преслѣдуя васъ теперь, когда уже поздно—почему мнѣ этого не знать? Да, зачѣмъ я все это вамъ сказалъ? Да для того, чтобы повліять на

васъ, чтобы произвести на васъ впечатлѣніе, чтобы заставить васъ думать объ этомъ. Видитъ Богъ, я говорю теперь правду, я не могу иначе. Я знаю, что вы обручены, что у васъ есть женихъ, котораго вы любите, что вы отданы другому и связаны словомъ съ другимъ, что я, слѣдовательно, ничего не могу достигнуть; да, и все-таки я хотѣлъ попытаться повліять на васъ, я не хотѣлъ отказываться отъ всякой надежды! Вдумайтесь только въ эти слова: оставить всякую надежду! тогда вы, можетъ быть, лучше поймете меня. Если я раньше сказалъ, что я не разсчитываю ни на что, то я говорилъ неправду, я сказалъ это только для того, чтобы успокоить васъ пока и выиграть время, чтобы сразу не слишкомъ напугать васъ. Я говорю безумно? Я этимъ вовсе не хочу сказать, что вы мнѣ хоть разъ подали какую-либо надежду, и я, право, не воображалъ, что могу вытѣснить другого изъ вашего сердца; ахъ, это мнѣ и въ голову не приходило. Но въ горькія минуты, въ минуты отчаянія я думалъ: да, она обручена и скоро уѣдетъ, хорошо! но вѣдь она еще не абсолютно потеряна, она еще не уѣхала, еще не замужемъ, не умерла; какъ знать! И если я все пущу въ ходъ, то, можетъ быть, еще не поздно! Вы стали моей постоянной мыслью, отъ которой я не могу избавиться; во всемъ я вижу только васъ и всѣхъ голубыхъ эльфовъ я называю Дагни. Мнѣ кажется, за всѣ эти недѣли не было ни одного дня, когда бы я не думалъ о васъ. Въ какое бы время дня я ни выходилъ изъ гостинницы, какъ только я открываю дверь и выхожу на лѣстницу, сердце мое наполняется надеждой: можетъ быть, ты встрѣтишь ее сейчасъ! и я всюду ищу васъ. Нѣтъ, я больше ничего не понимаю и не знаю, что мнѣ дѣлать. Повѣрьте мнѣ, если я теперь сдался, то я сдался не безъ борьбы. Вѣдь не очень пріятно сознавать, что всѣ твои усилія тщетны, когда все-таки не можешь не дѣлать усилій; поэтому и борешься до послѣдней минуты. Но если это совершенно не помогаетъ! Чего, чего только не передумаешь за цѣлую долгую ночь, сидя у окна своей комнаты безъ сна. Держишь книгу

въ рукѣ, но не читаешь ея; стискиваешь зубы снова и снова и заставляешь себя прочесть три строчки; но потомъ больше не можешь читать и, качая головой, закрываешь книгу. Сердце безумно колотится въ груди, незамѣтно начинаешь шептать про себя нѣжныя, полныя любви слова, называешь имя и цѣлуешь его мысленно. Часы бьютъ два, четыре, шесть; наконецъ, хочешь покончить съ этимъ и рѣшаешь при первомъ же случаѣ рискнуть и сознаться во всемъ. Но этого все-таки не дѣлаешь, ахъ, нѣтъ, духу не хватаетъ, упускаешь одинъ случай за другимъ, не рѣшаясь заговорить, пока не настаетъ день, когда больше не можешь противостоять... Простите, фрэкенъ! я такъ много наговорилъ, я прошу васъ простить меня! Пойдемъ дальше? Ахъ, Дагни, какъ искренно я васъ люблю; я благодаренъ вамъ уже за то, что могъ вамъ это сказать!

Она слушала его въ изумленіи, не произнося ни слова. Они все еще стояли на мѣстѣ.

— Нѣтъ, вы, должно быть, сошли съ ума!—сказала она, наконецъ, качая головой. И огорченная и блѣдная, такъ что даже глаза ея получили синеватый отблескъ льда, она прибавила:

— Вы знаете, что я уже обручена, вы этого не забываете, вы исходите изъ этого, и все-таки...

— Конечно, я это знаю!—отвѣтилъ онъ.—Развѣ я могу забыть его лицо и его морскую форму? Онъ красивъ, я не нахожу въ немъ никакихъ недостатковъ, и все-таки я способенъ желать, чтобы онъ умеръ, чтобы онъ исчезъ! Что толку въ томъ, что я самъ себѣ повторялъ сто разъ: ты ничего не достигнешь, онъ красивъ, онъ офицеръ, ты же агрономъ и больше ничего; къ тому же онъ уже ея женихъ, конечно! Но сердце не отступаетъ *ни передъ чѣмъ*, даже передъ очевиднѣйшей невозможностью. Фрэкенъ Кьелландъ, скажите же мнѣ хоть *нѣсколько* благосклонныхъ словъ, ради моей любви къ вамъ! Вѣдь я не *хочу* васъ любить, но я не могу иначе; неужели же нѣтъ *никакой* надежды?

Неужели вы абсолютно и навсегда потеряны для меня? Ахъ нѣтъ, еще нѣтъ, не правда ли? Милая, хорошая, *еще нѣтъ*.

— *Да — да*, конечно, не приводите же меня въ полное отчаяніе, — воскликнула она. — До чего вы хотите меня довести? Что вы думаете? Или вы думаете, что я могу... Боже мой, будьте же добры ко мнѣ! Не будемъ больше объ этомъ говорить! Вотъ вы все испортили нѣсколькими безразсудными словами; и теперь мы никогда больше не можемъ встрѣчаться. Почему вы это сдѣлали? Если бы я могла это предвидѣть! Да! да! теперь довольно объ этомъ, я прошу васъ какъ ради васъ, такъ и ради себя. Вѣдь вы же видите, что я ничѣмъ не могу быть для васъ; я не понимаю, какъ вы могли даже думать это. Такъ; теперь довольно, надо это кончить; вы должны вернуться. Если бы вы знали, въ какое тревожное состояніе вы меня привели! Если вы хотите оказать мнѣ большую услугу, то подите домой и постарайтесь примириться съ этимъ. Не правда ли, вѣдь вы не хотите меня огорчать? О, Боже мой, мнѣ и васъ такъ жалко, но я не могу поступить иначе.

— Но неужели я долженъ сегодня проститься съ вами навсегда? Я васъ больше не увижу? Нѣтъ, нѣтъ, послушайте! Простите, я буду сдержанъ. Но если я вамъ обѣщаю быть спокойнымъ, говорить о чемъ-нибудь другомъ и никогда не возвращаться къ *этому*, могу я васъ тогда еще видѣть? Если я буду совершенно спокоенъ? Когда-нибудь, когда всѣ другіе вамъ наскучатъ? Только не въ послѣдній разъ сегодня. Я о большемъ васъ теперь не прошу, неужели все было напрасно? Вы снова качаете головой—вашей прелестной головой, но вы качаете ею. Такъ все, все оказывается невозможнымъ... Если вы и не хотите простить меня, такъ только скажите да, чтобы сдѣлать мнѣ радость; потому что сегодняшній день кончается такъ грустно, такъ страшно грустно для меня, хотя утромъ я былъ веселъ и пѣлъ! Еще только одинъ разъ! Я такъ прошу васъ объ этомъ!

— Да, но вы не должны были бы просить меня о томъ, чего я не могу обѣщать. Кромѣ того, къ чему бы это повело? Подите теперь домой, я прошу васъ! Можетъ быть, мы еще и увидимся, я не знаю, но это возможно. Нѣтъ, уходите теперь, вы слышите? —воскликнула она нетерпѣливо,—вы окажете мнѣ этимъ благодѣяніе. Кто-нибудь можетъ еще прійти сюда...

Пауза. —Онъ смотрѣлъ на нее, его грудь сильно вздымалась. Но потомъ онъ овладѣлъ собой и поклонился; онъ уронилъ свою шапку на землю, внезапно схватилъ ея руку, которой она ему не протянула, и крѣпко сжалъ ее въ своихъ рукахъ; она испустила легкій крикъ, и онъ выпустилъ ея руку, въ полномъ отчаяніи отъ того, что причинилъ ей боль. Она ушла, а онъ стоялъ и смотрѣлъ ей вслѣдъ. Еще нѣсколько шаговъ и она исчезнетъ! Онъ ея никогда больше не увидитъ, нѣтъ; она даже не сказала да для виду, хотя онъ просилъ ее объ этомъ, какъ о милости. Кровь бросается ему въ лицо; онъ кусаетъ себѣ губы до крови, онъ хочетъ уйти, повернуть ей спину, онъ весь полонъ гнѣва... Въ концѣ концовъ, вѣдь онъ мужчина; хорошо, что такъ кончилось, все хорошо, прощай!...

Вдругъ она поворачивается и говоритъ:

— И ночью вы не должны ходить вокругъ нашего дома, право, голубчикъ, вы не должны этого дѣлать. Это вы, значитъ, уже нѣсколько ночей подрядъ заставляете Биска бѣшено лаять; разъ отецъ уже собирался встать. Вы не должны этого дѣлать, слышите? Я надѣюсь, что вы не хотите ввергнуть насъ обоихъ въ несчастіе.

Это было все, что она сказала; но при звукѣ ея голоса весь гнѣвъ его исчезъ; онъ покачалъ головой.

— А сегодня еще день моего рожденія!—сказалъ онъ. Онъ закрылъ лицо одной рукой и ушелъ.

Она посмотрѣла ему вслѣдъ, съ минуту подумала и побѣжала за нимъ. Она схватила его за руку.

— Простите! Это гадко съ моей стороны, что я забыла объ этомъ. Не огорчайтесь изъ-за меня, вѣдь я ничѣмъ не могу для васъ быть. Но, можетъ быть, мы еще увидимся когда-нибудь; вы не думаете? Да, теперь я должна итти. До свиданія!

Она повернулась и быстро удалилась.

XII.

Съ набережной подымалась дама подъ вуалью. Она только что сошла съ парохода и направлялась прямо къ Центральной гостинницѣ.

Нагель случайно стоялъ у окна и смотрѣлъ на улицу. Съ самаго обѣда онъ все время безостановочно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, лишь изрѣдка останавливаясь, чтобы выпить воды. Лицо его было необыкновенно красно, и глаза горѣли. Все время онъ безостановочно думалъ объ одномъ и томъ же: о своей послѣдней встрѣчѣ съ Дагни Кьелландъ.

Онъ попробовалъ было убѣдить себя въ томъ, что онъ уѣдетъ и все забудетъ; онъ раскрылъ чемоданъ, вынулъ бумаги, нѣсколько тетрадей нотъ, платья, среди которыхъ находился новый желтый костюмъ, совершенно такой же, какъ тотъ, который былъ на немъ, и разныя другія вещи, которыя онъ раскидалъ по полу. Да, онъ непремѣнно уѣдетъ, здѣсь въ городѣ онъ не можетъ больше оставаться;—флаговъ больше не видать и улицы стали такъ пустынны; такъ почему же ему не уѣхать? И кромѣ того, для чего ему, чортъ возьми, вообще надо было совать сюда носъ? въ эту дыру, въ это маленькое провинціальное гнѣздо, населенное маленькими человѣчками съ длинными ушами?

Но онъ очень хорошо зналъ, что онъ не уѣдетъ, что это былъ самообманъ, которымъ онъ ублажалъ самого себя, чтобы придать себѣ бодрости. Полный недовольства самимъ собою, онъ снова уложилъ вещи и поставилъ чемоданъ на мѣсто. Онъ снова принялся тревожно ходить по комнатѣ взадъ и впередъ, взадъ и

впередъ, неровными, безпокойными шагами. Внизу часы отбивали часъ за часомъ. Вотъ пробило уже и шесть часовъ...

Когда онъ остановился у окна, и взглядъ его упалъ на даму подъ вуалью, которая въ эту минуту стала подыматься по лѣстницѣ, онъ измѣнился въ лицѣ и нѣсколько разъ схватилъ себя за голову. Ну, что жъ, почему же нѣтъ! Она имѣла такое же право посѣтить это мѣсто, какъ и онъ! Но ему до этого нѣтъ никакого дѣла, у него есть о чемъ думать кромѣ нея; да, впрочемъ, они другъ съ другомъ совершенно покончили.

Онъ усиліемъ воли заставилъ себя успокоиться, сѣлъ на стулъ, поднялъ съ пола газету и углубился въ нее, какъ бы читая. Прошло не больше одной или двухъ минутъ, когда вошла Сара и подала ему карточку, на которой карандашомъ было написано: „Камма". Ничего больше, только „Камма". Онъ всталъ и сошелъ внизъ.

Дама стояла въ коридорѣ, разговаривая съ хозяиномъ гостинницы; своей вуали она не подняла. Нагель молча поклонился.

— Добрый вечеръ, Симонсенъ!—сказала она громкимъ, возбужденнымъ голосомъ; она сказала „Симонсенъ".

Онъ смутился, но сейчасъ же овладѣлъ собою и обратился къ Сарѣ:

— Куда бы мы могли пройти на минуту?

Она указала имъ комнату рядомъ со столовой; какъ только дверь за ними закрылась, дама упала въ кресло. Она была въ большомъ волненіи.

Между ними завязался отрывочный и темный разговоръ, съ полусловами, значеніе которыхъ было понятно только имъ, съ ничего не говорящими намеками на прошлое. Они встрѣчались уже раньше и знали другъ друга. Ихъ свиданіе не продолжалось и часу. Дама говорила больше по датски, чѣмъ по норвежски.

— Прости, что я назвала тебя по прежнему Симонсеномъ,— сказала она.—Старое милое имя. Какъ оно старо и какъ мило!

Всякій разъ, когда я его произношу про себя, ты встаешь передо мной, какъ живой.

— Когда вы пріѣхали?—спросилъ Нагель.

— Только что, сейчасъ, недавно; я пріѣхала на пароходѣ... Да—и я сейчасъ уѣзжаю.

— Уже сейчасъ?

— Послушайте,—сказала она,—вы рады, что я сейчасъ уѣзжаю; вы думаете, я этого не вижу?.. Что мнѣ собственно дѣлать съ моей грудью? Скажите мнѣ. Вы чувствуете здѣсь, нѣтъ, здѣсь выше! Что вы объ этомъ думаете? Мнѣ кажется, что стало немного хуже, что съ тѣхъ поръ появилось ухудшеніе, не правда ли? Ну, да это все равно... У меня безпорядочный видъ? Скажите мнѣ, не стѣсняясь. Въ какомъ видѣ мои волосы? Можетъ быть, я даже грязна, я вѣдь была въ дорогѣ двадцать четыре часа... Вы не измѣнились, вы такой же холодный, такой же холодный... Нѣтъ ли у васъ гребенки?

— Нѣтъ... Какъ вамъ пришло собственно въ голову пріѣхать сюда? Что васъ...

— То же самое я спрашиваю васъ, совершенно то же: какъ вамъ пришло въ голову зарыться въ такомъ мѣстѣ? Или вы думали, что я васъ не найду?.. Послушай, здѣсь ты агрономъ, да? Ха-ха-ха! Я спросила на набережной, мнѣ сказали, что ты агрономъ и что ты работалъ въ саду какой-то фру Стенерсенъ; кусты смородины будто ты приводилъ въ порядокъ; два дня подрядъ ты тамъ работалъ безъ сюртука. Вотъ такъ идея!.. Руки у меня, какъ ледъ; это всегда, когда я взволнована, а теперь я взволнована; а ты даже не выказываешь мнѣ особеннаго сочувствія, хотя я тебя называю Симонсенъ, какъ въ прежнія времена, и такъ рада и счастлива. Еще сегодня утромъ, лежа въ каютѣ, я думала: какъ онъ меня встрѣтитъ? скажетъ ли онъ мнѣ по крайней мѣрѣ ты и возьметъ-ли меня за подбородокъ? И я была почти увѣрена, что вы это сдѣлаете, но я ошиблась. Замѣтьте себѣ: я васъ не прошу сдѣлать это еще теперь; прошу васъ это

замѣтить; теперь поздно... Скажите, почему вы все время щурите глаза? Вы думаете о другомъ, пока я говорю?

Онъ отвѣтилъ только:

— Я сегодня, право, не совсѣмъ здоровъ, Камма. Не можете ли вы мнѣ сейчасъ сказать, зачѣмъ вы пріѣхали сюда? Вы бы оказали мнѣ этимъ благодѣяніе.

— Зачѣмъ я пріѣхала?—воскликнула она.—Боже мой, какъ ужасно вы можете оскорбить человѣка! Не боитесь ли вы, что я у васъ попрошу денегъ; что я явилась единственно съ цѣлью обобрать васъ? Сознайтесь прямо, если у васъ дѣйствительно такія черныя подозрѣнія въ сердцѣ... Но зачѣмъ я пріѣхала? Да, угадайте-ка! Неужели вы не знаете, какой сегодня день и число? Вы, можетъ быть, забыли о собственномъ днѣ рожденія?

И она съ рыданіемъ бросилась передъ нимъ на колѣни и, схвативъ обѣ его руки, стала прижимать ихъ къ лицу и груди.

Эта страстная нѣжность, которой онъ теперь не ожидалъ, сразу тронула его; онъ притянулъ молодую женщину къ себѣ и посадилъ ее къ себѣ на колѣни.

— Я не забыла дня твоего рожденія,—сказала она,—я всегда буду его помнить. Ты не знаешь, какъ часто я плачу о тебѣ по ночамъ, когда не могу заснуть отъ мыслей... Милый мой мальчикъ! У тебя все еще тѣ же красныя губы! Я по дорогѣ думала такъ много; я думала: такія же ли у него еще красныя губы?.. Какъ безпокойно горятъ твои глаза. Ты, можетъ быть, теряешь терпѣніе? Ты остался совсѣмъ такимъ же, какимъ былъ, но глаза твои дѣйствительно горятъ такъ, какъ будто ты все время думаешь, какъ бы поскорѣе избавиться отъ меня. Я лучше сяду на стулъ около тебя, это навѣрное будетъ тебѣ пріятнѣе, не правда ли? Мнѣ о столькомъ, о столькомъ надо съ тобой переговорить, и я должна торопиться, потому что пароходъ скоро уйдетъ; но ты меня смущаешь своимъ равнодушнымъ взглядомъ. Что мнѣ сказать для того, чтобы ты внимательно слушалъ меня? Въ сущности ты нисколько не благодаренъ мнѣ за то, что я вспомнила объ

этомъ днѣ и пріѣхала сюда... Ты получилъ много цвѣтовъ? Да, разумѣется. Фру Стенерсенъ, конечно, тоже вспомнила о тебѣ? Скажи-ка, какъ она выглядитъ, эта фру Стенерсенъ, ради которой ты играешь роль агронома? Ха-ха-ха, нѣтъ, это безподобно!.. Я бы тоже привезла тебѣ цвѣты, если бы у меня были деньги; но сейчасъ я какъ разъ такъ бѣдна... Господи помилуй, такъ удѣли же мнѣ немного вниманія хоть на эти нѣсколько несчастныхъ минутъ; ты не хочешь? Какъ все измѣнилось! Ты помнишь еще — но ты, конечно, не помнишь, и незачѣмъ тебѣ напоминать объ этомъ; но разъ ты меня узналъ на большомъ разстояніи по перу на шляпѣ и побѣжалъ мнѣ навстрѣчу. Ты очень хорошо знаешь, что это такъ было, не правда ли? Это было на крѣпостномъ валу. Ты киваешь головой; значитъ, ты помнишь это? Вотъ видишь, значитъ, я была права? Но теперь я забыла, зачѣмъ я упомянула объ этомъ случаѣ съ перомъ на шляпѣ; Господи помилуй, я не помню, съ какой цѣлью я хотѣла употребить это противъ тебя, а между тѣмъ это былъ такой хорошій аргументъ... Что такое? Отчего ты вскакиваешь съ мѣста?

Онъ всталъ, на цыпочкахъ прошелъ черезъ комнату и внезапнымъ движеніемъ открылъ дверь.

— Въ столовой звонятъ и звонятъ васъ, Сара,—сказалъ онъ, выглянувъ за дверь.

Вернувшись и сѣвъ на прежнее мѣсто, онъ кивнулъ Каммѣ и прошепталъ:

— Я зналъ, что она тамъ стоитъ и подслушиваетъ!

Камма сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Ну, а *если* она даже подслушивала!—сказала она.—Нѣтъ, почему вы какъ разъ теперь заняты тысячами другихъ вещей? Вотъ я сижу здѣсь уже четверть часа, а вы даже не предложили мнѣ поднять вуаль. Нѣтъ, не вздумайте только сейчасъ просить меня объ этомъ! Вы не принимаете въ соображеніе, что вѣдь ужасно сидѣть съ густой вуалью на лицѣ въ такую жару. Это заслуженная награда; зачѣмъ мнѣ было пріѣзжать сюда? И я

слышала, какъ вы просили у горничной позволенія войти сюда на минуту. Только на минуту — сказали вы. Это означало, должно быть, что вы постараетесь покончить со мной въ одну или двѣ минуты. Да, да, я не дѣлаю вамъ упрека, но это такъ невыразимо огорчаетъ меня. Помилуй меня Господи!.. О, почему я не могу тебя забыть? Я знаю, что ты сумасшедшій, что у тебя совершенно безумные глаза; да, представь себѣ, я это слышала и я вѣрю этому; но я все-таки не могу тебя забыть. Докторъ Ниссенъ сказалъ, что ты сумасшедшій, и, видитъ Богъ, надо быть совершенно безумнымъ, чтобы поселиться въ такомъ мѣстѣ, какъ это, и объявить себя агрономомъ; я никогда еще ничего подобнаго не слыхала! И ты все еще разгуливаешь съ желѣзнымъ кольцомъ на пальцѣ и вѣчно носишь этотъ кричащій желтый костюмъ, котораго ни одинъ человѣкъ, кромѣ тебя, не надѣлъ бы...

— Докторъ Ниссенъ сказалъ, что я сумасшедшій?

— Докторъ Ниссенъ прямо такъ и сказалъ. Хочешь знать, *кому* онъ это сказалъ?

Пауза. Онъ на минуту задумался. Потомъ онъ поднялъ голову и спросилъ:

— Скажите мнѣ откровенно, Камма, не могу ли я вамъ оказать какую-нибудь денежную помощь? Вы знаете, что это меня не стѣснитъ.

— Никогда!—воскликнула она, — никогда, слышите! Какъ вы рѣшаетесь бросать мнѣ въ лицо одно оскорбленіе за другимъ?

Пауза.

— Я не знаю,—сказалъ онъ, — для чего мы здѣсь сидимъ и мучаемъ другъ друга...

Но тутъ она его прервала, рыдая и не думая больше о томъ, что она говоритъ:

— *Кто* кого мучаетъ? Ужъ не *я* ли? Какъ страшно ты измѣнился за эти нѣсколько мѣсяцевъ! Я пріѣзжаю сюда для того, чтобы... Я больше не ожидаю найти отвѣтъ на свои чувства. Ты знаешь, я не принадлежу къ тѣмъ, которыя молятъ объ этомъ;

но я надѣялась, что ты отнесешься ко мнѣ съ нѣкоторымъ вниманіемъ... Творецъ Небесный, какъ ужасно печальна моя жизнь! Я должна была бы вырвать тебя изъ своего сердца, но я этого не могу, я слѣдую за тобой и ложусь у твоихъ ногъ.—Ты помнишь, разъ въ Драмменсвейенѣ ты ударилъ собаку по мордѣ за то, что она кинулась на меня? Это была моя вина, я закричала, потому что я думала, что она будетъ кусать: но она вовсе не собиралась кусать меня, она прыгнула на меня, играя, и когда ты ее ударилъ, она подползла къ намъ на брюхѣ и легла у нашихъ ногъ вмѣсто того, чтобы убѣжать. Ты тогда плакалъ изъ жалости къ собакѣ и гладилъ ее рукой, ты плакалъ втихомолку, я это видѣла; теперь же ты не плачешь, хотя... Впрочемъ, я это сказала не для сравненія: ты не воображаешь, надѣюсь, что я сравниваю себя съ собакой? Отецъ Небесный знаетъ, что тебѣ можетъ притти въ голову при твоемъ самомнѣніи; когда у тебя дѣлается *такое* лицо, ужъ я тебя знаю. Я вижу, ты улыбаешься, да, ты *улыбнулся*! Ты издѣваешься надо мною мнѣ же въ глаза! Нѣтъ ужъ, позволь мнѣ сказать прямо... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, впрочемъ, прости; я теперь снова въ такомъ отчаяніи. Ты видишь передъ собою разбитую женщину, я совершенно разбита; дай мнѣ руку! Прости же меня! Я не должна была тебя оскорблять, но я чувствую все время, что ты не можешь забыть моего тогдашняго проступка, этой ничтожной вины. Вѣдь если ты хорошенько подумаешь объ этомъ, это былъ не болѣе, какъ ничтожный проступокъ. Съ моей стороны было дурно, что я въ тотъ вечеръ не сошла къ тебѣ; ты подавалъ мнѣ сигналы, одинъ за другимъ, а я не сходила; *я* жалѣю объ этомъ, клянусь, я такъ жалѣю! Но его не было у меня, какъ ты думалъ; онъ былъ у меня раньше, но тогда его больше не было, онъ ушелъ уже. Я сознаюсь въ этомъ и прошу прощенія; больше я ничего не могу сдѣлать. Но я должна была его прогнать тогда, да, прогнать, это правда, я готова во всемъ сознаться, и я не должна была... Нѣтъ я этого не понимаю... Я больше ничего не понимаю...

Наступила тишина, прерываемая только рыданіями Каммы и доносившимся изъ столовой звономъ ножей и вилокъ. Она продолжала плакать, вытирая платкомъ слезы подъ вуалью.

— Подумай только, онъ страшно безпомощенъ,—продолжала она.—Иногда онъ колотитъ кулакомъ по столу и готовъ прогнать меня къ чорту, онъ бранитъ меня, говоритъ, что я его разоряю, и болѣе, чѣмъ грубъ со мною; но вслѣдъ затѣмъ онъ опять чувствуетъ себя такимъ несчастнымъ и даже не можетъ рѣшиться отпустить меня. Что мнѣ тогда дѣлать, когда я вижу, какъ онъ слабъ? Я откладываю со дня на день отъѣздъ, хотя мнѣ не сладко живется... Но не жалѣйте обо мнѣ; вы можете посмѣть выказать мнѣ свою безстыдную жалость! Онъ во всякомъ случаѣ лучше очень многихъ и далъ мнѣ больше радости, чѣмъ кто бы то ни было, больше, чѣмъ вы. Я все-таки люблю его; такъ и знайте, я не для того пріѣхала сюда, чтобы наговаривать на него. Когда я пріѣду домой и увижу его, я на колѣняхъ буду просить у него прощенія за то, что я уже сказала. Да, я это сдѣлаю.

Нагель заговорилъ:

— Милая Камма, будьте же немного благоразумны! Позвольте мнѣ помочь вамъ, послушайте! Мнѣ кажется, вы нуждаетесь въ этомъ. Вы не хотите? Это нехорошо съ вашей стороны отказываться, когда мнѣ это теперь такъ легко и я такъ охотно сдѣлалъ бы это!

И онъ вынулъ свой бумажникъ.

Она крикнула внѣ себя:

— Вѣдь я же сказала нѣтъ! Развѣ вы не слышите?

— Но чего же вы хотите?—спросилъ онъ удивленно.

Она сѣла и перестала плакать. Она, казалось, жалѣла о своей вспышкѣ.

— Послушайте, Симонсенъ... Позвольте мнѣ еще разъ назвать васъ Симонсенъ... и если вы не разсердитесь, я бы хотѣла вамъ кое-что сказать. На что это похоже, что вы вдругъ селитесь въ *такомъ* мѣстѣ, и для чего вы это дѣлаете? Что тутъ удивитель-

наго, что люди считаютъ васъ сумашедшимъ? Я даже ужъ не помню, какъ этотъ городъ называется, я должна подумать, чтобы вспомнить, такъ онъ малъ, и въ такомъ то гнѣздѣ вы проводите недѣли, играете комедію и приводите жителей въ изумленіе своими странными выходками! Неужели вы, дѣйствительно, ничего лучшаго не могли выдумать?.. Ну, мнѣ въ сущности до этого дѣла нѣтъ, я и говорю это только по старой... Нѣтъ, что бы мнѣ сдѣлать для моей груди, какъ вы думаете? Сейчасъ мнѣ кажется, что она вотъ-вотъ разорвется! Не думаете ли вы, что мнѣ слѣдовало бы опять обратиться къ доктору? Но какъ, скажите на милость, я обращусь къ доктору, когда у меня нѣтъ для этого ни гроша денегъ?

— Но вы же слышите, я охотно дамъ вамъ взаймы; вѣдь вы же можете когда-нибудь вернуть мнѣ?

— Ну, да это совершенно все равно, пойду ли я къ доктору или нѣтъ,—продолжала она, какъ упрямое дитя.—Кому обо мнѣ жалѣть, если я и умру?—Но вдругъ она круто перемѣнила тонъ и, дѣлая видъ, что обдумываетъ его предложеніе, сказала:

— Впрочемъ, почему бы мнѣ не взять отъ васъ денегъ? Почему мнѣ не сдѣлать этого теперь такъ же, какъ я дѣлала раньше? Вѣдь я не такъ безмѣрно богата, чтобы на этомъ основаніи... Да, но вы всякій разъ выбирали такой моментъ для своего предложенія, когда я была взволнована и вы знали заранѣе, что я откажусь. Да, это правда, вы именно такъ дѣлали! Вы точно разсчитывали моменты, только для того, чтобы сберечь свои деньги, хотя ихъ теперь у васъ такъ много; вы думаете, я этого не замѣтила? И даже теперь, предлагая мнѣ снова, вы это дѣлаете для того, чтобы унизить меня, и вы рады, что я въ концѣ концовъ принуждена взять ихъ. Но это вамъ не поможетъ, я все-таки возьму ихъ и буду тебѣ благодарна; какъ бы я была рада, если бы не нуждалась въ твоей помощи! Но знайте, что я не для того пріѣхала сегодня сюда, не ради денегъ, все равно, повѣрите ли мнѣ или нѣтъ. Я не могу себѣ представить, чтобы

у васъ хватило низости думать это... Но сколько ты можешь мнѣ дать, Симонсенъ? Боже мой, ты не долженъ этого принимать близко къ сердцу, я прошу тебя объ этомъ, и повѣрь мнѣ, наконецъ, что я говорю совершенно искренно...

— Сколько вамъ надо?

— Сколько мнѣ надо!.. Боже мой, вѣдь я не опоздаю на пароходъ? Мнѣ нужно, можетъ быть, много, но... можетъ быть, нѣсколько сотъ кронъ, но...

— Да, да. Но, послушайте, вы не должны чувствовать никакого униженія отъ того, что вы принимаете эти деньги; если бы вы хотѣли, вы могли бы ихъ заслужить. Вы могли бы мнѣ оказать безконечно большую услугу, если бы я смѣлъ васъ просить...

— Если бы ты смѣлъ меня просить!—воскликнула она, внѣ себя отъ радости, что нашелся такой исходъ.—Боже мой, какъ ты можешь такъ говорить? Какую услугу, Симонсенъ? Какую услугу? Я готова на все! О, милый мой мальчикъ!

— У васъ еще три четверти часа до отхода парохода...

— Да, ну, и что мнѣ дѣлать?

— Вы должны повидать одну даму и выполнить порученіе.

— Даму?

— Она живетъ внизу у набережной, въ маленькомъ одноэтажномъ домикѣ; окна безъ занавѣсъ, но на подоконникахъ стоятъ нѣсколько горшковъ съ бѣлыми цвѣтами. Дама называется Марта Гуде, фрэкенъ Гуде.

— Но развѣ это... развѣ это не та фру Стенерсенъ?

— Вы находитесь на ложномъ пути; фрэкенъ Гуде навѣрно около сорока лѣтъ. Но у нея есть кресло, старое кресло, которое я рѣшилъ пріобрѣсти, и вы должны мнѣ помочь въ этомъ...— Спрячьте, впрочемъ, свои деньги, а я вамъ тѣмъ временемъ все объясню.

Начинало темнѣть, обитатели гостинницы шумно выходили изъ столовой одинъ за другимъ, а Нагель все еще сидѣлъ и подробно объяснялъ все, касающееся стараго кресла. Надо подойти къ этому

дѣлу съ большой осторожностью, иначе ничего не выйдетъ. Камму охватывало все сильнѣйшее нетерпѣніе поскорѣе приняться за дѣло; эта таинственная миссія приводила ее въ восхищеніе, она громко смѣялась и нѣсколько разъ спрашивала, не слѣдуетъ ли ей слегка переодѣться, по крайней мѣрѣ, надѣть очки. Не было ли у него когда-то красной шляпы, если она не ошибается? Она могла бы ее надѣть...

— Нѣтъ, нѣтъ, безъ всякихъ фокусовъ. Вамъ просто надо предложить извѣстную сумму за стулъ, поднять цѣну, вы можете пойти до двухсотъ даже до двухсотъ двадцати кронъ. И можете быть увѣрены, что вы не попадетесь, вы этого стула не достанете.

— Боже мой, какая куча денегъ! Почему вы думаете, что я его не достану за двѣсти двадцать кронъ?

— Потому что я выговорилъ его для себя.

— Но допустимъ, что она захочетъ поймать меня на словѣ?

— Она не станетъ васъ ловить на словѣ. Теперь идите!

Но въ послѣднюю минуту она снова попросила у него гребенку и высказала опасеніе, не смято ли у нея платье.

— Но я не могу переносить, что ты такъ много бываешь съ этой фру Стенерсенъ,—сказала она,—я не могу съ этимъ примириться, я безутѣшна.—И она еще разъ посмотрѣла, хорошо ли она спрятала свои деньги.—Какой ты милый, что далъ мнѣ столько денегъ!—воскликнула она и быстрымъ движеніемъ она откинула вуаль и поцѣловала его въ губы, прямо въ губы. Но она была все-таки всецѣло поглощена своей странной миссіей у Марты Гуде; она спросила.

— Какъ я тебѣ дамъ знать, что все уладилось? Я могу попросить капитана дать нѣсколько свистковъ, если хочешь, четыре или пять свистковъ, хорошо? Вотъ видишь, я не такъ глупа. Можешь положиться на меня Неужели бы я этого не сдѣлала для тебя, когда ты... Слышишь, я *не* ради денегъ пріѣхала сегодня,

повѣрь мнѣ. Позволь мнѣ еще разъ поблагодарить тебя. До свиданія, до свиданія!

Она еще разъ нащупала свои деньги.

Полчаса спустя Нагель, дѣйствительно, услыхалъ пароходный свистокъ, раздавшійся пять разъ подрядъ.

XIII.

Прошло дня два.

Нагель сидѣлъ дома; онъ былъ мраченъ и видъ у него былъ измученный и больной; глаза его потускнѣли за эти два дня. Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ, не исключая и прислуги въ гостинницѣ. Одна рука у него была перевязана; однажды ночью, пробродивъ по обыкновенію до разсвѣта, онъ вернулся съ повязанной рукой; онъ разсказалъ, что поранилъ себѣ руку при паденіи, споткнувшись объ лежавшую на пристани борону.

Въ четвергъ съ утра шелъ дождь, и пасмурная погода еще усилила его подавленное состояніе духа. Но прочитавъ, лежа въ постели, газету и потѣшившись надъ бурной сценой въ французской палатѣ депутатовъ, онъ вдругъ щелкнулъ пальцами и вскочилъ. Чортъ побери! Свѣтъ обширенъ, и богатъ, и веселъ, свѣтъ прекрасенъ! Чего унывать!

Онъ позвонилъ, не успѣвъ еще совершенно одѣться, и сообщилъ Сарѣ, что желаетъ пригласить къ себѣ вечеромъ нѣсколько человѣкъ гостей, шесть, семь человѣкъ, которые бы внесли въ этотъ міръ немного жизни, нѣсколько весельчаковъ, доктора Стенерсена, адвоката Гансена, адъюнкта и др.

Онъ сейчасъ же разослалъ приглашенія. Минутта отвѣтилъ, что придетъ: судья Рейнертъ тоже получилъ приглашеніе, но не явился. Въ пять часовъ вечера всѣ собрались въ комнатѣ Нагеля. Такъ какъ все еще шелъ дождь и было пасмурно, то Нагель распорядился зажечь лампы и спустить шторы.

И вотъ началась вакханалія съ адскимъ шумомъ и гамомъ, о которой еще долго потомъ говорилъ весь городъ.

Какъ только Минутта показался въ дверяхъ, Нагель пошелъ къ нему на встрѣчу и извинился въ томъ, что говорилъ такъ много вздору при ихъ послѣднемъ свиданіи. Онъ сердечно пожалъ Минуттѣ руку и представилъ его студенту Эйену, единственному, который еще его не зналъ. Минутта отвелъ Нагеля въ сторону и шепотомъ сталъ благодарить его за новыя брюки, которыя онъ уже и надѣлъ; они такъ великолѣпно подходятъ къ сюртуку, къ его новому сюртуку, они навѣрное будутъ служить ему до конца его дней, всю жизнь, о, да, всю жизнь.

— Но у васъ еще нѣтъ жилета?

— Нѣтъ, но это и отнюдь не необходимо. Я не графъ какой-нибудь; увѣряю васъ, жилета мнѣ совершенно не нужно.

Докторъ Стенерсенъ разбилъ свои очки и употреблялъ теперь пенснэ безъ шнурка, которое ежеминутно слетало.

— Нѣтъ, пусть говорятъ, что хотятъ, — сказалъ онъ, — но мы все-таки переживаемъ эпоху освобожденія. Вы обратите только вниманіе на выборы и сравните ихъ съ прошлыми выборами.

Всѣ пили изрядно. Адъюнктъ уже заговорилъ односложными словами, что было у него несомнѣннымъ признакомъ опьяненія. Адвокатъ Гансенъ, навѣрное еще до прихода выпившій нѣсколько стакановъ, началъ по обыкновенію возражать доктору и заводить ссору.

Онъ, Гансенъ, соціалистъ, если онъ смѣетъ такъ выразиться, человѣкъ, идущій нѣсколько дальше. Онъ не особенно доволенъ выборами; о какомъ освобожденіи они въ сущности свидѣтельствуютъ? Не можетъ ли ему кто-нибудь это сказать? Офтедэль на мѣсто консерватора, вотъ и весь прогрессъ, такъ сказать, кроликъ вмѣсто быка. Чортъ возьми! Нечего сказать, хороша эпоха освобожденія! Не боролся ли даже такой человѣкъ, какъ Гладстонъ, самымъ жалкимъ образомъ съ Парнеллемъ одними моральными доводами, смѣшными доводами самой элементарной морали? Да, надо сказать веселенькіе признаки! Къ чорту все!

— Тьфу пропасть! Это что еще за вздоръ! — раскричался вдругъ докторъ. — Такъ морали уже совсѣмъ не нужно? Если люди уже знаютъ, что никакой морали нѣтъ, тогда окончательно исчезнетъ приманка, которая еще заставляетъ ихъ двигаться впередъ. Толпу надо силой и хитростью толкать впередъ, къ развитію и всегда высоко знамя морали. Онъ, докторъ, ставитъ Парнелля очень высоко, но если Гладстонъ находитъ его невозможнымъ, то не слѣдовало ли бы, можетъ быть вспомнить, что такой человѣкъ, какъ Гладстонъ, кое-что смыслитъ въ этомъ? Да, онъ, конечно, исключаетъ господина Нагеля, уважаемаго хозяина, который даже не желаетъ допустить, что Гладстонъ ведетъ чистую игру. Ха-ха-ха, о, Боже милостивый!.. Кстати, господинъ Нагель,—сказалъ онъ,—вы и Толстого ставите не очень высоко? Я слыхалъ отъ фрэкенъ Кьелландъ, что вы даже и *его* затрудняетесь признать?

Нагель, разговаривавшій со студентомъ Эйеномъ, быстро повернулся къ доктору и отвѣтилъ:

— Я совершенно не помню, чтобы когда-нибудь говорилъ съ фрэкенъ Кьелландъ о Толстомъ. Впрочемъ, я считаю Толстого однимъ изъ наиболѣе активныхъ дураковъ настоящаго времени. Ну и къ чорту все!..—Но вслѣдъ затѣмъ онъ добавилъ:

— Не правда ли, мы можемъ себѣ позволить сегодня вечеромъ иной разъ и крѣпкое словцо? Вѣдь мы здѣсь одни мужчины, собравшіеся на холостяцкую пирушку. Вы согласны съ этимъ? Что касается меня, то я въ настоящую минуту какъ разъ въ такомъ настроеніи, что готовъ схватить и растерзать, что попадаетъ подъ руку.

— Валяйте! Но если Толстой дуракъ, то куда же мы въ концѣ концовъ придемъ?

— Ахъ, да, выскажемъ откровенно свое мнѣніе!—воскликнулъ вдругъ адъюнктъ. Онъ благополучно добрался до настоящей стадіи опьяненія и съ этой минуты былъ готовъ не отступать

ни передъ чѣмъ.—Безъ всякихъ стѣсненій, докторъ! У каждаго свое мнѣніе; Штекеръ, напримѣръ, негодяй первой руки! Я это докажу... Я докажу!

На это всѣ разсмѣялись, и прошло нѣсколько минутъ раньше, чѣмъ опять заговорили о Толстомъ. Не является ли Толстой однимъ изъ величайшихъ художниковъ міра? Гигантомъ по уму?

Лицо Нагеля внезапно покрылось яркой краской.

— Гигантомъ по уму! Его умъ самый обыкновенный умъ; надо только оставить въ сторонѣ неоцѣненныя достоинства его, какъ пахаря, его изорванную блузу, кожаный ремень вокругъ пояса, словомъ всю грубую аффектацію этого человѣка, ее надо оставить въ сторонѣ, и тогда остается просто способный человѣкъ, самый обыкновенный способный человѣкъ, который пишетъ книги и проповѣдуетъ. Книги его хорошія и крупныя книги, но большинство изъ нихъ могло бы быть и лучше и крупнѣе; въ его проповѣднической дѣятельности много самопожертвованія и много рекламы; но его ученіе ни на столько не выше по глубинѣ и интеллигентности религіозныхъ выкриковъ арміи спасенія. Представьте себѣ какого-нибудь русскаго, не дворянина, безъ древняго аристократическаго имени, безъ Толстовскихъ милліоновъ,— вы думаете, этотъ человѣкъ пріобрѣлъ бы такую же славу, если бы научилъ нѣсколькихъ мужиковъ чинить сапоги?..—Впрочемъ, я вижу, вы нѣмѣете отъ испуга, а это вовсе не входило въ мои намѣренія. Давайте лучше бѣсноваться. Ваше здоровье, господинъ Грэгордъ!

Отъ времени до времени Нагель пользовался случаями, чтобы чокаться съ Минуттой, и вообще оказывалъ ему въ теченіе всего вечера большое вниманіе. Онъ снова упомянулъ о своей нелѣпой болтовнѣ при послѣднемъ ихъ свиданіи и настаивалъ на томъ, чтобы Минутта забылъ объ ней.

— Я съ своей стороны нисколько не пугаюсь,—сказалъ докторъ. При этомъ онъ рѣшительно выпрямился.

— Я дѣйствительно иной разъ захожу немного далеко въ своей страсти возражать,—продолжалъ Нагель,—а сегодня я вдобавокъ больше обыкновеннаго расположенъ къ этому. Причиной этого являются отчасти нѣсколько довольно чувствительныхъ непріятностей, которыя случились со мной третьяго дня, отчасти скверная погода, которой я совершенно не переношу. Вы, докторъ, конечно, поймете это и простите меня; это хорошо, иначе вы бы, пожалуй, нашли меня сегодня совершенно невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что я вѣдь хозяинъ... Но вернемся къ Толстому; я не въ состояніи считать его болѣе глубокимъ умомъ, чѣмъ, напримѣръ, генерала Бутса. Оба они проповѣдники. Не мыслители, а проповѣдники. Они пускаютъ въ обращеніе имѣющіеся продукты, популяризируютъ мысль, которую находятъ готовой, дѣлаютъ ее пригодной для толпы и управляютъ міромъ. Но,—господа, ужъ если пускать въ обращеніе, то дѣлать это съ выгодой; Толстой же дѣлаетъ это съ головокружительными потерями. Были разъ два друга, которые держали пари слѣдующаго рода: одинъ поручился двѣнадцатью шиллингами въ томъ, что онъ на разстояніи двадцати шаговъ выстрѣломъ выбьетъ изъ руки другого, не повредивъ ея, орѣхъ. Прекрасно, онъ выстрѣлилъ и выстрѣлилъ неудачно, разстрѣлялъ въ клочья всю руку и сдѣлалъ это съ блескомъ. Другой застоналъ и, собравъ послѣднія силы, крикнулъ: ты потерялъ пари, подавай сюда двѣнадцать шиллинговъ! И онъ получилъ двѣнадцать шиллинговъ! Хе-хе-хе, подавай, говоритъ, сюда двѣнадцать шиллинговъ! И онъ получилъ ихъ... Помилуй меня Богъ, когда я читаю мысли Толстого, слушаю это доброжелательное хвастливое морализированіе и пытаюсь представить себѣ хоть отчасти ходъ размышленій этого идеальнаго графа, у меня такое ощущеніе, словно я наѣлся травы. Эта кричащая добродѣтель, которая никогда не молчитъ, это стремленіе сдѣлать жизнь, прекрасную, полную радостей, плоской, какъ желѣзный листъ; эта грязная моральная накипь этого нѣкогда столь жизнерадостного сердца; эта хвастливая мораль, которая кичится и пользуется всякимъ случаемъ, чтобы обратить

на себя вниманіе—увѣряю васъ, что онъ заставляетъ меня внутренно краснѣть отъ стыда. Это звучитъ нахально, что графъ заставляетъ краснѣть отъ стыда агронома; но это все-таки такъ... Я не сталъ бы говорить объ этомъ, если бы Толстой былъ юношей, которому приходилось бы самому побѣждать искушенія, выдерживать борьбу для того, чтобы проповѣдывать добродѣтель и жить чисто; но вѣдь этотъ человѣкъ старикъ, его жизненные источники изсякли, въ немъ нѣтъ и слѣда больше человѣческихъ страстей. Но—скажете вы,—это вѣдь не имѣетъ никакого отношенія къ его ученію? Милостивые государи, это *имѣетъ* отношеніе къ его ученію. Лишь послѣ того, какъ человѣкъ уже высохъ отъ старости и сталъ неспособенъ жить, когда онъ пресытился наслажденіемъ и зачерствѣлъ, онъ идетъ къ юношѣ и говоритъ ему: откажись! И юноша самъ вкушаетъ наслажденія и размышляетъ надъ этимъ и приходитъ къ сознанію, что это его право передъ Богомъ; и онъ не отказывается отъ радостей жизни, и грѣшитъ по царски сорокъ лѣтъ подъ рядъ. Таковъ естественный ходъ вещей! А когда пройдутъ сорокъ лѣтъ, и юноша самъ станетъ старикомъ, тогда онъ въ свою очередь осѣдлаетъ своего бѣлаго коня и, держа высоко въ изсохшей рукѣ свое знамя, будетъ подъ трубные звуки проповѣдывать въ назиданіе всему міру отреченіе юношества! да отреченіе юношества! Хе-хе-хе, да, это вѣчно повторяющаяся комедія! Толстой меня забавляетъ; я восхищенъ тѣмъ, что этотъ старикъ можетъ дѣлать еще столько добра; въ концѣ концовъ онъ еще попадетъ въ царство небесное. Но мое глубокое уваженіе къ нему слегка умаляется тѣмъ, что онъ только повторяетъ то, что не одинъ старикъ дѣлалъ до него и не одинъ старикъ будетъ дѣлать послѣ него; онъ становится такъ баналенъ. Но, становясь банальнымъ, онъ становится классическимъ; онъ представляетъ собою хорошо знакомый классическій типъ обыкновеннаго подражателя, и какъ все классическое — абсолютно все — чертовски скучно, такъ и обыкновенная классическая добродѣтель тоже чертовски скучна,

ergo Толстой скученъ. Но это другой вопросъ.—Это все-таки не умаляетъ его значенія, то есть значенія его, какъ скучнаго и обыкновеннаго старика.

— Позвольте вамъ напомнить только объ одномъ—чтобы не сказать больше—что Толстой выказалъ себя истиннымъ другомъ покинутыхъ и угнетенныхъ; неужели это ничего не значитъ? Укажите мнѣ хоть одного человѣка у насъ, который бы такъ заступался, какъ онъ, за малыхъ сихъ въ человѣческомъ обществѣ. Я нахожу, что это довольно высокомѣрный взглядъ на вещи—ставить ученіе Толстого на одну доску съ проповѣдью дураковъ и сумасшедшихъ только потому, что люди не слѣдуютъ этому ученію. Я желалъ бы, чтобы на свѣтѣ было много такихъ обыкновенныхъ и скучныхъ благодѣтелей. Людей, обладающихъ сердцемъ Толстого, не принято обвинять въ черствости; подобнаго я еще никогда не слышалъ. Насколько я понимаю ихъ, они только потому и способны на личныя жертвы, о которыхъ вы сами упомянули, что сердца ихъ молоды и горячи.

— Браво, докторъ!—заревѣлъ снова адъюнктъ, весь красный.—Браво! Но скажите это съ еще большей горечью, заявите это грубо. У каждаго свое мнѣніе. Высокомѣрный взглядъ на вещи, это вѣрно, это съ вашей стороны высокомѣрный взглядъ на вещи. Я это докажу...

— Нѣтъ, послушайте, — сказалъ Нагель, смѣясь. — Давайте, прежде выпьемъ; ваше здоровье... Вы должны были бы представить лучшіе доводы, выступить съ болѣе сильной аргументаціей. Я не очень вѣжливъ? Ну, вы, само собой, должны платить мнѣ тѣмъ же. Вы, дѣйствительно, утверждаете, докторъ, что это поступокъ достойный удивленія, когда человѣкъ, владѣющій милліономъ, отдаетъ десятирублевую бумажку? Я не понимаю вашего хода мыслей, ни у васъ, ни у всѣхъ прочихъ людей, я, должно быть, иначе созданъ. И если бы мнѣ пришлось поплатиться за это жизнью, я все-таки не могу признать, что человѣкъ, и менѣе

всего милліонеръ, заслуживаетъ удивленія за то, что даетъ милостыню.

– Это хорошо сказано! — замѣтилъ, чтобы подразнить доктора, адвокатъ.—Я соціалистъ, и я стою на такой точкѣ зрѣнія.

Докторъ, раздраженный, повернулся къ Нагелю и воскликнулъ:

— Смѣю спросить, вы дѣйствительно такъ точно знаете, сколько Толстой отдаетъ бѣднымъ? Вѣдь даже въ мужскомъ обществѣ должны же быть извѣстныя границы для того, что можно говорить и чего нельзя!

— Точно такъ же,—отвѣтилъ Нагель,—смотритъ на дѣло и Толстой, должны быть извѣстныя границы для того, что я отдаю! Изъ каковыхъ соображеній онъ и взваливаетъ на свою жену отвѣтственность за то, что онъ не даетъ *больше*! Хе-хе-хе, но не будемъ говорить объ этомъ... Но послушайте: что собственно заставляетъ человѣка давать другому деньги, доброта его сердца, или убѣжденіе, что онъ этимъ дѣлаетъ доброе и нравственное дѣло? Какъ грубо и наивно такое представленіе! Есть люди, которые не могутъ иначе, которые *должны давать*. Почему? Потому что они при этомъ испытываютъ дѣйствительное нравственное наслажденіе. У нихъ это не является результатомъ логическаго разсужденія, они дѣлаютъ это тайкомъ, скрываясь отъ всѣхъ; имъ противно дѣлать это открыто, потому что для нихъ тогда пропадаетъ часть удовольствія; они дѣлаютъ это украдкой, торопливыми, дрожащими руками, волнуемые имъ самимъ непонятнымъ душевнымъ наслажденіемъ. Ихъ вдругъ охватываетъ потребность отдать что-нибудь; это чувство внезапно подымается въ груди въ видѣ страннаго, непреодолимаго стремленія, вызывающаго слезы на глаза. Они даютъ не отъ доброты сердца, а вслѣдствіе инстинктивнаго побужденія, для своего собственнаго удовольствія; нѣкоторые люди именно таковы! О щедрыхъ людяхъ говорятъ съ восхищеніемъ—какъ я уже сказалъ, я, должно быть, созданъ иначе, чѣмъ всѣ люди, потому что я нисколько не вос-

хищаюсь щедрыми людьми. Нѣтъ, во мнѣ они не вызываютъ никакого восхищенія. Кто же, чортъ возьми, не сталъ бы охотнѣе давать, чѣмъ брать? Смѣю васъ спросить, есть ли на свѣтѣ такое человѣческое существо, которое не предпочло бы помочь нуждающемуся, чѣмъ самому испытывать нужду? Да вы же сами, докторъ, можете служить примѣромъ: на дняхъ вы дали лодочнику, который васъ привезъ, пять кронъ; вы сами это разсказали, я это слышалъ отъ васъ же. Почему же вы дали ему эти пять кронъ? Конечно, не для того, чтобы совершить угодное Богу дѣло; это вамъ, безъ сомнѣнія, тогда и въ голову не приходило; можетъ быть, этотъ человѣкъ вовсе и не особенно нуждался въ нихъ; но вы все-таки это сдѣлали! И вы навѣрное въ ту минуту дѣйствовали подъ вліяніемъ опредѣленной потребности отдать что-нибудь и обрадовать другого... Мнѣ представляется такимъ невѣроятно жалкимъ и гаденькимъ это чрезмѣрное восхваленіе человѣческой благотворительности. Идешь въ одинъ прекрасный день по улицѣ, въ такую-то погоду, встрѣчаешь такихъ-то людей; все это вмѣстѣ вызываетъ въ тебѣ опредѣленное настроеніе. Вдругъ замѣчаешь лицо, лицо ребенка, лицо нищаго — которое вызываетъ въ тебѣ дрожь; странное чувство охватываетъ душу и заставляетъ тебя остановиться. Это лицо затронуло въ твоей душѣ какую-то необыкновенно чувствительную струну, ты увлекаешь нищаго въ первую попавшуюся дверь и суешь ему въ руку десять кронъ. Если ты выдашь меня, если ты скажешь хоть *одно* слово, я тебя убью! шепчешь ему, и скрежещешь зубами, и плачешь отъ гнѣва, говоря это. Такъ тебѣ важно, чтобы никто объ этомъ не зналъ. И это можетъ повторяться день за днемъ, такъ что самъ попадаешь въ самое затруднительное положеніе и остаешься безъ единаго гроша въ карманѣ... Господа, это не черта моего характера, я надѣюсь, вы этого не думаете; но я знаю человѣка, другого человѣка, я знаю даже двухъ людей, которые именно такъ созданы... Нѣтъ, даешь, потому что долженъ дать, и дѣлу конецъ! Но я сдѣлаю исключеніе для алчныхъ лю-

дей. Для людей алчныхъ и грубо-скупыхъ давать дѣйствительно сопряжено съ жертвой; поэтому не подлежитъ никакому сомнѣнію, и я это и говорю, что такіе люди за одно эре, которое они заставляютъ себя отдать, заслуживаютъ большаго уваженія, чѣмъ вы, и онъ, и я, которые для собственнаго нашего удовольствія выбрасываемъ крону. Поклонитесь Толстому и скажите ему, что я ни гроша не дамъ за всю его отвратительную показную доброту—не раньше, чѣмъ онъ не отдастъ все, что имѣетъ, и даже и тогда еще нѣтъ... Впрочемъ, прошу извиненія, если я задѣлъ кого-нибудь изъ васъ, господа. Пожалуйста, возьмите еще сигару, милѣйшій господинъ Грэгордъ. Ваше здоровье, докторъ!

Пауза.

— Сколько человѣкъ вы разсчитываете обратить такимъ образомъ въ теченіе вашей жизни?—спросилъ послѣ нѣкотораго молчанія докторъ.

— Браво!—воскликнулъ адъюнктъ.—Адъюнктъ Гольтанъ говоритъ вамъ: браво!

— Я?—спросилъ Нагель.—Нѣтъ, я никого не обращаю, рѣшительно никого. У меня, къ сожалѣнію, нѣтъ для этого данныхъ. Да, если-бы я долженъ былъ существовать обращеніемъ другихъ людей, то я скоро умеръ-бы съ голоду. Но я не могу этого постичь, что и другіе люди не думаютъ такъ-же, какъ я. Слѣдовательно, неправъ больше всего я, должно быть. Но не *совсѣмъ* неправъ, не можетъ быть, чтобы я былъ *кругомъ* неправъ.

— Но мнѣ еще ни разу не приходилось слышать, чтобы вы признали что-нибудь, или кого-нибудь,—сказалъ докторъ.—Было бы интересно знать, существуетъ-ли хоть одинъ человѣкъ, котораго бы вы признали.

— Позвольте мнѣ вамъ объяснить кое-что,—отвѣтилъ Нагель.—Это будетъ въ двухъ словахъ. Вы собственно хотѣли сказать: обратите вниманіе, нѣтъ ни одного человѣка, на котораго-бы онъ смотрѣлъ съ уваженіемъ, онъ олицетворенное высокомѣріе, онъ

никого не признаетъ! Но это заблужденіе. Мой мозгъ не много схватываетъ, онъ не особенно обширенъ; но я могъ-бы вамъ насчитать сотни и сотни этихъ обыкновенныхъ, обще-признанныхъ великихъ людей, наполняющихъ весь міръ своей шутливой славой. У меня уши полны ими. Но я предпочелъ-бы назвать двухъ, четырехъ, шестерыхъ величайшихъ героевъ духа, полубоговъ, гигантскихъ созидателей цѣнностей, а затѣмъ ограничиться нѣсколькими ничтожными величинами, своеобразными, тонкими геніями, о которыхъ никто не говоритъ, которые не долго живутъ и умираютъ молодыми и неизвѣстными. Можетъ статься, что я насчиталъ-бы сравнительно много такихъ, таковъ ужъ у меня вкусъ. Но въ одномъ я увѣренъ: Толстого я бы позабылъ назвать.

— Послушайте,—сказалъ докторъ, желая положить конецъ этому спору—онъ при этомъ чрезвычайно иронически пожалъ плечами;—неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что человѣкъ могъ-бы заслужить такую всемірную извѣстность, какою пользуется Толстой, не будучи выдающейся по уму личностью? Чрезвычайно забавно слушать васъ, но—позвольте мнѣ сказать это вамъ—то, что вы говорите, это сущій вздоръ, вы порете дичь, и пусть меня черти возьмутъ, если это неправда! Не правда-ли, вѣдь мы согласились ничего не имѣть противъ того, если мнѣніе наше будетъ высказано нѣсколько сильно—тѣмъ болѣе, что вы сами подали примѣръ?

— Конечно! И въ этомъ вы правы, я наговорилъ слишкомъ много вздору. Но что я хотѣлъ этимъ сказать? Такъ всемірная извѣстность Толстого служитъ доказательствомъ его большого ума! Но почему-же? Извѣстность Толстого ничего больше не означаетъ, какъ популярность, а для того, чтобы пріобрѣсти популярность, надо обладать извѣстной долей глупости, моральной, душевной глупости; надо просто... Я вижу, вы докторъ, теряете терпѣніе, и вы имѣете полное основаніе къ этому; я, дѣйствительно, совсѣмъ не любезный хозяинъ. Но я исправлюсь, вотъ

вы увидите... Скажите-ка, господинъ Эйенъ, вѣдь у васъ ничего нѣтъ въ стаканѣ? Почему вы ничего не пьете?

Студентъ Эйенъ все это время сидѣлъ неподвижно, какъ истуканъ, и слѣдилъ за разговоромъ; самъ онъ не проронилъ ни слова. Его маленькіе глазки были полны любопытства, и уши его буквально шевелились, ловя слова. Этотъ молодой человѣкъ проявлялъ большой интересъ къ спору. Говорили про него, что онъ — какъ и другіе студенты — во время каникулъ пишетъ романъ.

Сара явилась и объявила, что ужинъ готовъ. Адвокатъ, слегка уже осовѣвшій, вдругъ поднялъ голову и сталъ смотрѣть на нее во всѣ глаза; когда она скрылась за дверью, онъ вскочилъ со стула, догналъ ее на лѣстницѣ и сказалъ голосомъ, полнымъ восхищенія:

— Сара, на тебя упоительно смотрѣть, я долженъ тебѣ сказать!

Послѣ этого онъ снова вернулся въ комнату и усѣлся на свое мѣсто такъ-же серьезно, какъ до того. Онъ былъ изрядно пьянъ и совершенно не могъ защищаться, когда докторъ Стенерсенъ, наконецъ, накинулся на него по поводу его соціализма. Хорошъ соціалистъ, нечего сказать! Онъ живодеръ, жалкій посредникъ между сильными и слабыми, юристъ, живущій враждой другихъ и за деньги облекающій насиліе въ форму права, законнаго права! И такой человѣкъ называетъ себя соціалистомъ.

— Да, но въ принципѣ, въ принципѣ,—возразилъ адвокатъ.

— Да, принципъ!—И докторъ съ величайшей ироніей сталъ говорить о принципѣ адвоката Гансена. Спускаясь вмѣстѣ съ остальными въ столовую, онъ дѣлалъ выпадъ за выпадомъ, высмѣивая Гансена, какъ адвоката, и нападалъ на соціализмъ вообще. Онъ, докторъ, либералъ тѣломъ и душой, онъ не соціалистъ на словахъ. Что такое соціалистическій принципъ? Къ чорту его? Докторъ сѣлъ на своего конька: соціализмъ, въ короткихъ словахъ, это идея мести низшихъ классовъ. Что собою представляетъ соціа-

лизмъ, какъ движеніе? Это толпа слѣпыхъ и глухихъ животныхъ, плетущихся, высунувъ языки, за своими вожаками. Думаютъ-ли они дальше завтрашняго дня? Нѣтъ, эти люди не думаютъ. Если-бы они думали, они-бы перешли къ лѣвой и сдѣлали-бы что-нибудь полезное и практическое, вмѣсто того, чтобы лежать и всю жизнь мечтать о невозможномъ. Фи! А ихъ вожди, кого ни взять—что это за люди? Исхудалые оборванцы, сидящіе въ своихъ чердачныхъ коморкахъ на деревянныхъ табуреткахъ и пишущіе трактаты объ усовершенствованіи міра! Они, можетъ быть, прекрасные люди, конечно, кто бы могъ сказать что-нибудь противъ Карла Маркса? И все-же этотъ Марксъ сидѣлъ и устранялъ на бумагѣ бѣдность изъ міра—только теоретически. Мозгъ его выдумалъ всѣ виды бѣдности, всѣ степени нужды, его сердце вмѣщаетъ въ себѣ страданія всего человѣчества. И онъ макаетъ перо въ чернила, и весь пылаетъ, и исписываетъ страницу за страницей, наполняетъ цѣлые листы цифрами, беретъ у богатаго и отдаетъ бѣдному, распредѣляетъ колоссальныя суммы, перестраиваетъ экономику всего свѣта, осыпаетъ милліардами изумленныхъ бѣдняковъ—все это научно, все теоретически! И въ концѣ концовъ оказывается, что въ наивности своей эти люди взяли за исходную точку совершенно ложный принципъ: равенство людей! Фи! Да, по истинѣ совершенно ложный принципъ! И это вмѣсто того, чтобы дѣлать что-нибудь полезное, чтобы направить свою реформаторскую дѣятельность къ пользѣ и выгодѣ истинной демократіи...

Докторъ тоже все больше и больше пьянѣлъ; онъ много говорилъ и высказывалъ категоричныя утвержденія. За ужиномъ стало еще хуже; было выпито много шампанскаго, и настроеніе поднялось до высшей точки; даже Минутта, сидѣвшій рядомъ съ Нагелемъ и молчавшій весь вечеръ, теперь вмѣшался въ разговоръ нѣсколькими замѣчаніями. Адъюнктъ сидѣлъ, какъ деревянный, и безостановочно кричалъ, что онъ выпачкалъ свой костюмъ яйцомъ и не можетъ двинуться; онъ былъ совершенно безпомо-

щенъ; но когда пришла Сара съ полотенцемъ, чтобы вытереть его костюмъ, адвокатъ воспользовался случаемъ, привлекъ ее къ себѣ и сталъ съ ней безобразничать. За столомъ царилъ величайшій сумбуръ.

Между тѣмъ Нагель велѣлъ принести къ себѣ въ комнату корзину съ шампанскимъ; вслѣдъ затѣмъ всѣ поднялись изъ-за стола. Адъюнктъ и адвокатъ шли, обнявшись, и весело распѣвали, докторъ же снова сталъ горячо распространяться о соціалистическомъ принципѣ; но на лѣстницѣ онъ имѣлъ несчастье лишиться своего пенснэ, оно упало на полъ, по крайней мѣрѣ, въ десятый разъ и, наконецъ, разбилось. Оба стекла разлетѣлись вдребезги. Онъ сунулъ оправу въ карманъ и остался слѣпымъ на весь вечеръ. Это злило его и возбуждало еще больше; онъ гнѣвно усѣлся около Нагеля и сказалъ:

— Если я правильно понялъ васъ, то армія спасенія не вызываетъ полнаго вашего презрѣнія? Это не одна болтовня?

Онъ проговорилъ это совершенно серьезно и ждалъ отвѣта. Послѣ краткаго молчанія онъ снова сказалъ, что отъ разговора, который былъ между ними—это произошло какъ разъ въ день похоронъ Карльсена—у него осталось впечатлѣніе, будто онъ—Нагель—готовъ защищать этотъ вздоръ.

— Я защищаю религіозную *жизнь* въ человѣкѣ, — возразилъ Нагель.—А почему? Потому что это фактъ. Спеціально же христіанства, напротивъ, я совсѣмъ не защищаю, нисколько, я защищаю только религіозную жизнь вообще. Вы сказали, что всѣхъ теологовъ надо повѣсить. Я спросилъ: почему? Потому что ихъ роль окончена, отвѣтили вы. И въ этомъ я съ вами не согласился. Религіозная жизнь это фактъ. Турокъ говоритъ: Аллахъ великъ! и умираетъ за это убѣжденіе; норвежецъ преклоняетъ колѣни передъ алтаремъ и по сей день еще вкушаетъ кровь Христову. Другой народъ вѣритъ въ какой-нибудь коровій колокольчикъ и въ этой вѣрѣ умираетъ въ блаженствѣ. Дѣло вовсе не въ томъ, во *что* вы вѣрите, а *какъ* вы въ это вѣрите...

— Я пораженъ, что слышу отъ васъ подобный вздоръ. Да, я, конечно, васъ не знаю; но мнѣ казалось, что въ нѣкоторыхъ вопросахъ вы худшій радикалъ, чѣмъ кто-либо изъ насъ, а между тѣмъ въ этомъ вопросѣ вы прямо невозможны. Я, право, спрашиваю себя, ужъ не скрывается ли въ васъ консерваторъ. Одна за другою появляются научныя критики, разбивающія теологовъ и сочиненія по теологіи; писатели одинъ за другимъ разносятъ въ пухъ и прахъ то какой-нибудь сборникъ проповѣдей, то трактатъ по теологіи, а вы, несмотря на все это, все еще вѣрите въ то, что, напримѣръ, комедія съ Христовой кровью въ настоящее время еще имѣетъ какое-нибудь значеніе! Мнѣ непонятенъ ходъ вашихъ мыслей.

— Вы не допускаете, докторъ, что вѣдь въ сущности есть извѣстный радикализмъ въ томъ, чтобы поддерживать мнѣніе, рѣзко противорѣчащее торжествующему либерализму? Впрочемъ, оставимъ это въ сторонѣ! но и я не могу согласиться съ вами въ томъ, что вы говорите о критикѣ. Критика выуживаетъ какой-нибудь метафизическій вопросъ и разноситъ его „въ пухъ и прахъ“. Кстати: были вы когда-нибудь на конской ярмаркѣ, присутствовали при мѣнѣ лошадей? Нѣтъ? Да, да, мы говоримъ о критикѣ, объ этихъ острыхъ и въ высшей степени талантливыхъ ударахъ въ область метафизики. Что вы думаете? Я думаю, что она ничего не стоитъ, это невѣжественныя претензіи, мужицкая логика. На 34 страницѣ пасторъ Хьельмъ говоритъ то-то и то-то, на 108 же страницѣ пасторъ Хьельмъ говоритъ то-то и то-то, и вотъ доказательство своеобразной логики пастора Хьельма! Мнѣ представляется, что это такъ страшно узко, такъ ограничено. Дѣло въ томъ, что мы вѣдь прекрасно понимаемъ, что этотъ человѣкъ хотѣлъ сказать и на той, и на другой страницѣ; но надо его во что бы то ни стало уличить въ формальномъ противорѣчіи, поймать его на словѣ. Но вопреки этой китайски-мозаичной работѣ люди все-таки продолжаютъ продѣлывать „комедію съ Христовой кровью“...

— Что, по вашему, въ порядкѣ вещей?

— Что, слѣдовательно, есть фактъ! И какая въ сущности выгода—извините, впрочемъ, я, можетъ быть, уже разъ спросилъ васъ объ этомъ—какая, собственно, будетъ выгода, говоря чисто практически, если мы отнимемъ у жизни всю поэзію, всѣ мечты, всю красоту мистики, всю ложь? Что такое правда? Вы это знаете? Вѣдь мы только благодаря символамъ подвигаемся впередъ, и эти символы мы мѣняемъ по мѣрѣ того, какъ идемъ впередъ... Это для васъ, конечно, не достаточно радикально,—если это только не слишкомъ радикально. Ну, какъ вамъ угодно!.. Но я вамъ не наскучилъ, докторъ? Впрочемъ, мы забыли про наши стаканы.

Докторъ поднялся и прошелся по комнатѣ. Онъ съ досадой посмотрѣлъ на загнувшійся у двери коверъ и даже опустился на колѣни, чтобы расправить его.

— Ты, право, могъ бы мнѣ одолжить свои очки, Гансенъ, вѣдь ты все равно сидишь и спишь, — сказалъ онъ сердитымъ голосомъ.

Но Гансенъ не пожелалъ дать своихъ очковъ, и докторъ съ досадой отвернулся отъ него. Онъ снова подсѣлъ къ Нагелю.

— Да, это все вздоръ, вотъ въ чемъ дѣло, все выѣденнаго яйца не стоитъ, если стать на вашу точку зрѣнія. Вы, можетъ быть, во многомъ правы. Взгляните-ка на Гансена, ха-ха-ха, прости, пожалуйста, что я позволяю себѣ смѣяться надъ тобою, Гансенъ, адвокатъ и соціалистъ Гансенъ. Не испытываешь ли ты, впрочемъ, нѣкоторой внутренней радости всякій разъ, когда два добрыхъ гражданина затѣваютъ ссору и начинаютъ процессъ другъ противъ друга, что? Нѣтъ, если бы это только было возможно, ты бы всегда кончалъ дѣло миромъ и не бралъ бы за это ни одного шиллинга! А въ ближайшее воскресенье ты бы отправлялся въ рабочее собраніе и передъ двумя ремесленниками и однимъ мясникомъ держалъ-бы рѣчь о соціалистическомъ государствѣ. Да, сказалъ бы ты, каждый членъ общества будетъ получать свою прибыль въ зависимости отъ его производительной способности;

все устроено такъ великолѣпно, что никто не оказывается въ обидѣ. Но вотъ встаетъ мясникъ, геній, помилуй меня Богъ, въ сравненіи со всѣми вами; онъ встаетъ и говоритъ: но я, говоритъ онъ обладаю только довольно значительной потребительной способностью, въ смыслѣ же производительности я не болѣе, какъ бѣдный мясникъ, мои способности,—говоритъ онъ,—дальше этого не идутъ. И не будешь ли ты тогда стоять передъ нимъ весь блѣдный и свирѣпый, что, оселъ ты этакой?.. Да, храпи себѣ, храпи, это ты лучше всего умѣешь; храпи во всю!

Докторъ былъ теперь изрядно пьянъ, языкъ не повиновался ему, и глаза его получили стеклянное выраженіе. Послѣ короткаго молчанія онъ снова обратился къ Нагелю и продолжалъ мрачно;

— Впрочемъ, я вовсе не думалъ, что именно теологи одни должны покончить съ собой. Нѣтъ, чортъ меня побери, всѣ мы должны были бы сдѣлать это; истребить весь родъ людской, и пусть себѣ земля продолжаетъ потомъ вертѣться вокругъ своей оси.

Нагель чокнулся съ Минуттой. Не получая отвѣта, докторъ разсердился и крикнулъ:

— Вы не слышите, что я говорю? Я говорю, что мы всѣ должны были бы покончить съ собой; вы, конечно, тоже, вы тоже.

У доктора былъ при этомъ чрезвычайно свирѣпый видъ.

— Да,—отвѣтилъ Нагель,—объ этомъ и я тоже думалъ. Но, что касается меня, то у меня не хватаетъ для этого мужества.— Пауза.—Я, слѣдовательно, отнюдь не утверждаю, что у меня хватило бы мужества; но *если бы* въ одинъ прекрасный день у меня оказалось на столько мужества, то орудіе у меня готово. На всякій случай я ношу его всегда при себѣ.

Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана своего жилета маленькій аптекарскій пузырекъ съ надписью, указывающей на ядовитое содержаніе, и поднялъ его кверху. Пузырекъ былъ наполненъ только до половины.

— Настоящая синильная кислота, чистѣйшей воды,—сказалъ онъ.—Но у меня никогда не хватаетъ мужества, мнѣ это не по силамъ... Докторъ, вы можете мнѣ сказать достаточно ли этого количества? Половину я примѣнилъ уже на животномъ, дѣйствіе было превосходное. Короткая борьба, нѣсколько траги-комическихъ гримасъ, два три судорожныхъ вздоха, вотъ и все; полнѣйшій матъ въ три хода.

Докторъ взялъ пузырекъ, внимательно посмотрѣлъ, два раза встряхнулъ его и сказалъ:

— Этого достаточно, болѣе чѣмъ достаточно... Я въ сущности долженъ былъ бы забрать у васъ эту скляночку; но, если у васъ нѣтъ мужества, то...

— Нѣтъ, у меня нѣтъ мужества.

Пауза. Нагель снова сунулъ пузырекъ въ карманъ жилета. Докторъ все больше и больше совѣлъ, онъ безпрестанно подносилъ стаканъ ко рту, смотрѣлъ вокругъ себя неподвижнымъ взглядомъ и плевалъ на полъ. Вдругъ онъ крикнулъ черезъ комнату адъюнкту:

— Эй, Гольтанъ, какъ твои дѣла? Можешь ты еще выговорить „ассоціаціи идей?“ Я больше не могу. Спокойной ночи.

Адъюнктъ открылъ глаза, слегка потянулся, всталъ и подошелъ къ окну; тамъ онъ остановился и сталъ глядѣть на улицу. Когда разговоръ возобновился, онъ воспользовался случаемъ, чтобы улизнуть; онъ незамѣтно пробрался вдоль стѣны до двери, открылъ ее и шмыгнулъ за дверь раньше, чѣмъ кто-нибудь успѣлъ это замѣтить. Это была обычная манера адъюнкта Гольтана покидать общество.

Минутта тоже всталъ, чтобы уйти; но когда Нагель попросилъ его остаться еще немного, онъ снова сѣлъ. Адвокатъ Гансенъ спалъ. Трое оставшихся еще трезвыми, студентъ Эйенъ, Минутта и Нагель, заговорили о литературѣ. Докторъ слушалъ съ полуоткрытыми глазами, но самъ не говорилъ больше ни слова. Скоро и онъ заснулъ.

Студентъ былъ очень начитанъ и преклонялся передъ Мопасаномъ: надо сознаться, что Мопасанъ сумѣлъ постичь тайны женской натуры во всей ихъ глубинѣ; какъ поэтъ любви, онъ стоитъ внѣ всякаго сравненія. Какая смѣлость изображенія, что за удивительное знаніе человѣческаго сердца! Нагель сталъ ему возражать; смѣшно кипятясь, стуча кулакомъ по столу, крича, онъ сталъ нападать на писателей, разнесъ ихъ всѣхъ одного за другимъ, пощадивъ лишь весьма немногихъ. Грудь его колыхалась отъ гнѣва, и на губахъ появилась пѣна:

Поэты! Ха-ха, да, ужъ можно сказать *вотъ* люди, которые проникли въ самые тайники человѣческаго сердца! Что такое представляютъ собою поэты, эти кичливыя созданія, сумѣвшіе пріобрѣсти такую власть въ современной жизни, что они такое? Язва, проказа на общественномъ тѣлѣ, воспаленные прыщи, съ которыми надо обращаться чрезвычайно бережно, къ которымъ нельзя прикасаться иначе, какъ съ величайшей осторожностью и уваженіемъ, потому что они не переносятъ жесткаго прикосновенія! Да, за поэтами надо непремѣнно ухаживать, особенно за наиболѣе глупыми, человѣчески наименѣе развитыми. Иначе они перекочуютъ за границу! Хе-хе, за границу, да! О, Боже милостивый, что за восхитительная комедія! А если есть гдѣ-нибудь поэтъ, настоящій поэтъ, боговдохновенный пѣвецъ съ пѣснями въ груди, то можно поручиться, что его поставятъ далеко позади грубыхъ подражателей—профессіоналовъ, угощающихъ публику пряными напитками. Да, да, все дѣло въ количествѣ, въ остротѣ напитка. Онъ, Нагель, конечно, не знатокъ, онъ простой агрономъ съ самымъ обыкновеннымъ лошадинымъ вкусомъ, поэтому онъ вовсе и не претендуетъ на то, чтобы имѣть на своей сторонѣ пятьдесятъ человѣкъ. Ему ужъ разъ случилось провалиться, высказавшись по поводу Шекспира. Это было на одномъ вечерѣ Да, онъ въ самомъ дѣлѣ читалъ Шекспира, онъ рѣшилъ непремѣнно достигнуть самой вершины образованія, это было предметомъ его честолюбія и поэтому онъ сталъ читать Шекспира. Но,

увы! онъ нашелъ Шекспира чрезвычайно прѣснымъ, а поклонниковъ его весьма, весьма невзыскательными. Тогда поднялся спеціалистъ, знатокъ, эстетикъ и въ великомъ гнѣвѣ заявилъ ему: да сказалъ онъ, таково ваше ничтожное мнѣніе, но вѣдь это еще не значитъ, что это мнѣніе раздѣляетъ весь свѣтъ! Хе-хе, весь свѣтъ этого мнѣнія не раздѣляетъ, сказалъ онъ. Помилуй насъ Господи, что за комикъ этотъ человѣкъ! Нѣтъ, конечно, весь свѣтъ этого мнѣнія не раздѣлялъ, но что съ того? Какое дѣло ему, Нагелю, до того, держатся ли пятьдесятъ тысячъ человѣкъ другого мнѣнія, чѣмъ онъ? Что ему, во имя Бога, до того, что все человѣчество стоитъ за красное, когда онъ стоитъ за черное?... Теперь ему говорятъ даже о Мопасанѣ. Господи помилуй! Человѣкъ, который много писалъ о любви, и у котораго книги, безъ сомнѣнія, съ большой легкостью выходили изъ-подъ пера; что правда, то правда. Но вотъ маленькая, ярко сіяющая звѣздочка, настоящій поэтъ въ своей области, Альфредъ де-Мюссэ, у котораго любовь не сладострастная рутина, а нѣжная и пылкая весенняя мелодія, проникающая все его существо, у котораго слова буквально пламенѣютъ въ строкахъ—и у этого поэта, можетъ быть, и половины нѣтъ той массы приверженцевъ, какую насчитываетъ Мопасанъ, этотъ маленькій писатель со своей въ высшей степени грубой и бездушной поэзіей бедеръ.

Нагель перешелъ всякія границы. Онъ нашелъ поводъ напасть и на Виктора Гюго и вообще послать къ чорту всѣхъ великихъ писателей всего міра! Да, прямо послать ихъ къ чорту! Не желаютъ ли его гости выслушать маленькій образчикъ пустой поэтической шумихи Виктора Гюго? Послушайте: „Пусть будетъ твоя сталь столь же остра, какъ твое послѣднее „нѣтъ!“ Да, что они на это скажутъ; развѣ это не хорошо звучитъ? Что думаетъ объ этомъ господинъ Грэгордъ?

И Нагель посмотрѣлъ при этомъ на Минутту пронизывающимъ взглядомъ. Онъ продолжалъ смотрѣть на него такъ же пристально и медленно и раздѣльно повторилъ еще разъ каждое слово Виктора Гюго, все не отводя глазъ отъ лица Минутты. Минутта ничего не отвѣтилъ; его голубые глаза страшно расширились, и въ смущеніи онъ потянулъ большой глотокъ изъ своего стакана.

— Но вѣдь эта строфа вовсе не такъ невозможна,—замѣтилъ студентъ.

Нагель снова сталъ горячиться: вотъ какъ, не такъ невозможна? Какъ онъ скверно ее ни произнесъ, она все-таки еще производитъ впечатлѣніе? Да, ну въ такомъ случаѣ она должна быть произнесена иначе! Ему слѣдовало бы въ сущности подняться, стать у двери и оттуда изрыгнуть эту удивительную поэзію на головы своихъ гостей. Да, потому что Виктора Гюго, для того, чтобы онъ могъ появиться во всемъ своемъ блескѣ, надо читать съ грубымъ паѳосомъ, иначе изъ его произведенія исчезнетъ, такъ сказать, весь его духъ... Ну, не стоитъ труда распространяться дальше о Викторѣ Гюго. Царство ему небесное! Ваше здоровье!

Они выпили.

— Вы упомянули объ Ибсенѣ,—продолжалъ Нагель, все еще возбужденно. По его мнѣнію въ Норвегіи есть только *одинъ* поэтъ и это *не* Ибсенъ. Нѣтъ, безусловно нѣтъ. Говорятъ объ Ибсенѣ, какъ о мыслителѣ; не слѣдовало ли бы различать между популярнымъ резонерствованіемъ и истиннымъ мышленіемъ? Говорятъ о славѣ Ибсена, намъ уши прожужжали его мужествомъ; не слѣдовало ли бы дѣлать нѣкоторую разницу между теоретическимъ и практическимъ мужествомъ, между безкорыстнымъ, ни съ чѣмъ не считающимся революціоннымъ пыломъ и домашнимъ возмущеніемъ въ предѣлахъ своихъ четырехъ стѣнъ? Одно сіяетъ въ жизни, другое ослѣпляетъ на сценѣ. Норвежскій писатель, который не выступаетъ съ помпой, держа въ рукѣ булавку вмѣсто копья, такой человѣкъ не норвежскій писатель; надо найти ту или другую жердь, о которую можно было бы потереться, иначе не прослывешь мужественнымъ муравьемъ. Право, забавно смотрѣть на это зрѣлище издали! Боевого шума и проявленія мужества

тутъ, точно при Наполеоновскомъ сраженіи. опасности же и риску не болѣе, чѣмъ при французской дуэли. Хе-хе-хе... Нѣтъ, человѣкъ, который хочетъ поднять знамя возмущенія, долженъ прежде всего умѣть взять перо въ руки безъ лайковыхъ перчатокъ; онъ не можетъ представлять собою лишь нѣкоторый пишущій курьезъ, быть исключительно отвлеченнымъ литературнымъ понятіемъ для нѣмцевъ, онъ долженъ дѣятельно и энергично бросаться въ битву жизни. Революціонное мужество Ибсена навѣрное никогда не ставитъ его въ опасное положеніе. Не приходилось ли вамъ когда-нибудь слыхать, какъ рвутъ полотно? Хе-хе-хе, чрезвычайно внушительный шумъ! Ну, что жъ, одинъ шумъ, можетъ быть, не хуже другого, вѣдь преклоняемся же мы передъ такимъ бабьимъ дѣломъ, какъ писаніе для публики. Какъ бы оно ни было жалко, оно во всякомъ случаѣ имѣетъ не меньшую цѣну, чѣмъ чадная нравственность Льва Толстого и его проповѣдь во имя его ничтожнаго Бога. Къ чорту все.

Все? Все?

Да, почти. Впрочемъ, у насъ есть *одинъ* писатель, это Бьернсонъ въ его лучшія минуты. Онъ все-таки нашъ единственный, несмотря на все, несмотря на все...

Но развѣ нельзя отнести и къ Бьернсону большинство возраженій, выставленныхъ противъ Толстого? Не является ли и Бьернсонъ только пропагандистомъ, проповѣдникомъ морали, обыкновеннымъ, скучнымъ старикомъ, профессіональнымъ сочинителемъ книгъ и т. д.?

— Нѣтъ—воскликнулъ Нагель громко. Онъ сталъ, жестикулируя, горячо защищать Бьернсона; нельзя сравнивать Бьернсона съ Толстымъ, отчасти потому, что это противорѣчитъ простому агрономическому смыслу каждаго человѣка, отчасти же потому что противъ этого возстаетъ человѣческое чувство. Во-первыхъ, Бьернсонъ геній, чѣмъ Толстой не былъ никогда во всю свою жизнь. Онъ, Нагель, не особенно высоко ставитъ всѣхъ этихъ, обыкновенныхъ и шаблонныхъ геніевъ. Видитъ Богъ, въ этомъ

онъ не повиненъ—но даже и до нихъ Толстой не доросъ. Это, конечно, нисколько не мѣшаетъ Толстому писать книги, которыя лучше многихъ книгъ Бьернсона; но что это доказываетъ? Хорошія книги могутъ писать даже датскіе капитаны, норвежскіе живописцы и англійскія женщины. Во-вторыхъ, Бьернсонъ человѣкъ, яркая личность, а не отвлеченное понятіе. Онъ борется и бушуетъ, какъ живой человѣкъ, и заткнетъ за поясъ сорокъ другихъ. Онъ не является передъ людьми сфинксомъ, великимъ и таинственнымъ; его душа подобно лѣсу въ бурю, онъ борется, онъ во всемъ принимаетъ участіе и самымъ великолѣпнымъ образомъ вредитъ своимъ же собственнымъ интересамъ въ глазахъ публики. Онъ крупная величина, могучій духъ, одинъ изъ немногихъ властвующихъ надъ толпой; онъ можетъ, стоя на трибунѣ, однимъ движеніемъ руки заставить умолкнуть подымающійся свистъ. У него мозгъ, въ которомъ безостановочно происходитъ работа и зарождаются идеи; его побѣды могучи, его ошибки грубы; но во всемъ сказывается яркая личность и выдающійся умъ. Бьернсонъ нашъ единственный поэтъ съ вдохновеніемъ, съ искрой Божіей. Въ душѣ его всегда происходитъ что то—точно слышишь, какъ рожь шумитъ въ лѣтній день, и кончается тѣмъ, что ничего не слышишь, кромѣ этого, ничего, кромѣ этого: такъ совершаются движенія его души—движенія генія. По сравненію съ творчествомъ Бьернсона и творчество Ибсена, напримѣръ, представляетъ простую механическую конторскую работу. Достоинство стихотвореній Ибсена въ значительной степени заключаются въ томъ, что риема съ трескомъ приходится къ риемѣ; драмы его это большей частью неуклюжія деревянныя массы. Да что, чортъ возьми... Впрочемъ, лучше оставить это; ваше здоровье...

Было два часа. Минутта зѣваетъ. Послѣ тяжелой дневной работы его клонитъ ко сну, а безконечная болтовня Нагеля еще болѣе утомила его и наскучила ему; онъ встаетъ и собирается уходить. Но едва онъ успѣлъ проститься и дойти до двери, какъ произошло нѣчто, что заставило его остановиться, малень-

кое происшествіе, которому суждено было впослѣдствіи получить большое значеніе: докторъ проснулся, энергично взмахнулъ рукой и, не видя ничего по близорукости, опрокинулъ нѣсколько стоявшихъ по близости стакановъ; Нагель, сидѣвшій ближе всѣхъ къ доктору, былъ весь облитъ шампанскимъ. Онъ вскочилъ и, смѣясь, громко крича ура, сталъ стряхивать съ себя капли вина.

Минутта сейчасъ же проявилъ свою услужливость, онъ подбѣжалъ къ Нагелю съ платками и полотенцами и принялся его обтирать. Особенно плохо пришлось жилету, если бы онъ его снялъ хотя на короткое время, на одну минуту! Но Нагель не хотѣлъ снимать жилета. Адвокатъ проснулся отъ шума и тоже сталъ кричать ура, не зная, въ чемъ дѣло. Минутта снова обратился къ Нагелю съ просьбой дать ему на минуту жилетъ, но Нагель только покачалъ головой въ отвѣтъ. Вдругъ онъ взглядываетъ на Минутту; ему что-то приходитъ въ голову, онъ моментально встаетъ, снимаетъ съ себя жилетъ и порывисто протягиваетъ его Минуттѣ.

— Пожалуйста,—говоритъ онъ,—оботрите его: оставьте его у себя; да, да, оставьте его себѣ, вѣдь у васъ нѣтъ жилета. Ну, что за глупости! Я очень охотно даю вамъ его, мой другъ.

Но такъ какъ Минутта продолжалъ протестовать, то Нагель сунулъ ему жилетъ подъ мышку, открылъ дверь и дружески вытолкнулъ его.

Минутта ушелъ.

Все это произошло такъ быстро, что только Эйенъ, сидѣвшій у двери, замѣтилъ это.

Адвокатъ еще не протрезвившійся, предложилъ разбить и остальные стаканы. Нагель ничего не возразилъ противъ этого предложенія, и вотъ четверо взрослыхъ людей занялись швыряніемъ объ стѣну стакановъ, одного за другимъ, пока всѣ стаканы не были перебиты. Послѣ этого за неимѣніемъ стакановъ, они пили изъ бутылокъ, ревѣли, какъ матросы, и плясали по комнатѣ. Только въ четыре часа кончилось это веселое время-

препровожденіе. Докторъ былъ безмѣрно пьянъ. Уже въ дверяхъ студентъ Эйенъ повернулся еще разъ къ Нагелю и сказалъ:

— Но то, что вы говорили о Толстомъ, можно вѣдь сказать и о Бьернсонѣ. Вы непослѣдовательны въ своихъ словахъ...

— Ха-ха-ха!—Докторъ хохоталъ, какъ сумасшедшій. — Онъ требуетъ послѣдовательности... въ эту пору дня! Можете вы говорить „энциклопедисты“, голубчикъ? „Ассоціаціи идей?“ Ну, тогда идемте, и я васъ отведу домой... Ха-ха, въ эту пору дня!

Дождя больше не было. Но и солнце не показывалось; погода, впрочемъ, была тихая и обѣщала мягкій день.

XIV.

Рано утромъ на слѣдующій день Минутта былъ уже снова въ гостинницѣ. Онъ тихонько вошелъ въ комнату Нагеля, положилъ на столъ его часы, нѣсколько бумагъ, карандашъ и маленькую скляночку съ ядомъ и собирался уже уйти, но въ эту минуту Нагель проснулся, и Минутта долженъ былъ объяснить ему, зачѣмъ онъ пришелъ.

— Эти вещи я нашелъ у васъ въ карманѣ жилета, — сказалъ онъ.

— Въ карманѣ жилета? Ахъ, да, чортъ возьми, я и забылъ. А который часъ?

— Восемь. Но ваши часы стоятъ, я не хотѣлъ ихъ трогать и не завелъ ихъ.

— Синильной кислоты вы, надѣюсь, не выпили?

Минутта улыбнулся и покачалъ головой. — Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ.

— Даже и не попробовали? Склянка должна быть наполнена до половины; дайте-ка мнѣ взглянуть.

Минутта показалъ ему, что склянка полна до половины.

— Хорошо! — Такъ восемь часовъ теперь? Значитъ, пора вставать... Вотъ что, Грэгордъ, пока я не забылъ, не можете ли вы мнѣ достать на прокатъ скрипку? Я хочу попробовать, могу

ли я научиться... Э, ерунда! Дѣло въ томъ, что я хочу *купить* скрипку, я хочу ее подарить одному знакомому; она мнѣ нужна не для собственнаго употребленія. Вы должны мнѣ непремѣнно достать скрипку, гдѣ хотите.

Минутта обѣщалъ приложить всѣ усилія, чтобы достать скрипку.

— Я вамъ очень благодаренъ. И загляните ко мнѣ снова, когда вамъ вздумается; вѣдь дорогу вы знаете.—До свиданія!

Часъ спустя Нагель былъ уже въ лѣсу, окружавшемъ пасторскій домъ. Земля была еще сыра отъ падавшаго наканунѣ вечеромъ дождя, а солнце слабо грѣло. Онъ сѣлъ на камень и сталъ внимательно смотрѣть на дорогу. На мягкомъ пескѣ дороги онъ замѣтилъ знакомые слѣды; онъ былъ почти увѣренъ, что это слѣды Дагни и что она пошла въ городъ. Прождавъ довольно долго, онъ, наконецъ, рѣшилъ пойти ей на встрѣчу и поднялся съ камня.

Онъ не ошибся; у опушки лѣса онъ встрѣтилъ ее. Въ рукахъ у нея была книга; это была „Гертруда Кольбьернсонъ“ Скрама.

Нѣкоторое время они говорили объ этой книгѣ, потомъ она сказала:

— Вы можете себѣ представить... наша собака околѣла.

— Околѣла?—переспросилъ онъ.

— Нѣсколько дней тому назадъ. Мы нашли ее мертвой. Я не могу понять, какъ это произошло.

— Представьте себѣ, я всегда находилъ, что эта ваша собака отвратительное существо, этакой песъ со вздернутымъ носомъ и самымъ нахальнымъ человѣческимъ лицомъ. Когда онъ устремлялъ на васъ взглядъ, углы его губъ опускались глубоко внизъ и придавали ему такое выраженіе, точно онъ несъ на своихъ плечахъ скорбь всего міра. Я прямо-таки радъ, что онъ околѣлъ.

— Какъ вамъ не стыдно...

Но онъ нервно прервалъ ее, почему-то стараясь перевести разговоръ на другой предметъ. Онъ началъ говорить о какомъ-то человѣкѣ, котораго онъ когда-то встрѣчалъ и который представлялъ самое смѣшное зрѣлище, какое только можно было себѣ представить.

Этотъ человѣкъ з-заикался немного и нисколько этого не скрывалъ; напротивъ, онъ скорѣе з-заикался еще сильнѣе, чѣмъ его заставлялъ природный недостатокъ, для того, чтобы недостатокъ этотъ былъ всѣмъ ясно замѣтенъ. У него были самыя странныя представленія о женщинѣ. Впрочемъ, онъ часто разсказывалъ какую-то мексиканскую исторію, которая въ его передачѣ становилась невыразимо смѣшной. Была невѣроятно холодная зима. Ртуть въ термометрахъ лопалась, и люди ни днемъ, ни ночью не выходили изъ домовъ. Но однажды ему пришлось итти въ сосѣдній городъ; онъ шелъ пустынной мѣстностью, въ которой лишь кой-гдѣ были разбросаны небольшія хижины; ледяной вѣтеръ невыносимо рѣзалъ лицо. Вдругъ въ эту отчаянную стужу изъ одной изъ хижинъ выскакиваетъ полуодѣтая женщина и бѣжитъ за нимъ, не переставая кричать: у васъ отъ мороза побѣлѣлъ носъ! берегите свой носъ, вы его отморозите! Женщина держала въ рукѣ ковшъ и рукава ея были засучены. Она увидала въ окно проходящаго мимо чужого человѣка и, бросивъ работу, побѣжала за нимъ, чтобы предостеречь его. Хе-хе-хе, слыхано ли что-нибудь подобное! И вотъ она стоитъ съ засученными рукавами на ледяномъ вѣтру, а въ это время ея правая щека все больше и больше бѣлѣетъ и превращается въ одну огромную опухоль. Хе-хе-хе, это совершенно невѣроятно!.. Однако, несмотря на этотъ и многіе другіе примѣры женскаго самопожертвованія, заика этотъ проявлялъ въ этомъ вопросѣ необыкновенное упорство взглядовъ. „Женщина странное и ненасытное существо“, говорилъ онъ мнѣ, не объясняя, въ чемъ собственно ея странность и ненасытность. „Совершенно невѣроятно, чего только она не способна вообразить“, говорилъ онъ. И онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: „у меня былъ другъ, который влюбился въ молодую дѣвушку; ее даже звали Клара. Онъ всячески старался покорить сердце этой дѣвушки, но всѣ его усилія были напрасны, Клара и слышать о немъ не хотѣла, хотя онъ былъ красивый и приличный молодой

человѣкъ. У этой самой Клары была сестра, безобразное и горбатое существо, прямо уродина; въ одинъ прекрасный день мой другъ дѣлаетъ ей предложеніе; одному Богу извѣстно, почему онъ это сдѣлалъ, можетъ быть, изъ разсчета, а можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ въ нее влюбился, хотя она и была такъ безобразна. Но что же дѣлаетъ Клара? Вотъ тутъ-то женская натура и показала свои когти; Клара начинаетъ кричать, Клара подымаетъ адскій шумъ: это меня онъ хотѣлъ! это меня онъ хотѣлъ! говоритъ она; но меня ему не видать, какъ ушей своихъ, я не хочу его ни за что на свѣтѣ, говоритъ она. Ну, и что жъ, вы думаете, онъ получилъ сестру, въ которую онъ, значитъ, въ концѣ концовъ такъ сильно влюбился? Вотъ въ томъ-то и дѣло, что Клара и сестрѣ не хотѣла его уступить. Хе-хе-хе! Такъ какъ онъ съ самаго начала хотѣлъ ее, такъ пусть же ему и горбатая сестра не достанется, которая едва ли для кого-нибудь была слишкомъ хороша. Такимъ образомъ моему другу не досталась ни одна изъ дѣвушекъ"... Это одна изъ многочисленныхъ исторій заики. Вслѣдствіе того, что онъ заикался, онъ и разсказывалъ такъ забавно. Это былъ, впрочемъ, чрезвычайно загадочный человѣкъ... Вамъ не скучно?

— Нѣтъ,—отвѣтила Дагни.

— Да, такъ онъ былъ чрезвычайно загадочный человѣкъ. Въ немъ было столько жадности, что онъ былъ въ состояніи, напримѣръ, снять кожаный ремень съ окна вагона и утащить его домой, чтобы употребить для чего-нибудь. Его положительно разъ поймали на такомъ воровствѣ. Съ другой стороны, онъ ни во что не ставилъ деньги, когда на него находило такое настроеніе. Однажды ему пришло на умъ устроить грандіозную прогулку въ экипажахъ; у него совершенно не было знакомыхъ, и онъ нанялъ для себя одного двадцать четыре коляски и отправилъ ихъ одну за другой длинной вереницей. Двадцать три коляски ѣхали совершенно пустыя, а въ двадцать четвертой—послѣдней — сидѣлъ

онъ самъ, глядя сверху внизъ на пѣшеходовъ, страшно гордый великолѣпнымъ зрѣлищемъ, которое онъ самъ устроилъ...

Но Нагель переходилъ съ предмета на предметъ безъ всякаго успѣха; Дагни едва слушала его. Онъ замолчалъ. Чортъ возьми, какъ онъ, однако, глупо себя держитъ по временамъ, разыгрывая шута какого-то! Накинуться на молодую дѣвицу, къ тому же еще даму сердца и занимать ее вздоромъ объ отмороженныхъ носахъ и двадцати четырехъ коляскахъ! И вдругъ ему пришло въ голову, что онъ уже раньше разъ основательно свалялъ дурака съ пошлымъ анекдотомъ объ эскимосѣ и портфелѣ для писемъ. При этомъ воспоминаніи кровь бросилась ему въ лицо, его всего передернуло, и онъ едва не остановился. Почему онъ, чортъ возьми, не слѣдитъ за собой. О, какъ ему было стыдно! Эти мгновенія, когда онъ такъ глупо болталъ, выставляли его въ смѣшномъ свѣтѣ, унижали его и отодвигали назадъ на недѣли и мѣсяцы. Что она могла о немъ думать!

Онъ сказалъ:

— А сколько времени еще до базара въ пользу государственной обороны?

Она, улыбаясь, отвѣтила:

— Почему вы дѣлаете такія усилія, чтобы безостановочно говорить? Отчего вы такъ нервны?

Этотъ вопросъ былъ для Нагеля такъ неожиданъ, что онъ смутился и съ минуту молча смотрѣлъ на нее. Тихо и съ бьющимся сердцемъ онъ отвѣтилъ наконецъ:

— Фрекенъ Кьелландъ, я обѣщалъ вамъ въ послѣдній разъ, что если мнѣ посчастливится еще встрѣтить васъ, я буду говорить обо всемъ рѣшительно кромѣ того, о чемъ мнѣ запрещено говорить. Я стараюсь сдержать свое обѣщаніе. До сихъ поръ мнѣ это удалось.

— Да,—сказала она, — надо держать свои обѣщанія, не слѣдуетъ нарушать своихъ обѣщаній.

Это она проговорила скорѣе про себя, чѣмъ обращаясь къ нему.

— Я до вашего прихода принялъ рѣшеніе во что бы то ни стало постараться сдержать слово; я зналъ, что встрѣчу васъ.

— Какъ вы могли это знать?

— Я видѣлъ вашъ слѣдъ здѣсь на дорогѣ.

Она бросила на него взглядъ и ничего не сказала.

Минуту спустя она замѣтила:

— У васъ рука повязана, вы ранены?

— Да,—отвѣтилъ онъ,—это ваша собака меня укусила.

Они оба остановились, и взгляды ихъ встрѣтились. Онъ крѣпко стиснулъ руки и продолжалъ съ мукой въ голосѣ:

— Я каждую ночь приходилъ сюда въ лѣсъ, я смотрѣлъ на ваши окна каждую ночь прежде, чѣмъ итти спать. Простите мнѣ это, вѣдь это же не преступленіе! Вы запретили мнѣ это дѣлать, это правда, но я это все-таки дѣлалъ, и теперь измѣнить этого нельзя. Ваша собака меня укусила, она боролась за свою жизнь; я умертвилъ ее, я далъ ей яду, потому что она вѣчно лаяла, когда я приходилъ, чтобы сказать спокойной ночи вашимъ окнамъ.

— Такъ это вы, значитъ, умертвили собаку!—сказала она.

— Да,—отвѣтилъ онъ.

Наступило молчаніе. Они стояли еще на томъ же мѣстѣ, глядя другъ на друга. Его грудь сильно вздымалась.

— И я былъ бы способенъ на гораздо худшія вещи еще, чтобы видѣть васъ, — продолжалъ онъ затѣмъ. — Вы не имѣете представленія о томъ, какъ я страдаю и какъ я и днемъ, и ночью занятъ только вами; нѣтъ, этого вы не можете себѣ представить. Я разговариваю съ людьми, смѣюсь, даже устраиваю веселыя пирушки—не далѣе, какъ въ эту ночь у меня до четырехъ часовъ сидѣли гости, подъ конецъ мы разбили всѣ стаканы,—но въ то время, какъ я пью и смѣюсь вмѣстѣ съ другими, я безпрестанно думаю о васъ, и отъ этого у меня мысли путаются въ головѣ. Я ни о чемъ больше и не забочусь и не знаю, что со мной будетъ. Имѣйте же жалость ко мнѣ еще на двѣ минуты, я долженъ

вамъ что-то сказать. Но не бойтесь, я не хочу васъ ни пугать, ни раздражать, я долженъ только говорить съ вами, что-то непреодолимое заставляетъ меня...

— Неужели вы совсѣмъ не будете благоразумны? — сказала она коротко.—Вѣдь вы же обѣщали.

— Да, должно быть, это было; я не знаю, но можетъ быть, я и обѣщалъ быть благоразумнымъ. Но мнѣ это такъ трудно, мнѣ, право, это такъ трудно, какъ я ни стараюсь. И вѣдь отчасти это извинительно, не правда ли, если вы все примете во вниманіе? Что мнѣ дѣлать? Знаете ли вы, что разъ я былъ уже готовъ ворваться къ вамъ въ домъ, отворить двери и пройти прямо къ вамъ, даже если бы еще другіе были при этомъ! Но я всѣми силами боролся съ собой, вы можете мнѣ повѣрить, я даже клеветалъ на васъ и, унижая васъ въ глазахъ другихъ, пытался уничтожить вашу власть надо мной. Я это дѣлалъ не изъ мести, о, нѣтъ! вы понимаете, что я, дѣйствительно, былъ близокъ къ гибели, я въ этомъ искалъ поддержки для себя, думалъ, что это поможетъ мнѣ слишкомъ низко пасть въ своихъ собственныхъ глазахъ. Вотъ, для чего я это дѣлалъ. Но теперь—я не знаю, отчего—ничего больше не помогаетъ; раньше мнѣ это всегда помогало, если я по настоящему хотѣлъ; теперь же это такъ страшно трудно. Я хотѣлъ даже уѣхать; я началъ готовиться къ отъѣзду, укладывать вещи; но я не довелъ этого до конца и такъ и не уѣхалъ. Да и могъ ли я уѣхать! Я, вмѣсто этого, скорѣе поѣхалъ бы за вами, если бы васъ не было здѣсь. И если бы мнѣ не суждено было найти васъ, я бы все-таки все ѣхалъ за вами и не переставалъ бы искать васъ въ надеждѣ, что въ концѣ концовъ я, можетъ быть, найду васъ. И если бы я видѣлъ, что это все-таки ни къ чему не ведетъ, я бы все умѣрялъ и умѣрялъ свои ожиданія и въ концѣ концовъ былъ бы глубоко благодаренъ судьбѣ, если бы мнѣ посчастливилось встрѣтить хоть кого-нибудь, кто когда-либо былъ вамъ близокъ, какую-нибудь изъ вашихъ подругъ, которая пожимала ваши руки и которой вы улыбались въ счастливые дни. Вотъ какъ бы я

поступилъ. Такъ могу ли я уѣхать отсюда? Къ тому же теперь лѣто, весь этотъ лѣсъ это мой храмъ, и всѣ птицы здѣсь знаютъ меня; онѣ смотрятъ на меня каждое утро, когда я прихожу сюда, онѣ наклоняютъ головки на бокъ и смотрятъ на меня. И я никогда не забуду, какъ въ тотъ день, когда я пріѣхалъ сюда, городъ былъ разукрашенъ флагами въ честь васъ; это произвело на меня сильнѣйшее впечатлѣніе, я весь вдругъ проникся какимъ-то страннымъ, необъяснимымъ чувствомъ симпатіи; совершенно ошеломленный, я ходилъ по палубѣ и смотрѣлъ на флаги. Ахъ, что это былъ за вечеръ!.. Но и позже, сколько было чудныхъ минутъ; я ежедневно хожу по тѣмъ же дорогамъ, по какимъ ходите вы, и иногда счастье мнѣ улыбается, и я вижу на дорогѣ ваши слѣды, какъ сегодня, и тогда я жду, пока вы вернетесь, я забираюсь въ лѣсъ и ложусь на землю за какимъ-нибудь камнемъ и жду васъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я говорилъ съ вами въ послѣдній разъ, я видѣлъ васъ два раза; разъ я ждалъ васъ цѣлыхъ шесть часовъ, всѣ эти шесть часовъ я пролежалъ за камнемъ и не вставалъ только изъ страха, что вы можете пройти въ эту минуту и замѣтить меня. Богъ знаетъ, гдѣ вы были такъ долго въ тотъ день...

— Я была у Андресеновъ,—сказала она вдругъ.

— Да, возможно, что вы были тамъ; въ концѣ концовъ мнѣ все-таки удалось васъ видѣть, когда вы возвращались. Вы были не однѣ, но я совершенно ясно видѣлъ васъ и тихонько послалъ вамъ привѣтъ изъ-за камня. Богъ знаетъ, какая мысль промелькнула у васъ въ эту самую минуту, но вы повернули голову и посмотрѣли на камень...

— Но, послушайте... Боже мой, вы вздрогнули, какъ если бы я собиралась произнести вашъ смертный приговоръ...

— Да такъ оно и есть, я это очень хорошо понимаю, ваши глаза вдругъ стали холодны, какъ ледъ.

— Да, но этому, право, долженъ быть конецъ, господинъ Нагель! Вспомните все, и вы сами себѣ скажете, что вы поступаете

не особенно хорошо по отношенію къ отсутствующему. Не правда ли, если вы вообразите себя на его мѣстѣ... не говоря уже о томъ, что вы и мнѣ доставляете такія тяжелыя минуты. До чего вы хотите меня довести? Я должна вамъ сказать разъ навсегда: я не нарушу своего слова, *я люблю его*. Такъ; это, кажется, достаточно ясно. Ну, а теперь будьте немного благоразумнѣе; я, право, не пойду съ вами, если вы не можете быть по отношенію ко мнѣ сдержаннѣе. Говорю вамъ это прямо.

Она была взволнована, губы ея дрожали, и она дѣлала усилія, чтобы не разразиться слезами. Видя, что Нагель молчитъ, она еще прибавила:

— Вы можете проводить меня домой, до самаго дома, если хотите и если вы не сдѣлаете этой прогулки непріятною для насъ обоихъ. Если бы вы мнѣ что-нибудь разсказали, я была бы вамъ благодарна; я такъ люблю васъ слушать.

— О, да,—сказалъ онъ вдругъ съ ликованіемъ въ голосѣ,— да, если только мнѣ можно итти съ вами! Я буду такъ... Ахъ, вы буквально окатываете меня холодной водой, когда сердитесь на меня...

— Я вовсе не сержусь на васъ; но вы всякій разъ приводите меня въ грустное настроеніе. Вы это дѣлаете не намѣренно, но...

И они довольно долго говорили о совершенно безразличныхъ вещахъ. Они шли такъ медленно и дѣлали такіе маленькіе шаги, что едва подвигались впередъ.

— Какъ здѣсь пахнетъ! какъ пахнетъ!—сказалъ онъ.—Какъ славно растутъ послѣ дождя цвѣты и трава! Я не знаю, чувствуете ли вы особенный интересъ къ деревьямъ? Это странно, но я чувствую какую-то таинственную связь между собою и каждымъ деревомъ въ лѣсу. Точно я когда-то составлялъ часть лѣса; когда я стою здѣсь и смотрю вокругъ себя, то все мое существо словно проникается воспоминаніями. О, остановитесь на одну минуту! Послушайте! Вы слышите, какъ птицы во все горло поютъ на

встрѣчу солнцу. Онѣ совсѣмъ ошалѣли и, того и гляди, налетятъ прямо на насъ.

Они пошли дальше.

— Я все еще ношусь съ этимъ красивымъ представленіемъ, которое вы вызвали въ моемъ умѣ,—о ладьѣ съ голубымъ шелковымъ парусомъ въ формѣ полумѣсяца, — сказала она. — Боже мой, какъ это красиво! Когда небо кажется такимъ высокимъ и далекимъ, мнѣ все представляется, будто я сама плыву тамъ наверху въ такой ладьѣ и ужу серебряной удочкой.

Онъ былъ счастливъ тѣмъ, что она еще помнила настроеніе Ивановой ночи, глаза его подернулись влагой, и онъ тепло отвѣтилъ:

— Совершенно вѣрно, оно гораздо лучше подошло бы вамъ сидѣть въ такой ладьѣ, а не мнѣ!

Когда они добрались такимъ образомъ до середины лѣса, она имѣла неосторожность спросить:

— Сколько времени вы остаетесь здѣсь?

Она тутъ же пожалѣла объ этомъ и хотѣла бы взять свои слова обратно; впрочемъ, она сейчасъ же успокоилась, видя, что онъ улыбается и избѣгаетъ прямого отвѣта. Она была ему благодарна за его тактичность, онъ навѣрное замѣтилъ ея смущеніе.

— Я вѣдь остаюсь тамъ, гдѣ вы...—отвѣтилъ онъ.

— Я останусь здѣсь, покуда у меня хватитъ денегъ, — сказалъ онъ затѣмъ и сейчасъ же прибавилъ: — но это будетъ не такъ страшно долго.

Она посмотрѣла на него, тоже разсмѣялась и спросила:

— Это будетъ не такъ страшно долго? Вѣдь вы богаты, на сколько я слышала.

Въ лицѣ его появилось его старое, таинственное выраженіе и онъ отвѣтилъ:

— Я богатъ? Послушайте, здѣсь въ городѣ ходятъ слухи, что я человѣкъ со средствами, что у меня, между прочимъ, есть имѣніе довольно большой цѣнности—все это неправда, не вѣрьте

этому, прошу васъ, все это ложь и выдумка. У меня нѣтъ никакого имѣнія, во всякомъ случаѣ, оно очень мало и принадлежитъ не одному мнѣ, а также и моей сестрѣ; кромѣ того, на немъ масса долговъ и всякаго рода обязательствъ. Въ этомъ вся правда.

Она недовѣрчиво разсмѣялась.

— Да, вѣдь вы всегда говорите правду, когда рѣчь заходитъ о васъ,—сказала она.

— Вы мнѣ не вѣрите? Вы сомнѣваетесь въ моихъ словахъ? Ну, тогда я вамъ долженъ разсказать,—хотя это унизительно для меня, но я долженъ вамъ разсказать, какъ обстоитъ дѣло: вы должны знать, что въ первый-же день моего пріѣзда я отправился пѣшкомъ за пять миль, прямо въ сосѣдній городокъ пѣшкомъ, и оттуда отправилъ на свое собственное имя три телеграммы о крупной суммѣ денегъ и объ имѣніи въ Финляндіи. Послѣ этого я оставилъ эти три телеграммы на своемъ столѣ; въ теченіе нѣсколькихъ дней онѣ лежали открытыми для того, чтобы каждый въ гостинницѣ могъ ихъ прочитать. Теперь вы мнѣ вѣрите? Такъ развѣ это мое богатство не обманъ и выдумка?

— Да, если вы только снова не лжете про самого себя.

— Снова? Вы ошибаетесь, фрэкенъ. Даю вамъ слово, что я не лгу! Вотъ!

Пауза.

— Но для чего вы это сдѣлали? Для чего вы отправили эти телеграммы самому себѣ?

— Видите-ли, это выйдетъ слишкомъ длинно, если я стану объяснять это вамъ въ связи съ цѣлымъ... Ну, впрочемъ, я это сдѣлалъ, коротко говоря, для большей важности, чтобы обратить на себя вниманіе въ городѣ. Хе-хе-хе, откровенно говоря.

— Теперь вы лжете.

— Чортъ меня побери, если я лгу!

Пауза.

— Вы странный человѣкъ! Одному Богу извѣстно, чего вы добиваетесь. Вотъ вы идете со мной и... да, вы не останавли-

ваетесь передъ самыми интимными признаніями; а когда я нѣсколькими словами призываю васъ къ благоразумію, вы круто мѣняете фронтъ и выставляете себя отъявленнѣйшимъ шарлатаномъ, лжецомъ и обманщикомъ. Вы могли-бы не трудиться; одно производитъ на меня такъ-же мало впечатлѣнія, какъ и другое. Я слишкомъ уравновѣшенный человѣкъ; вся эта геніальность выше моего пониманія.

Она вдругъ почувствовала себя оскорбленной.

— Я вовсе и не намѣревался теперь какъ разъ проявлять особенную геніальность. Вѣдь все равно все потеряно; изъ-за чего мнѣ стараться?

— Но для чего-же вы разсказываете мнѣ о самомъ себѣ всѣ эти непріятныя вещи, какъ только вамъ представится случай?— воскликнула она гнѣвно.

Медленно, съ полнымъ самообладаніемъ, онъ отвѣтилъ:

— Для того, чтобы произвести на васъ впечатлѣніе, фрэкенъ.

Они снова остановились и посмотрѣли другъ на друга. Онъ продолжалъ:

— Я уже разъ имѣлъ удовольствіе сказать вамъ кое-что о своей методѣ. Вы спрашиваете, почему я выбалтываю изъ своихъ тайнъ именно тѣ, которыя мнѣ вредятъ и которыя я долженъ былъ-бы хранить про себя? Я отвѣчаю: это моя политика, разсчетъ. Я думаю, что моя откровенность все-таки производитъ на васъ нѣкоторое впечатлѣніе, хотя вы это отрицаете. Я во всякомъ случаѣ могу себѣ представить, что это полное равнодушіе, съ какимъ я выдаю себя, можетъ внушить вамъ нѣкоторое уваженіе. Можетъ быть, я и ошибаюсь въ разсчетѣ, это возможно; тогда ничего не подѣлаешь. Но если я даже ошибаюсь, вѣдь вы все равно для меня потеряны, значитъ, я ничего больше не теряю. Да, можно дойти и до *этой* точки, къ этому приводитъ отчаяніе. Я самъ помогаю вамъ строить обвиненія противъ меня и этимъ самымъ укрѣпляю васъ въ вашемъ рѣшеніи оттолкнуть меня. Почему я это дѣлаю? Потому, что моему существу претитъ

говорить въ свою собственную пользу и выгадывать что-либо такимъ грубымъ способомъ; я ни за что не могъ-бы этого сдѣлать. Но—скажете вы—я стараюсь хитростью и побочными путями добиться того, чего другіе добиваются обыкновенной прямотой? Ахъ... впрочемъ, нѣтъ, я не стану защищаться. Называйте это шарлатанствомъ, почему нѣтъ, это хорошо, это подходящее слово; я самъ прибавлю, что это самый отвратительный обманъ. Хорошо, это, значитъ, шарлатанство, и я не защищаюсь; вы вполнѣ правы, все во мнѣ сплошное шарлатанство. Но вѣдь въ большей или меньшей степени шарлатанствомъ одержимы всѣ люди; чѣмъ-же одинъ родъ шарлатанства хуже другого, если все въ самой сущности своей *все-таки* не болѣе, какъ шарлатанство?.. Я чувствую, что попадаю въ свой фарватеръ; я не прочь на минуту сѣсть на одного изъ своихъ коньковъ... Но нѣтъ, этого я не хочу; Боже мой, какъ мнѣ все это надоѣло! Я говорю себѣ: все равно, пусть будетъ, что будетъ! Точка... Кто-бы напримѣръ, подумалъ, что въ домѣ доктора Стенерсена не все ладно? Я и не говорю, что тамъ что-нибудь не ладно; я только спрашиваю, пришло ли бы кому-нибудь въ голову подумать что-либо нехорошее объ этой почтенной семьѣ. Тамъ только двое, мужъ и жена, ни дѣтей, ни серьезныхъ заботъ, и все-таки тамъ, быть можетъ, есть еще и третій, Богу одному это извѣстно, но, можетъ быть, тамъ есть еще кое-кто, если до того дошло, еще кое-кто, кромѣ мужа и жены, молодой человѣкъ, слишкомъ горячій другъ дома, судья Рейнертъ. Что на это сказать? Виноваты, можетъ быть, обѣ стороны. Докторъ, можетъ быть, даже знаетъ обо всемъ этомъ и ничего все-таки не можетъ сдѣлать; по крайней мѣрѣ, въ эту ночь онъ страшно много пилъ и все было ему безразлично, весь міръ, такъ что онъ даже предложилъ истребить все человѣчество при помощи синильной кислоты для того, чтобы земля дальше могла вертѣться вокругъ своей оси. Бѣдняга!.. Но едва-ли онъ одинъ торчитъ по колѣни во лжи, если я даже исключу себя—Нагеля—торчащаго въ ней по поясъ. Возьмемъ, напримѣръ, Минутту?

Добрая душа, праведникъ, мученикъ! На его сторонѣ ничего, кромѣ хорошаго, нѣтъ; но онъ у меня подъ подозрѣніемъ. Говорю вамъ, онъ у меня подъ подозрѣніемъ! Это васъ, повидимому, поражаетъ? Я васъ испугалъ? я этого не хотѣлъ. Я васъ, впрочемъ, могу сейчасъ-же успокоить, если скажу вамъ, что Минутты никто не совратитъ съ пути истиннаго, это, дѣйствительно, честный человѣкъ. Но почему-же я его не выпускаю изъ виду, почему я наблюдаю за нимъ изъ-за угла въ два часа ночи, когда онъ идетъ домой, возвращаясь съ невинной прогулки—въ два часа ночи? Почему я подсматриваю за нимъ и слѣжу за каждымъ его шагомъ, когда онъ разноситъ свои мѣшки и кланяется встрѣчнымъ по дорогѣ? Безо всякой причины, голубушка, безо всякой причины! Меня онъ просто интересуетъ, я его цѣню, и меня въ эту минуту радуетъ, что среди всей этой лжи я могу поставить его, какъ чистаго и честнаго человѣка. Вѣдь это только потому, и вы, конечно, понимаете меня. Хе-хе-хе... но вернемся ко мнѣ... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, я вовсе не хочу опять говорить о себѣ, все, что угодно, только не это!

Это послѣднее восклицаніе вырвалось у него такъ искренно, въ немъ было столько грусти, что она почувствовала состраданіе къ нему. Въ эту минуту она сознавала, что имѣетъ дѣло съ страдающей и истерзанной душой. Но такъ какъ онъ, желая уничтожить это впечатлѣніе, сейчасъ же громко разсмѣялся и поклялся еще разъ, что все это не болѣе, какъ ложь и шарлатанство, то ея дружескія чувства къ нему сразу покинули ее. Она замѣтила рѣзко:

— Вы бросили нѣсколько намековъ на фру Стенерсонъ, которые были бы достаточно низки, будь они даже вдвое легче. По отношенію къ Минуттѣ, бѣдному калѣкѣ, вы тоже берете на себя роль судьи. Это такъ дурно, такъ низко съ вашей стороны!

Она пошла дальше; онъ слѣдовалъ за ней. Онъ ничего не отвѣтилъ ей; онъ шелъ съ низко опущенной головой. Плечи его раза два вздрогнули, и, къ своему величайшему изумленію, она

увидала, какъ двѣ крупныя слезы скатились у него по лицу. Чтобы скрыть это, онъ отвернулся и сталъ свистомъ подзывать какую-то маленькую птичку.

Они шли минуты двѣ, не говоря ни слова. Она была тронута и горько жалѣла о своихъ рѣзкихъ словахъ. Быть можетъ, онъ къ тому же былъ и правъ, развѣ она это знаетъ? Богъ знаетъ, не видитъ ли этотъ человѣкъ въ теченіе недѣли больше, чѣмъ она въ теченіе года.

Они все еще шли молча. Онъ былъ опять совершенно спокоенъ и равнодушно игралъ своимъ носовымъ платкомъ. Всего нѣсколько минутъ ходьбы отдѣляло ихъ отъ пасторскаго дома.

Вдругъ она сказала:

— У васъ большая рана на рукѣ? можно мнѣ посмотрѣть?

Сказала ли она это для того, чтобы доставить ему удовольствіе, или она, дѣйствительно, въ эту минуту подчинялась его вліянію, но она проговорила эти слова искреннимъ, почти взволнованнымъ голосомъ; она даже остановилась.

Вся его страсть внезапно вспыхнула въ немъ. Въ эту минуту, когда она стояла такъ близко къ нему, наклонивъ голову надъ его рукой, такъ что онъ чувствовалъ ароматъ ея шеи и волосъ, его любовь возросла до безумія, до сумасшествія; онъ обнялъ ее, сначала одной рукой, потомъ, когда она стала сопротивляться, и другой, долгимъ и горячимъ движеніемъ прижалъ ее къ своей груди, почти поднявъ ее отъ земли. Онъ чувствовалъ, какъ спина ея сгибается и она поддается. Она тяжело покоилась въ его объятіяхъ, глядя полузатуманеннымъ взоромъ вверхъ, въ его глаза. Онъ говорилъ ей нѣжныя слова, сказалъ ей, что она прекрасна, прекрасна и что до конца его жизни она останется неизмѣнно его любовью. *Одинъ* человѣкъ уже покончилъ съ собой изъ-за нея, онъ это тоже сдѣлаетъ, по малѣйшему знаку ея, по одному слову. Ахъ, какъ онъ ее любитъ! И онъ продолжалъ безостановочно повторять:—люблю тебя, люблю тебя, моя возлюбленная.

Она больше не сопротивлялась, голова ея склонилась на его

плечо, и онъ горячо и часто цѣловалъ ее, прерывая поцѣлуи самыми нѣжными словами. Онъ ясно чувствовалъ, какъ она сама крѣпко держится за него, и когда онъ ее цѣловалъ, глаза ея закрывались.

— Я буду тебя ждать завтра у дерева, ты помнишь, у того дерева, у осины; приходи, я люблю тебя, очаровательная Дагни! Ты придешь? Приходи, въ семь часовъ!

Она не отвѣтила и только сказала:

— Пустите меня теперь!

И она медленно высвободилась изъ его объятій.

Съ минуту она стояла, оглядываясь вокругъ. Лицо ея принимало все болѣе растерянное выраженіе, губы ея стали вздрагивать и дрожать; она дотащилась до лежавшаго у дороги камня и сѣла на него. Она плакала.

Онъ наклонился надъ ней и сталъ тихо говорить. Это продолжалось минуты двѣ. Вдругъ она вскочила, съ сжатыми кулаками, съ блѣднымъ отъ гнѣва лицомъ; прижавъ руки къ груди, она крикнула, внѣ себя.

— Вы жалкій человѣкъ, о, Боже, какъ вы жалки! Но вы сами можетъ быть, не находите этого. Какъ вы могли, какъ вы могли это сдѣлать!

И она снова начала плакать.

Онъ снова сталъ ее успокаивать, но безъ успѣха; полчаса они простояли у камня близъ дороги, не подвигаясь дальше.

— Вы даже потребовали, чтобы я снова встрѣтилась съ вами,—сказала она,—но я не хочу съ вами встрѣчаться, я не хочу больше видѣть васъ, вы негодяй!

Онъ умолялъ ее, упалъ предъ нею на колѣни и цѣловалъ ея платье; но она, не переставая, повторяла, что онъ негодяй и что онъ поступилъ съ ней гнусно. Что онъ съ ней сдѣлалъ? Прочь! прочь! Онъ не долженъ ее провожать, ни одного шагу дальше!

Она повернулась и пошла къ дому.

Онъ все-таки хотѣлъ пойти за ней; но она сдѣлала повелительный жестъ рукой и сказала:

— Вы не пойдете за мной!

Онъ остановился и смотрѣлъ ей вслѣдъ, пока она не удалилась на десять, двадцать шаговъ; но вдругъ онъ тоже сжимаетъ кулаки и бѣжитъ за ней, несмотря на ея запрещеніе, бѣжитъ за ней и снова заставляетъ ее остановиться.

— Я вамъ ничего не сдѣлаю,—говоритъ онъ,—имѣйте же хоть сколько-нибудь, хоть сколько-нибудь состраданія ко мнѣ! Вотъ я стою здѣсь передъ вами, и я готовъ умереть, только чтобы избавить васъ отъ себя; вамъ стоитъ только сказать *одно* слово. И то же самое я повторю вамъ и завтра, если встрѣчу васъ. Но вы можете оказать мнѣ одну милость—быть ко мнѣ справедливой. Вы понимаете, я подчиняюсь силѣ, которая исходитъ отъ васъ, и которой я не могу преодолѣть; и вѣдь это не только моя вина, что я встрѣтилъ васъ на своемъ пути. Дай вамъ Богъ никогда не испытывать такого горя, какое я испытываю въ эту минуту.

Онъ повернулся и ушелъ.

Онъ шелъ вдоль по дорогѣ, и его широкія плечи на небольшомъ туловищѣ все время вздрагивали; онъ не видѣлъ никого изъ встрѣчныхъ, никого не узнавалъ и пришелъ въ себя только, пройдя черезъ весь городъ, очутившись у дверей гостинницы.

XV.

Въ теченіе слѣдующихъ двухъ, трехъ дней Нагеля не было въ городѣ. Онъ уѣхалъ на пароходѣ, и комната его въ гостинницѣ была заперта. Никто не зналъ, куда онъ отправился; онъ сѣлъ на пароходъ, направлявшійся къ сѣверу; можетъ быть, онъ предпринялъ путешествіе для своего удовольствія.

Рано утромъ, когда городъ еще спалъ, онъ вернулся; видъ у него былъ блѣдный и переутомленный; несмотря на это, онъ не поднялся къ себѣ въ гостинницу, а нѣкоторое время гулялъ взадъ и впередъ по набережной; потомъ онъ пошелъ по совершенно новой дорогѣ, ведущей во внутреннюю бухту, туда, гдѣ теперь начиналъ подыматься дымъ изъ трубы паровой мельницы.

Онъ не долго оставался тамъ; очевидно, онъ бродилъ только для того, чтобы убить нѣсколько часовъ. Когда началось движеніе на базарѣ, онъ былъ уже тамъ; онъ стоялъ на углу у почтовой конторы и внимательно слѣдилъ за всѣми приходящими и уходящими; завидя зеленую юбку Марты Гуде, онъ подошелъ и поклонился.

Онъ проситъ извиненія, можетъ быть, она его не помнитъ? Его имя Нагель; онъ приходилъ къ ней разъ, чтобы купить у нея стулъ, старый стулъ. Можетъ быть, она уже его продала?

Нѣтъ, она его не продала.

Хорошо. Онъ надѣется, что никто больше не приходилъ къ ней и не пытался повысить цѣну? Другого любителя у нея не было съ тѣхъ поръ?

Напротивъ, были. Но...

Какъ? Неужели? Приходили еще другіе? Что вы говорите? Дама? О, эти женщины-губительницы, всюду онѣ должны совать свой носъ! Она, значитъ, пронюхала про этотъ рѣдкостный стулъ, и, конечно, онъ ей сейчасъ же и понадобился. Да, это обычный способъ дѣйствія у женщинъ! Но сколько она предлагала, какъ далеко она пошла? Говорю вамъ, я не уступлю этого стула, ни за какія деньги; чортъ меня побери, если я это сдѣлаю!

Его страстность испугала Марту, и она поспѣшила отвѣтить:

— Нѣтъ, нѣтъ, вы его получите, съ удовольствіемъ.

— Могу я въ такомъ случаѣ сегодня вечеромъ, часовъ въ восемь, притти къ вамъ, чтобы покончить съ этимъ?

Да, онъ можетъ притти. Но не лучше ли будетъ, если она пришлетъ ему стулъ въ гостинницу? Это будетъ проще.

Нѣтъ, нѣтъ, ни за что, этого онъ не допуститъ ни въ какомъ случаѣ. Съ такимъ предметомъ надо обращаться съ величайшей осторожностью, здѣсь нужны опытныя руки; говоря по правдѣ онъ бы не хотѣлъ, чтобы чей-нибудь посторонній глазъ его видѣлъ. Въ восемь часовъ онъ будетъ у нея. Впрочемъ, ему пришло въ голову: пожалуйста, чтобы не было никакой чистки, никакого мытья, ради Бога, ничего такого! Ни капли воды!..

Нагель сейчасъ же отправился въ гостинницу; не раздѣваясь, онъ повалился на постель и проспалъ спокойно и глубоко до вечера.

Поужинавъ, онъ отправился на набережную, къ маленькому домику Марты Гуде. Было восемь часовъ; онъ постучался и вошелъ.

Комната была повидимому недавно приведена въ порядокъ, полъ былъ совершенно чистъ, и окна тоже вымыты; Марта сама надѣла даже нитку бисера на шею. Было ясно, что она его ждала.

Онъ поклонился, сѣлъ и сейчасъ же началъ переговоры. Но она и теперь еще не давалась, напротивъ, была упрямѣе прежняго и непремѣнно хотѣла ему отдать стулъ даромъ. Въ концѣ концовъ онъ сдѣлалъ видъ, что вышелъ изъ себя, и пригрозилъ швырнуть ей въ лицо пятьсотъ кронъ и убѣжать вмѣстѣ со стуломъ. Да, она этого вполнѣ заслужила! Во всю свою жизнь онъ не встрѣчалъ такого неразумнаго существа, и, стукнувъ кулакомъ по столу, онъ спросилъ, не сошла ли она окончательно съ ума.

— Знаете что, — сказалъ онъ, и при этомъ онъ пристально посмотрѣлъ на нее, — ваше упорство возбуждаетъ во мнѣ подозрѣніе. Скажите мнѣ откровенно: вѣдь стулъ этотъ пріобрѣтенъ честнымъ путемъ? Видите ли, я долженъ вамъ сказать, я имѣлъ дѣло со всевозможными людьми, и лишняя предосторожность никогда не мѣшаетъ. Если этотъ стулъ попалъ въ ваши руки какимъ-нибудь не совсѣмъ честнымъ или двусмысленнымъ образомъ, то я не рѣшаюсь его взять. Прошу васъ, впрочемъ, извинить меня, если я не понялъ вашъ упорный отказъ.

И онъ сталъ ее заклинать сказать ему правду.

Смущенная этимъ недовѣріемъ, полуиспуганная и полуоскорбленная, она сейчасъ же стала защищаться: этотъ стулъ привезъ ея дѣдушка, и съ тѣхъ поръ онъ около ста лѣтъ составлялъ собственность семьи; пусть онъ не думаетъ, что она что-нибудь скрываетъ относительно этого. Слезы выступили у нея на глазахъ.

Хорошо, но тогда, право, пора положить конецъ всей этой болтовнѣ. Баста! Онъ сунулъ руку въ карманъ, чтобы достать бумажникъ.

Она сдѣлала шагъ впередъ, словно желая еще разъ остановить его; но онъ, не обращая на нее вниманія, положилъ на столъ двѣ красныхъ ассигнаціи, и снова спряталъ бумажникъ.

— Вотъ, пожалуйста!—сказалъ онъ.

— Дайте мнѣ во всякомъ случаѣ не больше пятидесяти кронъ,— стала она просить, и въ своей безпомощности она два раза провела рукой по его волосамъ только для того, чтобы заставить его согласиться на ея просьбу. Она не отдавала себѣ отчета о томъ, что дѣлаетъ; совершенно безсознательно она проводила рукой по его волосамъ, прося дать ей не больше пятидесяти кронъ. Наивное созданіе! глаза у нея были все еще влажны.

Онъ поднялъ голову и взглянулъ на нее. Эта сѣдоволосая женщина, живущая на общественный счетъ, эта сорокалѣтняя дѣвушка съ черными, еще пылающими глазами и вмѣстѣ съ тѣмъ съ чѣмъ-то монашескимъ во всемъ существѣ, дѣйствовала на него своей своеобразной красотой и на одну минуту заставила его забыть свою роль. Онъ взялъ ее за руку, погладилъ и сказалъ:— Боже, какъ вы красивы, голубушка!- Но въ то же мгновеніе онъ выпустилъ ея руку и быстро поднялся.

— Такъ я надѣюсь, что вы ничего не имѣете противъ того, чтобы я сейчасъ взялъ стулъ съ собой,—сказалъ онъ.

И онъ взялъ стулъ въ руки.

Она, очевидно, больше не боялась его; увидѣвъ, что онъ выпачкалъ себѣ руки, дотронувшись до стараго пыльнаго стула, она сейчасъ же сунула руку въ карманъ и подала ему свой носовой платокъ, чтобы онъ вытеръ руки.

Деньги еще лежали на столѣ.

— Кстати,—сказалъ онъ,—позвольте мнѣ спросить, не будетъ ли лучше, если вы по возможности меньше станете разглашать объ этой нашей сдѣлкѣ? Вѣдь не имѣетъ никакого смысла, чтобы весь городъ объ этомъ узналъ, не правда ли?

— Да,—проговорила она, размышляя надъ его словами.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ сейчасъ же спряталъ эти деньги. Собственно я бы предварительно завѣсилъ окно. Возьмите ту юбку.

— Станетъ, пожалуй, слишкомъ темно?—сказала она. Но она все-таки взяла юбку и завѣсила ею окно, причемъ онъ ей помогалъ.

— Это мы, впрочемъ, должны были сдѣлать съ самаго начала,—сказалъ онъ, когда окно было завѣшено,—было бы нехорошо, если бы меня увидѣли здѣсь у васъ.

На это она ничего не отвѣтила; она взяла со стола деньги и подала ему руку; губы ея шевелились, но она не произнесла ни одного слова.

Держа ея руку въ своей, онъ вдругъ говоритъ:

— Послушайте, можно ли мнѣ предложить вамъ одинъ вопросъ: вамъ, можетъ быть, тяжело пробиваться, я хочу сказать, безъ помощи, безъ поддержки... или вы, можетъ быть, получаете какое-нибудь пособіе?

— Да.

— Голубушка, простите, что я спрашиваю объ этомъ! Мнѣ пришло въ голову, что, если станетъ извѣстнымъ, что у васъ есть немного денегъ, то вы не только лишитесь пособія, но у васъ еще отберутъ ваши деньги, просто отберутъ ихъ. Поэтому необходимо скрыть отъ всѣхъ нашу сдѣлку; вы понимаете это теперь? Я вамъ только совѣтую, какъ практичный человѣкъ. Не говорите ни одной живой душѣ, что мы совершили эту сдѣлку. Я думаю, впрочемъ, что мнѣ слѣдовало бы дать вамъ болѣе мелкими бумажками, чтобы вамъ не приходилось мѣнять.

Онъ все принимаетъ въ соображеніе, каждую мелочь. Онъ снова садится и начинаетъ отсчитывать мелкія бумажки. Онъ считаетъ кое-какъ, даетъ ей всю мелочь, какая находится у него въ бумажникѣ, беретъ наугадъ и свертываетъ всю эту кучку бумажекъ.

— Такъ, теперь спрячьте это!—говоритъ онъ.

И она отворачивается, разстегиваетъ лифъ своего платья и прячетъ деньги на груди.

Она кончила, но онъ еще не подымается, онъ продолжаетъ сидѣть и говоритъ какъ бы случайно:

— Что я хотѣлъ сказать—вы, можетъ быть, знаете Минутту?

Онъ замѣтилъ, что она густо покраснѣла.

— Я встрѣчался съ нимъ нѣсколько разъ,—продолжаетъ Нагель,—я очень цѣню его, онъ навѣрное очень добросовѣстный человѣкъ. Въ настоящее время я далъ ему порученіе достать мнѣ скрипку, и онъ, надо полагать, выполнитъ это порученіе, какъ вы думаете? Но, впрочемъ, вы его, можетъ быть, не знаете?

— Я его знаю.

— Ахъ, да, вѣдь онъ мнѣ говорилъ, что купилъ у васъ нѣсколько цвѣтковъ къ похоронамъ, къ похоронамъ Карльсена. Скажите, вы, можетъ быть, знаете его хорошо? Каково ваше мнѣніе о немъ? Считаете ли вы, что онъ во всякомъ случаѣ выполнитъ порученіе удовлетворительно? Когда сталкиваешься со столькими людьми, то не мѣшаетъ иногда навести справки. Я разъ потерялъ значительную сумму денегъ вслѣдствіе того, что слѣпо положился на человѣка, не справившись о немъ предварительно; это было въ Гамбургѣ.

И Нагель, Богъ знаетъ, для чего, разсказываетъ ей исторію о человѣкѣ, который обманулъ его довѣріе. Марта все еще стоитъ передъ нимъ, опираясь на столъ; ею овладѣваетъ безпокойство, и у нея вдругъ вырывается съ внезапной страстностью.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, не говорите о немъ!

— О комъ не говорить?

— О Іоганнѣ, о Минуттѣ.

— Минутту зовутъ Іоганнъ?

— Да, Іоганнъ.

— Его зовутъ дѣйствительно, Іоганнъ?

— Да.

Нагель молчитъ. Этотъ простой фактъ, что Минутту зовутъ Іоганномъ, даетъ какой-то неожиданный толчекъ его мыслямъ, даже мѣняетъ на минуту выраженіе его лица. Нѣкоторое время

онъ сидитъ совершенно пораженный этимъ, потомъ онъ спрашиваетъ:

— А почему вы его называете Іоганнъ? А не Грэгордъ, не Минутта?

Она отвѣчаетъ, въ смущеніи опуская глаза.

— Мы знаемъ другъ друга съ дѣтства...

Пауза.

Потомъ Нагель говоритъ, полушутливо и въ высшей степени равнодушно:

— Знаете, какое у меня получилось впечатлѣніе? Что Минутта въ сущности сильно влюбленъ въ васъ. Да, право, я это замѣтилъ, увѣряю васъ. И это меня не особенно удивляетъ, хотя я долженъ сказать, что нахожу Минутту нѣсколько смѣлымъ. Не правда ли, вѣдь, во-первыхъ, онъ уже не юноша, да, кромѣ того, онъ вѣдь нѣкоторымъ образомъ и калѣка. Но, Боже мой, женщины иногда такъ странны: придетъ фантазія, и онѣ добровольно отдадутся Богъ знаетъ кому, даже съ радостью, съ восторгомъ. Хе-хе-хе, да, вотъ каковы женщины. Въ 1886 году мнѣ пришлось видѣть странный случай: молодая дѣвушка, одна изъ моихъ знакомыхъ, вышла замужъ за простого разсыльнаго своего отца. Я этого никогда не забуду. Онъ служилъ въ дѣлѣ отца, это былъ еще мальчикъ, шестнадцати, семнадцати лѣтъ, безъ всякаго намека на бороду, но онъ былъ красивъ, да, чрезвычайно красивъ, надо отдать ему справедливость. Къ этому свѣжему ребенку она вдругъ воспылала безумной любовью и уѣхала съ нимъ за границу. Полгода спустя она вернулась, отъ любви не осталось и слѣда. Да, не грустно ли это — отъ любви не осталось и слѣда! Ну, послѣ этого она нѣсколько мѣсяцевъ проскучала до смерти, замужемъ она была и въ этомъ смыслѣ, значитъ, все было въ порядкѣ; что ей было дѣлать? Тогда она выкидываетъ штуку, можно сказать, всему міру на удивленіе: она пускается во всѣ тяжкія, идетъ по рукамъ среди студентовъ и приказчиковъ и кончаетъ тѣмъ, что становится извѣстной подъ именемъ La Glû. Жалко было смот-

рѣть на нее! Но она еще разъ удивляетъ міръ; позабавившись въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ такимъ превосходнымъ образомъ, она вдругъ въ одинъ прекрасный день начинаетъ писать новеллы, становится писательницей, и шла молва, что у нея большой талантъ. Она была невѣроятно понятлива и воспріимчива, за эти два года, проведенные среди студентовъ и коммерческихъ людей, она въ весьма значительной степени созрѣла и научилась всякимъ писательскимъ пріемамъ; съ этого времени она стала писать превосходнѣйшія вещи. Да, это былъ дьяволъ, а не женщина! Но вы, женщины, именно таковы. Да, вы смѣетесь, но вы не рѣшаетесь отрицать этого; какой-нибудь семнадцатилѣтній разсыльный можетъ васъ совсѣмъ свести съ ума. Я такъ увѣренъ въ томъ, что и Минуттѣ не придется прожить свою жизнь въ одиночествѣ, если онъ только приложитъ хоть немного усилій, проявитъ нѣкоторый пылъ. Въ немъ есть что-то такое, что можетъ произвести впечатлѣніе даже на мужчину, да, это меня поражаетъ; его сердце такъ поразительно чисто, и языкъ его не знаетъ лжи. Не правда ли, скажите, вѣдь вы его знаете вдоль и поперекъ, развѣ это не такъ? Но что сказать о его дядѣ, о торговцѣ углемъ? Мнѣ онъ представляется старымъ пронырой, несимпатичной личностью. У меня впечатлѣніе, что въ сущности Минутта ведетъ все дѣло. И я себя спрашиваю: почему же ему и не имѣть своего собственнаго дѣла? Иначе говоря: Минутта въ любое время, если нужно, въ состояніи обезпечить семью... Вы качаете головой?

— Нѣтъ, я не качала головой.

— Ну, такъ значитъ, вы теряете терпѣніе, и вамъ надоѣла эта болтовня о человѣкѣ, до котораго вамъ нѣтъ дѣла, и вы вполнѣ правы... Послушайте, мнѣ какъ разъ пришло въ голову,— но вы не сердитесь на меня за это, я, право, хотѣлъ бы только помочь вамъ,—вы должны на ночь крѣпко запирать вашу дверь. Вы такъ испуганно смотрите на меня; голубушка, не бойтесь ничего и не будьте такъ недовѣрчивы ко мнѣ. Я только хотѣлъ сказать вамъ, чтобы вы никому не довѣряли слишкомъ слѣпо,

особенно теперь, когда вы держите при себѣ деньги. Мнѣ, правда, не приходилось слыхать, чтобы здѣсь въ городѣ было ненадежно въ этомъ смыслѣ, но осторожность никогда не мѣшаетъ. Около двухъ часовъ ночи здѣсь, знаете, довольно темно кругомъ и какъ разъ около двухъ я даже слышалъ подозрительный шумъ у себя подъ окнами. Да, да, вѣдь вы не сердитесь за то, что я вамъ даю такой совѣтъ?.. И такъ, до свиданія! Я ужасно радъ, что въ концѣ концовъ мнѣ удалось таки отвоевать у васъ этотъ стулъ. Прощайте, голубушка!

И онъ пожалъ ей руку. Въ дверяхъ онъ еще разъ обернулся и сказалъ:

— Послушайте, лучше всего будетъ, если вы скажете, что я вамъ далъ пару кронъ за стулъ. Но не больше, ни одного шиллинга больше, иначе у васъ отнимутъ; имѣйте это въ виду. Не правда ли, я могу положиться на васъ?

— Да,—отвѣтила она.

Онъ ушелъ, взявъ съ собой стулъ. Все лицо его сіяло; онъ усмѣхался и хохоталъ громко, какъ если бы ему удалась какая-нибудь очень хитрая затѣя.

— Боже мой, какъ она теперь рада!—повторялъ онъ про себя возбужденно.—Хе-хе, отъ такого богатства она всю ночь не сомкнетъ глазъ...

Дома онъ засталъ Минутту; онъ сидѣлъ и ждалъ его.

Минутта возвращался съ репетиціи, подъ мышкой у него былъ пакетъ объявленій. Да, живыя картины обѣщаютъ быть очень удачными; онѣ будутъ представлять сцены изъ исторіи и будутъ поставлены въ разноцвѣтномъ освѣщеніи; ему самому дана роль статиста.

Когда начнется базаръ?

Въ четвергъ будетъ открытіе, 9-го іюля, въ день рожденія королевы. Сегодня вечеромъ Минуттѣ еще надо наклеить объяв-

ленія въ разныхъ мѣстахъ; есть даже разрѣшеніе наклеить одно объявленіе у воротъ кладбища... Впрочемъ, онъ пришелъ съ отвѣтомъ относительно скрипки. Совершенно невозможно достать скрипку; единственная, какая есть въ городѣ, не продается; она принадлежитъ органисту, которому она нужна на базарѣ; онъ сыграетъ нѣсколько номеровъ.

Ну, значитъ дѣлать нечего.

Минутта собирается уходить. Когда онъ стоитъ уже съ шапкой въ рукѣ, Нагель говоритъ:

— Не выпьемъ ли мы по стаканчику? Я долженъ вамъ сказать, я сегодня въ очень хорошемъ настроеніи, мнѣ очень повезло. Знаете, я послѣ большихъ усилій сталъ, наконецъ, обладателемъ вотъ этого стула, подобнаго которому нѣтъ ни у одного коллекціонера во всей Норвегіи,—я въ этомъ увѣренъ. Взгляните только на него! Вы понимаете толкъ въ такихъ вещахъ, умѣете отличить жемчужину, единственную въ своемъ родѣ? Я его не продамъ ни за какія сокровища, клянусь Богомъ! И по этому поводу мнѣ бы хотѣлось выпить съ вами стаканчикъ, если вы ничего противъ этого не имѣете. И такъ, можно позвонить? Нѣтъ? Но вѣдь объявленія вы можете прибить и завтра... Нѣтъ, я положительно не могу забыть своей сегодняшней удачи! Вамъ, быть можетъ, неизвѣстно, что я коллекціонеръ, насколько хватаетъ моихъ слабыхъ силъ, и что я здѣсь остановился между прочимъ въ поискахъ за рѣдкостями? Я вамъ, можетъ быть, и не разсказывалъ о своихъ коровьихъ колокольчикахъ? Нѣтъ? Боже мой, но тогда вѣдь вы не имѣете и представленія о томъ, что я за человѣкъ. Да, конечно, я агрономъ, но у меня помимо того есть и другіе интересы. Да, по сей день я собралъ двѣсти шестьдесятъ семь коровьихъ колокольчиковъ; десять лѣтъ тому назадъ я началъ ихъ собирать, и вотъ теперь у меня, слава Богу, коллекція перваго разряда. А этотъ стулъ, вы знаете, какъ я его заполучилъ? Случайность, чертовское счастіе! Я однажды иду по улицѣ, прохожу мимо маленькаго домика внизу у набережной

и по старой привычкѣ заглядываю мелькомъ въ окно. Вдругъ я останавливаюсь, взглядъ мой падаетъ на стулъ, и я сразу вижу, чего онъ стоитъ. Я стучусь и вхожу въ домъ, меня встрѣчаетъ немолодая сѣдоволосая дама... какъ ее звали? Ну, да это все равно, вы, можетъ быть, ея и не знаете, фрэкенъ Гуде, кажется, ее зовутъ Марта Гуде или что-то въ этомъ родѣ... Какъ вы думаете, она вѣдь не хотѣла уступить мнѣ его, но я ее столько убѣждалъ, что въ концѣ концовъ она таки обѣщала отдать мнѣ его навѣрное, и вотъ сегодня я его притащилъ. Но лучше всего то, что я его получилъ даромъ, она отдала мнѣ его совсѣмъ даромъ; я, конечно, бросилъ ей на столъ пару кронъ для того, чтобы она потомъ не пожалѣла; но вѣдь стулъ стоитъ сотни. Этого я прошу васъ никому не говорить; вѣдь, никому не можетъ быть пріятно, чтобы о немъ говорили дурно. Да мнѣ и не въ чемъ себя упрекнуть; дама ничего въ этомъ дѣлѣ не понимала, а я, какъ спеціалистъ и покупатель, вовсе не былъ обязанъ заботиться о ея выгодахъ. Не правда ли, надо не быть дуракомъ и соблюдать свою выгоду, въ этомъ и есть борьба за существованіе... Но неужели вы и теперь откажетесь выпить стаканъ вина, когда вы знаете, какъ все это обстоитъ?

Минутта стоялъ на своемъ: ему надо итти.

— Это жалко,—продолжалъ Нагель.—А я радовался, что проведу съ вами часокъ; вы единственный человѣкъ здѣсь въ городѣ, къ которому у меня пробуждается интересъ, какъ только я его вижу, единственный, котораго я, такъ сказать, считаю заслуживающимъ величайшаго вниманія. Хе-хе, заслуживающимъ, говорю я, величайшаго вниманія. Вы вѣдь къ тому же называетесь Іоганнъ? Любезный другъ, вѣдь я это давно зналъ, раньше, чѣмъ мнѣ кто-либо сказалъ это... Вы только не пугайтесь. Это ужасное несчастіе для меня, что я постоянно внушаю людямъ страхъ. Нѣтъ, не отрицайте этого, вы одну минуту, дѣйствительно, смотрѣли на меня съ нѣкоторымъ ужасомъ, я не хочу утверждать, что вы и вздрогнули при этомъ...

Тѣмъ временемъ Минутта очутился у двери; у него, повидимому, было желаніе сразу положить этому конецъ и уйти; разговоръ дѣйствительно, принималъ все болѣе непріятный оборотъ.

— Сегодня 6-е іюля?—спрашиваетъ вдругъ Нагель.

— Да,—отвѣчаетъ Минутта,—6-е іюля.—Съ этими словами онъ нажимаетъ ручку двери.

Нагель медленно приближается къ нему, останавливается передъ нимъ вплотную, упорно смотритъ ему въ лицо и въ то же время закладываетъ руки за спину. Стоя въ этой позѣ, онъ произноситъ шопотомъ:

— А гдѣ вы были 6-го іюня?

Минутта не отвѣчаетъ ни слова. Охваченный ужасомъ передъ этимъ неподвижнымъ взглядомъ, этимъ таинственнымъ шепотомъ, не въ силахъ понять смысла этого страннаго вопроса, этого напоминанія объ опредѣленномъ днѣ и числѣ прошлаго мѣсяца, онъ стремительно раскрываетъ двери и, шатаясь, выскакиваетъ въ сѣни. Тамъ онъ съ минуту кружитъ на мѣстѣ, не находя лѣстницы; тѣмъ временемъ Нагель появляется въ дверяхъ и кричитъ ему:

— Нѣтъ, нѣтъ, это безуміе; я прошу васъ забыть это! Я вамъ это объясню когда-нибудь въ другой разъ, въ другой разъ...

Но Минутта уже ничего не слыхалъ; раньше чѣмъ Нагель договорилъ свои слова, онъ былъ уже внизу и—не глядя ни вправо, ни влѣво—бросился бѣжать по улицѣ, черезъ базарную площадь, къ большому водоему, гдѣ, повернувъ въ первую попавшуюся улицу, исчезъ изъ виду.

Часъ спустя—было десять часовъ—Нагель закурилъ сигару и вышелъ. Городъ еще не спалъ; по дорогѣ къ пасторскому дому можно было встрѣтить множество гуляющихъ, медленно ходившихъ взадъ и впередъ, всюду на улицахъ еще раздавались голоса и смѣхъ играющихъ дѣтей. Женщины и мужчины сидѣли у дверей своихъ домовъ и наслаждались мягкимъ вечеромъ, тихо разговаривая между собою и отъ времени до времени дружески перекликаясь черезъ улицу съ сосѣдями.

Нагель сталъ спускаться съ пароходной пристани. Онъ увидалъ Минутту, наклеивавшаго объявленія на стѣны почтовой конторы, банка, школы и тюрьмы. Съ какой точностью и добросовѣстностью онъ исполнялъ это! Какъ охотно онъ это дѣлалъ, совершенно не жалѣя времени, хотя ему навѣрное было необходимо итти на покой! Нагель прошелъ мимо него и поклонился, но не остановился.

Онъ почти дошелъ уже до пристани, когда кто-то окликнулъ его сзади. Это была Марта Гуде; она остановила его и, задыхаясь отъ быстрой ходьбы, сказала:

— Извините! Но вы мнѣ дали слишкомъ много денегъ.

— Добрый вечеръ!—отвѣтилъ онъ.—Вы тоже вышли погулять?

— Нѣтъ, я была наверху, въ городѣ, и ждала васъ около гостинницы. Да, вы дали мнѣ слишкомъ много денегъ.

— Послушайте, неужели мы снова начнемъ эту комедію сначала?

— Но вы ошиблись!—воскликнула она возбужденно, — тамъ было больше двухсотъ!

— Ахъ, вотъ какъ! Тамъ дѣйствительно было нѣсколько лишнихъ кронъ — на нѣсколько кронъ больше? Хорошо, въ такомъ случаѣ можете мнѣ ихъ вернуть.

Она начала разстегивать свой лифъ, но вдругъ остановилась и оглянулась; она не знала, что ей дѣлать. Она снова стала извиняться: здѣсь столько народу кругомъ, она не можетъ среди улицы вынуть деньги, они такъ глубоко запрятаны...

— Конечно,— поторопился онъ отвѣтить,—я могу притти за ними, позвольте мнѣ зайти къ вамъ за ними.

И они вмѣстѣ направились къ ея дому. Встрѣчавшіеся по дорогѣ люди смотрѣли на нихъ съ любопытствомъ.

Придя къ ней въ комнату, Нагель усѣлся у окна, у котораго онъ сидѣлъ раньше и которое было еще завѣшено той же

юбкой. Покуда Марта вынимала деньги изъ-за лифа, онъ ничего не говорилъ; и только, когда она кончила ихъ доставать и протянула ему нѣсколько старыхъ потертыхъ десятикронныхъ бумажекъ, которыя еще сохраняли теплоту ея тѣла и которыя ея честность запрещала ей сохранить у себя хотя бы на одну ночь, онъ заговорилъ, прося ее оставить у себя эти деньги.

Но въ душѣ ея, повидимому, опять, какъ это уже разъ было раньше, закрались сомнѣнія относительно его намѣреній; она посмотрѣла на него недовѣрчиво и сказала;

— Нѣтъ... я васъ не понимаю...

Онъ поднялся со стула.

— Зато я васъ прекрасно понимаю,—отвѣтилъ онъ,—поэтому я встаю и иду къ двери. Теперь вы спокойны?

— Да... Нѣтъ, вы не должны оставаться у дверей.—И она робко протянула обѣ руки, какъ бы желая удержать его. Эта странная дѣвушка такъ боялась сдѣлать кому-нибудь больно.

— У меня къ вамъ просьба, — сказалъ опять Нагель, продолжая стоять. — Вы могли бы, если бы хотѣли, сдѣлать мнѣ большую радость, а я былъ бы вамъ за нее страшно благодаренъ; я хочу васъ просить притти въ четвергъ вечеромъ на базаръ. Вы сдѣлаете мнѣ это удовольствіе? Это васъ развлечетъ, тамъ будетъ много народу, много свѣта, музыка, живыя картины; ахъ пожалуйста, приходите, вы не пожалѣете объ этомъ! Вы смѣетесь? отчего вы смѣетесь? Боже мой, какіе у васъ бѣлые зубы!

— Я вѣдь не могу никуда итти,—отвѣтила она,—нѣтъ, какъ вы могли подумать, что я могу туда итти? И для чего я туда пойду? Почему вы требуете этого отъ меня?

Онъ объяснилъ ей откровенно: ему просто вздумалось, онъ уже давно думалъ объ этомъ, еще двѣ недѣли тому назадъ ему пришло въ голову, но онъ потомъ забылъ, до этой минуты. Пусть она только придетъ, она должна быть тоже тамъ, онъ хочетъ ее тамъ видѣть; если она захочетъ, онъ даже не будетъ съ ней говорить, чтобы не быть ей въ тягость—этого онъ менѣе всего

хотѣлъ бы. Онъ былъ бы только радъ видѣть ее хоть разъ вмѣстѣ съ другими, слышать ея смѣхъ, хоть разъ видѣть ее дѣйствительно молодой. Она должна непремѣнно притти!

Онъ смотрѣлъ на нее. Какъ рѣзко выдѣлялись ея волосы своей бѣлизной, и какъ темны ея глаза! Одной рукой она перебирала пуговицы на своемъ лифѣ, и цвѣтъ этой руки, слабой руки со стройными пальцами, былъ слегка сѣроватъ, она была, быть можетъ, и не совсѣмъ чиста, но производила удивительно цѣломудренное впечатлѣніе. На кисти виднѣлись двѣ голубыя жилки.

Да, сказала она, можетъ быть, ей и было бы весело, но у нея даже нѣтъ платья для такого вечера...

Онъ прервалъ ее: вѣдь до того еще остается цѣлыхъ три дня; до четверга можно еще все, что угодно, сшить. Да времени еще достаточно! Такъ значитъ рѣшено?

И мало по малу она сдалась.

Нельзя зарываться въ своихъ четырехъ стѣнахъ, сказалъ онъ; отъ этого только остаешься въ проигрышѣ. И кромѣ того, съ ея глазами съ ея зубами, нѣтъ, это было бы прямо грѣшно! А эти нѣсколько бумажекъ, что лежатъ на столѣ, пусть идутъ на платье; да, да, и нечего больше объ этомъ говорить! Тѣмъ болѣе, что это его идея, и она въ сущности согласилась на нее противъ воли.

Онъ простился, по обыкновенію, коротко и рѣшительно не давая ей ни малѣйшаго повода къ безпокойству. Но выйдя въ сѣни, чтобы проводить его, она сама еще разъ протянула ему руку, благодаря его за то, что онъ пригласилъ ее на этотъ базаръ. Это съ ней не случалось уже много, много лѣтъ, она такъ отвыкла отъ подобныхъ вещей, ну, она будетъ себя хорошо вести!

Этотъ большой ребенокъ обѣщалъ себѣ хорошо вести!

XVI.

Насталъ четвергъ; на дворѣ шелъ небольшой дождь, но открытіе базара все-таки произошло вечеромъ подъ звуки оркестра

и при большомъ стеченіи публики. Весь городъ явился на открытіе, даже изъ окрестностей пріѣхали охотники принять участіе въ подобномъ рѣдкомъ празднествѣ.

Когда около девяти часовъ вечера Іоганнъ Нагель вошелъ въ залъ, онъ былъ совершенно переполненъ. Нагель съ трудомъ отыскалъ себѣ мѣстечко въ отдаленномъ концѣ зала и простоялъ тамъ нѣсколько минутъ, слушая чью-то рѣчь. Лицо его было блѣдно; по обыкновенію, онъ былъ въ желтомъ костюмѣ, но повязка съ руки была снята; обѣ раны на рукѣ почти зажили.

У эстрады онъ увидѣлъ доктора Стенерсена съ женой; направо, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, стоялъ и Минутта съ другими участвующими въ живыхъ картинахъ, только Дагни не было между ними.

Отъ множества свѣчей и тѣсно набившагося народу въ залѣ стояла страшная жара, которая заставила его выйти; въ дверяхъ онъ столкнулся съ судьею Рейнертомъ, едва отвѣтившимъ на его поклонъ легкимъ кивкомъ головы. Нагель остановился въ корридорѣ.

Вдругъ онъ замѣчаетъ кое-что, что еще долго послѣ этого занимаетъ его мысли и возбуждаетъ его любопытство: налѣво отъ него открыта дверь въ боковую комнату, предназначенную для храненія верхняго платья, и при свѣтѣ лампы онъ ясно видитъ въ этой комнатѣ Дагни Кьелландъ, которая возится у его пальто, висящаго на вѣшалкѣ. Онъ не ошибается; ни у кого въ городѣ кромѣ него, нѣтъ такого ярко-желтаго пальто; это, безъ сомнѣнія, его пальто; кромѣ того, онъ ясно помнитъ, гдѣ онъ его повѣсилъ. Она, казалось, что-то искала и при этомъ безпрестанно проводила рукой по его пальто. Онъ въ то же мгновеніе отвернулся, чтобы не застигнуть ея врасплохъ.

Это маленькое происшествіе привело его въ безпокойное состояніе. Что она искала и какое ей было дѣло до его пальто? Онъ не могъ этого забыть и все время думалъ объ этомъ? Кто знаетъ, можетъ быть, она хотѣла убѣдиться, нѣтъ ли у него въ

карманѣ огнестрѣльнаго оружія, она можетъ быть, считала его достаточно безумнымъ для того, чтобы быть способнымъ на все. Ну, а если она сунула ему письмо въ карманъ? Онъ предположилъ даже такую невозможную вещь. Нѣтъ, нѣтъ, она, конечно, искала только свое собственное пальто, все это было чисто случайно, какъ могъ онъ предаваться такимъ несбыточнымъ фантазіямъ!.. Однако, спустя нѣкоторое время, замѣтивъ Дагни, пробивающую себѣ дорогу черезъ залъ, онъ вышелъ и съ бьющимся сердцемъ сталъ изслѣдовать карманы своего пальто. Никакихъ записокъ, ничего, кромѣ его собственныхъ перчатокъ и носового платка.

Въ залѣ раздались громовые апплодисменты; рѣчь, которою бургомистръ открылъ торжество, кончилась. Публика устремилась въ корридоры и въ боковыя комнаты, разсаживаясь вдоль стѣнъ и охлаждаясь мороженымъ и прохладительными напитками. Одѣтыя кельнершами, въ бѣлыхъ передникахъ и съ перекинутыми черезъ руку салфетками, нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ торопливо мелькали съ подносами и стаканами въ обѣихъ рукахъ.

Нагель сталъ искать глазами Дагни, но ея нигдѣ не было видно. Онъ поздоровался съ фрэкенъ Андресенъ, тоже одѣтой въ бѣлый передникъ; онъ попросилъ вина, и она принесла ему шампанскаго.

Онъ удивленно взглянулъ на нее.

— Вѣдь вы ничего другого не пьете,—сказала она, улыбаясь.

Это немного злое вниманіе нѣсколько расшевелило его; онъ попросилъ ее выпить съ нимъ стаканъ вина, и она дѣйствительно сейчасъ же сѣла съ нимъ, хотя у нея было много дѣла. Онъ поблагодарилъ ее за любезность, сдѣлалъ ей комплиментъ по поводу ея туалета и высказалъ свое восхищеніе медальономъ старинной норвежской работы, который она носила на открытой шеѣ. Она выглядѣла въ этотъ вечеръ очень хорошо; ея продолговатое аристократическое лицо съ большимъ носомъ отличалось необыкновенной, почти болѣзненной тонкостью; оно не мѣняло своего выраженія и совершенно не знало нервныхъ движеній. Она гово-

рила съ спокойнымъ самообладаніемъ, въ ней чувствовалась какая-то особенная увѣренность; это была вполнѣ дама, вполнѣ женщина.

Когда она поднялась, онъ сказалъ:

— Сегодня вечеромъ здѣсь должна быть одна особа, которой я хотѣлъ бы оказать маленькое вниманіе, фрекэнъ Гуде, Марта Гуде, я не знаю, знаете ли вы ее? Мнѣ кажется, что она пришла. Не могу вамъ сказать, какъ мнѣ хотѣлось бы доставить ей какую-нибудь радость; она такъ одинока, Минутта говорилъ мнѣ о ней. Не думаете ли вы, фрэкенъ, что я могъ бы попросить ее сюда? Конечно, если вы сами ничего противъ этого не будете имѣть?

— О, нисколько!—отвѣтила фрэкенъ Андресенъ, — я съ удовольствіемъ приведу ее сюда; я знаю, гдѣ она сидитъ.

— Но вы сами тоже вернетесь?

— Да, спасибо!

Въ то время, какъ Нагель сидѣлъ и ждалъ, въ комнату вошли судья Рейнертъ, адъюнктъ и Дагни. Нагель всталъ и поклонился. Дагни тоже была блѣдна, несмотря на жару; на ней было желтоватое платье съ короткими рукавами, вокругъ шеи она носила слишкомъ тяжелую золотую цѣпочку. Эта цѣпочка очень не шла къ ней. Дагни остановилась на минуту въ дверяхъ; одну руку она закинула за спину, поправляя свою косу.

Нагель подошелъ къ ней. Въ короткихъ, страстныхъ словахъ онъ просилъ ее простить ему его поведеніе въ прошлую пятницу; это послѣдній, самый послѣдній его проступокъ по отношенію къ ней; у нея никогда больше не будетъ повода быть имъ недовольной. Онъ говорилъ тихо, сказалъ то, что надо было сказать, и замолчалъ.

Она выслушала его, даже взглянула на него и, когда онъ кончилъ, отвѣтила:

— Я почти не знаю больше, о чемъ вы говорите; я забыла это, я *хочу* это забыть.

Съ этими словами она ушла. Взглядъ, который она на него бросила, былъ совершенно равнодушенъ.

Со всѣхъ сторонъ слышались громкіе голоса, звонъ чашекъ и стакановъ, щелканіе пробокъ, смѣхъ, возгласы, а изъ зала доносились звуки духового оркестра, игравшаго отчаянно скверно...

Скоро вернулась фрэкенъ Андресенъ съ Мартой, съ ними былъ и Минутта; всѣ усѣлись за столикъ Нагеля. Фрэкенъ Андресенъ отъ времени до времени уходила съ подносомъ, когда кто-нибудь изъ гостей требовалъ кофе; въ концѣ концовъ она совершенно исчезла, у нея слишкомъ много была дѣла.

Различные номера программы слѣдовали одинъ за другимъ: пѣлъ квартетъ, студентъ Эйенъ громкимъ голосомъ декламировалъ свое собственное стихотвореніе, двѣ дамы играли на роялѣ и органистъ сыгралъ свое первое соло на скрипкѣ. Дагни все еще сидѣла въ обществѣ обоихъ молодыхъ людей. Подъ конецъ и Минутту отозвали, онъ долженъ былъ хлопотать, доставать еще стаканы, чашки, бутерброды. Все было заготовлено въ недостаточномъ количествѣ для этой массы народу.

Когда Нагель остался одинъ съ Мартой, она тоже поднялась и хотѣла уйти. Она не могла остаться тутъ одна; она уже замѣтила, что судья дѣлалъ какія-то замѣчанія по ихъ адресу, надъ которыми фрэкенъ Кьелландъ смѣялась; нѣтъ, лучше ей уйти.

Но Нагель уговорилъ ее посидѣть съ нимъ хоть еще немного. Марта была одѣта въ черное; ея новое платье хорошо сидѣло, но не шло къ ней. Оно дѣлало эту дѣвушку съ такой своеобразной наружностью старше ея лѣтъ; къ тому же и сѣдые волосы ея слишкомъ рѣзко выдѣлялись на фонѣ чернаго платья. Только глаза ея сверкали, а когда она смѣялась, то лицо ея съ этими огненными глазами становилось необыкновенно живымъ.

Онъ спросилъ ее:

— Вамъ весело? Вы хорошо чувствуете себя сегодня?

— Да, спасибо,—отвѣтила она,—мнѣ это все очень нравится.

Онъ безостановочно разговаривалъ съ ней, приноравливался къ ней, вздумалъ даже разсказать ей какую-то небывалую исторію, надъ которой она, однако, очень хохотала; это былъ разсказъ о томъ, какъ онъ сталъ обладателемъ одного изъ своихъ самыхъ драгоцѣнныхъ коровьихъ колокольчиковъ. Это сокровище, страшно древняя вещь, которой цѣны нѣтъ! На ней было выгравировано имя коровы, эта корова звалась Эйштейнъ, и это былъ навѣрное быкъ...

Тутъ она вдругъ начала хохотать; она забыла все вокругъ, забыла, гдѣ она находится, и, мотая головой, хохотала, какъ дитя, надъ этой жалкой остротой. Она буквально сіяла.

— Подумайте,—сказалъ онъ,—мнѣ кажется, Минутта приревновалъ васъ.

— О, нѣтъ,—отвѣтила она нерѣшительно.

— У меня получилось такое впечатлѣніе. Впрочемъ, я охотнѣе всего сижу здѣсь съ вами одинъ. Такъ весело слушать, какъ вы смѣетесь.

Она ничего не отвѣтила и только опустила глаза.

Они продолжали разговаривать. Онъ все время сидѣлъ такъ, что ему былъ виденъ столъ, за которымъ сидѣла Дагни.

Прошло нѣсколько минутъ. Фрэкенъ Андресенъ пришла на минуту, отпила нѣсколько глотковъ изъ своего стакана и снова ушла.

Вдругъ Дагни встала со своего мѣста и подошла къ столу Нагеля.

— Какъ вы тутъ веселитесь!—сказала она, и голосъ ея слегка дрожалъ.—Добрый вечеръ, Марта! Надъ чѣмъ вы тутъ такъ смѣетесь?

— Мы веселимся, какъ умѣемъ,—отвѣтилъ Нагель;—я все время горожу вздоръ, а фрэкенъ Гуде такъ снисходительна ко мнѣ и считаетъ себя обязанной смѣяться... Могу я вамъ предложить стаканъ вина?

Дагни сѣла.

Громъ рукоплесканій, донесшійся изъ зала, далъ поводъ Мартѣ встать, чтобы посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Она уходила все дальше; наконецъ, она крикнула, обернувшись назадъ:—тамъ фокусникъ! это я должна видѣть!—и ушла.

Нѣсколько мгновеній оба молчали.

— Вы покинули своихъ собесѣдниковъ,—сказалъ Нагель, онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но Дагни прервала его:

— А ваша дама покинула васъ.

— О, она вернется, должно быть. Не правда-ли, какая своеобразная наружность у фрэкенъ Гуде? Сегодня она радуется, какъ дитя.

На это она не отвѣтила, она только спросила:

— Вы уѣзжали?

— Да.

Пауза.

— Вы въ самомъ дѣлѣ находите, что здѣсь такъ весело сегодня вечеромъ?

— Я? Я даже не знаю, что здѣсь происходитъ,—отвѣтилъ онъ.—Я и не пришелъ сюда для того, чтобы веселиться.

— А для чего-же вы пришли?

— Исключительно для того, чтобы видѣть васъ... да, конечно, только издали...

— Ахъ, такъ. И для этого вы привели съ собой даму?

Этого онъ не понялъ. Онъ смотрѣлъ на нее, размышляя надъ ея словами.

— Вы говорите про фрэкенъ Гуде? Я не знаю, что вамъ сказать на это. Мнѣ столько про нее разсказывали,—изъ году въ годъ она сидитъ одна одинешенька у себя дома, и въ жизни ея нѣтъ ни одной радости. Я ея не приводилъ съ собой, я только хотѣлъ ее здѣсь развлечь немного, чтобы ей не было скучно, вотъ и все. Фрэкенъ Андресенъ привела ее сюда и усадила за этотъ столъ. Боже мой, какъ печальна жизнь этой женщины! Не даромъ у нея сѣдая голова...

— Послушайте, вѣдь вы же не думаете... Вы не воображаете, я надѣюсь, что я ревную; что? Вы ошибаетесь! Да, я помню еще вашъ разсказъ объ одномъ сумасшедшемъ человѣкѣ, который поѣхалъ кататься въ двадцати четырехъ экипажахъ; этотъ человѣкъ з-заикался, какъ вы сказали, и онъ влюбился въ дѣвушку, которая называлась Клара. Да, я хорошо помню все это. И Клара не только сама знать не хотѣла этого человѣка, но и не хотѣла допустить, чтобы онъ достался ея горбатой сестрѣ. Я не знаю, для чего вы мнѣ это разсказали, это вамъ самому лучше знать; мнѣ же это все равно; но ревности во мнѣ вамъ все-таки не удастся возбудить, если это *то*, чего вы добиваетесь сегодня. Нѣтъ, ни вамъ, ни вашему з-заикѣ!

— Но, Боже мой!—сказалъ онъ,—вѣдь не можетъ-же быть, чтобы вы серьезно думали то, что вы говорите...

Пауза.

— Да! Я это думаю,—отвѣтила она.

— Вы думаете, я бы *такъ* принялся за дѣло, если-бы хотѣлъ возбудить вашу ревность? Явился-бы сюда съ сорокалѣтней дамой и бросилъ-бы ее, какъ только увидалъ-бы васъ,—вы считаете меня, должно быть, очень глупымъ.

— Я не знаю, что вы такое, я знаю только, что вы втерлись ко мнѣ и доставили мнѣ самые мучительные часы моей жизни, такъ что я теперь перестала себя понимать. Я не знаю, глупы ли вы; я и не знаю также, безумны ли вы; да я и не пытаюсь узнать это; мнѣ совершенно все равно, что вы.

— Да, такъ оно и есть,—сказалъ онъ.

— Да, и почему бы это могло мнѣ быть не все равно?—продолжала она, раздраженная его уступчивостью.—Что мнѣ до васъ? Вы дурно поступили по отношенію ко мнѣ и въ благодарность за это мнѣ еще интересоваться вами? Вы разсказываете мнѣ исторію, полную намековъ; я увѣрена, что вы не безъ задней мысли разсказали мнѣ о Кларѣ и ея сестрѣ, о, нѣтъ, навѣрное нѣтъ! Но почему вы меня преслѣдуете? Я говорю не о данной минутѣ, сейчасъ *я васъ* разыскала; но вообще; почему вы не оставляете меня въ покоѣ? И то, что я остановилась здѣсь на минуту и говорю съ вами, вы, конечно, объясняете себѣ въ томъ смыслѣ, что для меня это очень важно, что я придаю этому большое значеніе...

— Милая фрэкенъ, я ровно ничего не воображаю...

— Въ самомъ дѣлѣ? Но я отнюдь не знаю, говорите ли вы правду; да, этого я не знаю. Я сомнѣваюсь въ васъ, я не довѣряю вамъ и считаю васъ, такъ сказать, способнымъ почти на все. Быть можетъ, я сейчасъ несправедлива къ вамъ, но одинъ разъ позволительно и мнѣ причинить вамъ боль; я такъ устала отъ всѣхъ вашихъ намековъ и вашихъ плановъ...

Онъ молчалъ и только медленно вертѣлъ свой стаканъ на столѣ; но когда она снова повторила, что не вѣритъ ему, онъ отвѣтилъ:

— Я этого заслужилъ.

— Да,—продолжала она,—я вѣрю вамъ очень мало. Я даже подозрѣваю, что ваши широкія плечи тоже обманъ. Я сознаюсь откровенно, что пошла раньше въ ту комнату, чтобы изслѣдовать ваше пальто, не подложено ли у васъ что-нибудь въ плечахъ. И хотя я была на этотъ разъ неправа и ничего не нашла на вашемъ пальто, но у меня все-таки осталось недовѣріе, я ничего не могу подѣлать. Вы бы, напримѣръ, при вашемъ небольшомъ ростѣ, не остановились ни передъ чѣмъ, чтобы казаться на нѣсколько дюймовъ выше; я увѣрена, что если бы существовало какое-нибудь средство, вы бы его непремѣнно пустили въ ходъ. Боже мой! можно ли не чувствовать къ вамъ недовѣріе! Кто вы такой собственно? И для чего вы пріѣхали сюда къ намъ? Вы живете даже не подъ собственнымъ именемъ, вѣдь ваше имя въ сущности Симонсенъ, просто Симонсенъ! Это я узнала изъ гостинницы; говорятъ, что васъ посѣтила одна дама, которая знала васъ раньше и назвала васъ Симонсенъ прежде, чѣмъ вы успѣли этому помѣшать. Боже, какъ это смѣшно и какъ гадко! По городу ходятъ слухи, что вы развлекаетесь тѣмъ, что даете, въ видѣ шутки,

маленькимъ мальчикамъ курить сигары и что вы устраиваете на улицѣ скандалъ за скандаломъ. Такъ, напримѣръ, встрѣтивъ однажды на рынкѣ служанку, вы потребовали отъ нея чего-то, да, потребовали этого въ присутствіи многихъ свидѣтелей. И, несмотря на все это, вы находите вполнѣ въ порядкѣ вещей дѣлать мнѣ объясненія и безпрестанно становиться мнѣ поперекъ дороги... Вотъ, что меня такъ невыразимо мучаетъ, что вы позволяете себѣ...

Она остановилась. Судорожное подергиваніе губъ выдавало ея волненіе, слова срывались у нея съ языка горячо и искренно; она, дѣйствительно, думала то, что говорила, и высказывала все, не щадя его. Наступило короткое молчаніе; наконецъ, онъ заговорилъ:

— Да, вы правы, я причинилъ вамъ много страданій... Ясно, что если изо дня въ день въ теченіе цѣлаго мѣсяца слѣдить за человѣкомъ, подмѣчать каждое его слово и каждый шагъ, то нетрудно найти кое-что дурное, за что можно ухватиться. Можно, конечно, при этомъ оказаться и не совсѣмъ справедливымъ къ этому человѣку, но это не имѣетъ большого значенія, я допускаю это. Городъ этотъ не великъ, я нѣсколько бросаюсь въ глаза; какъ только я появляюсь на улицѣ, такъ каждый настораживаетъ уши и глаза; этого не избѣжишь. Да я и не совсѣмъ такой, какимъ бы долженъ быть.

— Боже мой! — сказала она рѣзко и коротко, — конечно, на васъ обращаютъ вниманіе только потому, что городъ такъ малъ, это понятно. Въ большомъ городѣ вы были бы вѣдь не единственнымъ человѣкомъ, обращающимъ на себя вниманіе.

Это холодное и чрезвычайное вѣрное замѣчаніе вызвало вначалѣ его искреннее восхищеніе. Онъ хотѣлъ было высказать ей это нѣсколькими вѣжливыми словами, но раздумалъ. Она была слишкомъ возбуждена, слишкомъ много имѣла противъ него, да къ тому же, пожалуй, слишкомъ ужъ низко цѣнила его. Это слегка задѣвало его самолюбіе. Что онъ собственно представлялъ собою

въ ея глазахъ? Самаго обыкновеннаго чужого человѣка въ маленькомъ городѣ, человѣка, обращавшаго на себя вниманіе только потому, что онъ былъ чужимъ въ этомъ маленькомъ городѣ и носилъ желтый костюмъ. Онъ сказалъ съ нѣкоторой горечью:

— Не говорятъ ли тоже, что я разъ написалъ неприличные стихи на надгробномъ памятникѣ Мины Меекъ? Никто этого не видалъ? А между тѣмъ это правда, я это сдѣлалъ, да, я это *сдѣлалъ*. Правда и то, что я заходилъ въ здѣшнюю аптеку и просилъ лѣкарства отъ дурной болѣзни, написавъ эти лѣкарства на клочкѣ бумаги, но мнѣ ихъ не дали безъ рецепта. И вотъ я вспомнилъ еще; не разсказывалъ ли вамъ Минутта, что я его разъ хотѣлъ подкупить двумя стами франковъ для того, чтобы онъ призналъ себя вмѣсто меня отцомъ ребенка? Это тоже истинная правда. Минутта можетъ это подтвердить. Ахъ, да, я могъ бы привести еще не одинъ фактъ...

— Нѣтъ, совершенно незачѣмъ, этого достаточно,—отвѣтила она упрямо. Глаза ея приняли холодное и враждебное выраженіе, и она стала напоминать ему о телеграммахъ, объ его мнимомъ богатствѣ, о которомъ онъ самъ себѣ телеграфировалъ, о ящикѣ для скрипки, который онъ всюду везъ съ собою, хотя у него не было скрипки и онъ и не умѣлъ вовсе играть; она выкладывала одно за другимъ, всѣ его обманы, даже медаль за спасеніе, которую онъ, по его же собственнымъ словамъ, пріобрѣлъ не совсѣмъ правильнымъ образомъ. Она помнила все и не щадила его; каждая мелочь въ эту минуту пріобрѣтала въ ея глазахъ особенное значеніе, и она дала ему понять, что дѣйствительно вѣритъ во всѣ тѣ скверныя выходки, о которыхъ она раньше думала, что онъ ихъ только на словахъ приписывалъ себѣ. Да, онъ навѣрное нахальная и двусмысленная личность! — И при всемъ томъ,—сказала она,—вы стараетесь всячески застигнуть меня врасплохъ и вызвать на безумства. У васъ нѣтъ стыда, у васъ нѣтъ сердца ни для кого, кромѣ себя самого, вы только то и дѣлаете, что объясняетесь...

Въ эту минуту ее прервалъ докторъ Стенерсенъ, который торопливо вошелъ въ залъ и, повидимому, былъ очень занятъ. Онъ былъ однимъ изъ устроителей базара и много хлопоталъ.

— Здравствуйте, господинъ Нагель!— сказалъ онъ.—Спасибо еще разъ за вечеръ, который мы провели у васъ! Безумный былъ таки вечеръ... Фрэкенъ Кьелландъ, будьте внимательны, не опоздайте, мы сейчасъ будемъ ставить живыя картины.

И докторъ снова исчезъ.

Снова начался музыкальный номеръ, и въ залѣ произошло движеніе. Дагни наклонилась впередъ и заглянула въ дверь; затѣмъ она снова повернулась къ Нагелю и сказала:

— Вотъ Марта возвращается.

Молчаніе.

— Вы слышите, что я говорю?

— Я слышу,—отвѣтилъ онъ, точно отсутствуя мыслью. Онъ не подымалъ глазъ и все продолжалъ вертѣть стоявшій передъ нимъ полный стаканъ; голова его все ниже и ниже склонялась къ столу.

— Сс!—сказала она насмѣшливо,—вотъ снова играютъ. Неправда ли: когда слышишь такую музыку, то хотѣлось бы сидѣть гдѣ-нибудь въ отдаленіи, въ боковой комнатѣ, держа въ своей рукѣ руку возлюбленной—кажется такъ вы разъ сказали? Если я не ошибаюсь, это тотъ же самый вальсъ Ланнера, и когда Марта придетъ...

Но въ ту же минуту она пожалѣла о своихъ злобныхъ словахъ; она внезапно замолчала, въ глазахъ ея появился мягкій блескъ, и она нервно задвигалась на стулѣ. Онъ продолжалъ сидѣть съ наклоненной головой; она только видѣла, какъ грудь его коротко и нервно дышитъ. Она поднялась и взяла уже свой стаканъ, но ей хотѣлось еще сказать ему что-нибудь передъ уходомъ, нѣсколько дружескихъ словъ, которыя бы не причинили ему боли. Она заговорила.

— Теперь мнѣ надо итти,—сказала она.

Онъ бросилъ на нее быстрый взглядъ, тоже поднялся и взялъ свой стаканъ. Оба стали пить молча Онъ дѣлалъ усилія, чтобы удержать дрожаніе руки; она видѣла, какъ онъ боролся съ собой, чтобы сохранить спокойный видъ. И вдругъ этотъ человѣкъ, котораго она только что какъ ей казалось, уничтожила, совершенно убила своей иронiей, говоритъ самымъ вѣжливымъ и равнодушнымъ тономъ:

— Пока я не забылъ, фрэкенъ: не будете ли вы такъ любезны... я, должно быть, васъ больше не увижу... не будете ли вы такъ любезны при случаѣ, когда будете писать своему жениху, напомнить ему о тѣхъ двухъ рубашкахъ, которыя онъ когда-то, два года тому назадъ обѣщалъ Минуттѣ. Прошу меня извинить, что я вмѣшиваюсь въ это дѣло, которое вѣдь меня не касается; я это дѣлаю исключительно ради Минутты. Я надѣюсь, что вы простите мою смѣлость. Скажите только, что это двѣ шерстяныя рубашки; онъ ужъ вспомнитъ.

Въ первое мгновеніе она была точно поражена громомъ; она стояла, раскрывъ ротъ и глядя на него, не находила словъ и забыла даже поставить стаканъ на столъ. Это продолжалось цѣлую минуту. Но она снова овладѣла собой, бросила ему яростный взглядъ, отражавшій въ себѣ все возмущеніе, которымъ она была полна,—взглядъ, который былъ для Нагеля уничтожающимъ отвѣтомъ, потомъ сразу повернулась къ нему спиной и ушла въ залъ.

Она, повидимому, совершенно не думала о томъ, что судья и адъюнктъ все еще сидѣли на прежнемъ мѣстѣ и ждали ее.

Нагель снова сѣлъ. Плечи его опять начали вздрагивать и онъ нѣсколько разъ машинально хватался руками за голову. Онъ сидѣлъ точно подкошенный. Но когда вернулась Марта, онъ вскочилъ, и лицо его освѣтилось благодарнымъ взглядомъ; онъ подвинулъ ей стулъ.

— Какая вы добрая, какая вы добрая!—повторялъ онъ.—Сядьте здѣсь, я буду очень внимателенъ и стану вамъ разска-

зывать исторіи безъ конца, если вы только захотите; вы увидите, какъ я буду васъ занимать, если вы останетесь здѣсь. Милая, садитесь! Да, конечно, вы уйдете, когда захотите, и вѣдь мнѣ можно будетъ васъ проводить, не правда ли? Я вамъ никогда не причиню никакого огорченія, никогда. Скажите, не хотите ли выпить еще самый маленькій стаканчикъ вина? Я вамъ разскажу что-нибудь очень веселое, чтобы вамъ не было скучно. Я такъ радъ, что вы вернулись, Боже мой, что за наслажденіе слышать, какъ вы смѣетесь, вы, которая всегда такъ серьезна! Въ залѣ было, должно быть, не очень интересно, не правда ли? Мы лучше посидимъ немного здѣсь; тамъ такъ жарко; сядьте же!

Марта колебалась, но въ концѣ концовъ сѣла.

И Нагель начинаетъ говорить безостановочно, разсказываетъ цѣлый рядъ комическихъ исторій и необыкновенныхъ приключеній, говоритъ то о томъ, то о другомъ, лихорадочно, принужденно, терзаемый страхомъ, что она уйдетъ, какъ только онъ перестанетъ говорить. Его бросаетъ въ жаръ отъ усилій, мысли его путаются, онъ хватается безпомощно за голову, силясь поймать утерянную нить. Марта же думаетъ, что и это онъ дѣлаетъ для большого комизма, и невинно хохочетъ. Она не скучаетъ, ея старое сердце таетъ, и она даже даетъ себя вовлечь въ разговоръ. Сколько въ ней было теплоты и наивности! Когда онъ замѣтилъ, что жизнь совершенно непостижимо жалка, не правда ли? она сказала:—выпьемъ въ честь жизни! Это сказала она, эта женщина, которая изъ года въ годъ влачила самое жалкое существованіе, еле перебиваясь тѣмъ, что продавала яйца на базарѣ... Нѣтъ, жизнь вовсе не такъ дурна, часто она даже прекрасна!

— Жизнь часто прекрасна!—сказала она.

— Да, и въ этомъ вы правы!—отвѣтилъ онъ ей на это...— Однако, мы должны теперь посмотрѣть живыя картины! Мы можемъ стать въ дверяхъ; тогда намъ можно будетъ потомъ снова

сѣсть, если вы захотите. Вамъ видно съ вашего мѣста? Если нѣтъ, я возьму васъ на руки.

Она разсмѣялась, отрицательно качая головой.

Какъ только онъ увидалъ на эстрадѣ Дагни, веселость его сразу исчезла, взглядъ его точно застылъ, и онъ, кромѣ нея, ничего больше не видѣлъ. Онъ слѣдилъ за направленіемъ ея глазъ, обнималъ ее взглядомъ съ головы до ногъ, наблюдалъ за выраженіемъ ея лица, замѣтилъ, что роза на груди ея безпрестанно подымалась и опускалась. Она стояла послѣднею въ длинномъ ряду людей, и ее легко было узнать, несмотря на то, что она была очень тщательно загримирована. Фрэкенъ Андресенъ сидѣла посерединѣ и представляла королеву. Вся картина предстала передъ глазами зрителей въ красномъ освѣщеніи; это было нѣчто въ родѣ ребуса, составленнаго изъ людей и доспѣховъ и стоившаго много трудовъ и усилій доктору Стенерсену.

— Это красиво!—шепнула Марта.

— Да... Что красиво?—спросилъ онъ.

— Тамъ наверху, вы не видите? На что же вы смотрите?

— Ахъ да, правда; да, это красиво.

И чтобы не возбудить въ ней подозрѣнія, что онъ смотритъ на одно мѣсто, видитъ во всей картинѣ только одну точку, онъ началъ ее разспрашивать о каждомъ изъ участвующихъ отдѣльно, почти не слушая того, что она ему говорила. Они стояли до тѣхъ поръ, пока красный свѣтъ не сталъ потухать, и занавѣсъ опустился.

Съ небольшими промежутками въ нѣсколько минутъ, одна за другой послѣдовали всѣ пять живыхъ картинъ. Было двѣнадцать часовъ; Марта и Нагель продолжали стоять въ дверяхъ, глядя на послѣднюю картину. Когда, наконецъ, живыя картины кончились и снова раздались звуки музыки, они опять усѣлись у столика и стали разговаривать. Эта мягкосердечная старая дѣвушка по добротѣ своей все больше уступала его настояніямъ и уже не заикалась объ уходѣ.

Нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ съ записными книжками въ рукахъ ходили между гостями, продавая лотерейные билеты; предметы розыгрыша составляли куклы, качалки, вышивки, столики для самовара и столовые часы. Шумъ все усиливался, всѣ говорили громко, не стѣсняясь больше, въ залѣ и боковыхъ комнатахъ стоялъ гулъ голосовъ, точно на биржѣ. Лишь въ два часа было назначено окончаніе.

Фрэкенъ Андресенъ снова присѣла къ столу Нагеля. Ахъ, она такъ устала, такъ устала! Да, спасибо, она съ удовольствіемъ выпьетъ полъ-стаканчика! Не пойти ли ей за Дагни?

И она пошла за Дагни. Вмѣстѣ съ ней пришелъ и Минутта.

И вотъ произошло слѣдующее.

Вблизи нихъ опрокинулся столикъ, нѣсколько чашекъ и стакановъ полетѣло на полъ. Дагни испустила легкій крикъ, съ испугу она даже схватила Марту за руку. Потомъ она сама начала смѣяться надъ своимъ испугомъ и просила извиненія; но лицо ея оставалось краснымъ отъ волненія. Она была въ высшей степени возбуждена, короткій, нервный смѣхъ вырывался у нея; глаза ея сильно блестѣли. Она уже накинула на плечи свой плащъ, собираясь итти домой, и только ждала адъюнкта, который долженъ былъ проводить ее.

Но адъюнктъ, сидѣвшій вмѣстѣ съ судьею и цѣлый часъ уже не встававшій съ мѣста, начиналъ изрядно пьянѣть.

— Господинъ Нагель навѣрное проводитъ тебя, Дагни,—сказала фрэкенъ Андресенъ.

Дагни разразилась смѣхомъ. Фрэкенъ Андресенъ съ удивленіемъ посмотрѣла на нее.

— Нѣтъ,—отвѣтила Дагни,—съ господиномъ Нагелемъ я больше не рѣшусь пойти! У него такія странныя фантазіи. Разъ онъ даже—между нами говоря — просилъ у меня свиданія. Право! Подъ деревомъ, сказалъ онъ, подъ большой осиной, она стоитъ тамъ то. Нѣтъ, господинъ Нагель слишкомъ невмѣняемъ. Не далѣе, какъ раньше онъ самымъ серьезнымъ образомъ потребовалъ

отъ меня пару шерстяныхъ рубашекъ, которыя мой женихъ обѣщалъ, будто бы, когда-то Грэгорду, а между тѣмъ Грэгордъ самъ абсолютно ничего объ этомъ не знаетъ! Не правда ли, Грэгордъ? Ха-ха-ха, это чрезвычайно странно!

Она быстро поднялась, все еще смѣясь, и подошла къ адъюнкту которому начала что-то говорить; она, очевидно, настаивала на томъ, чтобы онъ пошелъ съ ней.

Минутта пришелъ въ сильное безпокойство. Онъ попробовалъ было что то сказать, объясниться, но запутался и оставилъ эту попытку; онъ только переводилъ испуганный взглядъ съ одного на другого изъ присутствующихъ. Даже Марта была поражена и испугана; Нагель обратился къ ней, шепнулъ ей нѣсколько успокаивающихъ словъ и сталъ наполнять стаканы. Фрэкенъ Андресенъ сейчасъ же начала говорить о базарѣ: какое множество народу, не взирая на дождливую погоду! О, у нихъ навѣрное будетъ большой сборъ, расходы не такъ ужъ велики...

— Кто была эта красивая дама, которая играла на арфѣ?— спросилъ Нагель;—дама съ Байроновскимъ ртомъ и серебряной стрѣлой въ волосахъ?

— Это пріѣзжая, она временно гоститъ здѣсь. Развѣ она такъ красива?

Да, онъ находитъ ее красивой. И онъ сталъ обстоятельно разспрашивать объ этой дамѣ, хотя всѣмъ было ясно, что мысли его гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. О чемъ онъ думалъ? Почему у него вдругъ появилась на лбу эта складка горечи? Онъ медленно вертѣлъ свой стаканъ.

Дагни вернулась и снова остановилась у столика. Стоя за стуломъ фрэкенъ Андресенъ и застегивая перчатки, она говоритъ своимъ чудеснымъ, яснымъ голосомъ:

— Но что вы собственно думали, когда просили у меня этого свиданія, господинъ Нагель? Какія намѣренія у васъ были при этомъ? Почему вы не отвѣчаете?

— Что ты, Дагни!—шепчетъ фрэкенъ Андресенъ и встаетъ. Минутта тоже всталъ. Всѣмъ стало неловко. Нагель поднялъ голову; лицо его не выражало большого волненія; однако всѣ замѣтили, что онъ выпустилъ изъ руки стаканъ и заломалъ руки, тяжело дыша при этомъ. Что онъ сдѣлаетъ? Что это означало, что онъ тихо улыбнулся и сейчасъ же снова сталъ серьезенъ? Къ общему удивленію онъ отвѣтилъ спокойнымъ голосомъ:

— Почему я просилъ у васъ свиданія? Фрэкенъ Кьелландъ, не лучше ли будетъ, если я не стану вамъ объяснять этого! Я вамъ причинилъ уже столько непріятностей. Я жалѣю объ этомъ, и, видитъ Богъ, я бы все отдалъ для того, чтобы всего этого не было. Почему я васъ просилъ тогда притти, это вы сами понимаете; я не дѣлалъ изъ этого секрета, хотя и слѣдовало бы. Вы должны быть милосердны ко мнѣ. Я больше ничего не могу сказать.

Онъ замолчалъ. Она тоже ничего больше не сказала, она навѣрное ожидала отъ него другого отвѣта. Въ эту минуту пришелъ адъюнктъ и положилъ своимъ появленіемъ конецъ этой непріятной сценѣ; онъ былъ сильно возбужденъ и даже не твердо держался на ногахъ.

Дагни взяла его подъ руку и направилась къ выходу.

Послѣ ея ухода оставшіеся члены небольшого кружка значительно оживились; всѣ вздохнули свободнѣе. Марта смѣялась по каждому ничтожному поводу и хлопала отъ радости въ ладоши. По временамъ, когда, какъ ей казалось, она ужъ слишкомъ много смѣялась, она вдругъ краснѣла, останавливалась и испуганно оглядывалась на другихъ, не замѣтилъ ли этого кто-нибудь. Это очаровательное смущеніе, поминутно овладѣвавшее ею, приводило Нагеля въ восхищеніе и побуждало его дурачиться безъ конца только для того, чтобы поддержать ея хорошее настроеніе. Такъ, ему, между прочимъ, пришло въ голову сыграть „Старца Ноя“ на пробкѣ, которую онъ держалъ между зубами.

Пришла и фру Стенерсенъ. Она заявила, что не уйдетъ домой, пока все не будетъ кончено; остается еще одинъ номеръ,

выступленіе двухъ гимнастовъ, которыхъ она непремѣнно хочетъ видѣть. Да, она всегда остается до самаго конца; ночь такъ длинна, и ей всегда дѣлается грустно, когда она приходитъ домой и остается одна. Не пойти ли имъ всѣмъ въ залъ посмотрѣть гимнастовъ?

Всѣ отправились въ залъ.

Черезъ середину зала проходитъ высокій, бородатый человѣкъ. Въ рукѣ онъ несетъ ящикъ со скрипкой. Это органистъ; онъ отыгралъ свой номеръ и собирается итти домой. Онъ останавливается, кланяется и сейчасъ-же заговариваетъ съ Нагелемъ о скрипкѣ. Минутта дѣйствительно былъ у него и хотѣлъ ее купить; но, видите-ли, это совершенно невозможно: эта скрипка ему досталась по наслѣдству, онъ привыкъ на нее смотрѣть, какъ на живое существо, онъ такъ ее любитъ. Да, на ней имѣется даже его имя, Нагель самъ можетъ посмотрѣть, это не обыкновенная скрипка... И онъ осторожно открываетъ крышку.

Вотъ онъ лежитъ, хорошенькій темно-коричневый инструментъ, тщательно завернутый въ чехолъ изъ краснаго шелка, съ мягкой ватой на струнахъ.

Не правда-ли, она красива? Три буквы изъ крохотныхъ капскихъ рубиновъ на самой верхушкѣ грифа означаютъ: Густавъ Адольфъ Кристенсенъ. Нѣтъ, такой предметъ продать было-бы жалко; въ чемъ-бы онъ тогда находилъ свою радость и развлеченіе въ такое время, когда дни тянутся безконечно долго? Другое дѣло, если господинъ Нагель хочетъ только попробовать ее, провести нѣсколько разъ смычкомъ...

Нѣтъ, пробовать Нагель не хотѣлъ.

Но органистъ уже вынулъ инструментъ изъ ящика, и въ то время, какъ оба гимнаста дѣлали свои послѣдніе прыжки и публика въ залѣ апплодировала, онъ все еще продолжалъ говорить о рѣдкой скрипкѣ, переходившей по наслѣдству вотъ уже четвертое поколѣніе!—Она легка, какъ перышко, попробуйте сами, возьмите ее въ руки.

И Нагель тоже находитъ, что она легка, какъ перышко. Но разъ скрипка попала въ его руки, онъ начинаетъ ее вертѣть во всѣ стороны и трогаетъ струны. Съ видомъ знатока онъ говоритъ:—это Миттенвальденская, какъ я вижу.—Не трудно было видѣть, что это Миттенвальденская, потому что это было обозначено на инструментѣ; но для чего тогда было принимать видъ знатока? Послѣ того, какъ гимнасты ушли и апплодисменты прекратились, онъ тоже поднимается; не говоря ни слова, онъ протягиваетъ руку за смычкомъ. Въ слѣдующее мгновеніе, въ то время, какъ всѣ встаютъ, собираясь покинуть залъ, когда кругомъ раздается шумъ и громкіе разговоры, онъ начинаетъ вдругъ играть. Мало-по-малу шумъ прекращается и наступаетъ тишина. Этотъ маленькій широкоплечій человѣкъ, появившійся вдругъ посреди зала въ своемъ ярко-желтомъ костюмѣ, привелъ всѣхъ въ изумленіе. И что онъ игралъ? какой-то романсъ, баркароллу, танецъ, венгерскій танецъ Брамса, полное страсти попурри; это была игра, захватившая всѣхъ. Онъ стоялъ, почти совершенно склонивъ голову на плечо; все это вмѣстѣ производило впечатлѣніе почти чего-то мистическаго, его внезапное выступленіе сверхъ программы, въ отдаленной части зала, гдѣ было довольно темно, и его бросающаяся въ глаза внѣшность, и эта бѣшенная бѣглость пальцевъ, поражавшая слушателей и вызывавшая въ нихъ представленіе о какомъ-то волшебствѣ. Онъ продолжалъ играть въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, и публика неподвижно сидѣла на своихъ мѣстахъ; онъ перескочилъ вдругъ на какую-то бравурную вещь, полную дикаго паѳоса, онъ стоялъ неподвижно, только рука его двигалась и голову онъ все еще держалъ наклоненной къ плечу. Выступивъ такъ неожиданно и нарушивъ программу вечера, онъ сразу покорилъ этихъ спокойныхъ и флегматичныхъ горожанъ и поселянъ; застигнутые его игрой врасплохъ, они не могли притти въ себя, и имъ игра эта представлялась гораздо лучше, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ, лучше всего, что они слышали въ этотъ вечеръ, хотя онъ игралъ съ самой безцеремонной стремительностью. Но по прошествіи четырехъ или пяти минутъ онъ вдругъ раза два рѣзко провелъ смычкомъ по струнамъ; послышались отчаянные, дикіе звуки, какой-то вопль, невозможный, возмутительный вой; еще три-четыре такихъ удара смычкомъ, и онъ сразу оборвалъ игру, опустивъ скрипку.

Прошла цѣлая минута раньше, чѣмъ слушатели пришли въ себя; но вслѣдъ затѣмъ залъ разразился оглушительными апплодисментами, публика вскакивала на стулья и кричала „браво“. Органистъ съ глубокимъ поклономъ взялъ свою скрипку изъ рукъ Нагеля, ощупалъ ее и осторожно положилъ въ футляръ, послѣ чего онъ сталъ многократно благодарить Нагеля, пожимая ему руку. Кругомъ стоялъ шумъ и ревъ; докторъ Стенерсенъ прибѣжалъ, задыхаясь, схватилъ Нагеля за руку и крикнулъ:

— Помилуй васъ Богъ, вѣдь вы же *играете*... вы *играете*!

Фрэкенъ Андресенъ, сидѣвшая ближе всѣхъ къ нему, сказала, глядя на него съ выраженіемъ величайшаго изумленія:

— Вѣдь вы же говорили, что не умѣете играть?

— Я и не умѣю,—отвѣтилъ онъ,—настолько мало, во всякомъ случаѣ, что объ этомъ и говорить не стоитъ, сознаюсь откровенно! Если-бы вы знали, какъ это было фальшиво, какъ невѣрно! Но не правда-ли, впечатлѣніе получилось чего-то настоящаго? Хе-хе-хе, да, надо умѣть удивлять міръ, надо не стѣсняться!.. Но не вернуться-ли намъ къ нашимъ стаканамъ? Не будете-ли вы добры попросить фрэкенъ Гуде пойти съ нами!

И они вернулись въ сосѣднюю комнату. Публика была еще занята этимъ таинственнымъ человѣкомъ, который такъ неожиданно привелъ ее въ изумленіе; даже судья Рейнертъ остановился на минуту, проходя мимо Нагеля, и сказалъ ему:

— Благодарю васъ, вы были такъ любезны и пригласили меня нѣсколько дней тому назадъ на холостую пирушку. Я не могъ притти, я былъ занятъ въ тотъ вечеръ; но я очень вамъ благодаренъ за приглашеніе, это было очень любезно съ вашей стороны.

— Но для чего были эти ужасные звуки подъ конецъ?—спросила фрэкенъ Андресенъ.

— Я и самъ не знаю, — отвѣтилъ Нагель, — такъ вышло. Я хотѣлъ поймать дьявола за хвостъ.

Докторъ Стенерсенъ еще разъ подошелъ къ нему и снова сказалъ ему комплиментъ по поводу его игры, и Нагель снова отвѣтилъ, что вся его игра это одна комедія и шарлатанство, что она вся состоитъ изъ самыхъ грубыхъ эффектовъ; если бы только знали, какъ это было не хорошо! Двойныя ноты у него фальшивы, да, почти всѣ немного фальшивы, онъ самъ это слышалъ, но сдѣлать лучше онъ не могъ.

Вокругъ стола собиралось все больше людей; они продолжали сидѣть до послѣдней минуты; публика уходила, въ залѣ начали уже гасить свѣчи, когда они, наконецъ, поднялись со своихъ мѣстъ. Было половина третьяго.

Нагель наклонился къ Мартѣ и шепнулъ ей:

— Не правда ли, вѣдь вы позволите мнѣ проводить васъ домой? Мнѣ надо вамъ что-то сказать.

Онъ торопливо уплатилъ по счету, простился съ фрэкенъ Андресенъ и вышелъ съ Мартой. У нея не было верхняго платья, ничего, кромѣ зонтика, который она старалась скрыть, потому что онъ былъ разорванъ. Выходя, Нагель замѣтилъ, что Минутта смотритъ имъ вслѣдъ долгимъ, полнымъ печали, взглядомъ. Онъ былъ необыкновенно блѣденъ.

Они пошли прямо къ дому Марты. Нагель внимательно оглянулся кругомъ, ни души не было видать на улицѣ. Тогда онъ сказалъ:

— Если бы вы рѣшились впустить меня къ себѣ на нѣсколько минутъ, я былъ бы вамъ такъ благодаренъ.

Она колебалась.

— Уже такъ поздно,—сказала она.

— Вы знаете вѣдь, что я вамъ обѣщалъ никогда и ничѣмъ васъ не огорчать. Мнѣ надо съ вами поговорить.

Она отворила дверь.

Войдя въ комнату, она стала зажигать свѣтъ, въ то время, какъ онъ завѣшивалъ чѣмъ-то окно. Онъ ждалъ, чтобы она кончила; потомъ онъ сказалъ:

— Вамъ было весело сегодня вечеромъ?

— Да, очень, - отвѣтила она.

— Ну, да я не объ этомъ хотѣлъ съ вами говорить. Подвиньтесь немного ближе ко мнѣ; вы не должны меня бояться; вы обѣщаете мнѣ это? Хорошо, вы даете руку на этомъ?

Она дала ему руку, которую онъ удержалъ въ своей.

— И вы вѣдь не думаете, что я лгу, что я васъ буду обманывать,—что? Я хочу вамъ кое-что сказать; такъ вы, значитъ, не думаете, что я вамъ буду лгать?

— Нѣтъ.

— Да, и я понемногу вамъ все объясню... Но насколько вы мнѣ вѣрите? я хочу сказать, какъ далеко вы рѣшитесь пойти въ своемъ довѣріи ко мнѣ? Какой я вздоръ говорю! Но дѣло въ томъ—оно немного затруднительно. Вы мнѣ повѣрите, если я, напримѣръ, скажу, что я... что я васъ, дѣйствительно, такъ люблю? Да, вѣдь вы не могли этого и сами не замѣтить. Но если бы я пошелъ дальше, я хочу сказать... Вы понимаете, я просто хочу васъ просить стать моей женой. Да, моей женой. Слово сказано. Не возлюбленной только, а моей женой... Помилуй меня Богъ, какъ это васъ пугаетъ! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, оставьте мнѣ свою руку; я объяснюсь яснѣе, тогда вы меня вполнѣ поймете. Представьте себѣ такую возможность, что вы не ослышались: что я открыто и безъ лишнихъ словъ прошу вашей руки, и что каждое слово мое искренно; представьте себѣ сначала эту возможность и позвольте мнѣ затѣмъ продолжать. Хорошо! Сколько вамъ лѣтъ? Нѣтъ, я не это хотѣлъ спросить; но мнѣ самому двадцать девять лѣтъ, я больше не легкомысленный юноша, вы на четыре, пять, шесть лѣтъ старше меня, это ничего не...

— Я на двѣнадцать лѣтъ старше,—сказала она.

— На двѣнадцать лѣтъ старше!—восклицаетъ онъ въ восхищеніи отъ того, что она слѣдитъ за его словами, что она не совсѣмъ потеряла голову. — Такъ на двѣнадцать лѣтъ вы старше меня, это превосходно, это прямо великолѣпно! Да, и вы полагаете, что двѣнадцать лѣтъ могутъ быть препятствіемъ? Мнѣ кажется, вы сошли съ ума, моя милая! Но все равно: будь вы хоть на трижды двѣнадцать лѣтъ старше—разъ, что я васъ люблю, а я искренно думаю каждое слово, которое я произношу въ эту минуту, — такъ какое это можетъ имѣть значеніе? Я долго объ этомъ думалъ, да, въ сущности не очень долго, но во всякомъ случаѣ въ теченіе многихъ дней, я не лгу теперь, повѣрьте мнѣ, ради Бога, когда я васъ такъ объ этомъ прошу. Я въ теченіе очень многихъ дней думалъ объ этомъ и не спалъ изъ-за этого ночей. У васъ такіе удивительные глаза; они стали притягивать меня съ первой минуты, какъ я ихъ увидалъ. Меня глаза могутъ увлечь на край свѣта; ахъ, да, разъ одинъ старикъ заставилъ меня полъ-ночи кружить по лѣсу, исключительно силой своихъ глазъ. Человѣкъ этотъ былъ помѣшанный... Впрочемъ, это другая исторія! Но ваши глаза произвели на меня впечатлѣніе. Вы, можетъ быть, помните, какъ вы разъ стояли здѣсь, посреди комнаты, и смотрѣли на меня, когда я проходилъ мимо? Вы не поворачивали головы, вы только провожали меня глазами, я этого никогда не забуду. А когда я потомъ васъ встрѣтилъ и заговорилъ съ вами, меня тронула ваша улыбка. Я не помню, чтобы мнѣ когда-либо приходилось слышать такой чистосердечный, искренній смѣхъ, какъ у васъ; но этого вы сами не сознаете, и въ этомъ то именно и заключается вся прелесть, что вы этого не сознаете... Теперь я болтаю ужасный вздоръ; я это самъ слышу, но у меня все время такое чувство, будто я долженъ говорить безостановочно, иначе вы мнѣ не повѣрите, и отъ этого я слишкомъ усердствую. Но если бы вы не сидѣли, какъ на иголкахъ, готовая каждую минуту встать и уйти, мнѣ было бы легче говорить съ вами. Пожалуйста, дайте мнѣ опять вашу руку, тогда я буду говорить яснѣе. Такъ —

спасибо!.. Вы понимаете, я, право, ничего другого не добиваюсь, кромѣ того, что я вамъ сказалъ; у меня нѣтъ никакихъ заднихъ мыслей. И что васъ собственно такъ поражаетъ въ моихъ словахъ? Вы не можете понять, какъ мнѣ пришла въ голову эта безумная мысль; вамъ кажется непостижимымъ, что я— что я— этого хочу, да, и вамъ представляется это невозможнымъ; не правда ли, вы *это* думаете?

— Да, но, Боже мой, прекратите это, наконецъ!

— Но послушайте, я, право, не заслуживаю, чтобы вы меня еще подозрѣвали въ неискренности...

— Нѣтъ,—говоритъ Марта, въ порывѣ раскаянія.—Я васъ *ни въ чемъ* не подозрѣваю; но это все-таки невозможно.

— Но почему это невозможно? Вы связаны съ другимъ?

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Дѣйствительно, нѣтъ? Потому что, если вы связаны съ другимъ, скажемъ для примѣра, чтобы назвать какое-нибудь имя, хоть съ Минуттой...

— Нѣтъ!—говоритъ она громко. Въ волненіи она при этомъ крѣпко сжимаетъ его руку.

— Нѣтъ? Такъ, значитъ, съ этой стороны препятствій нѣтъ. Позвольте же мнѣ теперь продолжать: вы не должны считать, что это невозможно, потому что я стою настолько выше васъ. Я ничего не хочу отъ васъ скрывать, я во многихъ отношеніяхъ совсѣмъ не такой, какимъ бы долженъ быть, да вы же сами слышали сегодня вечеромъ, что сказала фрэкенъ Кьелландъ. Вы, быть можетъ, слышали еще и отъ другихъ здѣсь въ городѣ, какой я дурной человѣкъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Случается, конечно, что ко мнѣ не совсѣмъ справедливы; но въ общемъ все-таки люди правы, у меня крупные недостатки. Слѣдовательно, вы съ вашимъ чистымъ сердцемъ и невинными мыслями стоите безконечно выше *меня*, а не наоборотъ. Но я бы далъ вамъ обѣщаніе быть всегда добрымъ по отношенію къ вамъ; вы можете мнѣ повѣрить, мнѣ бы это было совсѣмъ не трудно, для

меня было бы величайшей радостью видѣть васъ веселой... Еще одно: вы, можетъ быть, немного страшитесь того, что будутъ говорить въ городѣ? Но во-первыхъ, обитателямъ этого города придется примириться съ тѣмъ, что вы станете моей женой, по мнѣ хотя бы въ здѣшней церкви, если вы захотите. Во-вторыхъ, въ городѣ уже и безъ того говорятъ достаточно; едва ли прошло незамѣченнымъ, что я уже нѣсколько разъ встрѣчался съ вами, и что сегодня вечеромъ на базарѣ мы были вмѣстѣ. Значитъ, съ этой стороны дѣло будетъ немногимъ хуже, чѣмъ оно есть. Да и имѣетъ ли это какое нибудь значеніе? Вамъ должно было бы стать совершенно все равно, что люди думаютъ... Вы плачете? Милая, вамъ непріятно, что я сегодня вечеромъ подвергъ васъ пересудамъ и сплетнямъ?

— Нѣтъ, это не то.

— Такъ что же это?

Она не отвѣчаетъ.

Ему приходитъ что-то въ голову, и онъ спрашиваетъ:

— Вамъ кажется, что я дурно поступаю по отношенію къ вамъ? Вѣдь вы выпили немного шампанскаго? Вы, навѣрное, не выпили и двухъ стакановъ? Можетъ быть, у васъ получилось впечатлѣніе, что я улучилъ минуту и воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что вы выпили глотокъ вина, для того, чтобы скорѣе вынудить у васъ согласіе? Вы поэтому плачете?

— Нѣтъ, нѣтъ, вовсе нѣтъ.

— Такъ почему же вы плачете?

— Я не знаю.

— Но во всякомъ случаѣ вы вѣдь не думаете, что у меня противъ васъ какой-нибудь злой умыселъ? Клянусь вамъ Богомъ, что я совершенно искренен, повѣрьте же мнѣ хоть теперь!

— Да, я вамъ вѣрю; но я чувствую въ себѣ такую перемѣну... Вы не можете... не можете этого хотѣть.

Да, онъ хочетъ этого! — И подъ шумъ дождя, барабанящаго по стекламъ окна, онъ начинаетъ ее убѣждать, сидя рядомъ съ

ней и держа ея маленькую, слабую руку въ своей рукѣ. Онъ говоритъ очень тихо: о, они это устроятъ! Они уѣдутъ далеко, далеко, Богъ знаетъ, куда; они скроются отъ всѣхъ, и никто не будетъ знать, гдѣ они находятся. Не правда ли, они такъ сдѣлаютъ? Потомъ они купятъ себѣ маленькую хижину и клочекъ земли въ лѣсу, въ чудесномъ лѣсу или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ; это будетъ ихъ собственная недвижимость, и они назовутъ ее „Эденъ“, и онъ будетъ воздѣлывать ее, о, *какъ* онъ будетъ ее воздѣлывать! Но можетъ случиться, что онъ по временамъ будетъ немного грустенъ; да милая, это возможно; ему можетъ что-нибудь притти на умъ, какое-нибудь горькое воспоминаніе, какой-нибудь непріятный случай изъ его жизни, какъ легко это можетъ случиться! Но тогда она будетъ съ нимъ терпѣлива, не правда ли? Онъ и не будетъ давать ей это слишкомъ чувствовать, никогда, это онъ обѣщаетъ; онъ будетъ спокойно сидѣть и стараться побороть это въ себѣ или онъ уйдетъ съ этимъ далеко въ лѣсъ и черезъ нѣкоторое время вернется. Но никогда въ ихъ хижинѣ не будетъ произнесено ни одного рѣзкаго слова! И они будутъ ее разукрашивать самыми красивыми дикими травами, и мхомъ, и камнями, которые они будутъ сами отыскивать; полъ они будутъ посыпать ароматнымъ можжевельникомъ, и онъ самъ будетъ приносить можжевельникъ. А на Рождество они никогда не будутъ забывать выставлять для маленькихъ пташекъ ржаной снопъ. Да, какъ быстро время будетъ проходить, и какъ они будутъ счастливы! Они всегда будутъ вмѣстѣ, вмѣстѣ уходить и вмѣстѣ возвращаться и никогда не будутъ разставаться; лѣтомъ они будутъ предпринимать далекія прогулки и будутъ наблюдать, какъ деревья и травы растутъ изъ года въ годъ. Боже мой, и сколько добра они будутъ оказывать чужимъ и странникамъ, которые будутъ проходить мимо ихъ хижины! Они будутъ держать рогатый скотъ, пару крупныхъ, прекрасныхъ животныхъ, и въ то время, какъ онъ будетъ рубить, и копать, и обрабатывать землю, она будетъ заботиться о животныхъ...

— Да,—отвѣтила Марта. Совершенно невольно она проговорила: да, и онъ это разслышалъ. Онъ продолжалъ:

И потомъ разъ въ недѣлю они будутъ устраивать себѣ праздникъ и будутъ ходить на охоту и на рыбную ловлю, вдвоемъ, рука объ руку, она въ короткомъ платьѣ съ кушакомъ вокругъ таліи, онъ въ блузѣ и въ башмакахъ съ пряжками. Они будутъ пѣть, и кричать и перекликаться такъ, что эхо будетъ стоять въ лѣсу отъ ихъ голосовъ! Но непремѣнно рука объ руку, не правда ли?

— Да,—сказала она опять, и глаза ея при этомъ блестѣли.

Понемногу онъ ее увлекъ; онъ такъ ясно рисовалъ передъ ней всю картину ихъ будушей жизни, онъ обдумывалъ каждую мелочь, не забывалъ ничего. Онъ упомянулъ даже о томъ, что важно выбрать такое мѣсто, гдѣ легко достать воду; но объ этомъ ужъ онъ позаботится, обо всемъ онъ позаботится; пусть она только имѣетъ довѣріе къ нему. О, у него силы достаточно, чтобы расчистить мѣсто для этого жилища въ самомъ густомъ лѣсу; у него пара кулаковъ, пусть она только посмотритъ!...

И онъ, улыбаясь, сталъ сравнивать ея нѣжную дѣтскую руку со своей.

Онъ дѣлалъ съ ней все, что хотѣлъ, и она покорно подчинялась этому; даже, когда онъ погладилъ ее по щекѣ, она осталась спокойна и также довѣрчиво смотрѣла на него. Потомъ онъ совсѣмъ почти приблизивъ свои губы къ ея уху, спросилъ ее, рѣшается ли она и хочетъ ли; и она также шопотомъ, задумчиво, мечтательно отвѣтила: да. Но вслѣдъ затѣмъ она начала опять колебаться: нѣтъ, если подумать хорошенько, то это все-таки невозможно. Какъ могъ онъ этого хотѣть! Что она такое!

И онъ снова сталъ ее убѣждать, что онъ этого хочетъ, да, хочетъ, со всей силой желанія, на какую онъ способенъ. Она не будетъ терпѣть нужды, даже если бы дѣла его нѣкоторое время и были плохи; онъ будетъ работать за нихъ обоихъ, ей нечего бояться. Онъ говорилъ въ продолженіе цѣлаго часа и шагъ за

шагомъ побѣждалъ ея сопротивленіе. Два раза повторилось въ теченіе этого часа, что она начинала колебаться, закрывала лицо руками и повторяла: нѣтъ! нѣтъ! и все-таки потомъ сдавалась, всматривалась въ его лицо и чувствовала, что то, чего онъ добивается, это не минутное торжество! Ну, такъ съ Богомъ, если онъ такъ этого хочетъ! Она была побѣждена, дольше бороться было безполезно. Въ концѣ концовъ она сказала свое да ясно и увѣренно.

Свѣча догорала, они все еще сидѣли, каждый на своемъ стулѣ, держали другъ друга за руку и говорили.

Волненіе совершенно разстроило ее, на глазахъ у нея часто навертывались слезы, но, несмотря на это, она улыбалась.

Онъ сказалъ:

— Я вспомнилъ опять о Минуттѣ; я увѣренъ, что онъ ревновалъ на базарѣ.

— Да,—отвѣтила она,—можетъ быть. Но противъ этого ничего не подѣлаешь.

— Да, не правда ли? Противъ этого ничего не подѣлаешь!.. Знаешь, мнѣ бы такъ хотѣлось сегодня порадовать тебя чѣмъ-нибудь; чѣмъ бы только? Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты отъ восторга прижала руки къ груди! Скажи что-нибудь, потребуй чего-нибудь! Ахъ ты слишкомъ добра, другъ мой; ты никогда ни о чемъ не просишь! Да, да, Марта, не забудь того, что я тебѣ скажу: я буду охранять тебя, я буду стараться отгадывать твои желанія и заботиться о тебѣ до моего послѣдняго дыханія. Милая, ты этого не забудешь, нѣтъ? Ты никогда не будешь имѣть повода сказать, что я забылъ свое обѣщаніе.

Было четыре часа.

Они встали; она подошла къ нему и онъ прижалъ ее къ своей груди. Она обхватила рукой его шею и одну минуту они такъ стояли; ея робкое, чистое сердце монашенки сильно колотилось; онъ чувствовалъ біеніе его на своей рукѣ и успокаивающе погладилъ ее по волосамъ. Между ними было полное согласіе.

Она первая начала:

— Я всю ночь буду лежать съ открытыми глазами и думать о тебѣ. Можетъ быть, я увижу тебя завтра? Если хочешь?

— Да, завтра. Конечно, хочу. Но когда? Могу я къ тебѣ придти въ восемь часовъ?

— Да... Хочешь, чтобы я снова надѣла это платье?

Этотъ трогательный вопросъ, ея дрожащія губы, открытый взглядъ, устремленный на него съ такимъ довѣріемъ, все это взволновало, тронуло его. Онъ отвѣтилъ:

— Милое, дорогое дитя, дѣлай, какъ хочешь! Какъ ты безконечно добра!.. Нѣтъ, ты не должна сегодня ночью лежать съ открытыми глазами, ты не должна! Подумай обо мнѣ и скажи: спокойной ночи, и засни! Вѣдь ты не боишься здѣсь одна?

— Нѣтъ... Теперь ты придешь домой весь мокрый.

И объ этомъ она подумала, что онъ промокнетъ по дорогѣ!

— Будь весела и спи спокойно!—сказалъ онъ.

Выйдя уже въ сѣни, онъ вдругъ что-то вспомнилъ; онъ повернулся къ ней и сказалъ:

— Еще кое-что, о чемъ я забылъ; я вѣдь не богатый человѣкъ. Ты, можетъ быть, думаешь, что я богатъ?

— Я не знаю,—отвѣтила она, качая головой.

— Нѣтъ я не богатъ, Но мы себѣ купимъ домъ и все, что намъ понадобится, на это моего богатства еще хватитъ. А потомъ, со временемъ, я позабочусь обо всемъ, я съ радостью понесу всякую тяжесть, на что же мнѣ даны руки... Вѣдь ты не почувствовала разочарованія оттого, что я не богатъ, что?

Она сказала нѣтъ, взяла его за руки и еще разъ пожала ихъ. На прощаніе онъ попросилъ ее крѣпко запереть за нимъ дверь; потомъ онъ вышелъ.

Дождь лилъ, какъ изъ ведра, и было очень темно.

Онъ не пошелъ въ гостинницу, а направился по дорогѣ, ведущей въ пасторскій лѣсъ. Онъ шелъ четверть часа; было такъ темно, что онъ едва разбиралъ дорогу. Наконецъ, шаги его замедлились; онъ свернулъ съ дороги и ощупью пробрался къ большому дереву. Это была осина. Здѣсь онъ остановился.

Вѣтеръ шумитъ верхушками деревьевъ, сверху попрежнему льются потоки дождя; но кругомъ все мертво и тихо. Онъ шепчетъ что-то про себя, называетъ имя, говоритъ: Дагни, Дагни, молчитъ и снова повторяетъ это слово. Черезъ минуту онъ произноситъ его громче, онъ ясно и громко говоритъ: Дагни. Она его оскорбила въ этотъ вечеръ, она излила на него все свое презрѣніе: онъ чувствуетъ еще въ груди каждое слово, которое она бросила ему въ лицо, и все-таки онъ стоитъ здѣсь въ лѣсу и говоритъ о ней. Онъ становится на колѣни у дерева, вынимаетъ свой перочинный ножикъ и въ темнотѣ начинаетъ вырѣзать ея имя на стволѣ дерева. Онъ работаетъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, шаритъ и ощупываетъ пальцами и рѣжетъ, и снова ощупываетъ, пока не доводитъ до конца...

Все это время, пока онъ не кончилъ, онъ былъ безъ шапки.

Выйдя на дорогу, онъ вдругъ остановился, съ минуту подумалъ и повернулъ опять обратно. Онъ снова пробирается къ дереву, шаритъ пальцами по стволу и находитъ, наконецъ, буквы. Онъ во второй разъ опускается на колѣни, наклоняется и цѣлуетъ это имя, эти буквы, какъ если бы ему больше никогда не суждено было ихъ видѣть, наконецъ, подымается и поспѣшно уходитъ.

Было пять часовъ, когда онъ вернулся въ гостинницу.

XVII.

На слѣдующее утро тотъ же дождь, та же унылая, сумрачная погода. Казалось, что конца не будетъ потокамъ дождя, непрерывно струившагося съ кровельныхъ жолобовъ и безостановочно барабанившаго въ окна; часы тянулись, миновалъ полдень, а небо все не прояснялось. Въ маленькомъ садикѣ, примыкавшемъ къ заднему фасаду гостинницы, все было помято и поломано, листья лежали, прибитые дождемъ къ землѣ.

Нагель весь день не выходилъ изъ дома, онъ читалъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, по своему обыкновенію, и безпрестанно смотрѣлъ на часы. Какъ безконечно тянется день! Съ величайшимъ нетерпѣніемъ онъ ждалъ наступленія вечера.

Какъ только стрѣлка часовъ приблизилась къ восьми, онъ сейчасъ же отправился къ Мартѣ, не предчувствуя ничего дурного. Она встрѣтила его съ страдающимъ, заплаканнымъ лицомъ. Онъ заговорилъ съ ней, но она отвѣчала ему коротко и уклончиво, не глядя на него. Она нѣсколько разъ просила простить ей и не сердиться на нее.

Когда онъ взялъ ее за руку, она начала дрожать и хотѣла отнять ее, но въ концѣ концовъ она все-таки сѣла на стулъ около него; съ этого мѣста она не вставала, пока онъ часъ спустя не ушелъ. Что же случилось? Онъ спрашивалъ, просилъ объясненія, но она ничего не могла ему объяснить.

Нѣтъ, она не больна. Но она думала объ этомъ...

Такъ вотъ въ чемъ дѣло; она жалѣетъ о своемъ обѣщаніи, она, можетъ быть, не можетъ его любить?

...Да... Но, пусть онъ ей проститъ и не сердится на нее! Она за ночь много думала объ этомъ; всю, всю ночь, и ей это представлялось все болѣе и и болѣе невозможнымъ. Да, она заглянула и въ свое сердце и боится, что не можетъ его любить такъ, какъ должна была бы.

Ну, въ такомъ случаѣ... Пауза... Но не думаетъ ли она, что могла бы полюбить его со временемъ? Онъ готовъ для нея сдѣлать все, что только въ его силахъ, онъ съ радостью докажетъ ей это всѣми способами, какихъ она сама потребуетъ. Онъ такъ твердо надѣялся на удачу, такъ радовался, что ему суждено будетъ начать новую жизнь. О, онъ былъ бы къ ней такъ добръ!

Это тронуло ее, она стиснула руки на груди, но попрежнему не подымала глазъ и ничего не говорила.

Не думаетъ ли она, что онъ съумѣетъ добиться ея любви впослѣдствіи, когда они постоянно будутъ вмѣстѣ и когда онъ

сможетъ ей показать, что онъ въ состояніи придумать для того, чтобы доставить ей радость?

Она прошептала: нѣтъ. Нѣсколько слезъ скатилось съ ея длинныхъ рѣсницъ.

Пауза. Онъ весь дрожитъ. Голубыя жилы на вискахъ его надуваются.

Ну, да, милая, значитъ, нечего дѣлать. Пусть она только не плачетъ изъ-за этого; вѣдь это дѣлу не поможетъ. Пусть она проститъ ему, что онъ такъ мучилъ ее своими просьбами. Онъ желалъ ей только добра...

Она порывисто схватила его руку и удержала ее въ своей. Онъ немного удивился этой внезапной страстности и спросилъ:

Нѣтъ ли въ немъ чего-нибудь, что ее отталкиваетъ? Онъ измѣнитъ это, исправитъ, если это въ его силахъ. Можетъ быть, ей не нравится, что онъ...

Она поспѣшно прервала его:

— Нѣтъ, ничего, ничего! Но это такъ все невѣроятно, и я даже не знаю, кто вы такой, напримѣръ. Да, я знаю, вы желаете мнѣ добра; поймите меня...

Кто я такой, напримѣръ,—сказалъ онъ и посмотрѣлъ на нее. Вдругъ въ головѣ у него мелькнуло подозрѣніе; очевидно, что-то подорвало ея довѣріе къ нему, что-то враждебное стало между нею и имъ; онъ спросилъ:

— Былъ у васъ сегодня кто нибудь?

Она ничего не отвѣтила.

— Простите, да это все равно, я не имѣю права разспрашивать васъ.

— О, сегодня ночью я была такъ счастлива!—сказала она.— Боже мой, какъ я ждала утра, и какъ я васъ ждала! Но сегодня мною овладѣли снова сомнѣнія.

— Скажите мнѣ только *одно*: значитъ, вы не вѣрите, что я говорилъ съ вами искренно, несмотря на все, вы не довѣряете мнѣ?

— Нѣтъ, не всегда! Не сердитесь на меня, мой другъ! Вы здѣсь совсѣмъ чужой, и я знаю только то, что вы мнѣ говорите; можетъ быть, вы теперь искренно думаете такъ, а потомъ пожалѣете объ этомъ; я не знаю, что вамъ еще можетъ придти въ голову!

Пауза.

Онъ беретъ ее за подбородокъ, подымаетъ немного ея голову и говоритъ:

— А что фрэкенъ Кьелландъ еще сказала?

Она смѣшалась, бросила на него робкій взглядъ, въ которомъ выразилось вся ее смущеніе, и воскликнула:

— Этого я не говорила, нѣтъ, развѣ я это сказала? Я этого не говорила!

— Нѣтъ, нѣтъ, вы этого не говорили,—отвѣтилъ онъ. Онъ задумался, глаза его неподвижно смотрѣли въ *одну* точку, ничего не видя.—Нѣтъ, вы не говорили, что это была она, вы не называли ея имени, будьте спокойны... Но фрэкенъ Кьелландъ дѣйствительно была здѣсь, она вошла въ *ту* дверь и ушла тѣмъ-же путемъ, сдѣлавъ свое дѣло. Ей было въ высшей степени важно выйти сегодня, въ эту погоду. Какъ это странно!.. Милая, хорошая вы моя, добрая душа, я преклоняю передъ вами колѣни за то, что вы такъ добры! Повѣрьте мнѣ все-таки, повѣрьте мнѣ только еще сегодня, тогда я вамъ докажу потомъ, какъ далекъ я отъ мысли обмануть васъ. Не берите еще обратно вашего обѣщанія. Подумайте еще; вы согласны? Подумайте до завтра и позвольте мнѣ тогда опять придти къ вамъ. Я вамъ чужой, это правда, и пока еще не можетъ быть иначе, но я не лгу въ эту минуту, въ минуту, отъ которой такъ много зависитъ для меня. И когда я вамъ все объясню, можетъ быть, уже завтра, если мнѣ можно будетъ придти...

— Нѣтъ, я не знаю,—прервала она его.

— Вы не знаете? Такъ вы бы охотнѣе всего избавились отъ меня сегодня вечеромъ разъ навсегда? Хорошо!

— Я лучше приду къ вамъ когда нибудь, когда вы будете женаты, и когда онъ будетъ у васъ готовъ... вашъ домъ... я хочу сказать... когда... Я бы предпочла быть у васъ служанкой. Да, я бы это предпочла.

— Вы бы предпочли это?

Пауза. Да, ея недовѣріе къ нему уже пустило корни, онъ больше не могъ его побороть, не могъ вернуть ей прежней увѣренности. Онъ съ болью замѣчалъ, что она все больше и больше ускользала отъ него, покуда онъ говорилъ. Но почему же она такъ плачетъ? Что ее мучаетъ? И почему она не выпускаетъ его руки изъ своей? Онъ снова заговорилъ о Минуттѣ; это было его послѣднее средство; онъ хотѣлъ ее довести до того, чтобы она позволила ему придти завтра, послѣ того, какъ она еще разъ обдумаетъ все. Онъ сказалъ:

— Простите, что я еще разъ заговорю о Минуттѣ. Будьте только спокойны, у меня есть основанія говорить такъ, какъ я говорю. Я ничего дурного не хочу о немъ сказать, напротивъ, вспомните сами, что я вамъ же сказалъ о немъ все лучшее, что я только зналъ о немъ. Я думалъ, что онъ, можетъ быть, стоитъ между мною и вами! поэтому я говорилъ съ вами о немъ; я, между прочимъ, утверждалъ, что онъ такъ же, какъ и всякій другой, можетъ обезпечить семью, и это я и сейчасъ думаю, если только ему помочь сначала стать на ноги. Но вы объ этомъ и слышать не хотѣли; вы сказали, что у васъ съ Минуттой ничего общаго нѣтъ, и просили меня даже не говорить о немъ больше. Прекрасно! Но я не совсѣмъ избавился отъ подозрѣній, вы меня не убѣдили, и я снова спрашиваю васъ, нѣтъ ли чего-нибудь между вами и Минуттой? Въ такомъ случаѣ я сейчасъ же удалюсь и оставлю васъ въ покоѣ. Да, вы качаете головой; но тогда я не понимаю, почему вы не рѣшаетесь еще разъ обдумать все и завтра дать мнѣ окончательный отвѣтъ. Вѣдь это было бы только справедливо. А между тѣмъ вы отказываете мнѣ въ этомъ, вы—такая добрая!

Наконецъ, она согласилась, она даже встала и, не въ силахъ совладать съ своимъ волненіемъ, улыбаясь и плача, стала гладить его волосы, какъ она уже разъ это сдѣлала раньше. Пусть онъ завтра снова придетъ, но только раньше, въ четыре или въ пять, покуда еще свѣтло, тогда никто ничего дурного не можетъ видѣть въ этомъ. Но теперь ему надо итти; лучше будетъ, если онъ сейчасъ уйдетъ. Да, такъ пусть онъ завтра придетъ, она будетъ дома и будетъ ждать его...

Что за странное дитя была эта старая дѣва! Одного слова, одного намека было достаточно, чтобы зажечь ея сердце, вызвать въ ней приливъ нѣжности, улыбку. Она держала его руку въ своей, пока онъ не ушелъ, проводила его до двери, все не выпуская его руки. На лѣстницѣ она очень громко сказала ему: спокойной ночи, словно на зло кому-то, кто находился по близости.

Да, ему удастся побороть ея сомнѣнія, онъ приложитъ всѣ усилія. Завтра онъ лучше объяснитъ ей все это, откроется ей весь, ничего не скрывая; она должна будетъ повѣрить ему. Кто знаетъ, можетъ быть, она еще и полюбитъ его немного! Нельзя знать.

Дождь почти совсѣмъ прекратился, наконецъ, прекратился; кое гдѣ сквозь хмурыя облака просвѣчивалъ клочекъ голубого неба, по временамъ еще отдѣльныя капли падали сверху на сырую землю.

Нагель снова вздохнулъ свободнѣе. Да, онъ постарается опять пріобрѣсти ея довѣріе, ему это навѣрное удастся. Онъ не пошелъ домой, а сталъ бродить вдоль берега, миновалъ послѣдніе городскіе дома и вышелъ на дорогу, ведущую къ пасторскому дому. Людей нигдѣ не было видно.

Онъ прошелъ еще нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ съ земли поднялась сидѣвшая на краю дороги человѣческая фигура и пошла впереди него. Это была Дагни; ея свѣтлая коса рѣзко выдѣлялась на дождевомъ плащѣ.

Онъ вздрогнулъ съ головы до ногъ, на одно мгновеніе почти замеревъ въ неподвижности; онъ былъ чрезвычайно изумленъ. Развѣ она не была сегодня вечеромъ на базарѣ? Или она пошла немного прогуляться до начала живыхъ картинъ? Она подвигалась впередъ безконечно медленно, разъ два или три даже останавливалась и смотрѣла на птичекъ, снова начавшихъ порхать между деревьями. Замѣтила ли она его? Хотѣла ли она испытать его? Поднялась ли она при его появленіи для того, чтобы еще разъ посмотрѣть, осмѣлится ли онъ заговорить съ нею?

Она могла быть спокойна, онъ больше никогда не станетъ ей докучать! И вдругъ въ немъ просыпается злоба, слѣпая, дикая злоба противъ этой дѣвушки, которая теперь хотѣла вызвать его на какой-нибудь необдуманный поступокъ только для того, чтобы потомъ имѣть удовольствіе унизить его. Она была въ состояніи снова разсказать на базарѣ, что встрѣтила его. Вѣдь была же она не далѣе какъ въ это же утро у Марты и постаралась и тамъ разстроить его счастье. Такъ не довольно ли было, не могла ли она удовольствоваться этимъ и перестать сѣять зло на его пути? Она хотѣла ему отплатить по заслугамъ, прекрасно, но она дѣлала это съ большей щедростью, чѣмъ это было нужно.

Они оба подвигаются одинаково медленно другъ за другомъ; ихъ все время раздѣляетъ разстояніе въ пятьдесятъ шаговъ. Это продолжается нѣсколько минутъ. Вдругъ она роняетъ носовой платокъ. Онъ видитъ, какъ платокъ падаетъ и остается на землѣ. Знала ли она, что обронила его?

И онъ говоритъ себѣ, что она снова ставитъ ему ловушку, ея бѣшенство противъ него еще не улеглось; она хочетъ его заставить поднять этотъ платокъ и принести его ей, чтобы она могла посмотрѣть ему прямо въ лицо и хорошенько насладиться его пораженіемъ у Марты. Его злоба растетъ; губы его сжимаются, и на лбу появляются гнѣвныя складки. Хе-хе-хе, не правда ли, ему еще не хватаетъ стать передъ ней, повернуться къ ней лицомъ и дать ей возможность посмѣяться надъ нимъ. Смотрите-ка,

вотъ она роняетъ свой платокъ; онъ лежитъ тамъ, на дорогѣ, посреди дороги; онъ бѣлъ, какъ снѣгъ, и чрезвычайно тонокъ, это кружевной платокъ вдобавокъ; можно бы наклониться и поднять его...

Онъ шелъ съ равномѣрной медленностью: поровнявшись съ платкомъ, онъ ступилъ на него ногой и пошелъ дальше.

Еще нѣсколько минутъ они шли такимъ образомъ; онъ замѣтилъ, какъ она посмотрѣла на часы и внезапно повернула обратно. Она шла прямо ему навстрѣчу. Замѣтила ли она, что потеряла платокъ? Онъ тоже поворачиваетъ и медленно идетъ впереди нея. Дойдя до того мѣста, гдѣ лежитъ платокъ, онъ снова наступаетъ на него, во второй разъ и на этотъ разъ у нея на глазахъ. И онъ продолжаетъ свой путь; онъ чувствуетъ, что она идетъ совсѣмъ близко отъ него, но онъ не ускоряетъ шаговъ. Такъ они продолжали итти, покуда не дошли до города.

Она дѣйствительно, свернула въ сторону и отправилась на базаръ; онъ же пошелъ домой.

Придя къ себѣ въ комнату, онъ открылъ окно и оперся локтями на подоконникъ, совершенно разбитый отъ волненія. Теперь гнѣвъ его прошелъ, онъ весь скорчился и началъ рыдать; опустивъ голову на руки и дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ рыдалъ молча, съ сухими глазами. Такъ вотъ какъ это кончилось! О, какъ онъ жалѣлъ объ этомъ, какъ онъ желалъ вернуть это обратно! Она уронила свой платокъ, можетъ быть, нарочно для того, чтобы унизить его; ну, такъ что изъ того? Онъ могъ его, быть можетъ, поднять, оставить у себя и всю жизнь носить на груди. Платокъ былъ бѣлъ, какъ снѣгъ, и онъ втопталъ его въ сырую, рыхлую землю! Она, можетъ быть, и не отняла бы у него платка, если бы увидала его у него въ рукахъ, можетъ быть, она позволила бы ему сохранить его у себя; кто знаетъ! Но если бы она протянула за нимъ руку, онъ бы упалъ передъ нею на колѣни и сталъ бы ее молить, съ поднятыми руками онъ умолялъ бы ее, какъ о милости, отдать

ему платокъ на память. И что за бѣда, если бы она снова подняла его на смѣхъ?

Вдругъ онъ вскакиваетъ, въ два прыжка сбѣгаетъ съ лѣстницы и устремляется на улицу; въ нѣсколько минутъ онъ оставляетъ позади себя городъ и останавливается лишь на дорогѣ, ведущей къ пасторскому дому. Можетъ быть, еще возможно найти платокъ! И дѣйствительно, она его оставила на томъ-же мѣстѣ, хотя она, конечно, видѣла, какъ онъ наступилъ на него, онъ въ этомъ былъ увѣренъ. Какъ ему все-таки везетъ, несмотря на все! Слава Богу! Съ бьющимся сердцемъ онъ прячетъ платокъ, спѣшитъ домой, полощетъ его въ водѣ, полощетъ несчетное число разъ и осторожно разстилаетъ его. Платокъ имѣетъ довольно жалкій видъ: одинъ уголъ его даже разорванъ каблукомъ; но что за бѣда! Какъ онъ счастливъ, что нашелъ его!

Лишь, когда онъ снова усѣлся у окна, онъ вспомнилъ, что совершилъ все это путешествіе черезъ весь городъ безъ шапки. Да, онъ сошелъ съ ума, онъ сошелъ съ ума! Если-бы она это видѣла! Она хотѣла его испытать, и если-бы дошло до того, онъ дѣйствительно провалился-бы самымъ позорнымъ образомъ. Нѣтъ, этому надо положить конецъ какъ можно скорѣе. Онъ долженъ быть въ состояніи смотрѣть на нее съ спокойнымъ сердцемъ, съ высоко поднятой головой и холодными глазами, не выдавая себя. Да, онъ приложитъ всѣ усилія! Онъ уѣдетъ и возьметъ съ собою Марту. Она слишкомъ хороша для него; но онъ постарается ее заслужить; онъ не успокоится, не дастъ себѣ ни одного часу отдыха, пока не заслужитъ ее.

Погода становилась все мягче и мягче; легкій вѣтерокъ доносилъ въ открытое окно ароматъ свѣжаго сѣна и свѣжей зелени; этотъ вѣтеръ вдувалъ въ него новую жизнь. Да, завтра онъ снова пойдетъ къ ней и будетъ такъ смиренно просить ее согласиться...

Но на слѣдующій день еще до полудня надежды его оказались окончательно разбитыми.

XVIII.

Прежде всего пришелъ докторъ Стенерсенъ; онъ явился, когда Нагель еще лежалъ въ постели. Онъ очень извиняется, но съ этимъ проклятымъ базаромъ ему приходится возиться день и ночь. Онъ явился къ Нагелю съ цѣлой миссіей: ему поручено убѣдить его—Нагеля—выступить сегодня вечеромъ снова на базарѣ; объ его игрѣ въ городѣ ходятъ самые удивительные слухи, публика не спитъ отъ любопытства, право!.. Вы читали газеты, какъ я вижу? Да, политика! Вы читали про исходъ послѣднихъ выборовъ? Въ общемъ выборы не дали того, что должны были-бы дать, это не будетъ настоящимъ пораженіемъ для шведовъ... Вы, однако, поздно спите, я нахожу; уже десять часовъ, а погода на дворѣ великолѣпная! Вы должны были-бы сдѣлать утреннюю прогулку.

Да, онъ сейчасъ встанетъ.

Что-же ему отвѣтить комитету базара?

Что онъ не будетъ играть.

Нѣтъ? Но вѣдь базаръ преслѣдуетъ важныя для государства цѣли; имѣетъ-ли онъ право отказываться отъ такой небольшой услуги?

Да—но онъ не можетъ.

Боже мой, но какъ разъ теперь всѣ такъ ждутъ этого, особенно дамы вчера вечеромъ прямо таки осаждали его просьбами устроить это. Фрэкенъ Андресенъ не давала ему покоя, а фрэкенъ Кьелландъ даже отвела его въ сторону и просила его не отставать отъ Нагеля до тѣхъ поръ, пока онъ не обѣщаетъ притти.

Да, но фрэкенъ Кьелландъ вѣдь не имѣетъ ни малѣйшаго представленія объ его игрѣ? Она вѣдь никогда его не слыхала.

Да, но несмотря на это, она напирала на него энергичнѣе всѣхъ, она даже заявила, что готова аккомпанировать ему. Подъ конецъ она сказала: скажите ему, что мы всѣ его просимъ объ

этомъ... И въ самомъ дѣлѣ, что вамъ стоитъ провести нѣсколько разъ смычкомъ по струнамъ и доставить намъ всѣмъ удовольствіе?

Онъ не можетъ, не можетъ!

Это однѣ отговорки; могъ-же онъ въ четвергъ вечеромъ?

Нагель изворачивался, какъ могъ. Но допустимъ, что онъ знаетъ только одну эту жалкую пьесу, это безсвязное попурри, что онъ заучилъ эти два три танца для того, чтобы разъ поразить ими общество! Да, кромѣ того, онъ играетъ фальшиво, страшно фальшиво; онъ самъ этого слышать не можетъ, право!

— Да, но..

— Докторъ, я не буду играть!

— Ну, если не сегодня вечеромъ, такъ хоть завтра вечеромъ? Завтра воскресенье, вечеромъ будетъ закрытіе базара, и мы ожидаемъ большого наплыва публики.

— Нѣтъ, вы меня извините, но я и завтра вечеромъ не буду играть, это, вообще, страшно глупо браться за скрипку, когда не владѣешь ею, какъ слѣдуетъ. Странно все-таки, что *вы* не сумѣли этого разслышать.

Это замѣчаніе оказало свое дѣйствіе

— Да,—сказалъ докторъ,—мнѣ казалось, что по временамъ звучало нѣсколько фальшиво, но, чортъ побери, вѣдь не все же тамъ знатоки сидятъ.

Но ничего не помогало, Нагель упорно твердилъ: нѣтъ, и докторъ ушелъ ни съ чѣмъ.

Нагель сталъ одѣваться. Такъ значитъ, даже Дагни энергично настаивала на томъ, чтобы его убѣдили играть, она даже хотѣла сама аккомпанировать ему. Новая ловушка, должно быть? Вчера вечеромъ ей не удалось, такъ она хочетъ его поймать на другую удочку?... Боже мой, можетъ быть, онъ несправедливъ къ ней; можетъ быть, она больше не собирается преслѣдовать его своею ненавистью и хочетъ его теперь оставить въ покоѣ! И онъ мысленно сталъ просить у нея прощенія за свое недовѣріе къ ней.

Онъ выглянулъ на площадь; солнце ярко свѣтило, и на небѣ не было ни одного облачка. Онъ началъ напѣвать.

Онъ былъ почти готовъ и собирался выйти, когда Сара просунула ему въ дверь письмо; оно пришло не съ почтою, его принесъ посыльный. Письмо было отъ Марты, въ немъ было всего нѣсколько строкъ: пусть онъ не приходитъ къ ней сегодня, она уѣхала. Именемъ Бога она умоляетъ его простить ей все и больше никогда не приходить къ ней; встрѣча съ нимъ причинитъ ей только страданіе. Прощайте! Въ самомъ низу, подъ подписью, она приписала, что никогда его не забудетъ. „Я никогда васъ не забуду", писала она. Въ общемъ, какая-то нотка грусти звучала въ этихъ трехъ, четырехъ строкахъ, даже буквы имѣли печальный, унылый видъ, и все-таки она прощалась съ нимъ навсегда.

Онъ упалъ на стулъ. Все погибло, все! Даже *тамъ* его оттолкнули! Какъ все это было странно; все было противъ него! Никогда у него не было болѣе честныхъ и добрыхъ намѣреній, чѣмъ теперь? И несмотря на все, несмотря на все, все было напрасно! Нѣсколько минутъ онъ сидитъ неподвижно.

Вдругъ онъ вскакиваетъ со стула! Онъ смотритъ на часы, одиннадцать часовъ; если онъ сейчасъ побѣжитъ, онъ, можетъ быть, еще захватитъ Марту передъ отъѣздомъ. Онъ отправляется на набережную, къ ея дому; онъ запертъ и пустъ. Онъ заглядываетъ черезъ окна въ обѣ комнаты; никого въ нихъ нѣтъ.

Онъ подавленъ и убитъ; онъ возвращается въ гостинницу, не сознавая ничего вокругъ себя, не подымая глазъ отъ мостовой. Какъ могла она это сдѣлать! какъ могла она это сдѣлать! Онъ бы могъ хоть проститься съ ней и пожелать ей всего, всего хорошаго, куда бы она ни уѣзжала. Онъ бы преклонилъ передъ ней колѣни, за ея доброту, за то, что у нея самое чистое сердце,— но она не пожелала, чтобы онъ это сдѣлалъ. Да, да, противъ этого ничего не подѣлаешь!

Встрѣтивъ въ корридорѣ Сару, онъ узналъ отъ нея, что письмо принесъ посыльный изъ пасторскаго дома. Такъ это опять таки

было дѣломъ рукъ Дагни, и это тоже, она все это устроила, все обдумала и потомъ привела въ дѣйствіе. Нѣтъ, она, очевидно, никогда ему не проститъ?

Цѣлый день онъ блуждалъ по улицамъ, возвращался къ себѣ въ комнату, уходилъ въ лѣсъ, бродилъ безъ конца; ни одной минуты онъ не сидѣлъ спокойно. И все время онъ ходилъ съ опущенной головой и открытыми глазами, которые ничего не видѣли.

Слѣдующій день прошелъ такимъ же образомъ. Это было воскресенье; масса народу съѣхалось изъ окрестностей, чтобы въ послѣдній разъ быть на базарѣ и видѣть живыя картины. Нагель снова получилъ приглашеніе сыграть хоть одинъ номеръ; на этотъ разъ приглашеніе исходило отъ другого члена комитета, отъ консула Андресена, отца Фридерики, но онъ опять отказался.

Цѣлыхъ четыре дня онъ ходилъ, какъ помѣшанный, въ какомъ-то странномъ состояніи, весь точно во власти одной единственной мысли, одного чувства. Каждый день онъ по нѣскольку разъ отправлялся къ домику Марты, чтобы посмотрѣть, не вернулась ли она. Куда она уѣхала? Но даже, если бы онъ ее нашелъ, это ему не помогло бы; ничто больше не могло ему помочь!

Разъ вечеромъ онъ едва не столкнулся съ Дагни. Она выходила изъ лавки и почти коснулась его локтя. Она сдѣлала движеніе губами, словно желая заговорить, но вдругъ покраснѣла и ничего не сказала. Онъ не сразу ее узналъ и отъ смущенія на минуту остановился, глядя ей въ лицо, но потомъ сразу отвернулся и быстро удалился. Она шла за нимъ; онъ слышалъ по ея шагамъ, что она идетъ все быстрѣе и быстрѣе; у него было ощущеніе, что она хочетъ его догнать, и онъ ускорилъ шаги, чтобы уйти отъ нея, чтобы скрыться отъ нея; онъ боялся ея, она хотѣла навлечь на него еще новыя и новыя бѣды! Наконецъ, онъ достигъ гостинницы, взбѣжалъ по лѣстницѣ и въ величайшей тревогѣ вбѣжалъ къ себѣ въ комнату. Слава Богу, онъ былъ спасенъ!

Это было 14 іюля, во вторникъ...

Утромъ казалось, будто онъ принялъ какое-то рѣшеніе. Его лицо страшно измѣнилось за эти нѣсколько дней, оно поблѣднѣло и окаменѣло, глаза стали безжизненны. Ему все чаще случалось проходить по улицѣ порядочное разстояніе и только тогда замѣчать, что онъ безъ шапки; въ такихъ случаяхъ онъ говорилъ самому себѣ, что этому долженъ быть конецъ, что онъ покончитъ съ этимъ; и, говоря это, онъ крѣпко сжималъ кулаки.

Вставъ въ среду утромъ, онъ прежде всего изслѣдовалъ маленькую склянку съ ядомъ, которую онъ носилъ при себѣ, взболтнулъ ее, понюхалъ и снова спряталъ. Затѣмъ онъ принялся одѣваться, по старой привычкѣ отдавшись безконечному, безсвязному теченію мыслей, которыя постоянно его занимали и никогда не давали отдыха его усталой головѣ. Мозгъ работалъ съ безумной, невѣроятной быстротой. Нагель былъ такъ взволнованъ и въ такомъ отчаяніи, что часто съ трудомъ удерживалъ слезы, и въ то же время тысячи вещей проносились въ его мозгу:

„Да, слава Богу, у него еще оставалась его маленькая склянка! Она издавала миндальный запахъ, и содержимое ея было прозрачно, какъ вода. Ахъ, да, онъ скоро найдетъ для нея примѣненіе, очень скоро, если другого выхода нѣтъ. Это будетъ конецъ. Да и почему нѣтъ? Онъ такъ глупо предавался красивымъ мечтамъ о какой-нибудь дѣятельности въ жизни, о чемъ-нибудь такомъ, чтобы не прошло безъ слѣда, о подвигахъ, передъ которыми преклонилась бы толпа, но изъ этого ничего не вышло; онъ не справился съ задачей. Почему же бы ему не пустить въ дѣло жидкость изъ склянки! Впрочемъ, теперь остается только проглотить ее безъ долгихъ разговоровъ. Да, да, онъ это и сдѣлаетъ, когда придетъ время, когда пробьетъ часъ.

„И Дагни останется побѣдительницей...

„Какая громадная власть у этого существа! Онъ понимаетъ бѣднягу, который не могъ безъ нея жить, того, съ его сталью и послѣднимъ „нѣтъ“; онъ больше не удивляется ему; бѣдняга отчаялся и не выдержалъ борьбы, да и что же ему больше оставалось дѣлать?... Какъ засверкаютъ ея синіе бархатные глаза, когда она узнаетъ, что и я пошелъ тѣмъ же путемъ! Но я люблю тебя, люблю тебя и за это, не только за твои добродѣтели, но и за твою злобу. Ты слишкомъ терзаешь меня своимъ превосходствомъ; почему ты терпишь, что у меня больше *одного* глаза? Ты должна была бы взять у меня другой, нѣтъ, оба глаза; ты не должна была бы мириться съ тѣмъ, что я спокойно хожу по улицѣ и что у меня есть кровля надъ головой. Ты отняла у меня Марту, я люблю тебя, несмотря на это, и ты знаешь, что я, несмотря на это, люблю тебя, и ты издѣваешься надо мною; но я люблю тебя и за то, что ты издѣваешься надо мною.. Можешь ли ты требовать большаго? Не довольно ли этого? Твои длинныя, бѣлыя руки, твой голосъ, твои свѣтлые волосы, твой умъ и твою душу я люблю больше всего на свѣтѣ, и я не могу уйти отъ этого, и я не нахожу себѣ спасенья, помилуй меня, Господи! Да, ты можешь издѣваться надо мною и насмѣхаться еще больше; что изъ этого, Дагни, разъ я тебя люблю? Я не вижу, почему это должно повліять на мою любовь въ одну или въ другую сторону: по мнѣ, дѣлай, что тебѣ придетъ въ голову, въ моихъ глазахъ ты всегда останешься одинаково прекрасной и желанной, я охотно сознаюсь въ этомъ. Я обманулъ твои ожиданія, ты находишь меня жалкимъ и дурнымъ, ты считаешь меня способнымъ на все дурное; если бы я могъ при помощи обмана исправить свой низкій ростъ, я бы даже и это сдѣлалъ! Ну, и что изъ того? Разъ, что ты это говоришь, то для меня это такъ и *есть*, и увѣряю тебя, моя любовь начинаетъ во мнѣ ликовать, если ты и говоришь это. Даже, когда ты смотришь на меня пренебрежительно, или поворачиваешься ко мнѣ спиной, или стараешься догнать меня на улицѣ, чтобы унизить меня, даже и тогда сердце мое трепещетъ отъ любви къ тебѣ. Пойми меня, я теперь не обманываю ни себя, ни тебя; впрочемъ, мнѣ все равно, если ты и будешь опять смѣяться надо мной, моего чувства къ тебѣ это не измѣнитъ; такъ оно и есть. И если бы мнѣ случилось когда-нибудь найти алмазъ, я бы на-

звалъ его Дагни, потому что самый звукъ твоего имени заставляетъ меня дрожать отъ радости. Я дохожу даже до того, что хотѣлъ бы безпрестанно слышать твое имя, хотѣлъ бы, чтобы его называли всѣ люди и звѣри, всѣ горы и звѣзды, я хотѣлъ бы быть глухимъ для всего остального и только, чтобы имя твое звучало безконечно въ моихъ ушахъ, день и ночь, всю мою жизнь. Я бы хотѣлъ установить новую клятву въ честь тебя, клятву для всѣхъ народовъ всего міра, только въ честь тебя. И если бы я согрѣшилъ черезъ это передъ Господомъ, и Господь предостерегъ бы меня, я бы сказалъ: Господи, засчитай мнѣ этотъ грѣхъ, я заплачу за него своей душой, когда придетъ время, когда пробьетъ часъ...

„Но какъ все это странно! На каждомъ шагу я встрѣчаю препятствія, а между тѣмъ вѣдь я тотъ же, тѣ же во мнѣ силы, та же жизнь; тѣ же возможности открыты предо мною, какъ и до сихъ поръ, я могъ бы совершить тѣ же дѣла; такъ почему же я во всемъ встрѣчаю препятствія. и почему для меня вдругъ всѣ возможности стали невозможны? Я ли самъ виноватъ въ этомъ? Не знаю, чѣмъ; я владѣю всѣми своими чувствами, у меня нѣтъ никакихъ вредныхъ привычекъ, я не подверженъ никакому пороку, и я не бросаюсь слѣпо на встрѣчу опасности. Я мыслю, какъ раньше, чувствую, какъ раньше, управляю своими привычками, какъ раньше, да и оцѣниваю людей, какъ раньше. Я иду къ Мартѣ, я знаю, что въ ней для меня спасеніе, она сама доброта, она мой добрый геній. Она боится, ей такъ страшно; но въ концѣ концовъ она хочетъ такъ же, какъ я, и мы приходимъ къ соглашенію. Прекрасно! Я мечтаю о жизни счастливой и мирной; мы живемъ уединенно, селимся въ хижинѣ на берегу ручья, мы бродимъ по лѣсу въ короткихъ платьяхъ, въ башмакахъ съ пряжками. Почему нѣтъ? Магометъ идетъ къ горѣ! И Марта идетъ вмѣстѣ со мною, она наполняетъ мои дни чистотой и ночи покоемъ, и Господь Всевышній царитъ надъ нами. Но вотъ вмѣшивается свѣтъ, свѣтъ возмущается, свѣтъ находитъ, что это безуміе. Свѣтъ говоритъ, что такой-то благоразумный человѣкъ и такая-то женщина не поступили бы такимъ образомъ, слѣдовательно, поступать такимъ образомъ безуміе. И я стою одинъ противъ всѣхъ, я топаю ногой и утверждаю, что это разумно! Много ли знаютъ люди? Ничего! Они только привыкаютъ къ той или другой вещи, принимаютъ ее, признаютъ ее, потому что раньше ихъ ее признали учителя; все на свѣтѣ вѣдь не болѣе, какъ предположеніе; даже время, пространство, движеніе, матерія — все это одни предположенія. Люди ничего не знаютъ, они только предполагаютъ»...

Нагель закрылъ глаза рукой и покачалъ головой изъ стороны въ сторону, какъ будто у него все кружилось передъ глазами. Онъ стоялъ посреди комнаты.

„О чемъ же это я думалъ?.... Хорошо, она боится меня; но мы приходимъ къ соглашенію, и я чувствую въ глубинѣ своего сердца, что я всѣ дни своей жизни буду дѣлать добро. Я хочу порвать со свѣтомъ, я отсылаю ему обратно кольцо; я бродилъ, какъ глупецъ, среди прочихъ глупцовъ, я дѣлалъ глупости, я даже игралъ на скрипкѣ, и толпа кричала: „ты славно ревешь, левъ!“ Меня тошнитъ отъ этой невыразимо грубой побѣды надъ рукоплещущей толпой; я больше не желаю конкурировать съ телеграфистомъ изъ Кабельвага; я ухожу въ долину міра, я становлюсь самымъ мирнымъ изъ населяющихъ лѣсъ существъ, я поклоняюсь своему богу, напѣваю веселыя пѣсни, дѣлаюсь суевѣрнымъ, бреюсь только во время прилива и, засѣвая свое поле, сообразуюсь съ крикомъ опредѣленныхъ птицъ. А когда я усталъ отъ работы, въ дверяхъ стоитъ моя жена и киваетъ мнѣ головой, и я благословляю ее и благодарю ее за ея кроткую улыбку...

„Марта, вѣдь мы пришли къ соглашенію, не правда ли? И ты такъ твердо обѣщала, вѣдь ты сама этого хотѣла въ концѣ концовъ, когда я тебѣ все объяснилъ? И все таки изъ всего этого ничего не вышло. Тебя увезли, захватили врасплохъ и увезли, не на твою, но на мою погибель...

„Дагни, я не люблю тебя, ты во всемъ являлась мнѣ препятствіемъ, я не люблю твоего имени, оно раздражаетъ меня, я коверкаю его, я называю тебя Дангни и высовываю языкъ; слушай меня, ради Христа! Я приду къ тебѣ, когда пробьетъ мой часъ и я умру, я явлюсь передъ тобой на стѣнѣ съ лицомъ, какъ у трефоваго валета, я буду тебя преслѣдовать въ видѣ скелета, плясать вокругъ тебя на одной ногѣ и своимъ прикосновеніемъ я заставлю окаменѣть твои руки. Я это сдѣлаю, я это сдѣлаю! Сохрани меня, Господи, отъ тебя теперь и на вѣки вѣчные, то есть, чортъ тебя возьми—какъ горячо я молюсь объ этомъ...

„Ну, и что же дальше, въ концѣ концовъ, что же дальше? Я все-таки люблю тебя, ты очень хорошо знаешь, что я тебя все-таки люблю и что я жалѣю о всѣхъ моихъ горькихъ словахъ. Но что съ того? Что мнѣ съ того? И кромѣ того, кто знаетъ, не лучше ли такъ, какъ оно есть? Если ты говоришь, что такъ лучше, то это такъ и есть; я чувствую то же, что и ты, я замѣшкавшійся странникъ. Но если бы ты даже захотѣла и порвала бы со всѣми другими и связала бы себя со мною — чего я не заслуживаю, но все равно, допустимъ, что ты бы это сдѣлала— къ чему бы это привело? Ты, должно быть, захотѣла бы помочь мнѣ совершить мои дѣла, осуществить мою задачу на землѣ — я говорю тебѣ, мнѣ стыдно, у меня сердце останавливается въ груди отъ стыда, когда я объ этомъ думаю. Я бы сдѣлалъ то, что ты хочешь, потому что я люблю тебя, но въ душѣ я бы страдалъ отъ этого... Но что пользы дѣлать одно предположеніе за другимъ, перебирать всѣ возможности? Ты не порвала со всѣми другими и не связала своей судьбы съ моею, ты раздумываешь, высмѣиваешь меня, издѣваешься надо мною; такъ какое мнѣ дѣло до тебя? Точка".

Пауза. Страстно:

„Впрочемъ, я тебѣ вотъ что скажу: вотъ я выпиваю этотъ стаканъ воды, и чортъ съ тобой, знать тебя больше не хочу! Съ твоей стороны безконечно глупо думать, что я тебя люблю, что

я, дѣйствительно, еще думаю объ этомъ теперь, когда такъ близокъ мой часъ. Я ненавижу все твое сытое добродѣтельное существованіе, такое приглаженное, прилизанное и пустое. Я ненавижу его, видитъ Богъ, и при мысли о немъ я чувствую въ душѣ негодованіе.

„Чѣмъ бы ты меня сдѣлала? Хе-хе, я готовъ поклясться, что ты бы меня сдѣлала великимъ человѣкомъ. Хе-хе, въ душѣ мнѣ стыдно за твоихъ великихъ людей...

„Великій человѣкъ! Сколько есть на свѣтѣ великихъ людей? Прежде всего великіе люди Норвегіи, это самые великіе. Потомъ великіе люди Франціи, страны Гюго и поэтовъ. Потомъ слѣдуютъ великіе люди въ странѣ Барнума. И всѣ эти великіе люди копошатся на планетѣ, которая въ сравненіи съ Сиріусомъ не больше какой-нибудь вши. Но великій человѣкъ это не маленькій человѣкъ; великій человѣкъ не живетъ въ Парижѣ, онъ *пребываетъ* въ Парижѣ. Великій человѣкъ стоитъ такъ высоко, что можетъ видѣть черезъ собственную голову; Лавуазье просилъ, чтобы отложили его казнь, пока онъ не кончитъ одного химическаго изслѣдованія; другими словами: не наступайте на мои циркуля! сказалъ онъ. Хе-хе, что за комедія! Когда даже Евклидъ, даже Евклидъ своими аксіомами сумѣлъ увеличить духовную цѣнность существованія не больше, какъ на одно эре. Боже мой, какимъ жалкимъ, и невзыскательнымъ, и не гордымъ сдѣлали люди Божій міръ!

„Они создаютъ себѣ великихъ людей изъ самыхъ случайныхъ профессіоналовъ, которымъ случайнымъ образомъ удалось ввести улучшеніе въ электрическіе аккумуляторы, или у которыхъ случайно хватило мускульной силы, чтобы пробраться на велосипедѣ черезъ Швецію; и эти великіе люди пишутъ книги для того, чтобы создать поклонниковъ великихъ людей! Хе-хе, это, право, презабавно, это уморительное зрѣлище! Въ концѣ концовъ каждая община будетъ имѣть своего великаго человѣка, какого-нибудь путешественника къ сѣверному полюсу необычайной величины, кандидата юридическихъ наукъ, романиста. И земля станетъ такой велико-

лѣпно плоской и простой, и такъ удобно будетъ окидывать взглядомъ эту восхитительно ровную поверхность...

„Дагни, теперь моя очередь: я плачу тебѣ тѣмъ же, я насмѣхаюсь надъ тобой; что у тебя общаго со мной? Я никогда не буду великимъ человѣкомъ...

„Но допустимъ, что на свѣтѣ существуетъ необыкновенное множество великихъ людей, легіоны геніевъ такой-то и такой-то величины, почему не допустить этого!.. Ну, и что же? Развѣ количество импонировало бы мнѣ? Напротивъ, чѣмъ ихъ больше, тѣмъ они шаблоннѣе. Или мнѣ поступать такъ, какъ поступаетъ весь свѣтъ? Свѣтъ остается вѣренъ себѣ всегда; онъ и здѣсь признаетъ то, что было признано уже раньше; онъ восхищается, падаетъ на колѣни передъ великими людьми и бѣжитъ за ними съ криками „ура“. И мнѣ дѣлать то же самое? Комедія! комедія! Великій человѣкъ идетъ по улицѣ, и одинъ прохожій толкаетъ въ бокъ другого и говоритъ: вотъ идетъ такой-то великій человѣкъ! Великій человѣкъ сидитъ въ театрѣ, и одна учительница, ущипнувъ въ локоть другую, говоритъ: тамъ, въ литерной ложѣ, сидитъ такой-то великій человѣкъ! Хе-хе! А онъ самъ, этотъ великій человѣкъ? Онъ принимаетъ это поклоненіе. Да, онъ это дѣлаетъ. Люди правы, онъ принимаетъ ихъ вниманіе, какъ нѣчто должное, онъ не отвергаетъ его, онъ не краснѣетъ. И почему бы ему краснѣть? Развѣ онъ не великій человѣкъ?

„Да; но тутъ выступилъ бы съ протестомъ юный студентъ Эйенъ; онъ самъ будущій великій человѣкъ, онъ пишетъ во время каникулъ романъ; онъ опять выставилъ бы на видъ мою непослѣдовательность: господинъ Нагель, вы непослѣдовательны, поясните свое мнѣніе!

„И я пояснилъ бы свое мнѣніе.

„Но юный Эйенъ не удовлетворился бы моимъ объясненіемъ, онъ спросилъ бы: такъ, стало быть, великихъ людей совсѣмъ нѣтъ?

„Да, онъ спросилъ бы такимъ образомъ даже послѣ того, какъ я выяснилъ бы ему свой взглядъ! Хе-хе, въ такомъ видѣ представлялся бы ему этотъ вопросъ. Ну, я все-таки постарался бы ему отвѣтить, какъ умѣю; я сѣлъ бы на своего конька и отвѣтилъ бы ему: существуетъ легіонъ великихъ людей; вы слышите, что я говорю? ихъ цѣлый легіонъ! Но истинно великихъ людей, нѣтъ, такихъ не много. Видите ли, это разница. Скоро въ каждой общинѣ будетъ какой-нибудь великій человѣкъ; но истинно великіе люди являются, можетъ быть, едва по одному въ тысячелѣтіе. Подъ „великимъ человѣкомъ“ свѣтъ понимаетъ просто талантъ, геній, и, Богъ ты мой, геній это весьма демократическое понятіе: столько-то и столько-то бифштексовъ въ день даютъ геніевъ до третьяго, четвертаго, пятаго, десятаго колѣна. Геній въ общеупотребительномъ значеніи не есть нѣчто неслыханное, это лишь человѣческая случайность; передъ нимъ останавливаешься, но онъ не поражаетъ. Представьте себѣ, что въ ясный, звѣздный зимній вечеръ вы стоите въ обсерваторіи и разглядываете въ телескопъ созвѣздіе Оріона. Вдругъ вы слышите, какъ Фарнлей говоритъ: добрый вечеръ! добрый вечеръ! Вы оборачиваетесь: Фарнлей низко кланяется; въ дверь вошелъ великій человѣкъ, геній, господинъ изъ литерной ложи. Не правда ли, вы усмѣхнетесь про себя и снова обратитесь къ созвѣздію Оріона? Это случилось разъ со мною... Вы меня поняли? Я вотъ что хочу сказать: обыкновеннымъ великимъ людямъ, при видѣ которыхъ простые смертные преисполняются благоговѣнія и толкаютъ другъ друга въ бокъ, я предпочитаю маленькихъ, никому неизвѣстныхъ геніевъ, юношей, умирающихъ въ раннемъ возрастѣ потому, что душа ихъ разрываетъ оковы тѣла; нѣжныхъ, мерцающихъ свѣтлячковъ, которыхъ надо встрѣтить при ихъ жизни, чтобы знать, что они существовали. Вотъ каковъ мой вкусъ. Но самое главное, скажу я—это сумѣть отличить величайшее отъ великаго генія, поднять его высоко, для того, чтобы оно не потонуло въ посредственности, въ обыденности генія; я хотѣлъ бы видѣть Великій Духъ на подобающемъ

ему мѣстѣ; рѣшитесь сдѣлать выборъ, заставьте меня преклониться, откажитесь отъ мѣстныхъ геніевъ, найдите высшую „мѣру вещей“ и приложите ее...

„На это юный Эйенъ скажетъ,—о, да, я знаю его, онъ навѣрное скажетъ:—Но вѣдь это, право, однѣ теоріи и парадоксы.

„Я же не въ состояніи видѣть въ этомъ только теорію; я не въ состояніи, видитъ Богъ, до такой степени мнѣ все представляется въ другомъ свѣтѣ. Моя ли это вина, я хочу сказать: виноватъ-ли я лично въ этомъ? Я чужой, чужестранецъ въ здѣшнемъ мірѣ, idée fixe Господа Бога, назовите меня, какъ хотите“...

Съ возрастающей страстностью:

„Но говорю вамъ, мнѣ все равно, какъ вы меня назовете; я все-таки не сдамся, никогда въ жизни; я стискиваю зубы и закаляю свое сердце, потому что я правъ; я буду стоять одинъ противъ цѣлаго свѣта и все-таки не сдамся! Я знаю то, что я знаю, въ глубинѣ своей души я правъ! Иногда бываютъ мгновенія, когда я чувствую безконечную связь всѣхъ вещей. Я долженъ прибавить еще кое-что, что я забылъ сказать: я не складываю оружія; я разобью всѣ ваши глупыя мнѣнія, касающіяся великихъ людей. Юный Эйенъ утверждаетъ, что мой доводъ это только теорія; хорошо, если мой доводъ теорія, то я разобью и его и приведу вамъ другой доводъ, лучше прежняго, потому что я ничего не боюсь. И я скажу... погодите, я увѣренъ, что могу сказать даже еще лучше, потому что сердце мое полно правоты; я скажу: я не высоко ставлю великаго человѣка изъ литерной ложи, я пренебрегаю имъ, въ моихъ глазахъ онъ глупецъ и паяцъ, мои губы складываются въ презрительную усмѣшку при взглядѣ на его выпяченную грудь и весь его самоувѣренный, побѣдоносный видъ. Развѣ великій человѣкъ добылъ свой геній борьбой? Развѣ онъ не явился съ нимъ на свѣтъ? Такъ изъ-за чего-же кричать ему „ура“?

„Но юный Эйенъ спрашиваетъ:—но вѣдь вы сами-же хотите видѣть высшую „мѣру вещей“ на подобающемъ ей мѣстѣ, вѣдь

вы же преклоняетесь передъ Великимъ Духомъ, который вѣдь тоже не пріобрѣлъ своего генія борьбой?

„И юный Эйенъ думаетъ, что снова поймалъ меня на непослѣдовательности. И я снова отвѣчаю ему, потому что святая правда говоритъ во мнѣ: я не преклоняюсь даже и передъ Великимъ Духомъ, я уничтожаю даже „высшую мѣру вещей“, если это необходимо для того, чтобы очистить землю. Передъ Великимъ Духомъ преклоняются за его величіе, за высшую мѣру его генія. Какъ будто геній Великаго Духа составляетъ его собственную заслугу, какъ будто геній не принадлежитъ всему человѣчеству и не есть въ буквальномъ смыслѣ слова достояніе матеріи! Что Великій Духъ явился таковымъ за счетъ своего прадѣда, дѣда и отца, своего сына, внука и правнука, оказавшись случайно обладателемъ ихъ доли геніальности и опустошивъ свой родъ на много вѣковъ, вѣдь въ этомъ сказалась не его собственная вина; онъ нашелъ въ себѣ геній, понялъ его предназначеніе и приложилъ его... Теорія? Нѣтъ, тутъ нѣтъ теоріи; замѣтьте себѣ, это мое внутреннее убѣжденіе! Но если и это теорія, то я начинаю рыться въ своемъ мозгу и нахожу еще новый выходъ, и я привожу еще третье, и четвертое, и пятое уничтожающее возраженіе со всѣмъ искусствомъ, на какое я способенъ, и я не считаю себя побѣжденнымъ.

„Но и юный Эйенъ не считаетъ себя побѣжденнымъ, потому что онъ имѣетъ за собой весь свѣтъ; и онъ говоритъ:—такъ вы, стало быть, не признаете никого достойнымъ преклоненія, ни одного великаго человѣка, ни одного генія!

„И я отвѣчаю ему и довожу до того, что ему дѣлается все больше и больше не по себѣ, потому что онъ самъ разсчитываетъ стать со временемъ великимъ человѣкомъ; я подливаю еще масла въ огонь и отвѣчаю:—нѣтъ, я не преклоняюсь передъ геніемъ; но я преклоняюсь передъ результатомъ его дѣятельности на землѣ, для которой великій человѣкъ служитъ только необхо-

димымъ жалкимъ орудіемъ, такъ сказать, жалкимъ шиломъ, которое должно сверлить... Что, хорошо? Теперь вы меня поняли"?

Внезапно вытянувъ руки:

„О, я вдругъ снова увидалъ безконечную связь всѣхъ вещей. Что за ослѣпительный блескъ! Великая разгадка явилась сейчасъ передо мной, сейчасъ, въ это самое мгновеніе, здѣсь, посреди комнаты! Для меня не было ничего загадочнаго, я постигъ сущность всѣхъ вещей! Что за блескъ, что за ослѣпительный блескъ"!

Пауза.

„Да, да, да, да, да, да! Я чужестранецъ среди людей, и скоро пробьетъ мой часъ. Да, да... А впрочемъ, какое мнѣ дѣло до великихъ людей? Никакого! Всѣ эти великіе люди это одна комедія, и шарлатанство, и ложь. Прекрасно! Но не есть-ли все вообще комедія, и шарлатанство, и ложь? Безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія, все ложь. Камма, и Минутта, и всѣ люди, и любовь, и жизнь—все ложь; все, что я вижу, и слышу, и воспринимаю—все это ложь; даже синева неба не болѣе, какъ озонъ, ядъ, обманчивый ядъ... А когда небо особенно ясно, и сине, и прозрачно, тогда я медленно плыву въ своей ладьѣ въ этомъ синемъ, обманчивомъ озонѣ. И ладья моя изъ ароматнаго дерева, а парусъ...

„Да, Дагни сама сказала, что это красиво. Дагни, ты это сказала, и я благодарю тебя за то, что ты это сказала и сдѣлала меня тогда счастливымъ, такъ что сердце задрожало у меня въ груди отъ радости. Я помню каждое слово и повторяю его про себя, идя по дорогѣ и перебирая все въ памяти, и я никогда не забуду ни одного твоего слова... И ты побѣдишь, когда пробьетъ мой часъ. Я больше не буду тебя преслѣдовать. Я и не стану являться передъ тобой на стѣнѣ; прости, что я сказалъ это по злобѣ! Нѣтъ, я буду прилетать къ тебѣ и обвѣвать тебя во время сна бѣлыми крыльями, и буду слѣдовать за тобой, когда ты проснешься, и шептать тебѣ на ухо ласковыя слова. Можетъ

быть, ты мнѣ улыбнешься, если услышишь ихъ, да, можетъ быть ты это сдѣлаешь. Но если у меня самого не будетъ бѣлыхъ крыльевъ, если мои крылья, можетъ быть, не будутъ достаточно бѣлы, тогда я попрошу одного изъ ангеловъ Божіихъ сдѣлать это вмѣсто меня, самъ же я не стану приближаться къ тебѣ, я буду стоять гдѣ-нибудь въ углу и издали смотрѣть, какъ ты ему, быть можетъ, улыбнешься. Это я сдѣлаю, если это будетъ въ моихъ силахъ, и постараюсь такимъ образомъ хоть отчасти загладить то зло, которое я тебѣ причинилъ. О, какъ я счастливъ при одной этой мысли и какъ бы я хотѣлъ уже сейчасъ имѣть возможность сдѣлать это. Можетъ быть, я смогу тебя обрадовать какимъ-нибудь другимъ, чудеснымъ образомъ; я бы хотѣлъ каждое воскресенье пѣть надъ твоей головой утромъ, когда ты стоишь въ церкви, и я буду просить ангела и объ этомъ. Если же онъ не захочетъ этого сдѣлать для меня, тогда я упаду предъ нимъ на колѣни и буду молить его объ этомъ все смиреннѣе, пока онъ не услышитъ моей мольбы. Я обѣщаю ему за это что-нибудь хорошее, и я дамъ ему что-нибудь и буду ему оказывать всевозможныя услуги, если онъ будетъ такъ добръ... Да, да, ужъ я этого добьюсь, и я стремлюсь начать это какъ можно скорѣе, я прихожу въ восхищеніе отъ одной мысли объ этомъ. Теперь вѣдь ужъ недолго, мой часъ скоро придетъ; я самъ ускорю его и сдѣлаю это съ радостью... Подумай, настанетъ мгновеніе, когда весь туманъ исчезнетъ, ла, ла, ла, ла..."

Въ счастливомъ и экзальтированномъ состояніи онъ сбѣжалъ съ лѣстницы и вошелъ въ столовую. Онъ все еще пѣлъ. Но здѣсь одна маленькая случайность внезапно положила конецъ его веселости, отравивъ ему настроеніе на нѣсколько часовъ. Продолжая пѣть, онъ торопливо глоталъ свой завтракъ, стоя опершись объ столъ и не садясь, хотя онъ былъ не одинъ въ комнатѣ. Но замѣтивъ, что двое другихъ, сидѣвшихъ за столомъ, стали бросать въ него недовольные взгляды, онъ сейчасъ же извинился: если бы онъ замѣтилъ ихъ раньше, онъ держалъ бы

себя тише; въ такіе дни онъ ничего не видитъ и не слышитъ; какое чудесное утро! и какъ славно жужжатъ мухи!

Но онъ не получилъ никакого отвѣта; оба незнакомыхъ господина продолжали сидѣть съ такими же недовольными лицами и съ достоинствомъ говорить о политикѣ. Вся веселость Нагеля сразу исчезла. Онъ замолчалъ, и молча вышелъ изъ столовой. Выйдя на улицу, онъ зашелъ въ лавочку, запасся сигарами и направился по обыкновенію по дорогѣ, ведущей въ лѣсъ. Было половина двѣнадцатаго.

„Какъ однако, люди остаются всегда вѣрны себѣ! Вотъ они сидятъ тамъ, эти двое адвокатовъ, или торговыхъ агентовъ, или помѣщиковъ—Богъ ихъ знаетъ, что они такое—сидятъ и разсуждаютъ о политикѣ, и лица у нихъ недовольныя и надутыя только потому, что онъ позволилъ себѣ пѣть отъ радости въ ихъ присутствіи. Они сидятъ и жуютъ свой завтракъ съ преувеличенно глубокомысленнымъ видомъ и не потерпятъ, чтобы кто-нибудь помѣшалъ имъ въ этомъ занятіи. Хе-хе, оба они были съ брюшками, и пальцы на рукахъ у нихъ были жирные, и кожа на нихъ вся въ складкахъ; салфетки они заткнули за воротникъ подъ подбородкомъ. Въ сущности, ему бы слѣдовало вернуться въ гостинницу и одурачить ихъ какимъ-нибудь образомъ. Кто были эти благородные господа? Комми-вояжеры, торгующіе крупами, американскими кожами, кто знаетъ, можетъ быть, и просто глиняной посудой. Безъ сомнѣнія, нѣчто съ ногъ сшибательное! И все-таки они въ одну минуту уничтожили все его веселое настроеніе. Они и выглядѣли не особенно презентабельно; впрочемъ, одинъ—еще куда ни шло, но другой—тотъ, что торгуетъ кожами—съ совершенно кривымъ ртомъ, открывающимся только на одну сторону и похожимъ на пуговичную петлю. И въ ушахъ у него цѣлая роща сѣдыхъ волосъ. Фи! онъ безобразенъ, какъ смертный грѣхъ. Но не правда ли, когда такой человѣкъ сидитъ въ столовой, то можно ли позволить себѣ въ его присутствіи выразить свою радость пѣніемъ?

„Да, люди, въ самомъ дѣлѣ, всегда остаются себѣ вѣрны, это фактъ. Они говорятъ о политикѣ, они обсуждаютъ послѣдніе выборы; слава Богу, того-то и того-то еще удастся спасти для правой! Хе-хе-хе, что за великолѣпное зрѣлище представляли ихъ лица сытыхъ буржуевъ, когда они говорили.

„Но, чортъ возьми, да не распѣвай же веселыхъ пѣсенъ и не мѣшай члену стортинга работать! Отъ этого можетъ произойти несчастіе; потому что онъ, обрати вниманіе, размышляетъ, онъ изучаетъ. Надъ чѣмъ онъ размышляетъ? Какое политическое предложеніе онъ внесетъ завтра? Хе-хе-хе, облеченное довѣріемъ лицо въ крохотномъ міркѣ Норвегіи, человѣкъ, избранный народомъ для того, чтобы и онъ, въ священномъ національномъ костюмѣ, съ окуркомъ въ зубахъ, въ бумажномъ воротникѣ, размякшемъ отъ честнаго трудового пота, могъ подавать свои реплики въ общей комедіи страны! Прочь съ дороги передъ избранникомъ народа, посторонитесь, чортъ возьми, чтобы было достаточно мѣста для его локтей, уберите всѣ страны, чтобы самый Атлантическій океанъ сталъ лишь Норвежскимъ моремъ!

„...О, Боже великій, и всегда-то изъ однихъ круглыхъ, жирныхъ нулей составляются крупныя цифры!

„Впрочемъ, точка. Къ чорту всѣ нули! Вся эта ложь надоѣдаетъ въ одинъ прекрасный день такъ, что хочется убѣжать отъ нея. Уходишь въ лѣсъ и ложишься подъ открытымъ небомъ, тамъ больше мѣста, больше простору для чужестранца и птицъ небесныхъ... Отыскиваешь себѣ укромное мѣстечко, ложишься на холодную, сырую почву, растягиваешься на животѣ и буквально радуешься, чувствуя, какъ тебя всего пронизываетъ сырость. И уткнешься головой въ тростникъ и въ мясистые, влажные листья, а червячки и козявки и крохотныя, мягкія змѣйки ползутъ по твоему платью и забираются на лицо и смотрятъ на тебя своими зелеными глазками; и всюду кругомъ, въ лѣсу и въ воздухѣ, чувствуешь какую-то тревожную тишину, а наверху возсѣдаетъ Господь Богъ и смотритъ на тебя сверху, какъ на свою величайшую

idée fixe. Го-го, тебя охватываетъ особое настроеніе, рѣдкая и странная радость, подобно которой ты никогда не испытывалъ; начинаешь продѣлывать самыя безумныя вещи, какія только приходятъ тебѣ въ голову, смѣшиваешь правое съ неправымъ въ одну кучу, переворачиваешь весь свѣтъ вверхъ ногами и радуешься, точно совершилъ похвальное дѣло. И почему нѣтъ? Вѣдь въ эту минуту подчиняешься какимъ-то страннымъ, таинственнымъ вліяніямъ, поддаешься имъ, чувство восторга и непреодолимой радости овладѣваетъ тобою. Испытываешь неудержимое стремленіе превозносить и возвеличивать все, что до сихъ поръ презиралъ и надъ чѣмъ издѣвался; радуешься тому, что чувствуешь себя способнымъ сразиться въ защиту вѣчнаго міра, испытываешь желаніе учредить комиссію для усовершенствованія обуви почтальоновъ, замолвить словечко за Понтуса Викнера и вообще выступить въ защиту вселенной и Бога. Къ чорту истинную связь всѣхъ вещей, тебѣ до нея больше дѣла нѣтъ, и ты на нее плюешь. Даешь волю своимъ чувствамъ, не правда ли, настраиваешь свою арфу и распѣваешь во-всю псалмы и пѣсни.

„Съ другой стороны, въ душѣ у тебя полнѣйшій хаосъ, какая-то путаница, она, словно челнъ, несется по волѣ волнъ и вѣтра, и ты безпрепятственно отдаешься этому хаотическому состоянію. Пусть его! Такъ пріятно отдаваться ему безъ сопротивленія. Да и къ чему сопротивляться? Неужели же непозволительно замѣшкавшемуся страннику провести послѣднія мгновенія такъ, какъ ему придетъ въ голову? Да или нѣтъ? Точка. И проводишь ихъ, какъ тебѣ взбредетъ на умъ.

„Есть, однако, кое-что, что можно было бы сдѣлать; можно было бы употребить свое вліяніе въ пользу внутреннихъ государственныхъ задачъ, въ пользу японскаго искусства, Галлингдальской желѣзной дороги, въ пользу чего бы то ни было, лишь бы пустить въ ходъ свое вліяніе и содѣйствовать проведенію чего-нибудь. Тебѣ становится ясно, что человѣкъ, какъ І. Гангенъ, достопочтенный портняжныхъ дѣлъ мастеръ, у котораго ты когда-то

заказалъ сюртукъ для Минутты, что этотъ человѣкъ, какъ человѣкъ и гражданинъ, имѣетъ за собой огромныя заслуги; начинаешь съ того, что относишься къ нему съ уваженіемъ, и кончаешь тѣмъ, что любишь его. Почему его любишь? Отъ восторга, изъ упрямства, отъ непреодолимой радости, оттого, что ты весь охваченъ непонятнымъ настроеніемъ и отдаешься страннымъ вліяніямъ. Шепчешь ему на ухо о своемъ восхищеніи, отъ искренняго сердца желаешь ему всякаго благополучія и, уходя отъ него, суешь ему въ руку, помилуй меня Богъ, свою собственную медаль за спасеніе. Почему этого не сдѣлать, разъ ужъ отдаешься необыкновеннымъ, непонятнымъ вліяніямъ? Но этого недостаточно, начинаешь раскаяваться и въ томъ, что въ свое время, быть можетъ, непочтительно отзывался объ Оле изъ стортинга. И тутъ ужъ совсѣмъ отдаешься самому упоительному безумію; го-го, какъ ему отдаешься.

„Чего только Оле изъ стортинга не сдѣлалъ для государства! Постепенно у тебя открываются глаза на его вѣрную и честную дѣятельность, и она трогаетъ твое сердце. Добросердечіе одолѣваетъ тебя, ты плачешь и рыдаешь изъ состраданія къ нему и клянешься въ глубинѣ своей души вознаградить его вдвойнѣ и втройнѣ. Мысль объ этомъ сынѣ борющагося и страждущаго народа вызываетъ въ твоемъ сердцѣ блаженный, неукротимый порывъ милосердія, который доводитъ тебя до слезъ. Чтобы вознаградить его, начинаешь чернить всѣхъ остальныхъ людей и весь свѣтъ, находишь особенное удовольствіе въ томъ, чтобы отнять у другихъ людей все въ его пользу, пріискиваешь самыя изысканныя и самыя щедрыя слова для его возвеличенія. Заявляешь прямо, что большая часть того, что сдѣлано на свѣтѣ, сдѣлано имъ, что онъ написалъ единственное сочиненіе о спектральномъ анализѣ, которое стоитъ читать, что въ сущности единственно онъ въ 1719 году перепахалъ всѣ преріи Америки, что онъ изобрѣлъ телеграфъ и въ придачу ко всему еще былъ на Сатурнѣ и опять разговаривалъ съ Господомъ Богомъ. Знаешь хорошо,

что Оле изъ стортинга всего этого не сдѣлалъ, но изъ непомѣрной добросердечности все-таки утверждаешь, что онъ это *сдѣлалъ*, онъ это *сдѣлалъ*; рыдаешь страстно, и клянешься, и осуждаешь себя на самыя ужасныя муки ада, если всего этого не сдѣлалъ Оле изъ стортинга и никто другой. Почему это дѣлаешь? Изъ добросердечности, чтобы дать возможно полное удовлетвореніе Оле изъ стортинга. И чтобы довершить это окончательно, начинаешь вдругъ пѣть, развратно и богохульственно начинаешь пѣть о томъ, что, впрочемъ, Оле изъ стортинга сотворилъ и весь міръ и далъ солнцу и звѣздамъ ихъ назначеніе и что имъ держится вся вселенная; и къ этому прибавляешь цѣлый рядъ ужаснѣйшихъ проклятій и клятвъ, что это такъ. Коротко говоря, въ смыслѣ доброжелательности позволяешь себѣ самую невѣроятную, самую опьяняющую распущенность мысли, самую утонченную игру клятвами и богохульствами. И всякій разъ, когда удастся сказать что-нибудь совсѣмъ неслыханное, подтягиваешь колѣни кверху и тихо хихикаешь, только отъ радости, что Оле изъ стортинга, наконецъ, получилъ должное удовлетвореніе. Да, Оле изъ стортинга все должно достаться, Оле изъ стортинга этого заслужилъ, потому что ты разъ позволилъ себѣ говорить о немъ непочтительно и теперь раскаиваешься въ этомъ".

Пауза.

„Какъ это было? не сказалъ ли я разъ ужаснѣйшую пошлость объ одномъ тѣлѣ, которое... да, о мертвомъ тѣлѣ... постой-ка... да, это была молодая дѣвушка, она умерла и съ благодарностью вернула Господу свое тѣло, которымъ она не воспользовалась. Да, это была нѣкая Мина Меекъ, я вспоминаю теперь, и мнѣ страшно стыдно. Сколько болтаешь зря такого, о чемъ потомъ жалѣешь и не знаешь, куда дѣваться, и готовъ кричать отъ стыда! Правда, одинъ Минутта слыхалъ это, но мнѣ стыдно ради самого себя. Не говорю уже о томъ, что я разъ сморозилъ еще худшую вещь, которой никогда не забуду, объ эскимосѣ и бюварѣ для писемъ. Фи, прочь съ этимъ! Господи Боже,

хоть сквозь землю провалиться!.. Ну, довольно, къ чорту угрызенія совѣсти! Представь себѣ, что настанетъ день, когда праведники всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ предстанутъ въ небесахъ; и ты будешь среди нихъ! Уфъ! Боже! какъ все это скучно, *Боже*! какъ все это скучно"...

Придя въ лѣсъ, Нагель бросился на первую попавшуюся кучу вереска и закрылъ лицо руками. Какой сумбуръ былъ въ его мозгу, что за хаосъ невозможныхъ мыслей! Минуту спустя онъ заснулъ. Прошло не больше четырехъ часовъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ всталъ; несмотря на это, онъ заснулъ, какъ убитый, усталый и обезсиленный этимъ потокомъ лихорадочныхъ мыслей.

Былъ вечеръ, когда онъ проснулся. Онъ оглянулся кругомъ; солнце садилось за паровой мельницей; маленькія птички перелетали съ дерева на дерево и пѣли. Голова его была въ порядкѣ, въ его мозгу не было больше никакихъ хаотическихъ мыслей, никакой горечи, онъ былъ совершенно спокоенъ. Онъ прислонился къ стволу дерева и задумался. Совершить ему это сейчасъ? вѣдь это можно сдѣлать съ такимъ же успѣхомъ раньше, какъ и позже? Нѣтъ, онъ долженъ сначала устроить кой-какія дѣла, написать письмо къ сестрѣ, оставить Мартѣ небольшую память въ конвертѣ; сегодня онъ еще не можетъ умереть. Онъ и не расплатился еще по счету въ гостинницѣ; о Минуттѣ онъ тоже хотѣлъ позаботиться....

Онъ медленно отправился домой въ гостинницу. Но завтра вечеромъ это непремѣнно должно произойти, въ полуночную пору, безъ всякихъ приготовленій, безъ долгихъ словъ, да, безъ долгихъ словъ!

Когда пробило три часа утра, онъ еще стоялъ у окна своей комнаты и смотрѣлъ внизъ на базарную площадь.

XIX.

На слѣдующую ночь, около двѣнадцати, Нагель, наконецъ, вышелъ изъ гостинницы. Онъ ничего не устроилъ, онъ только

написалъ своей сестрѣ и вложилъ немного денегъ въ конвертъ для Марты; его чемоданы, футляръ отъ скрипки, старый стулъ, который онъ купилъ, все стояло на прежнемъ мѣстѣ, на столѣ лежало нѣсколько книгъ, хозяину гостинницы онъ тоже не уплатилъ, онъ совершенно забылъ объ этомъ. Уходя изъ дому, онъ попросилъ Сару стереть пыль съ окошекъ къ его приходу, и Сара обѣщала, хотя это было среди ночи; онъ тщательно вымылъ лицо и руки раньше, чѣмъ ушелъ.

Онъ все время былъ спокоенъ, почти медлителенъ. Господи помилуй, да и было ли изъ-за чего подымать шумъ! Годомъ раньше или позже, это не имѣетъ никакого значенія, къ тому же съ этой мыслью онъ носился уже давно. Но теперь онъ такъ безконечно усталъ отъ всѣхъ своихъ разочарованій, своихъ несбывшихся надеждъ, отъ всей этой комедіи, этой мелкой повседневной лжи, которую онъ встрѣчалъ на каждомъ шагу, во всѣхъ людяхъ. Онъ снова подумалъ о Минуттѣ, для котораго онъ тоже оставилъ конвертъ съ нѣкоторой суммой денегъ, хотя недовѣріе къ этому бѣдному, несчастному калѣкѣ никогда не покидало его; онъ подумалъ о фру Стенерсенъ, больной, страдающей астмой женщинѣ, обманывающей своего мужа на его глазахъ и никогда не выдающей себя ни однимъ движеніемъ; о Каммѣ, этой маленькой алчной датчанкѣ, протягивавшей за нимъ свои лживыя объятія, куда бы онъ ни уѣзжалъ, и вѣчно таскавшей изъ его кармановъ, еще да еще. На востокѣ и на западѣ, въ родной странѣ и за границей—всюду онъ встрѣчалъ однихъ и тѣхъ же людей; все низко, и лживо, и постыдно безотрадно, начиная съ нищаго, носящаго здоровую руку на перевязи, и кончая голубымъ небомъ, этимъ обманчивымъ озономъ. А онъ самъ, развѣ онъ самъ лучше? Нѣтъ, нѣтъ, онъ самъ не лучше! Но теперь будетъ конецъ.

Онъ пошелъ по набережной мимо пристаней, чтобы увидать еще разъ суда на морѣ; проходя мимо послѣдней пристани, онъ вдругъ снялъ съ пальца желѣзное кольцо и бросилъ его въ море. Онъ видѣлъ, какъ оно упало далеко въ воду. Такъ въ послѣднюю

минуту дѣлаешь еще маленькую попытку освободиться отъ лжи и комедіи!

У домика Марты Гуде онъ остановился и въ послѣдній разъ заглянулъ въ окна. Тамъ все было, какъ всегда, тихо и спокойно; никого не было видно.

— Прощай!—сказалъ онъ.

И пошелъ дальше.

Самъ того не замѣчая, онъ направилъ свои шаги къ пасторскому дому. Онъ замѣтилъ это только, когда сквозь порѣдѣвшія деревья сталъ виденъ пасторскій дворъ. Онъ остановился. Куда онъ идетъ? Чего ему искать здѣсь, на этой дорогѣ? Бросить послѣдній взглядъ на оба окна во второмъ этажѣ, въ надеждѣ увидѣть лицо, которое никогда не показывалось, никогда,—нѣтъ, туда онъ не пойдетъ! Правда, онъ все время намѣревался это сдѣлать, но онъ этого все-таки не сдѣлаетъ! Онъ съ минуту постоялъ на мѣстѣ, устремивъ долгій взглядъ на строенія пасторскаго двора, онъ колебался, все въ немъ молило объ этомъ...

— Прощай! —сказалъ онъ снова.

Онъ круто повернулъ и пошелъ по боковой дорожкѣ, ведущей въ глубь лѣса.

Теперь оставалось итти прямо и остановиться потомъ, гдѣ попало. Главное, никакихъ разсчетовъ, никакой сентиментальности, вспомни, какъ поступилъ Карльсенъ въ своемъ смѣшномъ отчаяніи! Какъ будто это маленькое дѣло стоитъ такихъ приготовленій!.. Онъ замѣчаетъ вдругъ, что на одномъ башмакѣ у него развязался шнурокъ; онъ останавливается, ставитъ ногу на пень и завязываетъ шнурокъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ садится.

Онъ сѣлъ, самъ того не замѣчая. Онъ посмотрѣлъ вокругъ: высокія ели, со всѣхъ сторонъ высокія ели, кой-гдѣ кусты можжевельника, почва, покрытая верескомъ. Хорошо, хорошо!

Затѣмъ онъ вынимаетъ свой бумажникъ. Онъ прячетъ въ него письма къ Мартѣ и Минуттѣ. Въ особомъ отдѣленіи лежитъ носовой платокъ Дагни, завернутый въ бумагу. Онъ вынимаетъ

его, цѣлуетъ его нѣсколько разъ, опускается на колѣни и снова цѣлуетъ его и затѣмъ начинаетъ его рвать на мелкіе куски. Это продолжается довольно долго, часы бьютъ часъ, бьютъ половину второго, а онъ все рветъ и рветъ платокъ на мельчайшіе кусочки. Наконецъ, платокъ сталъ неузнаваемъ, отъ него остались почти только нити; онъ встаетъ и кладетъ его подъ камень, прячетъ такъ, чтобы никто не могъ его найти, и снова садится. Теперь ничего больше не осталось сдѣлать? Онъ начинаетъ вспоминать, но ничего не можетъ вспомнить. Тогда онъ заводитъ свои часы, какъ дѣлаетъ это каждый вечеръ, ложась спать.

Онъ смотритъ вокругъ; въ лѣсу темно, онъ вглядывается въ темноту, но ничего подозрительнаго не замѣчаетъ. Онъ настораживаетъ слухъ, задерживаетъ дыханіе и слушаетъ: ни одного звука не слыхать, птицы молчатъ, ночь тиха и неподвижна. И онъ засовываетъ пальцы въ карманъ жилета и вытаскиваетъ оттуда маленькую скляночку.

Склянка заткнута стеклянной пробкой; пробка покрыта тройнымъ бумажнымъ колпачкомъ, перевязаннымъ голубымъ аптекарскимъ шнуркомъ. Онъ развязываетъ шнурокъ и вытаскиваетъ пробку. Жидкость въ склянкѣ прозрачна, какъ вода, со слабымъ миндальнымъ запахомъ! Онъ подноситъ склянку къ глазамъ, она наполнена до половины. Въ это мгновеніе до него доносится отдаленный звукъ, два гулкихъ удара; это башенные часы въ городѣ пробили два часа. Онъ шепчетъ: часъ пробилъ! И онъ быстро подноситъ склянку ко рту и опоражниваетъ ее.

Въ первую минуту онъ продолжалъ сидѣть прямо, съ закрытыми глазами, съ пустой склянкой въ одной рукѣ и пробкой въ другой. Все это произошло само собой, онъ даже не замѣтилъ какъ. И только послѣ того мысли зашевелились у него въ головѣ, онъ открылъ глаза и растерянно посмотрѣлъ кругомъ. Всего этого, этихъ деревьевъ, этого неба, этой земли онъ никогда больше не увидитъ. Какъ это странно! Ядъ уже струится въ его тѣлѣ, пробирается сквозь мельчайшіе сосуды, пролагаетъ себѣ

путь по венамъ; сейчасъ у него начнутся судороги, скоро онъ будетъ лежать здѣсь неподвижно.

Онъ ясно чувствуетъ горькій вкусъ во рту, языкъ у него стягивается все больше и больше. Онъ начинаетъ дѣлать безсмысленныя движенія руками чтобы убѣдиться, до какой степени онъ уже мертвъ, начинаетъ считать деревья вокругъ себя, насчитываетъ до десяти и бросаетъ это. Нѣтъ, неужели же онъ умретъ, теперь, въ эту ночь, дѣйствительно умретъ? Нѣтъ, ахъ нѣтъ, не правда ли? Нѣтъ, еще не въ эту ночь... Что? Какъ это странно!

Да, онъ умретъ, онъ такъ ясно чувствуетъ дѣйствіе кислоты въ своихъ внутренностяхъ... Нѣтъ, почему теперь, почему сейчасъ? Боже великій, это не можетъ, это не должно случиться сейчасъ! Нѣтъ, неужели же это на самомъ дѣлѣ произойдетъ? Какъ въ глазахъ у него темнѣетъ! Какой гулъ идетъ по лѣсу, хотя вѣтра совсѣмъ нѣтъ! Почему тамъ, надъ верхушками деревьевъ, начинаетъ стлаться красный туманъ?... Ахъ, не сейчасъ, не сейчасъ! Нѣтъ, слышишь, нѣтъ! Что мнѣ дѣлать? Я не хочу? Отецъ небесный, что мнѣ дѣлать?

И вдругъ всѣ мысли всего свѣта съ непреодолимой силой обрушиваются на его мозгъ. Онъ еще не готовъ; есть еще тысяча вещей, которыя онъ долженъ раньше сдѣлать; и мозгъ его пылаетъ, перебирая все то, что ему еще надо сдѣлать. Онъ еще не расплатился въ гостинницѣ, онъ забылъ, да, видитъ Богъ, это была забывчивость съ его стороны, и онъ долженъ ее исправить! Нѣтъ, въ эту ночь онъ не можетъ еще умереть, пощады, пощады на одинъ часъ, немногимъ больше часа! Великій Боже, вѣдь онъ забылъ также написать еще письмо, *одно* письмо, двѣ строчки одному человѣку въ Финляндію, это касается сестры, всего ея состоянія! Сознаніе его среди всего этого отчаянія дѣйствовало такъ ясно, и мозгъ его работалъ такъ напряженно, что онъ вспомнилъ даже о различныхъ газетахъ, на которыя онъ былъ подписанъ. Онъ не далъ знать, что прекращаетъ подписку

на газеты, онѣ будутъ продолжать приходить, постоянно, безъ конца, онѣ будутъ накопляться и наводнятъ его комнату отъ пола до потолка. За что ему ухватиться? Вѣдь онъ ужъ полумертвый!

Онъ обѣими руками рветъ верескъ изъ земли, катается по землѣ на животѣ и старается освободиться отъ яда, засовываетъ палецъ въ горло, но это не помогаетъ. Нѣтъ, онъ не хочетъ умереть, не хочетъ умереть въ эту ночь, и завтра тоже нѣтъ, онъ совсѣмъ не хочетъ умирать, онъ хочетъ жить, да, вѣчно видѣть солнце. И эти нѣсколько капель яду онъ не хочетъ сохранить въ организмѣ, и раньше, чѣмъ онѣ его убьютъ, онѣ должны подняться, подняться, чортъ возьми, онѣ должны выйти наружу!

Внѣ себя отъ страха онъ вскакиваетъ и начинаетъ искать въ лѣсу воды. Онъ кричитъ: воды! воды! и крикъ его эхомъ отдается въ лѣсу. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ мечется, какъ безумный, по лѣсу, бросается то въ одну, то въ другую сторону, натыкается на древесные стволы, перескакиваетъ черезъ кусты можжевельника и громко стонетъ. Но онъ не находитъ воды. Наконецъ, онъ спотыкается и падаетъ лицомъ внизъ, руки его взрываютъ при паденіи землю, и въ одной щекѣ онъ чувствуетъ слабую боль. Онъ пробуетъ двинуться, подняться, но паденіе оглушило его; онъ снова падаетъ, все больше и больше слабѣетъ и остается недвижимъ.

Да, да, ну, что жъ! значитъ, ничего не подѣлаешь! Но Господи, Боже мой, неужели же онъ все-таки долженъ умереть, Если бы у него хватило силъ поискать воды, онъ, можетъ быть, былъ бы еще спасенъ! Ахъ, какой грустный конецъ его ждетъ, а какъ онъ мечталъ когда-то о совершенно иномъ; и вотъ онъ долженъ умереть отъ яда подъ открытымъ небомъ! Но почему онъ еще не закоченѣлъ? Онъ можетъ еще шевелить пальцами, открывать вѣки; какъ долго это продолжается, какъ долго это продолжается!

Онъ проводитъ рукой по лицу, оно холодно и влажно отъ пота. При паденіи голова его скатилась на сторону, онъ продолжаетъ такъ лежать и не дѣлаетъ попытки перемѣнить позу. Каждый членъ на его тѣлѣ дрожитъ еще; на одной щекѣ у него рана, изъ нея течетъ кровь, но онъ и на это не обращаетъ вниманія. Какъ долго это тянется, какъ страшно долго это тянется! Онъ лежитъ терпѣливо и ждетъ. Снова бьютъ башенные часы, они бьютъ три часа. Это поражаетъ его; такъ онъ цѣлый часъ носитъ въ себѣ ядъ и все еще живъ? Опираясь на локоть, онъ приподымается и вынимаетъ свои часы; да, три часа. Какъ это долго тянется!

Да, ну что жъ, все-таки это, пожалуй, самое лучшее, что онъ сейчасъ умретъ! И вспомнивъ вдругъ о Дагни, которой онъ каждое воскресенье будетъ пѣть пѣсни и которой онъ будетъ дѣлать столько добра, онъ сразу обрадовался тому, что его ждетъ, и слезы выступили у него на глазахъ. И онъ съ молитвами и тихими слезами сантиментально сталъ перебирать въ умѣ все, что онъ будетъ дѣлать для Дагни! Какъ онъ будетъ ее оберегать отъ всего дурного! Можетъ быть, онъ завтра уже сможетъ прилетѣть къ ней и быть около нея, Боже милостивый, если бы онъ могъ уже завтра прилетѣть къ ней и сдѣлать такъ, чтобы она проснулась въ лучезарно-радостномъ настроеніи! Какъ это было гадко съ его стороны, что еще минуту тому назадъ онъ не хотѣлъ умирать, когда это дастъ ему возможность доставить ей радость; онъ теперь раскаивается въ этомъ и проситъ у нея прощенія; онъ не понимаетъ, гдѣ были раньше его мысли. Но теперь она можетъ на него положиться; и онъ почувствовалъ страстное стремленіе прилетѣть къ ней и стать у ея постели. Черезъ нѣсколько часовъ, можетъ быть, уже черезъ часъ, онъ будетъ тамъ, да, онъ будетъ у нея. И ему навѣрное удастся упросить какого-нибудь ангела сдѣлать это за него, если онъ самъ этого не сможетъ, онъ обѣщаетъ ему за это столько хорошаго. Онъ скажетъ ему: я не достаточно бѣлъ, ты можешь это сдѣлать, ты бѣлъ, и за это ты

потомъ сможешь сдѣлать со мною все, что захочешь. Ты смотришь на меня, потому что я черенъ? Ну, да, я черенъ, чего же тутъ смотрѣть? Но я охотно соглашусь еще долго, долго быть чернымъ, если ты окажешь мнѣ милость, о которой я тебя прошу; я могу, если ты этого потребуешь, еще лишній милліонъ лѣтъ оставаться чернымъ, и еще гораздо чернѣе, чѣмъ теперь; и за каждое воскресенье, въ которое ты будешь ей пѣть, мы можемъ опять прибавить еще милліонъ лѣтъ, если ты захочешь. Я не лгу, я придумаю все, что смогу, чтобы предложить тебѣ за это, и себѣ ничего не оставлю, выслушай меня только! Тебѣ не надо будетъ летѣть одному, я полечу съ тобой, я тебѣ понесу и буду летѣть за двоихъ, я съ радостью сдѣлаю это и не замараю тебя, хотя я и черенъ. Я все буду дѣлать, тебѣ же не надо будетъ трудиться. Кто знаетъ, быть можетъ, я тебѣ смогу и подарить что-нибудь, какую-нибудь вещь, которая у меня найдется; она тебѣ, можетъ быть, пригодится; я всегда буду помнить объ этомъ, если мнѣ кто-нибудь что-либо подарить; возможно и то, что мнѣ посчастливится и я сумѣю заработать что-нибудь для тебя, вѣдь этого нельзя знать...

Да, ему удастся въ концѣ концовъ упросить ангела сдѣлать это для него, онъ въ этомъ увѣренъ...

И снова бьютъ бапенные часы. Онъ почти безсознательно считаетъ четыре удара и не думаетъ больше о нихъ. Надо терпѣливо ждать. Затѣмъ онъ сложилъ руки и сталъ молиться о томъ, чтобы поскорѣе умереть, уже черезъ нѣсколько минутъ; тогда онъ быть можетъ, попадетъ еще къ Дагни раньше, чѣмъ она проснется. Онъ сталъ бы благодарить и восхвалять за это всѣхъ и вся; это будетъ великая милость, и теперь его единственное горячее желаніе...

Онъ закрылъ глаза и заснулъ.

Онъ спалъ три часа. Когда онъ проснулся, солнце свѣтило ему прямо въ лицо и лѣсъ былъ полонъ ликующихъ птичьихъ голосовъ. Онъ поднялся и посмотрѣлъ вокругъ себя; вдругъ онъ

вспомнилъ все, что произошло ночью; склянка еще лежала около него; онъ вспомнилъ также, какъ онъ въ концѣ концовъ сталъ горячо молиться о томъ, чтобы умереть какъ можно скорѣе. А между тѣмъ онъ былъ еще живъ! Опять что-то, какая-то отвратительная случайность стала ему поперекъ дороги. Онъ ничего не понималъ; напрасно онъ ломалъ себѣ голову, онъ чувствовалъ только, что онъ еще живъ.

Онъ всталъ, взялъ склянку и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Да, всѣ его искреннія попытки ни къ чему не вели, онъ всюду встрѣчалъ препятствія. Что случилось съ этимъ ядомъ? Вѣдь это была настоящая синильная кислота; врачъ сказалъ, что этого достаточно, болѣе, чѣмъ достаточно; да онъ и умертвилъ пасторскую собаку небольшимъ количествомъ этого яда. И склянка была та же: она была наполнена до половины; онъ ясно помнитъ, онъ собственными глазами видѣлъ это передъ тѣмъ, какъ выпилъ жидкость; и она никогда не была въ чужихъ рукахъ, онъ всегда носилъ ее въ карманѣ жилета. Какія коварныя силы вѣчно его преслѣдуютъ?

Какъ молнія, сверкнула въ его мозгу мысль, что склянка *была* въ чужихъ рукахъ. Онъ остановился и невольно щелкнулъ пальцами. Да, сомнѣнія нѣтъ, Минутта имѣлъ ее у себя въ теченіе цѣлой ночи. Это было, когда онъ устроилъ пирушку въ гостинницѣ; онъ тогда далъ Минуттѣ свой жилетъ; склянка, часы и кой-какія бумаги остались въ карманѣ жилета, и Минутта принесъ ихъ на слѣдующій день рано утромъ. Такъ это старый уродъ со своимъ лукавымъ добросердечіемъ провелъ его такимъ образомъ! Что за пронырливость, что за хитроумная выдумка!

Нагель съ горечью стиснулъ зубы. Что онъ сказалъ въ ту ночь у себя въ комнатѣ? Не заявилъ ли онъ самымъ опредѣленнымъ образомъ, что у него не хватитъ мужества выпить этотъ ядъ? А этотъ лицемѣрный уродъ, сидя около него на стулѣ, позволилъ себѣ втихомолку не вѣрить его словамъ! Проныра, кротъ! Онъ прямо отправился домой, вылилъ изъ склянки ея содержимое,

можетъ быть, даже хорошенько сполоснулъ ее и до половины наполнилъ водой. И послѣ такого добродѣтельнаго поступка онъ легъ въ постель и спокойно проспалъ до утра!

Нагель повернулъ обратно въ городъ. Трехчасовой сонъ подкрѣпилъ его, и онъ теперь размышлялъ обо всемъ этомъ съ полной ясностью. Въ душѣ его была горечь. Происшествіе этой ночи унизило его и выставило въ собственныхъ глазахъ въ смѣшномъ видѣ; подумать только, что онъ даже слышалъ миндальный запахъ этой воды, отъ этой воды у него стянуло языкъ, онъ даже почувствовалъ дыханіе смерти въ своемъ тѣлѣ — все отъ этой воды! И онъ бѣсновался, и метался по лѣсу, прыгая черезъ кусты и камни, изъ-за глотка самой обыкновенной колодезной воды! Покраснѣвъ отъ стыда и гнѣва, онъ остановился и громко вскрикнулъ; но, испугавшись, что его могъ кто-нибудь услышать, онъ боязливо оглянулся и сейчасъ же началъ пѣть, чтобы замаскировать свой крикъ.

По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ, настроеніе его становилось мягче подъ вліяніемъ теплаго, лучезарнаго утра и не прекращавшагося пѣнія птицъ. На встрѣчу ему показался возъ; возница снимаетъ шапку, Нагель отвѣчаетъ на поклонъ; собака, бѣгущая рядомъ, машетъ хвостомъ передъ нимъ и, поднявъ морду, смотритъ на него... Но почему ему не удалось честно и искренно умереть въ эту ночь? Это все еще печалило его; онъ улегся на покой, радуясь, что добрался до конца, тихая радость стала проникать въ его душу, и онъ чувствовалъ ее все время, пока не закрылъ глазъ и не заснулъ. Теперь Дагни встала, можетъ быть, она уже и вышла, а онъ ничѣмъ не могъ ее обрадовать. Онъ чувствовалъ себя позорно обманутымъ. Минутта прибавилъ еще одно доброе дѣло ко всѣмъ прочимъ, которыми было переполнено его сердце, онъ оказалъ ему услугу, спасъ ему жизнь — точь въ точь такую же услугу, какую онъ самъ когда-то оказалъ чужому человѣку, несчастному человѣку, который не хотѣлъ высаживаться въ Гамбургѣ. При этомъ-то случаѣ

онъ и заслужилъ свою медаль за спасеніе, хе-хе, *заслужилъ* свою медаль за спасеніе! Да, спасаешь людей, не задумываешься иногда совершить доброе дѣло; рѣшительно принимаешься за дѣло и спасаешь человѣка отъ смерти!

Чувствуя себя сконфуженнымъ передъ самимъ собой, онъ прокрался къ себѣ въ комнату въ гостинницѣ и сѣлъ. Въ комнатѣ было чисто и уютно, окна были вычищены и на нихъ повѣшены свѣже-выглаженныя занавѣски; на столѣ стоялъ букетъ полевыхъ цвѣтовъ. У него здѣсь еще ни разу не было цвѣтовъ; этотъ сюрпризъ вызвалъ въ немъ радостное удивленіе, и онъ съ довольнымъ видомъ сталъ потирать руки. Какая случайность, какъ разъ въ такой день! Какъ это мило со стороны простой горничной! Добрая душа, эта Сара! Да, утро было дѣйствительно необыкновенно хорошо; даже внизу на базарной площади, у всѣхъ были радостныя лица; торговецъ статуэтками сидѣлъ за своимъ столомъ и съ довольнымъ видомъ потягивалъ изъ своей глиняной трубки, хотя онъ не продалъ еще товару ни на одно эре. Можетъ быть, это и было вовсе не такъ глупо, что дикіе планы минувшей ночи рухнули! Онъ съ ужасомъ подумалъ о томъ страхѣ, который онъ испытывалъ, бѣгая по лѣсу и ища воды; онъ еще теперь дрожалъ, вспоминая объ этомъ, и въ эту минуту, когда онъ сидѣлъ такъ спокойно на стулѣ въ своей свѣтлой, уютной комнатѣ, залитой солнцемъ, ему казалось, что онъ избавленъ отъ всякаго зла, и блаженное чувство наполняло его душу. На худой конецъ у него же еще есть хорошее, надежное средство, котораго онъ еще не пробовалъ! Въ первый разъ человѣка можетъ постигнуть и неудача, не умираешь сразу, подымаешься снова; но вѣдь существуютъ еще маленькія, надежныя шестистволки, которыя можно купить въ первомъ попавшемся оружейномъ магазинѣ, когда появится надобность. Не теперь, такъ другой разъ...

Сара постучалась. Она слышала, чтоонъ пришелъ, и хотѣла ему сказать, что завтракъ готовъ. Она повернулась, чтобы уйти, но онъ позвалъ ее обратно и спросилъ, отъ нея ли эти цвѣты на столѣ.

Да, они отъ нея; не стоитъ благодарности.

Онъ все-таки протянулъ ей руку.

Она спросила, улыбаясь:

— Гдѣ вы были всю ночь? Вы совсѣмъ не возвращались домой?

— Послушайте,—отвѣтилъ онъ,—что вы поставили мнѣ цвѣты, это, право, такъ мило съ вашей стороны; вы и окна вымыли сегодня ночью и повѣсили мнѣ чистые занавѣсы. Я не могу вамъ сказать, какъ вы меня этимъ обрадовали, дай вамъ Богъ всего добраго за это.—И вдругъ на него находитъ одинъ изъ тѣхъ безумныхъ моментовъ, когда все въ немъ порывъ и внезапное рѣшеніе, и онъ говоритъ:

— Слушайте, я привезъ съ собой шубу, когда пріѣхалъ сюда въ гостинницу; Богъ знаетъ, куда она дѣвалась, но у меня несомнѣнно была съ собой шуба, и ее я хочу вамъ подарить. Да, да, я это дѣлаю изъ благодарности, это рѣшено, шуба принадлежитъ вамъ.

Сара разразилась громкимъ смѣхомъ. Что она станетъ дѣлать съ шубой?

Да, она права; но это ея дѣло, пусть она ее только приметъ, сдѣлаетъ ему удовольствіе и приметъ ее отъ него... Ея чистосердечный смѣхъ заразилъ и его, онъ тоже разсмѣялся и началъ шутить съ ней: Боже, какія у нея великолѣпныя плечи! Можетъ она себѣ представить: онъ разъ видѣлъ ее въ такую минуту, когда она этого и не подозрѣвала. Да, это было въ столовой; она стояла на столѣ и вытирала потолокъ, онъ смотрѣлъ въ дверную щель; ея юбка была высоко подоткнута, и онъ видѣлъ ногу, да, часть ея ноги, право, онъ видѣлъ изрядную часть красивой ноги. Хе-хе-хе. Но какъ бы то ни было, еще до наступленія вечера, черезъ нѣсколько часовъ, онъ подаритъ ей браслетъ; она можетъ ему повѣрить. И кромѣ того, пусть она не забудетъ, что шуба принадлежитъ ей...

Безумный человѣкъ, онъ совсѣмъ съ ума сошелъ? Сара хохотала, но его странныя причуды начинали внушать ей нѣкоторый страхъ. Третьяго дня онъ далъ женщинѣ, принесшей ему бѣлье, гораздо больше денегъ, чѣмъ ей слѣдовало; теперь онъ вздумалъ подарить ей шубу... По городу тоже шли разные толки о немъ.

XX.

Да, онъ сошелъ съ ума, онъ сошелъ съ ума. Это безъ сомнѣнія было такъ; потому что Сара предлагала ему кофе, молоко, чай, предлагала ему пиво, предлагала все что только приходило ей на умъ. онъ же поднялся изъ-за стола, едва успѣвъ сѣсть и не дотронувшись до ѣды. Ему вдругъ пришло на умъ, что какъ разъ въ это время Марта обыкновенно ходила на базаръ со своими яйцами; можетъ быть она уже вернулась; былъ бы особенно счастливый случай, если бы ему удалось и ее повидать сегодня, какъ разъ сегодня. Онъ вернулся къ себѣ въ комнату и сѣлъ у окна.

Вся базарная площадь передъ его глазами, но Марты не видать. Онъ ждетъ полчаса, часъ, зорко наблюдаетъ за всѣми выходами на площадь, но все напрасно. Въ концѣ концовъ все его вниманіе сосредоточивается на сценѣ, происходящей внизу, у лѣстницы почтовой конторы, и привлекшей много любопытныхъ: среди пыльной улицы, въ кольцѣ, образуемомъ зрителями, Минутта прыгаетъ и пляшетъ; онъ безъ сюртука, свою обувь онъ тоже снялъ; онъ танцуетъ и безпрестанно вытираетъ потъ со лба; окончивъ, онъ начинаетъ собирать съ присутствующихъ свои эре. Да, Минутта возобновилъ свою прежнюю дѣятельность, онъ снова началъ танцовать.

Нагель ждетъ, пока Минутта кончитъ и публика разойдется, потомъ онъ посылаетъ за нимъ. И Минутта является, какъ всегда почтительно съ наклоненной головой и опущенными внизъ глазами.

— У меня есть для васъ письмо,—говоритъ Нагель. И онъ

даетъ ему письмо, засовываетъ его глубоко въ карманъ его сюртука и начинаетъ съ нимъ говорить:

— Вы привели меня въ большое затрудненіе, мой другъ, вы меня обманули, провели меня самымъ хитрымъ образомъ, съ такой ловкостью, которой я не могу не удивляться, хотя вашъ поступокъ меня привелъ въ негодованіе. Вы свободны сейчасъ? Вы помните, что я вамъ разъ обѣщалъ дать одно объясненіе? Ну, такъ я хочу вамъ сейчасъ дать это объясненіе, я нахожу, что настало время для этого. Могу ли я вамъ, впрочемъ, сначала предложить вопросъ: вы слышали, что обо мнѣ говорятъ въ городѣ, будто я сошелъ съ ума? позвольте мнѣ успокоить васъ: я не сошелъ съ ума; да это вы и сами видите, не правда ли? Я допускаю, что въ послѣднее время былъ въ нѣсколько тревожномъ состояніи; со мной произошли разныя вещи, не особенно отрадныя; судьба такъ пожелала; но теперь я снова совершенно здоровъ, я ни на что не могу жаловаться. Я прошу васъ запомнить это... Пожалуй, будетъ напрасно предложить вамъ выпить чего-нибудь?

Нѣтъ, Минутта ничего не хотѣлъ.

— Да, я это зналъ напередъ... Словомъ, я полонъ недовѣрія къ вамъ, Грэгордъ. Вы вѣдь понимаете, на что я намекаю, вы меня такъ основательно провели, что я и не пытаюсь скрывать этого. Вы мнѣ просто подставили ножку въ очень серьезномъ дѣлѣ, это было сдѣлано вполнѣ безкорыстно съ вашей стороны, исключительно по добротѣ сердца, если ходите, но это все-таки было сдѣлано. Эта маленькая скляночка была въ вашихъ рукахъ?

Минутта искоса смотритъ на склянку и не отвѣчаетъ.

— Въ ней былъ ядъ; его вылили и склянку снова наполнили до половины водой; въ эту ночь въ ней была только вода.

Минутта все еще молчитъ.

— Видите ли, въ этомъ поступкѣ собственно нѣтъ ничего дурного. Тотъ, кто это сдѣлалъ, сдѣлалъ это исключительно отъ добраго сердца, чтобы предупредить зло. Но это сдѣлали вы.

Пауза.

— Не правда ли?

— Да,—отвѣчаетъ, наконецъ, Минутта.

— Да, и съ вашей точки зрѣнія это было правильно; съ моей же точки зрѣнія дѣло обстоитъ иначе. Почему вы это сдѣлали?

— Я думалъ, что вы, можетъ быть, захотите...

Пауза.

— Ну, вотъ видите. Но вы ошиблись, Грэгордъ, ваше доброе сердце ввело васъ въ заблужденіе. Развѣ я не заявилъ опредѣленно въ ту ночь, когда вы взяли съ собои ядъ, что у меня не хватитъ мужества выпить его?

— Да, конечно, но я все-таки боялся, что вы, можетъ быть, сдѣлаете это. И вотъ вы же *сдѣлали* это.

— Я это сдѣлалъ? Что вы говорите? Хе-хе, вы ошиблись, любезнѣйшій. Я дѣйствительно, въ эту ночь употребилъ жидкость, находившуюся въ этой склянкѣ, но замѣтьте: я самъ ея не пробовалъ.

Минутта смотритъ на него удивленно.

— Вотъ видите, вы остались съ длиннымъ носомъ! Идешь ночью гулять, спускаешься къ пристани, встрѣчаешь кошку, которая мечется по набережной въ страшныхъ мученіяхъ и стонетъ. Останавливаешься и начинаешь слѣдить за кошкой; ей попало что-то въ горло, крючекъ отъ удочки застрялъ у нея въ горлѣ, она кашляетъ и извивается, но крючекъ не двигается ни взадъ, ни впередъ; изъ горла у нея идетъ кровь. Хорошо; хватаешь кошку и пробуешь какъ-нибудь достать крючекъ; но отъ боли кошка не можетъ оставаться спокойной; она вертится у тебя въ рукахъ, въ бѣшенствѣ запускаетъ когти и въ мгновеніе ока расцарапываетъ тебѣ щеку, какъ, напримѣръ, расцарапана моя щека, какъ вы видите. Между тѣмъ кошка начинаетъ задыхаться, и кровь у нея все время идетъ изъ горла. Что тутъ дѣлать? Пока размышляешь надъ этимъ, башенные часы бьютъ два; слишкомъ

поздно, чтобы позвать кого-нибудь на помощь, два часа ночи. Вдругъ тебѣ приходитъ въ голову, что въ карманѣ у тебя находится маленькая скляночка съ ядомъ; чтобы положить конецъ мученіямъ животнаго, вливаешь ему въ ротъ содерживое склянки. Кошкѣ кажется, что съ ней продѣлываютъ что-нибудь страшное, она вся съеживается судорожно, смотритъ вокругъ безумными глазами и вдругъ дѣлаетъ дикій прыжокъ, вырывается у тебя изъ рукъ, дѣлаетъ дикій прыжокъ и снова, вся извиваясь, начинаетъ метаться по набережной. Въ чемъ же дѣло? Въ склянкѣ оказалась одна вода, она не могла убить, она только немного увеличила страданія, и кошка продолжаетъ мучиться, идетъ дальше съ крючкомъ въ горлѣ, и кровь у нея течетъ изъ горла, и она задыхается. Раньше или позже она истечетъ кровью или задохнется въ нѣмомъ ужасѣ, одна, въ какомъ нибудь углу.

— Это было сдѣлано съ добрымъ намѣреніемъ, — сказалъ Минутта.

— Конечно! Вы всегда дѣлаете только то, что хорошо и честно; васъ никогда не поймаешь на другомъ, и въ этомъ смыслѣ ваша тонкая и честная хитрость съ моимъ ядомъ не представляетъ ничего новаго. Вотъ, напримѣръ, сейчасъ, когда вы танцовали внизу, на площади. Я стоялъ здѣсь у окна и видѣлъ это; я не хочу васъ упрекать за то, что вы это сдѣлали, я хочу только спросить: зачѣмъ вы сняли свои башмаки? Вѣдь у васъ сейчасъ на ногахъ башмаки; зачѣмъ же вы ихъ сняли, когда начали танцовать?

— Чтобы не испортить ихъ.

— Это именно то, чего я ожидалъ. Я зналъ, что вы отвѣтите, именно такъ, потому я и спросилъ васъ. Вы самый непогрѣшимый человѣкъ въ городѣ. Все въ васъ хорошо и безкорыстно, на васъ нѣтъ ни одного пятна. Я хотѣлъ васъ разъ испытать и за плату побудить васъ признать себя отцомъ чужого ребенка; хотя вы были бѣдны и эти деньги могли вамъ очень пригодиться, вы сейчасъ же отклонили это предложеніе; ваша душа возмутилась при

одной мысли о такомъ грязномъ дѣлѣ; я ничего не добился у васъ, несмотря на то, что предлагалъ вамъ двѣсти кронъ. Если бы я зналъ тогда то, что знаю теперь, я бы не сталъ васъ испытывать такимъ грубымъ образомъ; у меня тогда еще не было яснаго представленія о васъ; зато теперь я знаю, что по отношенію къ вамъ надо одновременно и пришпоривать и сдерживать коня. Ну, хорошо! Но останемся при томъ, о чемъ мы начали говорить... Что вы снимаете башмаки и танцуете босикомъ, не стараясь обратить на это вниманіе публики, не обращая никакого вниманія на боль и не жалуясь—это прямо таки характерно для васъ. Вы не ноете, вы не говорите: смотрите, я снимаю обувь, чтобы не испортить ея, я вынужденъ это сдѣлать, я такъ бѣденъ! Нѣтъ, вы дѣйствуете, если можно такъ выразиться, молча. Это у васъ выдержанный принципъ, никогда ни у кого ничего не просить; вы все-таки добиваетесь всего, чего хотите добиться, не открывая при этомъ рта; вы абсолютно непогрѣшимы, какъ по отношенію къ другимъ людямъ, такъ и передъ самимъ собою, въ своемъ собственномъ сознаніи. Я устанавливаю эту черту вашего характера и иду дальше; вы не должны терять терпѣнія, я дойду въ концѣ концовъ до объясненія... Вы разъ сказали о фрэкенъ Гуде кое что, о чемъ я часто потомъ думалъ; вы сказали, что она, можетъ быть, вовсе не такъ недоступна, если только приняться за дѣло, какъ слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, вы кой-чего добились у нея...

— Нѣтъ, это ужъ...

— Да, вотъ видите, я помню это. Это было въ тотъ вечеръ, когда мы оба сидѣли здѣсь и пили, то есть: *я* пилъ, а вы только смотрѣли. Вы сказали, что Марта — да, вы назвали ее просто Мартой, вы разсказали мнѣ также, что она всегда васъ называетъ Іоганномъ; не правда ли, я вѣдь не выдумываю. она вѣдь васъ называетъ Іоганномъ? Видите, я и это помню. Да, такъ вы сказали, что Марта даже позволяетъ вамъ разныя вещи, и вы сдѣлали чрезвычайно выразительное движеніе пальцами, говоря это...

Минутта вскакиваетъ, онъ весь побагровѣлъ и громко прерываетъ его:

— Этого я никогда не говорилъ! Я этого никогда не говорилъ!

— Вы этого не говорили? это еще что? Вы этого въ самомъ дѣлѣ не говорили? Не позвать ли мнѣ Сару и попросить ее засвидѣтельствовать, что она находилась во время нашего разговора въ сосѣдней комнатѣ и слышала каждое слово сквозь тонкія стѣны? Ничего подобнаго мнѣ еще не встрѣчалось! Такъ вы отрицаете это и уничтожаете все; мнѣ бы хотѣлось разспросить васъ объ этомъ еще немного; это меня интересуетъ, и я часто думалъ объ этомъ; но разъ вы настаиваете на томъ, что не говорили этого, то!— Прошу васъ, впрочемъ, садитесь, не убѣгайте снова, сломя голову, какъ въ прошлый разъ; да и дверь заперта. я ее заперъ.

Нагель начинаетъ закуривать сигару, но вдругъ останавливается.

—Но, Боже мой!—говоритъ онъ,—помилуй меня Богъ, какъ я могъ такъ ошибиться! Господинъ Грэгордъ, я очень прошу васъ извинить меня; это дѣйствительно такъ, какъ вы утверждаете, вы этого не говорили! Забудьте это, любезный другъ; это сказалъ другой, а не вы; я теперь вспоминаю, я слышалъ это нѣсколько недѣль тому назадъ. Какъ могъ я думать хотя бы одну минуту. что вы выдадите даму—и прежде всего, что вы выдадите самого себя—такимъ образомъ! Я не понимаю, какъ мнѣ это могло притти въ голову; для этого надо быть сумасшедшимъ... Послушайте, впрочемъ; я сознаюсь въ своей ошибкѣ и тутъ же прошу у васъ извиненія; такъ я, стало быть, не сумасшедшій, не такъ ли? Но если я сейчасъ говорю немного безпорядочно, немного сумбурно. то вы все-таки не должны думать, что я это дѣлаю намѣренно; я вовсе не стараюсь у васъ выпытать что-нибудь, вы этого не должны думать. Да это и было бы совершенно невозможно въ виду того, что вы сами не произносите ни одного

слова. Нѣтъ, я говорю такъ странно и необдуманно только потому, что таково мое настроеніе въ эту минуту; это единственная причина. Простите это уклоненіе въ сторону; вы теряете, можетъ быть, терпѣніе и хотите объясненія?

Минутта молчитъ. Нагель подымается и начинаетъ взволнованно ходить по комнатѣ отъ окна къ двери и обратно. Въ концѣ концовъ ему это все надоѣдаетъ, онъ усталъ, и онъ внезапно останавливается и говоритъ:

— Нѣтъ, я больше, право, не хочу съ вами играть. я скажу вамъ прямо свое настоящее мнѣніе! Да, я *велъ* путанныя рѣчи, до этой минуты я дѣлалъ это намѣренно, чтобы выпытать у васъ что-нибудь. Я пробовалъ на всѣ лады; ничего не помогаетъ, и мнѣ это все надоѣло. Хорошо, я дамъ вамъ объясненіе, Грэгордъ! Въ глубинѣ сердца я думаю, что вы въ душѣ безчестный человѣкъ! Безчестный человѣкъ!

Минутта началъ дрожать, и глаза его пугливо и безпомощно забѣгали; Нагель продолжалъ:

— Вы не говорите ни слова, вы не выходите изъ роли. Я не могу васъ сдвинуть съ мѣста, въ васъ какая-то нѣмая сила рѣдкаго свойства; я удивляюсь вамъ и чрезвычайно интересуюсь вами. Помните, какъ я разъ цѣлый вечеръ говорилъ съ вами и, между прочимъ, фиксировалъ васъ взглядомъ, и мнѣ показалось, будто вы вздрогнули? Я это сдѣлалъ только съ цѣлью рекогносцировать почву. Я не выпускалъ васъ изъ виду и всякими способами старался вывести васъ на свѣжую воду, но почти всегда безуспѣшно; я допускаю, это оттого, что вы непогрѣшимый человѣкъ; но я ни одной минуты не сомнѣвался въ томъ, что въ васъ скрывается грѣшникъ того или другого рода. У меня нѣтъ никакихъ уликъ противъ васъ; къ сожалѣнію, у меня ихъ нѣтъ; вы такимъ образомъ можете быть совершенно спокойны; все останется между нами. Но вы можете понять, что я такъ увѣренъ въ своемъ, несмотря на отсутствіе уликъ? Видите ли, этого вы не можете понять. И все-таки у васъ манера опускать голову, когда мы гово-

римъ о чемъ-нибудь; у васъ *такіе* глаза, глаза, которые положительно мигаютъ, когда вы произносите тѣ или другія слова, или когда мы подходимъ къ тѣмъ или другимъ вопросамъ; у васъ голосъ съ какимъ-то особымъ шелестящимъ звукомъ; о, этотъ голосъ! Наконецъ, вы дѣйствуете на меня антипатично всей своей личностью, я чувствую въ воздухѣ ваше приближеніе; моя душа начинаетъ дрожать отъ какого-то непріятнаго чувства. Вы этого не понимаете? Я тоже, но это все-таки такъ. Видитъ Богъ, я еще сейчасъ вполнѣ убѣжденъ, что нахожусь на вѣрномъ пути, но я не могу васъ вывести на свѣжую воду, у меня нѣтъ никакихъ уликъ противъ васъ. Когда вы были у меня въ послѣдній разъ, я спросилъ васъ, гдѣ вы находились шестого іюня—хотите знать, почему я васъ спросилъ объ этомъ? Шестое іюня — это былъ день смерти Карльсена, и я до того времени думалъ, что вы убили Карльсена.

— Что я убилъ Карльсена?.. — повторяетъ Минутта, точно свалившись съ облаковъ; послѣ этого онъ снова молчитъ.

— Да, я думалъ это до сихъ поръ; я подозрѣвалъ васъ въ этомъ; вотъ до чего довела меня увѣренность, что вы въ томъ или другомъ отношеніи негодяй. Я больше этого не думаю; я сознаюсь, что въ этомъ я ошибся; я зашелъ слишкомъ далеко и прошу извиненія. Повѣрите ли вы мнѣ или нѣтъ, но меня глубоко огорчало, что я былъ такъ страшно несправедливъ къ вамъ; какъ часто, сидя вечеромъ одинъ у себя въ комнатѣ, я просилъ у васъ мысленно прощенія. Но, хотя я такъ ошибся въ этомъ пунктѣ, я все-таки увѣренъ, что у васъ нечистая, двуличная душа; накажи меня Богъ, но это такъ: я чувствую это въ самой глубинѣ своего сердца; клянусь послѣднимъ судомъ, это такъ! Почему я такъ въ этомъ увѣренъ? Замѣтьте: у меня съ самаго начала не было никакого основанія думать о васъ что-либо кромѣ хорошаго, и все, что вы не дѣлали или говорили потомъ, было хорошо и справедливо, даже благородно. Кромѣ того, мнѣ снилось о васъ нѣчто необыкновенно прекрасное: вы стояли среди

обширнаго болота и жестоко страдали отъ моихъ издѣвательствъ; и, не смотря на это, вы меня благодарили, вы бросились на землю и благодарили меня за то, что я не мучилъ васъ еще больше и не причинилъ вамъ еще больше зла. Вотъ что мнѣ о васъ снилось, и это было прекрасно. Во всемъ городѣ не найдется ни одного человѣка, который считалъ бы васъ способнымъ на что-либо дурное, вы пользуетесь наилучшей репутаціей въ городѣ и на вашей сторонѣ симпатіи всѣхъ — такъ удачно вы скрываете свой образъ жизни. И все-таки вы представляетесь мнѣ трусливымъ и ползучимъ существомъ, у котораго всегда наготовѣ для всякаго доброе слово и добрый поступокъ на каждый день. И если бы вы меня оклеветали, причинили мнѣ какое-нибудь зло, выдали тайны, касающіяся меня? Но нѣтъ, ничего подобнаго, и это именно ваша манера; вы ко всѣмъ справедливы, вы никогда не дѣлаете ничего дурного, вы святы, и непогрѣшимы и чисты передъ людьми, и этого достаточно для свѣта; только для меня этого не достаточно, и я всегда отношусь къ вамъ съ недовѣріемъ. Въ первый разъ, когда я васъ увидѣлъ, со мной произошло нѣчто необыкновенное. Это было черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ я пріѣхалъ сюда: ночью, въ два часа. Я увидалъ васъ передъ домомъ Марты Гуде внизу на набережной, вы вдругъ очутились посреди улицы, и я совершенно не замѣтилъ, откуда вы явились; вы ждали, вы пропустили меня мимо себя и, когда я прошелъ, вы бросили на меня косой взглядъ. Я тогда еще ни разу не говорилъ съ вами, но какой-то внутренній голосъ обратилъ мое вниманіе на васъ, и этотъ голосъ сказалъ мнѣ, что васъ зовутъ Іоганнъ. Все во мнѣ говорило настойчиво, что васъ зовутъ Іоганнъ, и что я долженъ замѣтить себѣ васъ; только значительно позже я узналъ, что васъ дѣйствительно такъ зовутъ. Съ этой ночи я не выпускалъ васъ изъ виду, но вы всегда уходили изъ моихъ рукъ, мнѣ не удавалось васъ поймать. Въ концѣ концовъ вы же еще пошли и подмѣнили мнѣ глотокъ яду, исключительно изъ добраго и благороднаго опасенія, что я

его захочу выпить. Какъ мнѣ объяснить вамъ все, что я чувствую при этомъ? Ваша чистота озлобляетъ меня, всѣ ваши прекрасные слова и поступки только отдаляютъ меня отъ моей цѣли: уличить васъ! Я хочу сорвать съ васъ маску и довести васъ до того, чтобы вы обнаружили свою истинную натуру; кровь закипаетъ во мнѣ отъ антипатіи всякій разъ, когда я вижу ваши лживые, голубые глаза, я весь съеживаюсь и только чувствую, что вы въ душѣ іезуитъ. Даже въ эту самую минуту мнѣ кажется, что я вижу, какъ вы внутренно смѣетесь; да, несмотря на сокрушенное, отчаянное выраженіе вашего лица, я чувствую въ немъ тайный свинскій смѣхъ надъ тѣмъ, что я ничего не могу вамъ сдѣлать, потому что у меня нѣтъ противъ васъ никакихъ уликъ.

Минутта все еще не говоритъ ни слова. Нагель продолжаетъ:

— Вы, конечно, находите, что я грубый бандитъ, который самымъ наглымъ образомъ нападаетъ на васъ съ такими обвиненіями? Хорошо; я на это не обращаю никакого вниманія: можете обо мнѣ думать все, что вамъ угодно; но въ глубинѣ души вы знаете въ эту минуту, что вы у меня на примѣтѣ, и этого съ меня достаточно. Но почему вы терпите, что я такъ держу себя по отношенію къ вамъ? почему вы не встанете, не плюнете мнѣ въ лицо и не пойдете своей дорогой?

Минутта пришелъ въ себя, онъ поднялъ голову и сказалъ:

— Вѣдь вы же заперли дверь.

— Видите, видите,—отвѣчаетъ Нагель,—вы проснулись! И вы хотите меня увѣрить, что вы вѣрите, будто дверь заперта! Дверь отперта, вотъ посмотрите, вотъ она совершенно открыта! Я сказалъ, что она заперта, только для того, чтобы испытать васъ; это была ловушка, которую я разставилъ вамъ. Дѣло вотъ въ чемъ: вы все время знали, что дверь отперта, но вы сдѣлали видъ, что не знаете этого; вы это сдѣлали только для того, чтобы имѣть возможность сидѣть здѣсь, какъ всегда, съ чистымъ и невиннымъ видомъ и разыгрывать изъ себя жертву моей несправедли-

вости. Вы не ушли изъ комнаты, нѣтъ, вы не двинулись съ мѣста; какъ только я далъ вамъ понять, что подозрѣваю васъ, вы навострили уши, вы хотѣли услышать, *сколько* я знаю, до какой степени я могу вамъ быть опаснымъ. Видитъ Богъ, я знаю, что это такъ, и вы можете отрицать, сколько угодно, мнѣ это все равно... А для чего собственно я затѣялъ все это объясненіе съ вами? Вы имѣете полное основаніе поставить мнѣ этотъ вопросъ; можетъ казаться, что все это меня не касается. Другъ мой, это все таки касается меня; во-первыхъ, я бы хотѣлъ васъ предостеречь. Повѣрьте мнѣ, въ эту минуту я искренно думаю то, что говорю. Въ вашей жизни есть что-то безчестное, и это вамъ удастся скрыть только до поры до времени; въ одинъ прекрасный день ваши карты будутъ открыты передъ цѣлымъ свѣтомъ, и каждый, кому вздумается, сможетъ топтать васъ ногами. Это *одно*. Во-вторыхъ, я предполагаю, что, хотя вы это и отрицаете, вы съ фрэкенъ Гуде въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, чѣмъ хотите это показать. Какое мнѣ дѣло до фрэкенъ Гуде? Да, вы опять таки правы; на подобный вопросъ я ничего не могу отвѣтить; до фрэкенъ Гуде мнѣ меньше дѣла, чѣмъ до кого бы то ни было. Но меня совершенно безкорыстно можетъ огорчить то, что вы съ ней встрѣчаетесь и, можетъ быть, еще заразите ее своимъ хитрымъ лицемѣріемъ. Вотъ почему я затѣялъ это объясненіе съ вами.

Нагель снова закуриваетъ сигару и говоритъ:

— Я кончилъ, и дверь не заперта. Вамъ, быть можетъ, была оказана несправедливость? Отвѣчайте или не говорите ничего, какъ хотите; но если вы отвѣтите, то пусть за васъ отвѣчаетъ вашъ внутренній голосъ. Любезный другъ, позвольте мнѣ еще сказать вамъ раньше, чѣмъ вы уйдете: я не желаю вамъ зла.

Пауза.

Минутта встаетъ, суетъ руку въ карманъ своего сюртука и вынимаетъ изъ него конвертъ. Онъ говоритъ:

— Я теперь больше не могу этого принять.

Это является для Нагеля неожиданностью; онъ совершенно забылъ о письмѣ.

— Какъ?—говоритъ онъ,—вы не хотите его взять? Почему?

— Я не хочу его принять отъ васъ.

Минутта кладетъ конвертъ на столъ и идетъ къ двери. Нагель беретъ письмо и идетъ за нимъ; глаза его полны слезъ, и голосъ его внезапно начинаетъ дрожать.

— Возьмите его все-таки, Грэгордъ,—говоритъ онъ.

— Нѣтъ!—отвѣчаетъ Минутта и открываетъ дверь.

Нагель закрываетъ дверь и снова говоритъ:

— Возьмите его! возьмите! Лучше я скажу, что я сумасшедшій, что вы должны забыть все, что я сегодня говорилъ. Я совершенно сумасшедшій. Не правда ли, вы сами видите, что моимъ словамъ нельзя довѣрять, разъ я не въ полномъ умѣ? Но возьмите письмо; я вамъ не желаю зла, хотя я совершенно внѣ себя: возьмите письмо, ради Бога, много вы въ немъ не найдете, повѣрьте мнѣ, въ немъ совсѣмъ немного, но мнѣ такъ хотѣлось напослѣдокъ дать вамъ письмо, я все время думалъ объ этомъ, и мнѣ такъ хотѣлось дать вамъ письмо съ какой-нибудь мелочью. только бы было письмо. Это не болѣе, какъ привѣтъ. Такъ — я вамъ такъ искренно благодаренъ за это.

Съ этими словами онъ сунулъ конвертъ Минуттѣ въ руку и быстро отошелъ къ окну. Но Минутта не сдался: качая головой, онъ положилъ письмо на столъ и вышелъ.

XXI.

Нѣтъ, ничто ему не удавалось. Сидѣлъ ли онъ у себя въ комнатѣ или бродилъ по улицамъ, онъ нигдѣ не находилъ себѣ покоя; голова его была полна тысячью вещей, и каждая вещь приносила свое терзаніе. Почему все складывалось такъ неудачно для него? Онъ не могъ этого постичь, но нити затягивались вокругъ него все туже и туже. Дошло даже до того, что ему въ

самомъ дѣлѣ не удалось убѣдить Минутту принять письмо, которое онъ хотѣлъ ему дать.

Все было грустно и неудачно. Къ этому присоединилось еще и то, что его началъ мучить какой-то нервный страхъ, какъ если бы его подстерегала какая-нибудь тайная опасность; часто достаточно было занавѣсамъ заколебаться у окна отъ вѣтра, для того, чтобы онъ вздрогнулъ въ страхѣ. Что это были еще за новыя страданія? Его нѣсколько жесткія черты лица, никогда не бывшія красивыми, стали еще менѣе привлекательны оттого, что онъ не брился; ему показалось также, будто волосы его на вискахъ еще посѣдѣли.

Да, и что-жъ дальше? Развѣ не свѣтило солнце, развѣ онъ не былъ счастливъ оттого, что онъ еще жилъ и могъ итти, куда хотѣлъ? Развѣ ему не было доступно все великолѣпіе міра? Солнце сіяло надъ городомъ и моремъ; птицы распѣвали въ маленькихъ, хорошенькихъ садахъ, окружавшихъ каждый домъ, и прыгали съ вѣтки на вѣтку; все тонуло въ золотѣ солнечныхъ лучей, мелкій щебень на дорогахъ купался въ нихъ, большой посеребреный куполъ на церковной колокольнѣ дрожалъ и переливался въ воздухѣ, точно огромный алмазъ.

Имъ овладѣла вдругъ экзальтированная радость, восторгъ такой сильный и неукротимый, что онъ, не долго думая, высунулся изъ окна и бросилъ внизъ игравшимъ на ступенькахъ гостинницы дѣтямъ цѣлую кучу серебряныхъ монетъ.

— Будьте хорошими дѣтьми!—сказалъ онъ и отъ волненія едва могъ выговорить эти слова. Чего ему было бояться? Онъ и выглядѣлъ теперь не хуже, чѣмъ раньше; да, кромѣ того, что ему мѣшало побриться и принарядиться? Это была его добрая воля. И онъ отправился къ парикмахеру.

Ему пришло на мысль, что онъ хотѣлъ сдѣлать кой-какія покупки; да, надо не забыть и о браслетѣ, который онъ обѣщалъ Сарѣ. И напѣвая и радуясь, съ беззаботностью ребенка, который доволенъ всѣмъ свѣтомъ, онъ отправился за покупками. Это

только воображеніе, что ему будто-бы грозитъ что-то, что ему надо чего-то опасаться.

Его хорошее настроеніе не покидаетъ его, и онъ отдается радостнымъ мыслямъ. У него было непріятное объясненіе съ Минуттой, оно уже наполовину изгладилось изъ его памяти, онъ вспоминалъ о немъ еще только, какъ о снѣ. Минутта не хотѣлъ принять письма; но развѣ у него не было еще одного письма для Марты? Подъ вліяніемъ стремленія подѣлиться и съ другими своимъ бьющимъ черезъ край радостнымъ настроеніемъ ему вдругъ захотѣлось сейчасъ-же доставить ей это письмо. Какъ ему это устроить? Онъ сталъ рыться въ своемъ бумажникѣ и нашелъ конвертъ. Не послать-ли ему его тайкомъ къ Дагни? Нѣтъ, къ Дагни онъ его не можетъ послать. Онъ сталъ ломать себѣ голову, ему хотѣлось непремѣнно сейчасъ-же избавиться отъ этого конверта; въ немъ было только нѣсколько ассигнацій, безъ всякой приписки, ни одного слова; не попросить-ли ему доктора Стенерсена отправить его? Довольный этой мыслью, онъ отправляется къ доктору Стенерсену.

Было шесть часовъ.

Онъ постучался въ дверь, ведущую въ пріемную доктора; она была заперта. Онъ направляется черезъ дворъ, чтобы спросить на кухнѣ; въ эту самую минуту раздается изъ сада голосъ фру Стенерсенъ, она зоветъ его.

Вокругъ большого каменнаго стола сидятъ нѣсколько человѣкъ, дамъ и мужчинъ, и пьютъ кофе; Дагни Кьелландъ тоже среди нихъ; на ней совершенно бѣлая шляпа, отдѣланная кругомъ маленькими, свѣтлыми цвѣточками.

Нагель хочетъ удалиться; онъ бормочетъ:

— Докторъ... я хотѣлъ видѣть доктора...

Боже мой! Не боленъ-ли онъ?

Нѣтъ, нѣтъ, онъ не боленъ.

Ну, въ такомъ случаѣ онъ долженъ зайти.

И хозяйка дома потянула его за руку; Дагни даже встала со

своего мѣста и хотѣла уступить ему свой стулъ. Онъ посмотрѣлъ на нее; они оба взглянули другъ на друга; она даже встала передъ нимъ, сказавъ тихимъ голосомъ:

— Пожалуйста, возьмите этотъ стулъ!

Но онъ нашелъ себѣ мѣсто возлѣ доктора и сѣлъ.

Эта встрѣча немного смутила его. Дагни такъ мягко посмотрѣла на него и даже хотѣла ему уступить свой стулъ. Сердце у него сильно забилось: не передать ли ей письмо для Марты?

Черезъ нѣкоторое время спокойствіе вернулось къ нему. Разговоръ такъ оживленно переходилъ съ предмета на предметъ; имъ снова овладѣло то же радостное настроеніе, придававшее легкую дрожь его голосу. Вѣдь онъ живъ, онъ не умеръ, да и не умретъ; вокругъ накрытаго бѣлой скатертью, уставленнаго сверкающей серебряной посудой стола, здѣсь, въ этомъ тѣнистомъ, зеленомъ саду, сидѣло веселое общество; поминутно слышался смѣхъ, и глаза у всѣхъ сверкали; такъ было ли какое-нибудь основаніе чувствовать себя нехорошо?

— Если бы вы хотѣли быть очень любезнымъ, вы бы взяли свою скрипку и сыграли бы намъ что-нибудь, — сказала хозяйка дома.

Нѣтъ, какъ могла ей притти въ голову подобная мысль!

Когда и другіе стали его просить, онъ громко разсмѣялся и сказалъ:

— Да вѣдь у меня даже и скрипки нѣтъ!

Но они пошлютъ за скрипкой органиста, черезъ нѣсколько минутъ она будетъ здѣсь.

Нѣтъ, это не поможетъ, онъ до нея не дотронется. Да кромѣ того скрипка органиста была испорчена маленькими рубинами на грифѣ; звукъ отъ этого сталъ стекляннымъ; они ни въ какомъ случаѣ не должны были быть вставлены въ такомъ мѣстѣ, это было прямо невыносимо. Впрочемъ, онъ и не владѣетъ больше смычкомъ, онъ въ сущности никогда этого и не умѣлъ; не правда ли, вѣдь ему самому это лучше всего знать?... И вдругъ

онъ начинаетъ разсказывать о томъ, что произошло, когда въ первый и единственный разъ игра его обсуждалась публично; это было почти, какъ символъ. Онъ получилъ газету вечеромъ и наслаждался ею, лежа въ постели; онъ былъ тогда очень молодъ и жилъ у родителей; это была мѣстная газета, которая дала отзывъ о немъ. О, какъ онъ былъ счастливъ, читая его! Онъ читалъ его и перечитывалъ и, наконедъ, заснулъ за нимъ, забывъ потушить свѣчи. Ночью онъ проснулся, онъ чувствовалъ себя еще усталымъ; свѣчи догорѣли и въ комнатѣ было темно, но на полу что-то бѣлѣло, и такъ какъ онъ зналъ, что у него въ комнатѣ стоитъ бѣлая плевательница, онъ и подумалъ: это плевательница! Неловко сказать,—но онъ плюнулъ и услыхалъ, что попалъ. Но попавъ такъ мѣтко въ первый разъ, онъ плюнулъ еще разъ и снова попалъ. Потомъ онъ опять заснулъ. Утромъ же онъ увидалъ, что это была драгоцѣнная газета, на которую онъ плевалъ, онъ самъ оплевалъ столь благосклонно написанный отзывъ о немъ. Хе, хе, это было очень грустно!

Надъ этимъ всѣ смѣялись, настроеніе присутствующихъ становилось все лучше. Хозяйка дома замѣтила:

— Но вы, дѣйствительно, выглядите нѣсколько блѣднѣе, чѣмъ раньше?

—О,—отвѣтилъ Нагель, — это ровно ничего не значитъ, я совершенно здоровъ.—И онъ громко разсмѣялся надъ мыслью, что у него что-нибудь можетъ быть не въ порядкѣ.

Вдругъ краска выступаетъ у него на лицѣ, онъ подымается со скамьи и говоритъ, что у него, дѣйствительно, не все въ порядкѣ; онъ самъ этого не понимаетъ, но ему все кажется, что съ нимъ должно случиться что-то неожиданное; ему такъ страшно. Хе,-хе, случилось ли съ кѣмънибудь что-либо подобное! Это смѣшно, и, должно быть, это и не имѣетъ никакого значенія, не правда ли? Но съ нимъ и случиилось кое-что.

Его стали просить разсказывать объ этомъ.

Нѣтъ, зачѣмъ? Это такъ незначительно, зачѣмъ тратить время на это? Присутствующіе только соскучатся.

Нѣтъ, никто не соскучится.

Но это такъ длинно. Начало этого далеко, далеко, въ Санъ-Франциско; это началось съ одного разу, когда онъ курилъ опіумъ...

— Опіумъ? Боже, какъ это интересно!

— Нѣтъ, сударыня, это скорѣе мучительно, потому что теперь, среди бѣла дня, я чувствую страхъ. Не думайте, что я вообще курю опіумъ; я курилъ всего два раза; при чемъ второй разъ не представляетъ никакого интереса. Но въ первый разъ я, дѣйствительно, пережилъ нѣчто замѣчательное, это правда. Я попалъ въ такъ называемый „Den“. Какъ я туда попалъ? Совершенно случайно! Я иногда брожу по улицамъ, встрѣчаю людей, выбираю себѣ какого-нибудь одного человѣка, слѣжу за нимъ издали и смотрю, куда онъ въ концѣ концовъ придетъ; я не стѣсняюсь входить прямо въ дома, подыматься по лѣстницамъ, чтобы только видѣть, куда онъ въ концѣ концовъ придетъ. Ночью въ большихъ городахъ это чрезвычайно интересно, иногда можно такимъ образомъ пріобрѣсти самыя удивительныя знакомства. Но объ этомъ не будемъ говорить! Итакъ, я въ Санъ-Франциско и брожу по улицамъ. Дѣло происходитъ ночью; передо мною идетъ высокая, худая женщина, которой я не выпускаю изъ виду; при свѣтѣ газовыхъ фонарей, мимо которыхъ мы проходимъ, я вижу, что на ней тонкое, бѣдное платье, но на шеѣ у нея крестъ изъ зеленыхъ камней. Куда она идетъ? Она минуетъ нѣсколько кварталовъ, загибаетъ изъ улицы въ улицу и все идетъ да идетъ, и я слѣдую за ней по пятамъ. Наконецъ, мы попадаемъ въ китайскій кварталъ; женщина спускается по подвальной лѣстницѣ, я за ней; она углубляется въ какой-то длинный, узкій проходъ, и я тоже углубляюсь въ этотъ длинный проходъ. Направо отъ насъ каменная стѣна, налѣво же кофейни, цирюльни и прачечныя. У дной двери женщина останавливается и стучится; въ окошечкѣ

двери показывается чье-то косоглазое лицо, и ее впускаютъ. Я жду нѣсколько минутъ, не двигаясь съ мѣста, потомъ и я стучусь. Дверь снова открывается, и я вхожу.

Дымъ и громкіе голоса наполняютъ комнату; напротивъ двери у стола стоитъ худощавая женщина и торгуется съ китайцемъ, синяя рубашка котораго свисаетъ поверхъ штановъ. Я подхожу ближе и слышу, что она хочетъ заложить свой крестъ, но не хочетъ отдавать его изъ рукъ, а желаетъ сохранить у себя; дѣло шло о двухъ долларахъ, но за ней считался еще старый маленькій долгъ, что составляло въ общемъ три доллара. Она начинаетъ плакать и ломать руки; мнѣ она кажется очень интересной. Китаецъ въ рубашкѣ тоже былъ интересенъ, онъ ни за что не соглашался выдать ей деньги, если не получитъ креста; деньги или крестъ!

„Я посижу здѣсь и немного подожду", говоритъ женщина, „я вижу, что въ концѣ концовъ все-таки сдѣлаю это, что въ концѣ концовъ соглашусь; но я не должна этого дѣлать!" При этомъ она рыдаетъ прямо въ лицо китайцу и ломаетъ руки.

„Чего вы не должны дѣлать?" спрашиваю я.

Но она слышитъ, что я иностранецъ, и не отвѣчаетъ мнѣ.

Она была чрезвычайно интересна, и я рѣшилъ одолжить ей эти деньги, чтобы посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ. Я сдѣлалъ это исключительно изъ любопытства, и я сунулъ ей еще одинъ лишній долларъ, чтобы посмотрѣть, на что она его употребитъ; это было бы особенно интересно знать.

Она смотритъ на меня и благодаритъ; она ничего не говоритъ, но нѣсколько разъ киваетъ головой и смотритъ на меня полными слезъ глазами; а между тѣмъ я сдѣлалъ это изъ простого любопытства. Хорошо, она уплачиваетъ за прилавкомъ и сейчасъ же требуетъ себѣ комнату. Она отдала всѣ свои деньги.

Она идетъ, и я слѣдую за ней. Мы опять странствуемъ по длинному корридору, по обѣ стороны котораго расположены нумерованныя комнаты; женщина проскальзываетъ въ одну изъ этихъ

комнатъ и захлопываетъ за собою дверь. Я жду немного, она не возвращается; я берусь за ручку двери, дверь заперта.

Тогда я вхожу въ сосѣднюю комнату и рѣшаю ждать. Въ этой комнатѣ находится красный диванъ и звонокъ; комната освѣщается стѣнной лампой. Я ложусь на диванъ; время тянется страшно долго, и мнѣ становится скучно; отъ нечего дѣлать я нажимаю кнопку звонка. Мнѣ ничего не нужно, но я звоню.

Входитъ мальчикъ—китаецъ; онъ смотритъ на меня и затѣмъ исчезаетъ. Проходитъ нѣсколько минутъ. Вернись, дай мнѣ еще разъ взглянуть на тебя— говорю я отъ нечего дѣлать; почему ты не возвращаешься? И я снова звоню.

Мальчикъ возвращается; онъ двигается неслышно, какъ духъ, скользя на своихъ войлочныхъ туфляхъ. Онъ ничего не говоритъ, и я тоже ничего не говорю; но онъ подаетъ мнѣ крохотную фарфоровую трубку съ длиннымъ, тонкимъ чубукомъ, и я беру у него трубку. Затѣмъ онъ зажигаетъ спичку, и я закуриваю. Я не просилъ трубки, но я все-таки закуриваю. Вслѣдъ затѣмъ у меня начинаетъ шумѣть въ ушахъ...

Теперь я больше ничего не помню, кромѣ того, что я чувствую, что нахожусь гдѣ-то высоко надъ землей и подымаюсь все выше и выше—я ношусь по воздуху. Вокругъ меня было необыкновенно свѣтло, облака, которыя мнѣ встрѣчались, были всѣ серебристо-бѣлыя. Кто я былъ и куда летѣлъ? Я старался вспомнить, но не могъ ничего припомнить; я только носился чудно высоко. Я видѣлъ зеленые луга вдали, синія моря, долины и горы въ золотистомъ сіяніи; я слышалъ музыку, доносившуюся со звѣздъ, и кругомъ меня носились волны мелодій. Бѣлыя облака дѣйствовали на меня удивительнымъ образомъ, они струились сквозь меня, и у меня было ощущеніе, словно я долженъ умереть отъ блаженства. Это продолжалось, не знаю сколько, я не различалъ времени и забылъ, кто я. Но вдругъ сердце мое задрожало земнымъ воспоминаніемъ, и я началъ падать.

Я падаю и падаю, свѣтъ уменьшается, вокругъ меня стано-

вится все темнѣе и темнѣе, я вижу подъ собою землю и снова узнаю себя; тамъ, на землѣ, города, вѣтеръ и дымъ. Вдругъ я останавливаюсь. Я оглядываюсь, вокругъ меня море. Я больше не чувствую прежняго блаженства, я наталкиваюсь на камни и мнѣ холодно. Подъ ногами у меня бѣлое песчаное дно, а надъ собою я не вижу ничего, кромѣ воды. Я проплываю небольшое разстояніе, миную множество удивительныхъ, причудливыхъ растеній съ мясистыми зелеными листьями, морскіе цвѣты, безпрестанно покачивающіеся на своихъ стебляхъ вверхъ и внизъ — цѣлый нѣмой міръ, въ которомъ не слышно ни звука, но гдѣ все живетъ и двигается. Я плыву дальше и доплываю до коралловаго рифа. На немъ не было больше коралловъ, рифъ былъ весь обобранъ; но я сказалъ себѣ: здѣсь уже былъ кто-то до меня! И я больше не чувствовалъ себя такимъ одинокимъ, увидя, что кто-то уже былъ здѣсь до меня. Я плыву дальше, я хочу доплыть до берега, но на этотъ разъ я дѣлаю только нѣсколько движеній руками и останавливаюсь. Я останавливаюсь, потому что тамъ, впереди меня на днѣ лежитъ человѣкъ; это женщина, длинная и худая, она лежитъ поперекъ камня въ совершенно истерзанномъ видѣ. Я приближаюсь къ ней и вижу, что я ее знаю; но она мертва, и я не могу постичь того, что она мертва, потому что я узнаю ее по кресту съ зелеными камнями. Это та самая женщина, за которой я слѣдовалъ по длиннымъ корридорамъ до нумерованныхъ комнатъ. Я хочу поплыть дальше, но остаюсь, чтобы измѣнить ея положеніе; она лежитъ, вытянувшись на большомъ камнѣ, и это производитъ на меня непріятное, страшное впечатлѣніе. Оба глаза ея широко раскрыты, но я увлекаю ее за собою на чистое, бѣлое мѣсто; я вижу крестъ у нея на шеѣ и прячу его подъ ея платье, для того, чтобы рыбы не могли его взять у нея. Затѣмъ, я уплываю...

На утро мнѣ разсказали, что женщина умерла ночью; изъ китайскаго квартала она бросилась въ море; ее нашли утромъ. Это очень странно, но она умерла. Можетъ быть, мнѣ удастся встрѣтить ее еще разъ, если я сдѣлаю что-нибудь для этого! по-

думалъ я. И я снова сталъ курить опіумъ, чтобы увидать ее, но я ея не видѣлъ.

Какъ это было странно! Но позднѣе разъ случилось еще кое-что. Я вернулся въ Европу, я былъ дома. Въ одну темную ночь я блуждалъ по городу, спустился къ гавани и сталъ бродить около насосовъ, прислушиваясь къ разговорамъ на судахъ. Все было тихо, насосы стояли. Подъ конецъ я усталъ, но мнѣ не хотѣлось итти домой, было такъ тепло. Я поднялся наверхъ на одинъ изъ насосовъ и усѣлся на немъ. Но ночь была такъ тиха и тепла, меня стало клонить ко сну, и я скоро заснулъ тяжелымъ сномъ.

Я проснулся отъ того, что меня позвали; я смотрю внизъ: внизу на камняхъ стоитъ женщина. Она высока ростомъ и худа; когда пламя вспыхиваетъ въ газовомъ фонарѣ, я вижу, что на ней очень худое и тонкое платье.

Я кланяюсь ей.

„Идетъ дождь“, говоритъ она.

Прекрасно; я не вижу, чтобы шелъ дождь, но во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ спрятаться подъ кровлю. И я слѣзаю внизъ. Въ то же самое мгновеніе насосы начинаютъ гудѣть, въ воздухѣ подымается лопасть и исчезаетъ, и снова подымается лопасть и исчезаетъ—насосы въ полномъ ходу. Если бы я не сошелъ во время, меня бы разорвало; совершенно, разорвало; это я сейчасъ же понялъ.

Я оглядываюсь вокругъ; дождь дѣйствительно начинаетъ итти. Женщина уже ушла; я вижу ее передъ собою, я узнаю ее, на ней опять ея крестъ. Я узналъ ее съ первой же минуты, но сдѣлалъ видъ, что не знаю ея. Теперь же мнѣ захотѣлось догнать ее, и я пошелъ за ней со всей скоростью, на какую былъ способенъ; но я не могъ ея догнать. Она не ступала ногами, она плыла въ воздухѣ, не шевелясь, завернула за уголъ и исчезла.

Это было четыре года тому назадъ.

Нагель умолкъ. Доктору больше всего хотѣлось смѣяться, но онъ только сказалъ какъ можно серьезнѣе:

— И съ тѣхъ поръ вы ея больше не встрѣчали?

— Да вотъ сегодня я ее снова видѣлъ. Потому у меня и является отъ времени до времени чувство страха. Я стоялъ въ своей комнатѣ у окна и смотрѣлъ на улицу; вдругъ я вижу ее, она идетъ прямо на меня, пересѣкаетъ базарную площадь, словно сейчасъ поднявшись съ набережной и съ моря; она останавливается подъ моими окнами и смотритъ наверхъ. Я не былъ увѣренъ, что она смотритъ на меня, и отошелъ къ другому окну; она повѣрнула голову и снова стала смотрѣть на меня. Я поклонился ей; но, увидя это, она быстро повернулась и направилась снова черезъ базарную площадь внизъ къ пристани. Собаченка Якобсенъ выскочила на улицу, вся ощетинившись, и начала бѣшено лаять. Это произвело на меня нѣкоторое впечатлѣніе. За этотъ долгій промежутокъ времени я почти забылъ о ней, и вотъ она вдругъ снова появляется предо мною. Можетъ быть, она хотѣла меня предостеречь отъ чего-нибудь.

Тутъ докторъ разразился громкимъ смѣхомъ.

— Да,—сказалъ онъ,—она хотѣла васъ предостеречь, чтобы вы не шли сюда къ намъ.

— Нѣтъ, она, конечно, на этотъ разъ ошиблась; на этотъ разъ мнѣ нечего опасаться; но въ прошлый разъ меня едва не разорвали крылья насосовъ. И мнѣ стало немного страшно. Такъ вы думаете, что это ничего не означаетъ, что? Хе-хе, да и хорошо бы это было, если бы наша жизнь зависѣла отъ подобныхъ вещей.

Нервность и суевѣріе!—произнесъ докторъ коротко.

Тутъ всѣ начали разсказывать всевозможныя исторіи; время шло, день приближался къ концу. Нагель все время сидѣлъ молча; его знобило. Наконецъ, онъ поднялся, чтобы уйти. Нѣтъ, онъ не можетъ безпокоить Дагни просьбой о письмѣ; онъ этого лучше не станетъ дѣлать; можетъ быть, ему удастся завтра по-

видать доктора и передать ему письмо. Его радостное настроеніе совершенно исчезло.

Къ его величайшему изумленію, Дагни тоже поднялась, когда онъ сталъ уходить. Она сказала:

— Вы здѣсь разсказываете столько ужасныхъ вещей, что мнѣ становится страшно. Ужъ лучше я отправлюсь домой, пока еще не стемнѣло.

Они вышли вмѣстѣ изъ сада. Нагеля бросило въ жаръ отъ радости; да, теперь онъ можетъ ей дать письмо! Лучшаго случая ему не дождаться.

— Мнѣ кажется, вы хотѣли со мной говорить?—крикнулъ ему вслѣдъ докторъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ немного смущенно,—собственно говоря, я хотѣлъ васъ только повидать и... я такъ давно не былъ у васъ. До свиданія!

Они вышли на улицу. Оба были не спокойны, Дагни тоже была неспокойна. Она заговорила о погодѣ: какой теплый вечеръ сегодня!

Да, теплый и тихій!

Онъ совершенно не могъ говорить, онъ шелъ и смотрѣлъ на нее. У нея были тѣ же бархатные глаза, та же бѣлокурая коса, висѣвшая вдоль спины; всѣ чувства вновь проснулись въ его сердцѣ; ея близость опъяняла его, и онъ провелъ руками по глазамъ. Всякій разъ, что онъ ее видѣлъ, она становилась все прекраснѣе и прекраснѣе, всякій разъ! Онъ забылъ все, забылъ ея издѣвательства надъ нимъ, забылъ, что она отняла у него Марту и что она разъ самымъ безжалостнымъ образомъ хотѣла его испытать при помощи носового платка; ему пришлось отвернуться, чтобы не поддаться снова страстному порыву. Нѣтъ, теперь онъ долженъ взять себя въ руки, онъ уже два раза довелъ ее чуть не до крайности; вѣдь онъ же мужчина! И онъ едва дышалъ, стараясь овладѣть собой.

Они дошли до главной улицы; гостинница лежала направо.

Казалось, будто Дагни хочетъ заговорить. Онъ молча шелъ рядомъ съ ней; можно ли будетъ ему сегодня пойти съ ней черезъ лѣсъ? Вдругъ она взглянула на него и сказала:

— Спасибо за вашъ разсказъ! Вы еще боитесь? Не надо бояться!

Какъ уже раньше разъ, почти какъ уже разъ раньше, когда она сказала: „мнѣ показалось, что вы вздохнули; не надо вздыхать!“ Да, сегодня она въ добромъ и мягкомъ настроеніи; онъ рѣшилъ сейчасъ же заговорить о письмѣ.

— Я бы хотѣлъ попросить васъ оказать мнѣ услугу,—сказалъ онъ;—но я не имѣю права на это, вы теперь едва-ли пожелаете оказать мнѣ услугу?

— Напротивъ, я охотно это сдѣлаю.

Она охотно это сдѣлаетъ, сказала она! Онъ сунулъ руку въ карманъ и вынулъ письмо.

— Я хотѣлъ васъ просить отослать это письмо; это простое сообщеніе, это.... да, ничего особенно важнаго, но.... это для фрэкенъ Гуде; вы, быть можетъ, знаете, гдѣ фрэкенъ Гуде? Она уѣхала.

Дагни остановилась. Странный, затуманенный взоръ блеснулъ изъ ея синихъ глазъ; съ минуту она стояла совершенно неподвижно.

— Для фрэкенъ Гуде?—сказала она.

— Да. Не будете-ли такъ добры? Можетъ быть, позднѣе, это не къ спѣху...

— О, конечно, конечно,—сказала она вдругъ,—дайте его сюда, ужъ я доставлю фрэкенъ Гуде письмо отъ васъ.

Спрятавъ письмо въ карманъ, она кивнула головой и сказала:

— Да, да, спасибо за сегодняшій вечеръ. Теперь мнѣ надо итти.

Она еще разъ взглянула на него и ушла.

Онъ остановился. Почему она оборвала такъ торопливо? Уходя, она смотрѣла на него не гнѣвно: напротивъ; и все-таки она ушла

такъ внезапно! Вотъ она сворачиваетъ на дорогу, ведущую въ лѣсъ... вотъ она исчезла.....

Когда онъ не могъ ее больше видѣть, онъ повернулся и пошелъ домой. На ней была совершенно бѣлая шляпа. И она смотрѣла на него такимъ удивительнымъ взглядомъ...

XXII.

Этотъ затуманенный взглядъ, который она бросила на него! Онъ не могъ понять, что онъ означалъ. Когда онъ встрѣтитъ ее въ слѣдующій разъ, онъ постарается загладить, если чѣмъ-нибудь обидѣлъ ее сегодня. Какъ тяжела у него голова! Но ему совершенно нечего опасаться; это, слава Богу, несомнѣнно.

Онъ усѣлся на диванъ, взялъ книгу и началъ ее перелистывать; но онъ не могъ читать. Онъ всталъ и съ безпокойствомъ подошелъ къ окну; онъ не сознавался себѣ въ этомъ, но онъ почти не рѣшался взглянуть на улицу изъ страха, чтобы глаза его снова не увидали чего-нибудь необыкновеннаго. Колѣни у него начали дрожать; что съ нимъ такое? Онъ снова сѣлъ на диванъ и уронилъ книгу на полъ. Въ вискахъ у него стучало; онъ чувствовалъ себя прямо больнымъ. У него, безъ сомнѣнія, лихорадка; обѣ эти ночи, которыя онъ провелъ въ лѣсу, лежа на землѣ, оказали свое дѣйствіе, сырость пронизала его всего съ головы до ногъ. Его начало лихорадить еще, когда онъ сидѣлъ въ саду у доктора.

Ну, да, это пройдетъ! Не въ его привычкахъ было поддаваться такой маленькой простудѣ; завтра онъ снова будетъ совершенно здоровъ! Онъ позвонилъ и велѣлъ принести коньяку; но коньякъ не оказалъ на него никакого дѣйствія, даже не опьянилъ его, и онъ выпилъ нѣсколько большихъ стакановъ безъ всякаго результата. Хуже всего было то, что въ головѣ у него дѣлалась какая-то путаница, онъ не въ состояніи былъ ясно мыслить.

По прошествіи часа онъ почувствовалъ себя еще хуже. Какъ онъ разбитъ! Что такое, отчего занавѣсы колышатся, когда на дворѣ совершенно нѣтъ вѣтра? Неужели это означаетъ что нибудь? Онъ снова всталъ и подошелъ къ зеркалу; у него былъ разстроенный и больной видъ; да, волосы его еще посѣдѣли, и глаза были воспалены и вѣки красны... Вы еще боитесь? Не надо бояться... Очаровательная Дагни! Нѣтъ, совершенно бѣлая шляпа...

Раздается стукъ въ дверь, и входитъ хозяинъ. Онъ, наконецъ, принесъ счетъ, длинный счетъ на двухъ листахъ: онъ улыбается и чрезвычайно вѣжливъ.

Нагель сейчасъ-же беретъ свой бумажникъ и начинаетъ искать въ немъ; дрожа внутренно отъ дурныхъ предчувствій онъ спрашиваетъ, сколько это составляетъ всего, и хозяинъ отвѣчаетъ. Впрочемъ, онъ можетъ подождать до завтра, или до другого дня, это не къ спѣху.

Да, кто знаетъ, въ состояніи-ли онъ уплатить; можетъ быть, онъ и не въ состояніи вовсе. И Нагель не находитъ денегъ. Что? Неужели у него нѣтъ больше денегъ? Онъ бросаетъ бумажникъ на столъ и начинаетъ искать въ карманахъ; онъ очень растерянъ и отчаянно ищетъ всюду; подъ конецъ онъ засовываетъ руку даже въ карманы брюкъ, вынимаетъ оттуда мелочь и говоритъ:

— Вотъ здѣсь у меня немного денегъ, но этого, должно, быть, не хватитъ, нѣтъ, этого не хватитъ; сосчитайте сами.

— Нѣтъ,—говоритъ хозяинъ,—это не хватитъ.

Потъ выступаетъ у Нагеля на лбу; онъ хочетъ дать хозяину пока эти нѣсколько кронъ, онъ начинаетъ искать даже въ карманахъ жилета, не найдется-ли и тамъ еще немного мелочи. Но и тамъ ничего нѣтъ. Но ему удастся занять гдѣ-нибудь, можетъ быть, кто-нибудь и окажетъ ему услугу и одолжитъ ему сколько нибудь! Боже мой, можетъ быть, ему поможетъ кто-нибудь, если онъ попроситъ!

Хозяинъ уже не улыбается, даже вѣжливость его исчезаетъ;

онъ беретъ со стола бумажникъ Нагеля и начинаетъ самъ искать въ немъ.

— Да, вотъ, пожалуйста!—говоритъ Нагель,—вы видите сами, здѣсь однѣ только бумаги. Я не могу этого понять

Но хозяинъ открываетъ внутреннее отдѣленіе и вдругъ выпускаетъ изъ рукъ бумажникъ; лицо его расплывается въ одну широчайшую, изумленную улыбку.

— Да вотъ они лежатъ,—говоритъ онъ.—Здѣсь тысячи. Такъ вы, значитъ, шутили, вы хотѣли только испытать меня, понимаю ли я шутку?

Нагель обрадовался, какъ дитя, и ухватился за это объясненіе. Онъ облегченно вздохнулъ и сказалъ:

— Да, не правда ли, я шутилъ, мнѣ пришло вдругъ въ голову подшутить надъ вами. Да, слава Богу, у меня еще много денегъ; смотрите, смотрите!

Тамъ было много крупныхъ ассигнацій, масса денегъ въ тысячекронныхъ билетахъ; хозяину пришлось итти мѣнять, чтобы получить по счету. Но еще долго послѣ того, какъ онъ ушелъ, на лбу у Нагеля стояли капли пота, и онъ весь дрожалъ отъ волненія. Какъ онъ былъ разстроенъ и какъ пусто было у него въ головѣ!

Онъ легъ на диванъ и скоро заснулъ тяжелымъ безпокойнымъ сномъ. Онъ ворочался во снѣ, громко говорилъ, пѣлъ, потребовалъ коньяку и пилъ въ полуснѣ, въ сильной лихорадкѣ. Сара часто заходила къ нему въ комнату, и хотя онъ все время говорилъ съ ней, она мало поняла изъ всего, что онъ сказалъ. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами.

Нѣтъ, онъ не станетъ раздѣваться; что она себѣ думаетъ! Развѣ не день на дворѣ? Вѣдь онъ ясно слышитъ чириканье птицъ. И доктора незачѣмъ звать, нѣтъ, докторъ только дастъ ему желтую мазь, и затѣмъ еще бѣлую мазь, и обѣ эти мази потомъ перепутаютъ и дадутъ ему не такъ, какъ надо, и убьютъ его этимъ на мѣстѣ. Карльсенъ умеръ отъ этого: она вѣдь пом-

нитъ Карльсена? да, онъ умеръ отъ этого. Но такъ или иначе, а Карльсену попалъ въ глотку крючекъ отъ удочки, и когда пришелъ докторъ со своими лекарствами, то оказалось, что это склянка съ самой обыкновенной колодезной водой, отъ которой онъ и задохся. Хе-хе-хе, хотя надъ этимъ, право, нечего смѣяться. Сара, вы не думайте только, что я пьянъ, какъ? Ассоціаціи идей, слышите? Энциклопедисты и тому подобное; посчитайте на пуговкахъ, пьянъ ли я, Сара!... Вы слышите, вотъ заходили городскія мельницы, городскія мельницы! Боже, въ какомъ вороньемъ гнѣздѣ вы живете, Сара; я бы хотѣлъ избавить васъ отъ вашихъ враговъ. Ступайте къ чорту! Ступайте къ чорту! Кто вы такая, впрочемъ? Вы всѣ фальшивы, и я изобличу каждаго изъ васъ въ отдѣльности. Вы не вѣрите? О, въ какомъ вы всѣ у меня подозрѣніи! Я убѣжденъ, что лейтенантъ Гансенъ обѣщалъ Минуттѣ двѣ шерстяныя рубашки; но вотъ посмотрите-ка, получилъ ли онъ ихъ. И вы думаете, что Минутта имѣетъ смѣлость сознаться въ этомъ! Тогда я выведу васъ изъ этого заблужденія, Минутта *не* имѣетъ смѣлости сознаться въ этомъ; онъ ускользнулъ! Если я не ошибаюсь, господинъ Грэгордъ, вы снова сидите и втихомолку подло смѣетесь изъ-за своей газеты? Нѣтъ? Ну, да мнѣ это и совершенно все равно... Вы еще здѣсь, Сара? Хорошо! Если вы захотите посидѣть у меня еще пять минутъ, то я вамъ кое-что разскажу, идетъ? Но представьте себѣ сперва человѣка, у котораго постепенно выпадаютъ брови, вы можете это запомнить? у котораго выпадаютъ брови. Затѣмъ позвольте васъ спросить, лежали ли вы когда-нибудь въ постели, которая трещала? Отсчитайте на пуговицахъ, было ли это когда-нибудь; я сильно подозрѣваю васъ въ этомъ. Впрочемъ, я всѣхъ людей въ городѣ считаю подозрительными. О, я свое дѣло сдѣлалъ, я далъ вамъ около двадцати необыкновенныхъ темъ для разговора, я внесъ безпорядокъ въ вашу жизнь, цѣлый рядъ безпокойныхъ сценъ въ ваше приличное, сытое существованіе. Го-го, какъ зашумѣли мельницы, какъ зашумѣли мельницы! Засимъ я вамъ совѣтую,

достопочтенная дѣвица Сара, ѣсть чистый мясной бульонъ, покуда онъ горячъ; потому что, если онъ стоитъ и стынетъ, то чортъ меня побери, если отъ него остается что-нибудь, кромѣ воды... Еще коньяку, Сара, у меня голова болитъ, съ обѣихъ сторонъ головы, это совершенно необыкновенная боль...

— Не хотите ли чего-нибудь горячаго?—спросила Сара.

Чего-нибудь горячаго, что ей приходитъ въ голову? Въ мгновеніе ока всему городу стало бы извѣстно, что онъ пилъ что-то горячее. Прошу замѣтить: онъ вовсе не желаетъ возбуждать недовольство, онъ хочетъ оставаться добрымъ гражданиномъ, аккуратно платящимъ свои подати, отправляться за нотами по пасторской дорогѣ и никогда больше не видѣть всѣ вещи въ такомъ отчаянно другомъ свѣтѣ, чѣмъ остальные люди; три пальца кверху, что это такъ... Пусть она не тревожится; у него въ самомъ дѣлѣ боли здѣсь и тамъ, но вѣдь изъ-за этого онъ еще не станетъ раздѣваться, такъ скорѣе пройдетъ; надо клинъ клиномъ вышибать...

Становилось все хуже, и Сара сидѣла, какъ на иголкахъ; она бы охотнѣе всего убѣжала прочь отсюда, но онъ сейчасъ же замѣчалъ, какъ только она вставала, и спрашивалъ ее, хочетъ ли она его покинуть. Она ждала, чтобы онъ крѣпко заснулъ, наболтавшись до усталости. Но сколько онъ болталъ, все съ закрытыми глазами, съ совершенно краснымъ отъ жара лицомъ! Онъ придумалъ новый способъ очистить смородину фру Стенерсенъ отъ вшей; этотъ способъ заключается въ томъ, что въ одинъ прекрасный день онъ пойдетъ въ лавку и купитъ цѣлое ведро параффину, потомъ онъ пойдетъ на базарную площадь, сниметъ свои сапоги и наполнитъ ихъ до верху параффиномъ. Послѣ этого онъ зажжетъ оба сапога, одинъ за другимъ, и въ однихъ чулкахъ будетъ танцовать вокругъ нихъ и пѣть. Это произойдетъ въ одно утро, когда онъ снова будетъ здоровъ. Онъ устроитъ изъ этого настоящій циркъ, лошадиную оперу, и будетъ щелкать при этомъ бичемъ.

Потомъ онъ сталъ придумывать странныя, смѣшныя имена и титулы для своихъ знакомыхъ; судью Рейнерта онъ назвалъ, напримѣръ, бильге и сказалъ, что бильге это титулъ. Господинъ Рейнертъ, высокочтимый городской бильге, сказалъ онъ. Въ концѣ концовъ онъ началъ бредить о томъ, какой вышины могутъ быть комнаты въ квартирѣ консула Андресена. Три съ половиной локтя, три съ половиной локтя! повторялъ онъ безсознательно, три съ половиною локтя, я говорю на глазъ; развѣ я не правъ? Но шутки въ сторону, онъ въ самомъ дѣлѣ лежитъ съ крючкомъ отъ удочки въ горлѣ, онъ не выдумываетъ, и отъ этого у него идетъ кровь, это изрядно больно...

Наконецъ, онъ крѣпко заснулъ.

Онъ проснулся около десяти часовъ. Онъ былъ одинъ и лежалъ еще на диванѣ. Одѣяло, которымъ Сара его накрыла, соскользнуло на полъ, но ему не было холодно. Сара закрыла, уходя, окна; онъ ихъ снова открылъ. Ему казалось, что голова у него свѣжа; но онъ былъ слабъ и дрожалъ. Неясный страхъ снова овладѣлъ имъ: его пронизывало до мозга костей всякій разъ, когда въ стѣнѣ что-нибудь трещало или съ улицы доносился крикъ. Можетъ быть, это пройдетъ, если онъ ляжетъ въ постель и выспится до завтра. Онъ раздѣлся.

Но онъ не могъ заснуть. Онъ лежалъ и думалъ обо всемъ, что онъ пережилъ за послѣдніе двадцать четыре часа, со вчерашняго вечера, когда онъ ушелъ въ лѣсъ и выпилъ маленькую склянку воды, до настоящей минуты, когда онъ лежитъ у себя въ комнатѣ, разбитый и мучимый лихорадкой. Какъ долго тянулись этотъ день и эта ночь! А страхъ все не покидалъ его, какое-то неясное, таинственное ощущеніе, что ему грозитъ близкая опасность, несчастіе, не оставляло его. Что же онъ сдѣлалъ? Что за шепотъ и шорохъ вокругъ его постели! Вся комната полна какого-то шелестящаго бормотанія. Онъ сложилъ руки, ему показалось, что онъ засыпаетъ...

Вдругъ онъ взглядываетъ на свою руку и замѣчаетъ, что на

ней нѣтъ кольца. Въ то же мгновеніе сердце его начинаетъ биться сильнѣе; онъ смортитъ еще разъ; слабый, темный слѣдъ на пальцѣ, но кольца нѣтъ! Боже милостивый, кольца нѣтъ, да онъ самъ бросилъ его въ море, вѣдь онъ думалъ, что оно ему больше не понадобится, такъ какъ онъ хотѣлъ умереть, поэтому онъ его и бросилъ въ море. И вотъ его нѣтъ, кольца нѣтъ!

Онъ вскакиваетъ съ кровати, накидываетъ на себя платье и мечется по комнатѣ, какъ безумный. Часы показывали десять, въ двѣнадцать кольцо должно быть найдено, ровно въ двѣнадцать, это былъ крайній срокъ, кольцо, кольцо...

Онъ стремглавъ бросается внизъ по лѣстницѣ, выбѣгаетъ на улицу и мчится къ пристани. Его замѣчаютъ изъ гостинницы, но ему до этого нѣтъ дѣла; силы снова покидаютъ его, колѣни у него подкашиваются, но онъ этого не замѣчаетъ. Да, теперь онъ нашелъ причину того страха, который такимъ тяжелымъ гнетомъ лежалъ на немъ весь день: его кольца не было у него! И женщина съ крестомъ снова явилась ему.

Внѣ себя отъ страха онъ вскакиваетъ внизу, на набережной, въ первую попавшуюся лодку. Она крѣпко привязана, и онъ не можетъ отвязать ее. Онъ подзываетъ какого-то человѣка и проситъ его отвязать лодку; но человѣкъ отвѣчаетъ, что онъ этого не можетъ сдѣлать, это не его лодка.—Да, но Нагель все готовъ взять на себя, дѣло идетъ о кольцѣ, онъ купитъ лодку. — Но развѣ онъ не видитъ, что лодка на замкѣ? Развѣ онъ не видитъ желѣзнаго кольца?—Ну, тогда онъ возьметъ другую лодку.

И Нагель прыгаетъ въ другую лодку.

— Куда вамъ надо?—спрашиваетъ человѣкъ.

— Мнѣ надо найти кольцо. Вы, можетъ быть, знаете меня, у меня здѣсь было кольцо, вы сами можете видѣть отпечатокъ вотъ, значитъ, я не лгу; я бросилъ это кольцо въ море, оно лежитъ тамъ гдѣ-нибудь на днѣ.

Человѣкъ не понялъ его.

— Вы хотите искать кольцо на днѣ морскомъ?—спрашиваетъ онъ.

— Да, совершенно вѣрно! — отвѣчаетъ Нагель. — Вы меня поняли, какъ я замѣчаю. Вѣдь я долженъ найти свое кольцо, вы сами съ этимъ согласитесь. Поѣзжайте со мной.

Человѣкъ снова спрашиваетъ:

— Вы хотите искать кольцо, которое вы бросили въ море?

— Да, да, ну, и пойдемте! Я вамъ дамъ за это много денегъ.

— Господь съ вами, оставьте это лучше! Вы хотите добыть его со дна морского пальцами?

— Да, пальцами. Это мнѣ совершенно все равно. Я могу плавать, какъ угорь, если понадобится. Можетъ быть, мы найдемъ и что-нибудь другое, чтобы вытащить кольцо, кромѣ пальцевъ.

И человѣкъ, дѣйствительно, входитъ въ лодку. Онъ садится, чтобы обсудить это; но лицо онъ отворачиваетъ въ сторону. Вѣдь это вздоръ, то, чего онъ хочетъ; будь это якорь или цѣпь, это бы еще имѣло смыслъ; но кольцо съ пальца! И когда даже точно не извѣстно, гдѣ оно лежитъ!

Нагелю и самому становится ясно, что намѣреніе его безсмысленно. Но тогда что же дѣлать, тогда онъ погибъ! Глаза его расширяются отъ ужаса, онъ весь дрожитъ отъ лихорадки и страха. Онъ хочетъ прыгнуть въ море, но человѣкъ его хватаетъ; Нагель сейчасъ же опускается на мѣсто, безсильный, смертельно усталый, слишкомъ слабый, чтобы бороться съ кѣмъ бы то ни было. Отецъ небесный, до чего дошло! Кольцо не найдено, скоро двѣнадцать часовъ, и кольцо не найдено! Вѣдь онъ получилъ предостереженіе!

Въ это мгновеніе мозгъ его вдругъ прояснился, и въ теченіе двухъ-трехъ короткихъ минутъ въ умѣ его промелькнуло неимовѣрное количество вещей. Онъ вспомнилъ тоже, о чемъ совершенно забылъ, что онъ еще третьяго дня вечеромъ написалъ

своей сестрѣ прощальное письмо и опустилъ это письмо въ ящикъ. Онъ еще живъ; но письмо идетъ своимъ путемъ, его ничто не удержитъ, оно идетъ и идетъ все дальше и уже теперь ушло далеко, и когда сестра его получитъ его, онъ долженъ быть мертвъ. Впрочемъ, кольцо потеряно, все стало невозможно...

Зубы его стучатъ. Онъ безпомощно оглядывается, его отдѣляетъ отъ моря одинъ прыжокъ; онъ искоса смотритъ на сидящаго у веселъ человѣка; человѣкъ все еще отворачиваетъ голову, но вмѣстѣ съ тѣмъ внимательно слѣдитъ за нимъ, готовясь вскочить, какъ только понадобится. Но почему онъ все время отворачиваетъ лицо?

— Позвольте мнѣ помочь вамъ выйти,—говоритъ человѣкъ. И онъ беретъ его подъ руки и выводитъ на берегъ.

— Спокойной ночи!—говоритъ Нагель и поворачивается къ нему спиной.

Но человѣкъ недовѣрчиво идетъ за нимъ слѣдомъ и буквально не спускаетъ глазъ съ него; Нагель въ бѣшенствѣ подворачивается и еще разъ говоритъ ему:

— Спокойной ночи!

И онъ дѣлаетъ движеніе, чтобы прыгнуть съ набережной.

Человѣкъ снова его хватаетъ.

— Это вамъ не удастся,—говоритъ онъ надъ самымъ ухомъ Нагеля,—вы слишкомъ хорошо плаваете, вы снова всплывете наверхъ.

Нагель, пораженный, останавливается. Да, онъ плаваетъ слишкомъ хорошо, онъ, пожалуй, опять всплываетъ наверхъ. Онъ поворачивается къ человѣку, смотритъ ему прямо въ лицо; на встрѣчу ему смотритъ самая отвратительная рожа—Минутта!

Опять Минутта, и тутъ Минутта!

— Провались ты въ адъ, жалкая, отвратительная гадина!—кричитъ Нагель и пускается бѣжать. Онъ шатается по дорогѣ, какъ пьяный, спотыкается, падаетъ и снова встаетъ; все вертится передъ его глазами, и онъ все бѣжитъ и бѣжитъ по направленію

къ городу. Во второй разъ уже Минутта разрушаетъ его планы! Ради Бога, что ему теперь дѣлать? Какъ у него рябитъ въ глазахъ! Какъ гудитъ въ ушахъ! Онъ снова упалъ.

Онъ поднялся на колѣни и сокрушенно сталъ качать головой изъ стороны въ сторону. Слушай! Съ моря доносится зовъ! Скоро двѣнадцать часовъ, и кольцо не найдено. И за нимъ двигается какое-то существо, онъ слышитъ шорохъ его движеній, громадная ящерица съ отвислымъ животомъ, который волочится по землѣ, оставляя на ней мокрые слѣды, отвратительный іероглифъ съ лапами на головѣ и желтымъ когтемъ на носу. Прочь! прочь! Съ моря снова доносится зовъ, и онъ съ воплемъ затыкаетъ уши, чтобы не слышать его.

Онъ снова вскакиваетъ. Еще не все погибло, у него остается еще послѣднее средство, шестиствolка, самое лучшее на свѣтѣ! И онъ рыдаетъ отъ благодарности, бѣжитъ изо всѣхъ силъ и рыдаетъ отъ благодарности за эту новую надежду. Вдругъ ему приходитъ въ голову, что на дворѣ ночь; ему не достать теперь шестиствolки, всѣ лавки закрыты.

Послѣдняя надежда покидаетъ его; онъ падаетъ впередъ и безъ звука ударяется лбомъ о землю.

Въ эту минуту хозяинъ и еще нѣсколько человѣкъ выходятъ, наконецъ, изъ гостинницы, чтобы узнать, гдѣ онъ.....

Тутъ онъ проснулся; онъ сталъ оглядываться—ему все это снилось, онъ все время спалъ. Слава Богу, все это былъ только сонъ, и онъ не покидалъ своей кровати!

Съ минуту онъ лежитъ и старается вспомнить, что съ нимъ было. Онъ смотритъ на свою руку, кольца нѣтъ; онъ смотритъ на часы—полночь, двѣнадцать часовъ, не хватаетъ только нѣсколькихъ минутъ. Можетъ быть, онъ избѣгнетъ всего, можетъ быть, онъ еще будетъ спасенъ! Но сердце у него безумно колотится въ груди, и онъ весь дрожитъ. Можетъ быть, можетъ быть, двѣнадцать часовъ пробьетъ и съ нимъ ничего не слу-

чится? Онъ беретъ въ руки часы, и рука его дрожитъ, онъ считаетъ минуты... секунды...

Вдругъ часы падаютъ на полъ, и онъ вскакиваетъ съ постели. Зоветъ! шепчетъ онъ и смотритъ въ окно широко раскрытыми глазами. Онъ быстро накидываетъ на себя кой-какія вещи, открываетъ двери и выбѣгаетъ на улицу. Онъ осматривается, никто его не видитъ. Большими прыжками онъ устремляется внизъ, къ пристани; бѣлая спинка его жилета все время свѣтится; онъ достигаетъ пристани, бѣжитъ дальше до крайняго конца набережной и однимъ прыжкомъ бросается въ море.

Нѣсколько пузырей подымаются на поверхности.

XXIII.

Въ апрѣлѣ этого года, однажды поздней ночью Дагни и Марта шли по улицѣ; онѣ возвращались изъ гостей домой. Было темно; кой-гдѣ на дорогѣ лежалъ еще ледъ; поэтому онѣ подвигались впередъ довольно медленно.

— Я думаю обо всемъ, что было сказано сегодня вечеромъ о Нагелѣ, — сказала Дагни. — Многое было для меня совершенно ново.

— Я ничего не слышала, — отвѣтила Марта, — меня не было въ комнатѣ.

— Но одного они не знали,—продолжала Дагни. — Еще въ прошлое лѣто Нагель сказалъ мнѣ, что Минутта кончитъ плохо. Я не понимаю, какъ онъ могъ это видѣть уже тогда. Онъ это сказалъ мнѣ задолго, задолго до того, какъ ты мнѣ разсказала, что Минутта съ тобой сдѣлалъ.

— Да?

— Да.

Онѣ вышли на дорогу, ведущую къ пасторскому дому; лѣсъ, темный и молчаливый, окружалъ ихъ; ничего не слышно было, кромѣ звука ихъ шаговъ по твердой мерзлой землѣ.

Послѣ долгаго молчанія Дагни снова сказала:

— Здѣсь онъ обыкновенно ходилъ.

— Кто? — отвѣтила Марта. — Какъ скользко; не хочешь ли взять мою руку?

— Да, но лучше возьми ты мою руку.

И онѣ молча продолжали итти, держась подъ руку, тѣсно прижавшись другъ къ другу.

Конецъ.